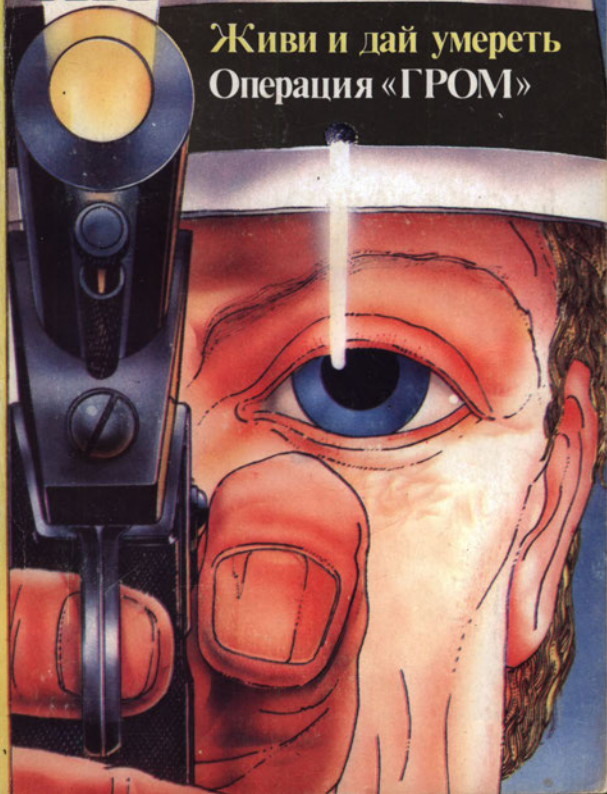

ЯН ФЛЕМИНГ

Живи и дай умереть
Операция «ГРОМ»

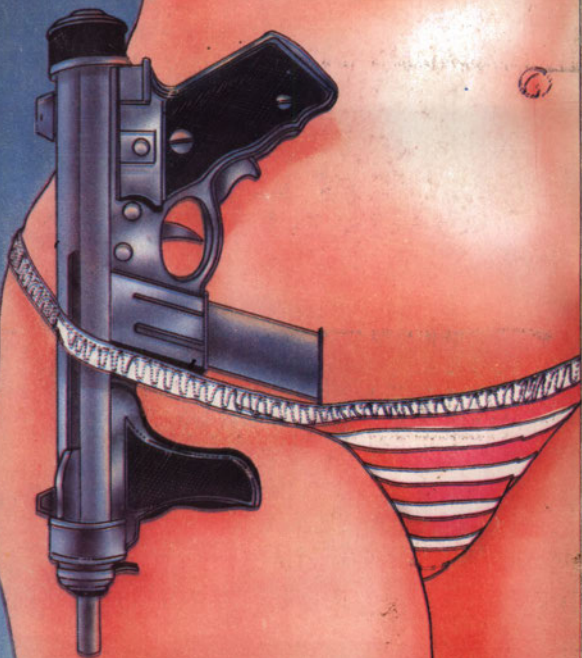

Живи и дай умереть • Операция «ГРОМ»

ЯН ФЛЕМИНГ

ЯН ПРЕМИУМ

Живи и дай умереть
Операция «ГРОМ»

ЯН ПРЕМИУМ

Живи и дай умереть

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АГЕНТА 007

Операция «ГРОМ»

Второе издание

Москва
ПРОФИЗДАТ · РОС-МАРКЕТИНГ
1991

ББК 84.4Вл

Ф71

ЖИВИ И ДАЙ УМЕРЕТЬ.

Приключения агента 007.

Перевод с английского *Т. Крамовой*

ОПЕРАЦИЯ «ГРОМ».

Перевод с английского *Т. Тульчинской*

Художник М. М. Занегин

Ф $\frac{4703010100-235}{081(02)-91}$ Без объявл.

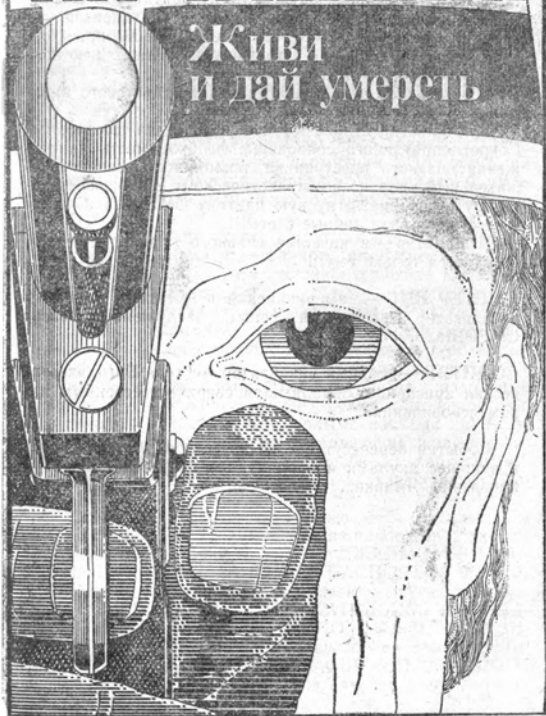
ISBN 5-255-00649-1

© Профиздат · 1991

© Рос-Маркетинг · 1991

СН ПСЕМИНТ

Живи
и дай умереть

ДЖЕЙМС БОНД — ведущий агент британской секретной службы. Индекс с двумя нулями и лицензия на убийство дают ему особые привилегии. Он выбирает самые опасные задания — и только так ощущает всю полноту жизни...

Его основная цель — нейтрализация советского карательного органа СМЕРШа...

Еще никогда ставки в его игре не были так высоки! Секрет спрятанного сокровища, необходимость уничтожения опасного преступника, возможность нанести решительный удар по коммунистическому шпионскому заговору и разорвать гнусную паутину СМЕРШа. С ними у него были свои личные счета!!!

И Солитэр — в качестве главного приза, который достанется только ему!!!

МИСТЕР БИГ — американский негр-гигант, глава и организатор шаманской секты, заслуженный агент СМЕРШа...

СОЛИТЭР — главный инквизитор мистера Бига, экзотическая красавица, обладающая сверхъестественным даром ясновидения...

События перенесут вас из ночного клуба в Гарлеме в кипящее акулами и барракудами Карибское море у побережья Ямайки...

Глава I

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ ПЕРСОНА

Жизнь секретного агента полна невзгод и опасностей. Лишь иногда ему выпадают минуты, когда он может расслабиться, по заданию играя роль богатого человека, или еще реже, вот как сейчас, когда он гость на территории американской секретной службы.

С того момента, как самолет «Стратокрузер» Британской международной авиакомпании БОАК вырулил на посадочную полосу аэропорта в Айдлуайлде, британскому агенту Джеймсу Бонду оказывались королевские почести.

Сойдя по трапу вместе с другими пассажирами, он неминуемо попадал в чистилище, именуемое Таможенной, медицинской и эмиграционной службой Соединенных Штатов Америки.

«Я проторчу здесь не менее часа», — грустно подумал Бонд, разглядывая душные комнаты грязно-зеленого цвета, хранящие прошлогодние запахи и стойкий запах пота, дыны и страха, которые всегда присутствуют на таможнях. Где плотно закрытые двери с надписями «Посторонним вход воспрещен!», осторожные чиновники, склонившиеся над многочисленными папками и досье, стрекочущие телетайпы, осуществляющие живую связь с Вашингтоном, Отделом по борьбе с наркотиками, контрразведкой, Государственным казначейством и Федеральным бюро расследований.

Ежась от холодного январского ветра на площадке перед ангаром, Бонд видел, как на табло перед входом высветились его данные: БОНД, ДЖЕЙМС, БРИТАНСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ № 0094567, затем после небольшой паузы сигналы других терминалов: ОТРИЦАТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО. И резюме ФБР: ПОЛОЖИТЕЛЬНО. ЖДИТЕ ПРОВЕРКИ. После оживленных переговоров ФБР с ЦРУ на табло высветилось: ФБР АЙДЛУАЙЛДУ: БОНД — О'КЕЙ, О'КЕЙ. И вот наконец очень вежли-

вый американский чиновник с улыбкой вручил Джеймсу Бонду его дипломатический паспорт и пожелал ему счастливого пребывания в США.

Пожав плечами, Бонд вместе с другими пассажирами прошел через турникет к двери с табличкой «МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА США».

Все это было лишь цепью формальностей, однако Бонду претила даже сама мысль о том, что его досье побывало в руках иностранной разведки. Анонимность была его главным оружием. Любые сведения о его личности, зарегистрированные в иностранных досье, снижали его ценность как агента и ставили его жизнь под угрозу. Здесь, в Америке, где про него знали все, он чувствовал себя на положении негра, лишенного тени с помощью шаманского колдовства. Он чувствовал себя заложником в их руках. В руках друзей в данном случае, и все же...

— Мистер Бонд?

Приятный господин с незапоминающейся внешностью и просто одетый вышел вперед из тени здания медицинской службы.

— Меня зовут Хэллоран. Рад вас видеть!

Они пожали друг другу руки.

— Надеюсь, путешествие было приятным? Следуйте, пожалуйста, за мной.

Он повернулся лицом к офицеру полиции аэропорта, стоящему на страже у входа в здание.

— О'кей, сержант.

— О'кей, мистер Хэллоран. До скорой встречи!

Остальные пассажиры вошли в здание медицинской службы, а Хэллоран обогнул здание слева. Другой полицейский открыл небольшую дверь.

— Прощайте, мистер Хэллоран.

— Прощайте, господин офицер. Большое спасибо!

Снаружи их ожидал черный «бьюик» с тихо урчащим мотором. Они сели внутрь. Два легких чемодана Бонда располагались спереди, рядом с водителем. Бонд пытался представить себе, каким образом чемоданы удалось так быстро извлечь из горы пассажирского багажа, который несколькими минутами раньше провозили в направлении таможни.

— О'кей, Грейди, поехали.

Бонд уютно развалился на заднем сиденье огромного лимузина, рванувшего вперед и моментально набравшего скорость.

Он повернулся к Хэллорану.

— Вы оказали мне самый почетный прием. Я думал, что проторчу на таможне не менее часа. Я не привык к тому, чтобы меня принимали, как очень важную персону. В любом случае, большое спасибо за теплую встречу!

— Добро пожаловать, мистер Бонд, — улыбнулся Хэллоран, предложив сигарету из только что распечатанной пачки «Лакки». — Мы сделаем все для того, чтобы ваше пребывание здесь было приятным для вас. Вам следует только высказать ваше желание — оно будет тут же исполнено. У вас хорошие друзья в Вашингтоне. Не знаю, по какой причине вы находитесь здесь, но думаю, что власти заинтересованы в том, чтобы вы стали нашим почетным гостем. Мне было поручено доставить вас в отель как можно быстрее, после чего я буду свободен. Разрешите на минутку ваш паспорт.

Бонд передал ему паспорт. Хэллоран открыл свой портфель и достал тяжелый металлический штемпель. Он пролистал паспорт Бонда, дошел до визы США, поставил свою печать в графе «отдел юстиции» и возвратил паспорт Бонду. Затем он достал из бумажника большой белый конверт.

— Здесь тысяча долларов, мистер Бонд. — Он протестуя поднял вверх руку, когда Бонд хотел что-то сказать. — Это деньги коммунистов, изъятые нами при проведении операции по делу Шмидта — Кинаски. Теперь мы хотим эти деньги использовать против них при вашем содействии. Но можете тратить их как вам угодно в соответствии с целями вашего нынешнего задания. Мне дали понять, что ваш отказ от сотрудничества с нашей разведкой будет рассматриваться как недружелюбные действия. Давайте не будем больше и говорить об этом, — добавил он, пока Бонд продолжал с сомнением рассматривать конверт, который был у него в руках. — Мне также поручили сообщить, что передача вам этой суммы произошла с ведома и одобрения вашего шефа.

Бонд, прищурившись, посмотрел на него и усмехнулся. Затем убрал конверт в свой бумажник.

— Хорошо, — согласился он. — Большое спасибо! Я постараюсь истратить эту сумму наиболее эффективно. Кроме того, я рад занять небольшой рабочий капитал. Приятно сознавать, что о тебе и в этом смысле позаботился противник.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Хэллоран. — Ну а теперь, если позволите, мне нужно сделать несколько замечок для отчета, который следует передать шефу. Не забыть бы мне отправить письмо на таможенную с благодарностью за их сотрудничество. Обычные дела!

— Валийте! — разрешил Бонд. Втайне он был даже рад наступившему молчанию, получив возможность как следует взглянуть на Америку впервые после войны. Совсем не грех вновь с головой окунуться в пресловутый американский образ жизни: красочная реклама, автомобили самых последних моделей, дешевые подержанные авто, безумное разнообразие дорожных знаков, американская манера вождения, огромное количество женщин за рулем с сидящими рядом покорными мужьями, манера одеваться и носить прическу, плакаты гражданской обороны: «В СЛУЧАЕ ВРАЖЕСКОГО НАПАДЕНИЯ — НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ, ПРОДОЛЖАЙТЕ ДВИГАТЬСЯ! НЕМЕДЛЕННО СОИДИТЕ С МОСТА!» — стремительное нашествие телевидения, рекламные щиты, магазинные прилавки, первые вертолеты, реклама сбора средств в фонды борьбы с раком и полиомиелитом. Небольшие приметы современной Америки проносились мимо и были так же важны для разведчика, как ободранная кора дерева или сломанная ветка для охотника, ставящего капканы в джунглях.

Машина въехала на мост Триборо и помчалась с головокружительной быстротой к сердцу верхнего Манхэттена. Перед ними, стремительно приближаясь, открывалась великолепная панорама Нью-Йорка. И вот они уже въехали внутрь свистящих, шипящих, пропахших бензином железобетонных джунглей.

Бонд повернулся лицом к своему собеседнику.

— Мне очень жаль говорить об этом, но остров, на мой взгляд, представляет собой прекрасную ядерную мишень, пожалуй, самую крупную на всем земном шаре.

— Не стану с вами спорить, — согласился Хэллоран. — Иной раз ночь не спишь, думая о том, что может случиться.

Они подъехали к отелю «Сент-Риджис», лучшему отелю в Нью-Йорке, что на углу Пятой-авеню и Пятьдесят пятой-стрит. Пожилой человек мрачного вида в синем плаще и черной фетровой шляпе вышел к ним вслед за швейцаром. Хэллоран представил их друг другу.

— Мистер Бонд, капитан Декстер. — В голосе Хэллорана прозвучало уважение. — Разрешите проводить мистера Бонда наверх, капитан?

— Да, разумеется. Пошлите туда его чемоданы. Комната 2100. Последний этаж. Я пройду вместе с мистером Бондом и прослежу, чтобы у него было все необходимое.

Бонд повернулся, чтобы попрощаться с Хэллораном и поблагодарить его. На мгновение Хэллоран повернулся спиной, отдавая распоряжения швейцару. Взгляд Бонда скользнул мимо него в направлении Пятдесятой-стрит. Глаза его сузились. Седан «шевроле» черного цвета стремительно выехал на забитую автомобилями проезжую часть, подрезав такси, водителю которого пришлось резко затормозить. Не обращая внимания на его гудки, черный седан продолжал мчаться, успел пролететь на зеленый сигнал светофора и скрылся в конце Пятой-авеню.

Это была рискованная езда! Но Бонда больше всего поразило то, что за рулем «шевроле» была приятная негритянка в черной шоферской куртке. А через заднее стекло удалось разглядеть и ее чернокожего пассажира — его лицо с сероватым отливом. Он медленно повернул огромную голову и в упор посмотрел на Бонда.

Бонд пожал руку Хэллорану, а капитан Декстер нетерпеливо тронул его за локоть.

— Войдем в отель, пройдем через холл и поднимемся в лифте, который находится справа. Пожалуйста, не снимайте шляпу, мистер Бонд.

Следуя за стройным капитаном Декстером вверх по ступеням в отель, Бонд подумал, что для подобных предосторожностей было, видимо, слишком поздно. Для него было весьма необычно видеть за рулем негритянку, да еще в форме шофера, что было еще необычнее. Такого не увидишь нигде, даже в Гарлеме, а именно оттуда, как показалось, и вылетел «шевроле».

И что за гигант был на заднем сиденье? Чернокожий, лицо с сероватым отливом... Мистер Биг? *

«Гм», — сказал Бонд про себя.

Лифт остановился на двадцать первом этаже.

— У нас есть для вас небольшой сюрприз, мистер Бонд, — сказал капитан Декстер без особого, впрочем, энтузиазма.

* Биг — большой, мистер Биг — главарь мафии (англ.).

Они прошли сквозь длинную галерею к угловой комнате. За окнами разгуливал ветер, и Бонд на секунду взглянул на крыши соседних небоскребов и голые верхушки деревьев в Сентрал-парке. Внезапно он почувствовал себя слишком оторванным от земли, и на мгновение его охватило странное чувство пустоты и одиночества.

Декстер открыл ключом дверь комнаты 2100 и снова запер ее, когда они вошли в маленькую освещенную прихожую. Оставив пальто и шляпу на стуле, Декстер открыл дверь в гостиную и жестом пригласил Бонда войти.

Уютная комната в стиле «ампир Третьей-авеню», удобные кресла, широкая софа, обитая светло-зеленым шелком, на полу — искусная имитация обюссонского ковра, стены и потолок светло-серого цвета, французский резной буфет с бутылками и посудой, серебряное ведерко со льдом для шампанского. Зимнее солнце щедро струилось в широкие окна с ясного, пошвейцарски безоблачного неба. Было в меру тепло.

Внезапно открылась дверь, ведущая в спальню.

— Поставил цветы вам на столик рядом с кроватью. Входит в список услуг ЦРУ. — С этими словами из спальни вышел высокий и стройный молодой человек. Он широко улыбнулся, протянув руку ошеломленному от удивления Бонду.

— Феликс Лейтер! Не может быть?! Какого черта вы здесь делаете? — Бонд схватил его сильную руку и крепко пожал ее. — И что вам понадобилось у меня в спальне? Боже, как же я рад вас видеть!!! Почему вы не в Париже? Только не говорите мне, что вы тоже замешаны в этом деле...

Лейтер с любовью смотрел на англичанина.

— Это именно так, как вы сказали. Для меня это приятное разнообразие. ЦРУ было весьма довольно моей работой в нашей совместной операции «Казино»*, поэтому они вызвали меня из Парижа. Пройдя проверку в Вашингтоне, я был переброшен сюда. Выполняю роль посредника между ЦРУ и нашими друзьями из ФБР. — Он помахал рукой в сторону Декстера, без энтузиазма наблюдавшего их восторженную встречу. — Их контора в основном и занимается этим делом, во всяком случае

* Эта крупнейшая операция по раскрытию махинаций в игорных домах описана автором в романе «Казино «Ройял».

здесь, в Америке. Но, как вам известно, многие нити ведут и за океан, попадая под контроль ЦРУ. Выходит, мы должны действовать сообща. Вы здесь, чтобы уладить вопрос с Ямайкой. Теперь вся команда в сборе. Ну, как вам здесь нравится? Присаживайтесь, и давайте выпьем. Я заказал завтрак в номер сразу же, как узнал, что вы подъехали. Его должны сейчас принести. — Он подошел к буфету и начал смешивать водку с мартини.

— Да, дьявол меня побери! — пробормотал Бонд. — Выходит, этот старый хрен М. ничего не сказал мне. Он всегда выдает одни только факты и никогда не поделится хорошими новостями. Наверное, боится, что лишние эмоции помешают сделать правильный выбор. Но все равно, Феликс, чертовски здорово, что вы здесь!

Бонд внезапно ощутил молчание Декстера и повернулся к нему.

— Я очень рад поступить в ваше распоряжение, капитан, — сказал он тактично. — И, как я понял, мы будем работать по двум направлениям. Первая группа начнет действовать на территории Америки под вашим руководством, капитан. Вторая, я думаю, включит Карибские острова и Ямайку. Ответственность за этот сектор будет лежать целиком на мне. Феликс останется здесь и попытается координировать действия двух наших групп, осуществляя связь с руководством. Для отправки отчетов в Лондон я буду пользоваться окном ЦРУ, а на Карибах буду связываться с Лондоном напрямую. Подходит вам такой вариант, капитан?

Декстер ответил тонкой улыбкой.

— Как будто бы да, мистер Бонд. Мистер Гувер * уполномочил меня сообщить, что он очень рад вашему пребыванию в Америке. В качестве гостя, конечно, — иронично добавил он. — В самом деле, нас ничуть не беспокоят ваши английские дела, однако мы очень рады, что ЦРУ собирается использовать вас и ваших людей в Лондоне. Будем надеяться на самое лучшее. За удачу! — Он поднял стакан, который Лейтер наполнил ему заранее.

Они пили холодный мартини с оценивающим видом знатоков. Лейтер хранил слегка изумленное выражение на своем ястребином лице.

В дверь постучали. Лейтер впустил посыльного с чемоданами Бонда. Следом прибыли две тележки с едой

* Джон Гувер — директор ФБР с 1924 года.

в закрытых судках, приборами для еды и белыми накрахмаленными салфетками. Официанты накрыли раздвижной столик.

— Крабы в винном соусе, гамбургеры с постной говядиной, в меру прожаренной на углях, картошка «фри», брокколи, салат ассорти с приправой «Тысяча островов», мороженое с расплавленными ирисками и торт «Птичье молоко» — лучшего не сыщешь в Америке!

— Звучит неплохо! — заметил Бонд, с ненавистью думая о расплавленных ирисках.

Они сели за столик и неторопливо перепробовали все, что могла предложить наиизысканнейшая американская кухня.

Они почти не разговаривали, и только за кофе, после того как убрали посуду, Декстер закурил пятидесятицентную сигару и решительно прокашлялся:

— Итак, мистер Бонд, теперь вы должны нам рассказать все, что вы знаете об этом деле.

Распечатав ногтем большого пальца новую пачку «Честерфилда», Бонд откинулся поудобней в широком кресле, окинул взглядом роскошный номер и перенесся мыслями в холодное и сырое январское утро двумя неделями раньше, когда он покидал свою квартиру в Челси, чтобы окунуться в сумрачный лондонский туман...

Глава II

ВСТРЕЧА С МИСТЕРОМ М.

Серый «бентли» с откидным верхом 1933 года, объемом двигателя 4,5 литра и усовершенствованным турбокомпрессором был выведен из гаража несколькими минутами ранее и завелся сразу же после того, как Бонд нажал на автоматический стартер. Он включил двойные противотуманные фары и медленно двинулся по Кинг-роуд, затем вверх по Слоун-стрит в направлении Гайд-парка.

Главный управляющий мистера М. звонил Бонду в полночь, назначив встречу с мистером М. на девять часов утра. Конечно, время было слишком раннее, но шеф жаждал действий. На размышления ушло несколько недель. Сейчас он, кажется, решил.

— Не могли бы вы сообщить код по телефону?

— «А» — для «Альфы», «С» для «Сакуры», — ответил управляющий, сразу же повесив трубку.

Это означало, что речь пойдет о станциях «А» и «С», подразделений секретной службы, осуществляющих связи с Соединенными Штатами и Карибскими странами. Во время войны Бонд работал на станции «А», а о «С» и ее проблемах знал очень мало.

Медленно продвигаясь вдоль Гайд-парка под мерный шелест двигателя, Бонд с воодушевлением думал о предстоящей встрече с мистером М., горячо любимым им человеком, который на протяжении многих лет оставался шефом английской секретной службы. Он не смотрел в его холодные, ясные глаза с конца прошлого лета. В тот раз он был вполне им доволен.

— Возьмите отпуск и отдохните, Бонд, — сказал он еще тогда. — И отдохните как следует. Затем нарастите новую кожу на кисти. Агент «Q» найдет лучших специалистов и выберет время. Не можете вы болтаться по Лондону с проклятой русской наколкой! А я попытаюсь найти вам хорошее задание к тому моменту, как вы вернетесь. Желаю удачи!

Рука заживала медленно, но не болела. Несколько шрамов, образовывавших на тыльной стороне кисти русскую букву «Ш», первую в слове «ШПИОН», постепенно исчезли, но, когда Бонд вспоминал о злодее с ножом, вырезавшим ее, руки его сжимались в кулаки.

Что стало впоследствии с этой великолепной организацией, с агентом, который пытал его, с советским карательным органом СМЕРШ, который расшифровывался как «смерть шпионам»? Была ли она столь же могущественна, столь же сильна, как и раньше? И кто пришел на смену Берии? Бонд поклялся расправиться с ними сразу же после того, как закончит знаменитую операцию «Казино «Ройял». Он так и сказал об этом мистеру М. во время их последней встречи. Означало ли их предстоящее свидание, что Джеймс Бонд вновь встанет на тропу войны?

Прищурясь, он вглядывался в сумрак аллея Риджент-парка. Его лицо, неверно освещенное сквозь кроху деревьев, казалось холодным и злым.

Подъехав к гаражу с задней стороны высокого мрачного здания, Бонд передал машину одному из механиков и вошел с центрального входа. Поднявшись в лифте на верхний этаж, прошел по длинному, так хорошо знакомому ему коридору, устланному ворсистым ков-

ром, и остановился у двери рядом с кабинетом мистера М. Главный управляющий уже ожидал его и тотчас связался с шефом по интеркому.

— Агент 007 прибыл, сэр.

— Ведите его ко мне!

Всегда-желанная мисс Пеннишиллинг, всемогущая секретарша мистера М., ободряюще улыбнулась ему, когда он проходил сквозь двойные двери. В комнате, которую он покинул, немедленно зажегся зеленый свет. Это означало, что шефа нельзя было беспокоить.

Настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром бросала широкий круг света на письменный стол, обтянутый красной кожей. В комнате был полумрак из-за тумана за окнами.

— Доброе утро, 007. Дайте-ка мне вашу руку. Что ж, неплохая работа... Откуда они взяли кожу?

— Чуть повыше локтя, сэр.

— Гм... Волосы растут слишком густо и слегка завиваются. Но ничего не поделаешь! Сойдет и так на первое время. Присаживайтесь.

Бонд подошел к единственному стулу, который стоял напротив письменного стола. Серые глаза М. пронзительно смотрели на него.

— Хорошо отдохнули?

— Благодарю вас, сэр.

— Видели ли вы когда-нибудь вот это, Джеймс? — Мистер М. внезапно вытащил из кармана жилета какой-то предмет. Он перекинул его через стол. Предмет слабо звякнул о стол, покрытый кожей, и оказался старинной золотой монетой размером в дюйм, слегка поблескивавшей при слабом свете.

Бонд подобрал ее, повертел и взвесил в руке.

— Такую?.. Никогда! Должно быть, стоит фунтов пять, не меньше.

— Пятнадцать у нумизматов. Это «Благородная роза» короля Эдварда IV.

М. опять повозился в кармане жилета и бросил на стол целую горсть золотых монет, которые были еще тяжелее первой. Взглянув на каждую из них, он перечислял их названия:

— Двойной экселлант Фердинанда и Изабеллы, Испания, 1510 год; экую о'солей Чарльза IX, Франция, 1574 год; двойной золотой экую Генри IV, Франция, 1600 год; двойной дукат Филиппа II, Испания, 1560 год; Райдер Чарльза Д'Эгмонта, Голландия, 1538; золо-

той четвертной, Генуя, 1617 год; двойной луидор *à la pièce courte* * Луи IV, Франция, 1644 год. Все они стоят кучу денег, даже переплавленные в слитки. Коллекционеры дают от десяти до двадцати фунтов за штуку. Заметили, что между ними есть что-то общее?

Бонд на минуту задумался.

— Как будто бы нет, сэр.

— Все отчеканены до 1650 года. Знаменитый пират Кровавый Морган был губернатором и командующим Ямайки с 1675 по 1688 год. Английская монета — джокер в колоде. Возможно, ее завезли на остров вместе с жалованьем матросам. С таким же успехом, судя по датам, монеты могли принадлежать и другим великим пиратам — Д'Оллоне, Пьеру Ле Грану, Шарпу, Сокинсу, Блэкбиарду и другим. Однако, по мнению Спинкса и специалистов Британского музея, они все-таки часть сокровища Кровавого Моргана.

Мистер М. прервал свою речь, чтобы набить трубку и вновь разжечь ее. Он не предложил Бонду закурить, а тому никогда не пришло бы в голову испросить разрешения.

— Монеты — целое состояние! За последние несколько месяцев почти тысяча таких и похожих монет появилась в Соединенных Штатах. Могу себе представить, какое количество было расплавлено и утекло в частные коллекции, если ФБР и спецотделу Госказначейства удалось обнаружить около тысячи! Они все продолжают появляться в банках, у скупщиков золота, в антикварных магазинах. Но в основном у ростовщиков. Фэбээровцы сбились с ног, не зная, что делать! Если уведомить полицию, источник монет сразу иссякнет. Они будут переплавлены в слитки и попадут на «черный рынок», где не нужны раритеты. Распространением золотых монет на территории Штатов занимаются в основном чернокожие: портье, железнодорожные служащие, водители грузовиков. Вполне приличные люди... Вот вам типичный случай... — Мистер М. открыл коричневую папку с красной звездой и надписью «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**» и вынул из нее лист бумаги. На обратной стороне листа Бонду удалось разобрать: «Отдел юстиции, Федеральное бюро расследований». М. прочел:

* С коротким завитком (фр.).

— «Захарий Смит, 35 лет, негр, член Ассоциации железнодорожных служащих, адрес: 90 б, Уэст, Сто двадцать шестая-стрит, Нью-Йорк. — М. посмотрел на Бонда. — Это в Гарлеме... Объект был опознан неким Артуром Фейном из «Фейн Джюэллз Инкорпорэйшн», 870 Ленкс-авеню, когда он, по словам Фейна, 21 ноября сего года предложил ему для продажи четыре золотые монеты XVI и XVII веков (далее следовало подробное описание монет). Фейн предложил за них сто долларов, на что Смит сразу же согласился. Опрошенный впоследствии Захарий Смит сообщил, что он приобрел золотые монеты по двадцать долларов за штуку в баре «Седьмое небо», что в Гарлеме, у негра, которого он никогда не видел ни ранее, ни впоследствии. Негр сказал ему, что у Тиффани * ему предлагали по пятьдесят долларов за штуку, но там слишком долго ждать, а деньги нужны очень срочно. Смит сначала купил одну монету за двадцать долларов, но, выяснив, что за углом дают двадцать пять, вернулся в бар и купил оставшиеся три монеты за шестьдесят долларов. На следующее утро он отнес их к Фейну. Объект в полицейских списках не значится».

М. положил листок обратно в коричневую папку.

— Это весьма характерный пример, — сказал он. — Несколько раз они выходили на посредника, который скупал монеты горстями и по дешевке. Один ухитрился купить сто монет у кого-то, кто купил их еще дешевле. В основном перекупкой монет занимались в Гарлеме и во Флориде. В цепочке перекупщиков всегда присутствовал неизвестный негр или какой-нибудь преуспевающий служащий, утверждавший, что клад принадлежал пирату Блэкбиарду.

Кстати, версия с Блэкбиардом вполне привлекательна, — продолжал мистер М. — Есть все основания полагать, что часть сокровища была найдена в местечке под названием Плюм-Пойнт. Это узкий перешеек в Северной Каролине, округ Бофорт, там, где Бат-Крик впадает в Памлико. Не думайте, что я большой знаток географии, — улыбнулся М. — Все это есть в досье. Теоретически вполне вероятно, что счастливицы, нашедшие клад, припрятали его до поры до времени, а когда об этой истории забыли, выбросили монеты на рынок. А может быть, они в свое время продали их все скопом,

* Известный американский ювелир.

а перекупщики начали действовать только сейчас. В любом случае эта версия вполне могла всех устроить, если бы не было двух моментов. — Мистер М. замолчал и снова разжег свою трубку. — Момент первый. Блэкбиард действовал с 1690 по 1710 год, а эти монеты чеканились не позже 1650 года. Кроме того, как я уже говорил, он не мог обладать «Благородной розой» короля Эдварда IV, поскольку у нас нет свидетельства о захвате английского торгового судна, следовавшего на Ямайку. Собратья Блэкбиарда на материке вряд ли решились бы на такое, так как корабли слишком тщательно охранялись. Встав на тропу разбоя, можно было найти и более легкую добычу.

Момент второй. — М. поднял глаза к потолку, затем опять посмотрел на Бонда. — Дело в том, что мне стало доподлинно известно, где именно спрятано это сокровище. И спрятано оно не в Америке... Оно находится на Ямайке и в самом деле когда-то принадлежало Кровавому Моргану, считаясь самым крупным в истории кладов.

— О Боже! — воскликнул Бонд. — Но... как же нам добраться туда?

М. протестующе поднял вверх руку.

— Здесь вы найдете подробное описание, — похлопал он рукой по коричневой папке. — Кстати, могу сообщить, что станция «С» проявила большой интерес к дизельной яхте «Секатур», курсирующей с маленького островка на северном побережье Ямайки через Флориду-Кис и Мексиканский залив к курортному месту под названием Сент-Питерсберг. Это неподалеку от Тампы на западном побережье Флориды. С помощью ФБР мы выяснили хозяина этой яхты и островка. Им оказался некий мистер Биг, негр-мафиози. Он проживает в Гарлеме. Слыхали о таком раньше?

— Нет, никогда, — ответил Бонд.

— Весьма любопытный факт. — Голос мистера М. стал звучать мягче и тише. — Двадцатидолларовая бумажка, которой один из случайных негров-покупателей расплатился за золотую монету и номер которой он записал для подпольной лотереи «Пеака-Пиоу», была получена им от одного из телохранителей мистера Бига. А заплатили ей, — М. помахал трубкой в сторону Бонда, — за информацию, полученную от двойного агента ФБР, одновременно являющегося членом коммунистической партии.

Бонд слегка присвистнул в ответ.

— Короче говоря, — продолжал мистер М., — мы предполагаем, что это ямайское сокровище используется для финансирования советской шпионской системы или той ее части, которая действует на территории Штатов. Наше предположение перейдет в уверенность, если я сообщу вам, кем является мистер Биг.

Бонд не сводил глаз с шефа.

— Мистер Биг, — продолжал М., взвешивая каждое слово, — возможно, самый могущественный негритянский мафиози во всем мире. Он — глава колдовской секты «Черный паук» и почитается членами этой секты, как тень Барона Самэди. Вы можете прочитать об этом подробно вот здесь, — похлопал он рукой по коричневой папке. — Всю ночь не уснете от ужаса. Кроме того, Биг — советский агент на службе у СМЕРШа. Что вам, Джеймс, должно быть, особенно интересно.

— Да... — медленно отвечал Бонд. — Теперь я все понимаю.

— Запутанное дельце. — М. хитро поглядел на Бонда. — Да и негр — крепкий орешек.

— Я никогда не слышал раньше о крупном преступнике-негре, — заметил Бонд. — Все больше китайцы, торгующие опиумом. Японцы редко бывают замешаны в преступлениях, да и то все больше по части торговли жемчугом, очень редко — наркотиками. Множество негров торгуют золотом и алмазами в Африке, но все они — мелкая сошка. Они не идут на крупное дело. Закон уважают. Разве что хлебнут лишнего...

— Этот — исключение, — возразил М. — Кроме того, он мулат. Родился на Гаити, и в его жилах большая доля французской крови. Прошел подготовку в Москве, о чем упомянуто в этом досье. Негритянская раса рождала гениев почти во всех областях. Известны негры ученые, писатели, медики. Очередь за великими преступниками. В мире насчитывается 250 миллионов представителей негритянской расы. Это треть всего белого населения земного шара. У них неплохие мозги, и среди них немало способных и предприимчивых. А наш, кроме того, обучался в Москве.

— Хотел бы я с ним повстречаться, — медленно протянул Бонд. Затем он спокойно добавил: — А также хотел бы я встретиться с каждым агентом СМЕРШа наедине.

— Что ж, Джеймс, тогда возьмите вот это. — С эти-

ми словами М. вручил ему толстую коричневую папку. — Обговорите подробности с Плендером и Дамоном. Будьте готовы начать операцию через неделю совместно с ЦРУ и ФБР. Но ради Бога, не наступайте ФБР на пятки! Это чревато такими последствиями!.. Желаю вам удачи!..

Бонд направился прямо к Дамону, который был назначен командующим всей операцией и возглавлял станцию «А». Канадец контролировал связь с ЦРУ — американской секретной службой.

Дамон посмотрел на него, с трудом оторвавшись от бумаг.

— Да вы, я вижу, купились, Джеймс! — воскликнул он, увидев знакомую папку. — Ну что же, я так и думал... Присаживайтесь. — Он помахал рукой в сторону кресла, стоявшего рядом с электрокамином. — Когда разберетесь с этим, я расскажу вам то, что известно лишь мне одному...

Глава III

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА МИСТЕРА БИГА

С момента их последнего разговора с мистером М. прошло десять дней, а информация, переданная Декстером и Лейтером, почти ничего не добавила к тому, что он уже знал. Так размышлял Бонд, потягиваясь в роскошной спальне в отеле «Сент-Риджис» на следующее утро после своего прибытия в Нью-Йорк.

Декстер располагал самыми подробными сведениями о мистере Биге, но они ни на йоту не приближали к разгадке его темных дел. Бигу было сорок пять лет, родился он на Гаити и был наполовину негром, наполовину французом. По первым буквам его причудливого имени — Буонапарте Игнасия Галлиа — и по причине его огромного роста и телосложения его уже в юности прозвали Биг Бой *, или просто Биг, а впоследствии стали называть уважительно Биг Мэн **, или мистер Биг, а его настоящее имя значилось только в приходской книге на острове Гаити и в досье ФБР. Он не был замечен в пороках, если не считать его пристрастия к

* Большой парень (англ.)

** Большой человек (англ.).

женщинам, которых он просто поглощал, наводя на них ужас. Он не курил и не пил, и единственным его уязвимым местом было больное сердце, отчего у него в последние несколько лет и появился сероватый налет на коже.

Биг был знаком с колдовством с детских лет, а когда вырос, работал водителем грузовика в Порт-о-Пренсе, затем эмигрировал в Соединенные Штаты, где несколько лет успешно сотрудничал с бандой «Легз Дайамонд». После отмены Запрета* он переехал в Гарлем, купил половину пая в небольшом ночном клубе и нанял десяток цветных девчонок. После того как в 1938 году труп его делового партнера был найден в бочке с цементом, сброшенной в реку Гарлем, мистер Биг стал хозяином этого клуба.

В 1943 году его призвали на военную службу. Благодаря прекрасному знанию французского он был замечен Главным управлением стратегических вооружений, как называлась тогда американская контрразведка, прошел тщательную подготовку и был переброшен в Марсель, где стал работать против Петена**. Там он легко сошелся с французскими докерами, проявил себя как способный агент, однако был замечен в связи с советским агентом, который выполнял аналогичное задание для русских. В конце войны Биг демобилизовался во Франции, получив французские и американские награды, затем исчез лет на пять, возможно, проходил подготовку в Москве. В 1950 году он возвратился в Гарлем, попав в досье ФБР как агент советской разведки. Ни разу не был пойман с поличным и не попал ни в одну из ловушек, расставленных ФБР. Казалось, он обладал неисчислимыми средствами, купив три ночных клуба в Гарлеме и несколько преуспевающих борделей, он платил каждому из своих многочисленных телохранителей двадцать тысяч долларов в год. Он не гнушался убийством, запугивая своих подчиненных и щедро платя им за службу. За это ему верно служили. Было также известно, что он организовал в Гарлеме подпольную шаманскую секту и установил прочные связи с такими же сектами на Гаити. Его почитали как Зомби или ожившую тень самого Барона Самэди — зловещего короля Мерт-

* Запрет на алкогольные напитки, действовавший на территории Соединенных Штатов с 1920 по 1933 год.

** Французский маршал, во время войны сотрудничал с фашистами.

вых. Он распространял о себе жуткие истории, раскрашивая их не менее жуткими подробностями, в которые верил весь негритянский Гарлем. Биг внушал постоянный страх, время от времени подкрепляемый быстрой и часто загадочной смертью тех, кто вставал на его пути или не подчинялся приказам.

Бонд подробно расспрашивал Декстера и Лейтера о связях гигантского негра со СМЕРШем. Факты, подтверждавшие это, казались ему убедительными.

В 1951 году, пообещав один миллион долларов золотом и надежное убежище, спустя полгода работы, ФБР удалось перевербовать на свою сторону одного из известных агентов МВД. Результаты превзошли ожидания, и на протяжении первого месяца все шло вполне гладко. Русский шпион занимал должность эксперта по экономике в составе советской делегации в ООН. Однажды субботним утром он направлялся к станции Пенсильвания, намереваясь сесть в поезд до Глен-Коувэ, бывшей резиденции Моргана на Лонг Айленде, где размещалась летняя резиденция советской миссии.

Позади русского на платформе видели огромного негра, впоследствии опознанного на фотографии как мистер Биг. Он быстро пошел к выходу с вокзала еще до того, как первый вагон подошедшего поезда остановился, не доезжая до кровавых останков русского шпиона. Никто не видел, как негр толкнул его на рельсы, хотя в толпе это не составляло труда. Очевидцы отрицали возможность самоубийства, так как человек, падая, громко вскрикнул, а кроме того (какая трагическая подробность!) у него на плече висела сумка с клюшками для игры в гольф. У мистера Бига, конечно, имелось железное алиби. Его задержали и допросили, но вскоре выпустили благодаря усилиям самого лучшего адвоката в Гарлеме.

У Бонда не оставалось сомнений. Биг очень походил на агента СМЕРШа. Чувствовалось, что он прошел железную подготовку и стал настоящим орудием смерти и страха. Он создал великолепную организацию, использовавшую мелкую рыбешку негритянского преступного мира. Какая прекрасная система информации и оповещения! В основе ее лежал страх перед колдовством и сверхъестественными явлениями, так глубоко укоренившийся в языческом сознании негритянского населения Гарлема. Какая гениальная идея взять под контроль всю транспортную систему Америки, используя цветных

железнодорожных служащих, портье, водителей грузовиков и портовых грузчиков! В его распоряжении была масса осведомителей и агентов, которые и не подозревали, что работали на Россию. Профессионалы среднего пошиба, поставлявшие ему информацию о характере грузов и графиках перевозок, были уверены, если их вообще это интересовало, что работали на различные транспортные агентства.

— Уже не в первый раз Бонд почувствовал, как у него по спине ползут мурашки при мысли о блестяще налаженной и работающей как часы советской разведмашине, основанной на страхе перед смертью и пытками. Сердцем ее и был СМЕРШ... СМЕРШ... — легкое дуновение смерти...

Бонд отогнал от себя мрачные мысли и энергично выпрыгнул из постели. По крайней мере, один из них был почти у него в руках и ждал расправы. Расследуя дело «Казино «Ройял», Бонд еще не имел возможности как следует познакомиться с мистером Бигом. Теперь он должен предстать в полный рост. Его называют Большим Человеком? Да хоть бы он был настоящим гигантом!

Бонд подошел к окну и отодвинул шторы. Окна его комнаты смотрели на север, в сторону Гарлема. На несколько мгновений он задержался у окна, думая о своем противнике, который, может быть, еще спал, а может быть, уже бодрствовал и также думал о Бонде, которого он видел в компании с Декстером на ступенях отеля. За окном был ясный солнечный день, и Бонд улыбнулся. Его улыбка не понравилась бы мистеру Бигу...

Передернув плечами, он быстро подошел к телефону.

— Отель «Сент-Риджис», — ответили ему.

— Хотел бы заказать завтрак в номер. стакан апельсинового сока, слабо прожаренная яичница из трех яиц с беконом, двойной «экспресс» со сливками. Тосты и мармелад. Как поняли?

Заказ повторили. Бонд перешел в прихожую, чтобы забрать целую кипу газет весом фунтов в пять, которые утром оставили за дверью. На столыке в холле лежало еще несколько свертков, но Бонд прошел мимо, не обратив внимания.

Накануне фэбээровцы попытались, насколько было возможно, одеть его под среднего американца. С него сняли мерку для двух однобортных пиджаков из темной

синей шерстяной ткани (Бонд наотрез отказался пошить что-нибудь более экстравагантное), затем из магазина мужских принадлежностей принесли крахмаленные белые нейлоновые рубашки с длинными воротничками, несколько аляповатых галстуков, темные носки с замысловатыми стрелками, пару пестрых платков для жилета, шелковые майки и трусы, которые в Америке называли шортами, удобное легкое пальто из верблюжьей шерсти с подложенными плечами, простую серую шляпу с узкими полями и черной лентой, а также две пары удобных черных мокасин для каждого дня.

К сему прилагались булавка для галстука «Свонк» в форме плети, бумажник из крокодиловой кожи от Марка Кросса, элегантная зажигалка «Зиппо», пластиковый джентльменский набор, роговые очки с простыми стеклами и легкий хартмановский саквояж.

При себе он оставил «беретту» двадцать пятого калибра с костяной рукояткой и замшевую кобуру, а все его остальные вещи к полудню должны были быть отправлены на Ямайку.

Он сделал короткую стрижку и должен был выдавать себя за бостонца, служащего лондонской «Гэранти Траст Компани», приехавшего провести отпуск в Штатах. Кроме того, ему не следовало путать некоторые английские и американские названия и избегать, по совету Лейтера, слов длиннее, чем в два слога.

— В разговоре с американцем, — сообщил Лейтер, — вполне можно обходиться тремя словами: «Geah»*, «Nore»** и «Suge»***. И ни в коем случае нельзя употреблять типично английское «эктуалли»****, хотя Бонд уверял Лейтера, что это слово никогда и не было в его лексиконе.

Он мрачно посмотрел на грудку свертков, которые содержали его новое обличье, вылез из пижамы в последний раз (В Америке спят нагишом, мистер Бонд!), и принял ледяной душ. Бреясь, он рассматривал свое лицо в зеркале. Волосы коротко подстрижены на висках, копна темных волос, причесанных на правую сторону, заметно поредела. Тонкий вертикальный шрам на правой щеке фэбээровцам не удалось замазать никаким

* Да (англ.)

** Нет (англ.).

*** Конечно (англ.).

**** В самом деле (англ.).

примом, а выражение глаз оставалось холодным и даже злым. Сходство с американцем придавали лишь темные волосы да высокие скулы. «Прощай, успех у женщин! — тоскливо подумал Бонд. — А в остальном, кажется, все в порядке».

Он нагишом проследовал в прихожую и распечатал несколько свертков. Двумя минутами позже, надев белую рубашку и синие брюки, он сел за письменный стол у окна в гостиной и начал читать знаменитую книгу Патрика Лея Фермора, которая называлась «Древо путешественника».

Мистер М. порекомендовал ее Бонду.

— Этот парень знает, о чем пишет. Он хорошо знает события, которые произошли на Таити в 1950 году. Это вам не какая-нибудь средневековая чертовщина, а то, что происходит там ежедневно.

Бонд как раз читал главу про Таити.

«...Следующий этап, — прочел Бонд, — вызывание злых духов Пантеона Мертвых — Дона Педро, Китта, Мондонги, Бакалу и Зандора с целью колдовства и дурного сглаза, как учат шаманы реки Конго, превращения людей в Зомби, чтобы использовать их как рабов, шаманство и напущение порчи на врагов. Действие колдовства по фотографии предполагаемой жертвы, изображению гроба или какого-нибудь гада может быть усилено с помощью яда. Отец наш Космэ говорил нам о суевериях, и что мы не должны верить в людей, которые превращаются в гадов, в летающих вампиров, сосущих кровь из детей по ночам, в людей, которые могут достичь очень малых размеров и катаются по земле, как плоды дерева калабаш. Еще он говорил о вредных шаманских сектах, которые называют себя «маканды» по имени известного гаитянского шамана-отравителя, «зобопы», убивающие и грабящие людей, «мазанкси», «капорелаты» и «влинбиндинги». Боги этих шаманских сект требуют принесения в жертву не петуха, козла, собаки или свиньи, как того требует обычный колдовской ритуал, а безрогого козла, который, вне всякого сомнения, означает человеческое существо...»

Бонд перевернул несколько страниц. В его голове складывалась удивительная картина темной религии и ее мрачных обрядов:

«...Медленно из-под завесы дыма и оглушающего грохота тамтамов, которые на несколько мгновений

стерли из памяти все остальное, стали выступать очер-
тания предметов...

...Танцоры двигались взад и вперед очень медлен-
но, подпрыгивая на каждом шагу и по-утиному выдвигая вперед подбородки. Плечи их тряслись в такт убыстряющемуся ритму тамтамов. Глаза были полу-
закрыты... Вновь и вновь с уст срывались обрывки мало-
понятных молитв и ритуальных песен, повторяемых с каждой итерацией на пол-октавы ниже. Но вот участился ритм тамтамов, тела людей выпрямились, глаза
вылезли из орбит и страшно вращались...

...В конце толпы мы увидели маленькую, размером с
собачью конуру, хижину. Снаружи было написано: «Хи-
жина Зомби». Свет фонаря обнажил большой черный
крест, обрывки ткани, плетки, куски цепей — неизмен-
ные принадлежности культа Геды, которую таитян-
ские этнологи связывают с Осирисом, богом мертвых и
плодородия. Рядом с хижинкой горел костер, из которо-
го торчали две скрещенные сабли и большие, раскален-
ные докрасна щипцы. Это был Огонь Маринетты — зло-
го воплощения Госпожи Эрзулии Фрэды Дагомин, бо-
гини Любви.

...Рядом с костром, укрепленный в груде камней,
стоял большой черный крест. На нем, ближе к его ос-
нованию, белой краской был нарисован череп, а на обе
стороны креста были натянуты рукава старого ветхого
халата. Верхушка креста высовывалась из днища старо-
го мужского котелка. Без этого тотема не обходился
ни один ритуальный танец, хотя и не был он пародией
на центральный эпизод христианского учения, а знаме-
новал собой приход Короля Мертвых, всемогущего Ба-
рона Самэди. Царство Барона начинается там, где кон-
чается Жизнь и начинается Царство Смерти. Он — воп-
лощение Цербера и Харона, Эака и Плутона...

...Бой барабанов замедлился. На середину круга вы-
шел танцующий жрец Хоунгеникон, который держал в
руке чашу с горящей жидкостью, выбрасывавшей жел-
тые и голубые языки пламени. Обойдя вокруг колонны
и пролив три горящие капли на пол, он стал пошаты-
ваться. Почти упав на спину, жрец стал проявлять те
же признаки иступления, что и его предшественник,
пролив на землю все содержимое чаши. Его подхвати-
ли под руки, сняли с него сандалии и засучили штани-
ны наверх. С его головы упала повязка и обнажила че-
реп, покрытый кучерявым пушком. Другие жрецы, опу-

тившись на колени, окунали руки в горящую грязь и стали растирать ее по рукам и лицам. Внезапно раздался гонг Хоунгана, и все разбежались, оставив молодого жреца одного. Попытавшись встать на ноги, он несколько раз пошатнулся, зацепился за колонну и стал беспомощно сползать на землю посреди тамтамов. Глаза его закатились, лицо исказила гримаса, челюсть отвисла. Затем, как от удара невидимой руки, он распластался на земле и запрокинул назад голову, тяжело дыша. Вены на его плечах и шее вздулись и набухли, как корни старого дерева. Заведя одну руку назад, он пытался схватить себя за локоть другой руки, мучительно выгнув спину. Все его тело, с которого ручьями стекал пот, тряслось и дергалось, как у спящей собаки. Зрачки его вылезших из орбит глаз глубоко закатились. Виднелись одни белки. На губах собралась пена...

...Теперь Хоунган начал свой медленный танец вокруг священного огня, угрожающе размахивая саблей. Он вновь и вновь подбрасывал ее в воздух и ловил за рукоятку. Через несколько минут он остановился, держа саблю за острие. В медленном танце к нему приблизился Хоунгеникон и перехватил саблю. Старый жрец удалился, а молодой, кружась в танце, двигался взад и вперед по человеческому коридору. Кольцо зрителей откатывалось назад при его приближении. Он размахивал саблей над головой, широко скаля зубы, что придавало его обезьяньему лицу еще более свирепое выражение. Сердца зрителей сжались от ужаса. Пение превратилось во всеобщее завывание, перекрывающее грохот тамтамов, подхлестываемых раскачивающимися музыкантами.

Откинув назад голову, новый шаман вонзил острие сабли себе в живот. Колени его подогнулись, голова упала на грудь...»

Раздался стук в дверь — это официант принес завтрак. Бонд был рад отложить жуткое чтение в сторону и возвратиться в реальность. Однако ему понадобилось несколько минут, чтобы стряхнуть с себя странное ощущение.

Вместе с завтраком официант принес большой квадратный сверток в дорогой оберточной бумаге и положил его на буфет. «Должно быть, посылка от Лейтера», — решил Бонд. Он с удовольствием жевал, поглядывая в окно и думая о прочитанном.

Разделавшись с последним бутербродом и закулив первую за день сигарету после чашечки кофе, он внезапно услышал, что в комнате за его спиной что-то негромко тикает.

Тиканье доносилось из свертка, который лежал на буфете.

— Тики-так... тики-так... тики-так...

Не колеблясь ни минуты и не думая о том, что со стороны он может выглядеть смешно и странно, Бонд бросился на пол и спрятался за креслом, сосредоточив все свои мысли на квадратном свертке.

«Только не нервничать! — приказал он себе. — Не будь идиотом!! В свертке, должно быть, часы. Но почему? Кто и зачем мог передать их?»

— Тики-так... тики-так... тики-так...

В наступившей тишине тиканье казалось оглушающим. Оно совпадало с биением сердца в груди. «Не будь смешным, — уговаривал он себя, — начитался всякой чертовщины у Фермора».

— Тики-так... тики-так... тики-так...

И тут наконец мелодично и требовательно прозвонел будильник.

Бонд расслабился. Упавшая сигарета уже почти прожгла дырку в ковре. Он подобрал ее и вновь закурил. Бомбы с часовым механизмом обычно взрываются сразу, как только срабатывает будильник, играющий роль детонатора, и... ТРАХ-БА-БАХ!!!

Он высунул голову из-за спинки кресла и внимательно посмотрел на свертки.

— Дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь...

Приглушенный бумагой звон продолжался еще с полминуты, затем начал стихать. Еще через несколько секунд раздался взрыв.

Грохота было не больше, чем от выстрела 12-калиберной винтовки, но для небольшой комнаты этого было вполне достаточно.

Сверток, разорвавшись на мелкие кусочки, грохнулся на пол. Стаканы и бутылки в буфете разбились вдребезги, а на стенке буфета виднелось черное обгорелое пятно. На полу валялись осколки, в комнате воцарилось пороховым дымом.

Бонд медленно поднялся на ноги и открыл окно. Набрав телефон Декстера, он постарался говорить спокойно:

— Размером с небольшой ананас... Нет, всего несколько осколков... О'кей. Спасибо... Нет, конечно... Пока. До встречи.

Перешагнув через обломки, Бонд прошел в холл, открыл дверь в коридор и повесил снаружи табличку с надписью «Не беспокоить». Затем запер дверь изнутри и отправился в спальню.

Он почти успел одеться, когда в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Бонд.

— Откройте, это Декстер!

Декстер стремительно влетел в комнату в сопровождении бледного молодого человека с черным саквояжем под мышкой.

— Специалист по взрывным устройствам, — объяснил он Бонду.

Поздоровавшись за руку, молодой человек немедленно встал на колени и склонился над остатками часового механизма.

Затем он достал из черного саквояжа резиновые перчатки и несколько специальных щипцов, которыми обычно пользуются дантисты, и стал осторожно извлекать ими крошечные осколки стекла и металла из обугленного пакета, раскладывая их на широком листе промокашки с письменного стола.

Работая, он расспрашивал Бонда о том, что случилось.

— С полминуты звенело? Понятно... А это еще что такое? — Он аккуратно извлек алюминиевую капсулу, в каких обычно хранятся проявленные пленки, и отложил ее в сторону.

Через несколько минут он сообщил, продолжая сидеть на корточках:

— Кислотная капсула, действует тридцать секунд. Действие кислоты начинается с первым ударом молоточка по наковальне. Кислота разъедает медную проволоку, и через тридцать секунд срабатывает пружина вот этого механизма. — Он поднял вверх пустую гильзу, держа ее за основание. — Гильза четвертого калибра, заряженная черным порохом без всяких примесей. И никакого шума. Вам повезло, что не было гранаты. Места бы вполне хватило, а от вас и мокрого места бы не осталось. Теперь посмотрим вот это. — Он поднял вверх алюминиевую капсулу, снял колпачок, достал небольшой, свернутый трубочкой клдчок бумаги и развернул его щипцами.

Затем он осторожно расправил бумажку на ковре, придерживая концы пинцетом. Текст состоял из трех предложений, отпечатанных на машинке. Бонд и Декстер придвинулись ближе.

«Сердце этих часов перестало биться, — прочитали они. — Удары вашего сердца также сочтены. Я начал вести им отсчет».

Внизу вместо подписи, были цифры: «1234567...?»

— Гм, — произнес Бонд, — чертовщина какая-то.

— Как они узнали, что вы здесь? — изумился Декстер.

Бонд рассказал ему о черном седане на Пятдесят пятой-стрит.

— А ведь они также знают и *почему* я здесь. Выходит, у вас неувязочка с Вашингтоном. Утечка информации размером с Гранд-каньон, не меньше.

— Почему вы это связываете обязательно с Вашингтоном? — иронично осведомился Декстер. — И все же, — он натянуто улыбнулся, — мне следует доложить обо всем шефу, черт меня побери! Прощайте, мистер Бонд! Рад, что все обошлось.

— Благодарю за помощь, — ответил Бонд. — Это пока лишь визитная карточка мистера Бига. А на любезность следует отвечать любезностью!

Глава IV

ГЛАВНЫЙ КОММУТАТОР МИСТЕРА БИГА

После того как Декстер и его помощник ушли, прихватив с собой остатки бомбы, Бонд взял мокрое полотенце и вытер пороховое пятно со стены. Затем он вызвал официанта и, не вдаваясь в излишние подробности, попросил убрать осколки стекла и остатки завтрака. Прихватив пальто и шляпу, он вышел на улицу.

Утро он провел на Бродвее и Пятой-авеню, бесцельно шатаясь по улицам, разглядывая витрины и толпы прохожих. Постепенно он освоил походку и манеры приезжего провинциала и для проверки зашел в несколько магазинов, спрашивая, как пройти, у прохожих. Вскоре он убедился, что не привлекает внимания.

Он пообедал в типичной американской забегаловке под вывеской: «Самая лучшая яичница с ветчиной

только у нас», что на Лексингтон-авеню, сел в такси и поехал в Главное полицейское управление, где в 14.30 была назначена встреча с Лейтером и Декстером.

Лейтенант Бинсуангер, подозрительный и грубый офицер криминальной полиции, на вид лет пятидесяти, выполняя распоряжение комиссара Монахэна, гарантировал поддержку и сотрудничество со стороны полиции. Однако в полицейском досье на мистера Бига, к сожалению, не сообщалось ничего нового к тому, что уже сообщил Лейтер. К досье прилагались фотографии и сведения о большинстве главных помощников Бига.

Отчеты Службы береговой охраны касались передвижений яхты «Секатур» и содержали отметки таможенников, внимательно осматривавших груз каждый раз по ее прибытии в Сент-Питерсберг.

Таможенники утверждали, что за последние полгода яхта швартовалась только в Сент-Питерсберге в разные периоды времени на частной верфи вполне невинного рыбопромышленного концерна «Уробурос», поставлявшего в основном живой корм для различных рыболовных клубов на побережье Флориды и Мексиканского залива. Значительная доля прибыли поступала от продажи морских раковин и кораллов, декоративных тропических рыбок и редких ядовитых образцов для фармацевти.

По словам грека — хозяина рыбоконцерна, в прошлом обыкновенного ловца губок из Тарпон-Спрингс, яхта «Секатур» приносила фирме большой доход, доставляя с Ямайки королевские морские раковины и ценные образцы тропических рыбок. Этот товар хранился в трюмах концерна и продавался оптом торговцам на побережье. Хозяина звали Папагос. В полицейских списках фамилия эта не значилась.

Подключив морскую разведку, ФБР попыталось прослушивать радиосигналы яхты «Секатур», перехватив лишь короткие сообщения об отбытии с Ямайки или с Кубы. Несколько раз передачи шли открытым текстом на каком-то неведомом языке, который так и не удалось расшифровать. В последней информации о яхте сообщалось, что радист передавал на тайном языке шаманов, известном только посвященным, и что ФБР надеется найти эксперта с Таити до следующего отплытия яхты.

— В последнее время монет появилось еще больше, — сообщил Бинсуангер, провожая их обратно в свою контору, которая находилась через улицу от полицейского архива. — Только в Гарлеме за неделю всплывает около сотни монет. Ничего не можем поделить. Если вы правы, утверждая, что это деньги проклятых «комми»*, то они неплохо поработали, пока мы просиживали здесь свои задницы.

— Шеф советует не суетиться, — возразил ему Декстер. — Надеюсь, скоро и мы начнем действовать.

— Дело ваше, — проворчал Бинсуангер. — Но комиссару не нравится, что этот негр пишет ему на коврик у двери, а мистер Гувер удобно устроился в Вашингтоне, подальше от всей этой вони. Почему бы нам не упрятать этого самого Бига за решетку, скажем, за уклонение от налогов или парковку в неподобающем месте? Пускай бы повкалывал там хорошенько! И мы бы с удовольствием это сделали, если у правительства руки коротки.

— Вам что, нового восстания рабов захотелось? — мрачно осведомился Декстер. — Против него у нас ничего нет. И все об этом прекрасно знают. И если через полчаса его не выпустят из тюрьмы усилиями его черномазого адвоката, шаманские барабаны пробьют тревогу по всей территории Штатов. А что случится потом, мы все уже знаем. Вспомните тридцать пятый и сорок третий... Да нам армию на помощь звать придется! Мы ведь не навязывались участвовать в этом деле. Президент приказал, вот и расхлебываем.

Они возвратились в грязноватую контору Бинсуангера, чтобы забрать свои пальто и шляпы.

— В любом случае, большое вам спасибо, лейтенант! — поблагодарил Декстер натянутым тоном. — Вы нам здорово помогли.

— Всегда к вашим услугам, — не менее холодно отвечал Бинсуангер. — К лифту направо. — Он резко захлопнул за ними дверь.

Лейтер подмигнул Бонду за спиной Декстера. Они подъехали к полицейскому управлению на Сент-стрит в полном молчании.

Выйдя из машины, Декстер провел инструктаж.

— Мне позвонили из Вашингтона сегодня утром, — начал он скучным голосом. — Похоже, я отвечаю за

* Коммунистов.

Гарлем, а вы вдвоем завтра же отправитесь в Сент-Питерсберг. Разберетесь, что там к чему, а затем отправитесь на Ямайку. Если, конечно, мистер Бонд не возражает. Ведь это его территория.

— Напротив, буду очень рад, — ответил Бонд. — Я сам собирался предложить Лейтеру поехать со мной.

— Вот и прекрасно! — радостно заключил Декстер. — Тогда я сообщу в Вашингтон, что все улажено. Чем я еще могу вам помочь? Держите связь с ФБР в Вашингтоне. Лейтер знает и наших людей во Флориде, и как выходить на связь.

— Если не возражаете, — попросил Бонд, — мне бы очень хотелось сегодня вечером попасть в Гарлем и осмотреться. Неплохо бы иметь хоть какое-то представление о том, что творится на задворках у мистера Бига.

Декстер задумался.

— О'кей, — наконец сказал он. — Думаю, большой беды не будет. Только не высовывайтесь там уж слишком. Будьте поосторожней. Там вам некому будет помочь. А кроме того, не доставляйте и нам излишних хлопот. Мы еще не созрели для этого дела. Сейчас наша политика с мистером Бигом проходит под девизом «Живи и дай жить другим!».

Бонд вопросительно посмотрел на капитана Декстера.

— У меня есть другой рабочий девиз, — сказал он. — Когда я встречаю человека, подобного Бигу, я говорю: «Живи и дай умереть!»

Декстер пожал плечами.

— Может быть, это и так, мистер Бонд, но здесь вы подчиняетесь моим приказам. И я буду рад, если вы примете мои условия.

— Ну разумеется, — отвечал Бонд. — Большое спасибо за помощь. Желаю вам удачи в Гарлеме!

Декстер остановил такси и они распрощались.

— Пока, ребята! — коротко произнес Декстер. — Долгой вам жизни!..

Его такси слилось с транспортным потоком, направлявшимся в верхнюю часть города.

Бонд и Лейтер с улыбкой посмотрели друг на друга.

— Способный парень, — заметил Бонд.

— Они там все ничего, — согласился Лейтер. — Немного зануды и слишком носятся со своими правами.

Вечно пререкаются либо с нами, либо с полицией. Мне кажется, у вас в Англии то же самое.

— Похоже, что так, — отвечал Бонд. — У нас вечно проблемы с «Эм-Ай-5»*, которая опять наступает на пятки Скотленд-Ярду. Ну как, пойдем сегодня вечером в Гарлем?

— Не возражаю, — согласился Лейтер. — Я высажу вас у отеля и заеду за вами около половины седьмого. Встретимся на первом этаже в баре «Кинг-Коул». Хотите взглянуть на мистера Бига? — усмехнулся он. — Что ж, я и сам бы не отказался. Только ни за что не признался бы в этом Декстеру. — Он жестом оставил такси.

— Отель «Сейт-Риджис». Угол Пятой и Пятьдесят пятой-стрит.

Они сели в перегретую металлическую коробку, насквозь пропитанную табачным дымом.

Лейтер слегка приоткрыл окно.

— Вы что, — тут же обернулся через плечо водитель, — хотите, чтобы у меня воспаление легких было?

— А вы хотите, чтобы мы задохнулись в этой газовой камере? — сыронизировал Лейтер.

— Парень не дурак, а? — восхитился водитель, со скрежетом переключая коробку передач. Вынув из-за уха жеваный окурок сигареты, он поднял его вверх. — Два доллара за три штуки! — торжественно объявил он.

— Вас надули на двадцать четыре цента, — пошутил Лейтер, дальше они ехали молча.

Бонд поднялся в свой номер в отеле. Было четыре часа, портье обещал разбудить его ровно в шесть. Бонд несколько минут постоял у окна своей спальни. Слева ярко-красный диск солнца висел над крышами небоскребов. В домах зажигались огни, и город становился похож на гигантские соты, залитые медом. Улицы внизу озарились неоновыми огнями, переливаясь красным, зеленым и голубым. В густых сумерках печально вздыхал ветер, а его комната казалась еще теплей и уютней. Бонд опустил занавески и включил лампу, висевшую над кроватью. Раздевшись, он залез под мягкие перкалевые простыни и начал думать о холодных лондонских улицах, пронизываемых ветром, о шипящем газовом камине в своей конторе и о меню, нацарапан-

* Английская служба безопасности.

ном мелом в пивной, которую он посетил перед отъездом из Лондона: «Сосиски, запеченные в тесте, с овощным гарниром».

С удовольствием развалившись на широкой кровати, он вскоре уснул крепким сном.

А между тем в Гарлеме дежурный оператор главного коммутатора мистера Бига, агент по кличке Шепот, дремал над таблицей тотализатора. Доска приборов молчала. Внезапно загорелся красный свет в правом нижнем углу. Это был очень важный сигнал.

— Да, босс, — тихо произнес Шепот в микрофон. При всем желании он не мог говорить громче. Родившись в так называемом «раковом квартале» Нью-Йорка, на пересечении Седьмой-авеню и Сто сорок второй-стрит, где смертность от рака легких была раза в два выше, чем в остальных районах Нью-Йорка, Шепот перенес туберкулез и лишился легкого.

— Передай Глазам, чтобы смотрели в оба, — медленно произнес низкий голос. — Объектов должно быть трое. — Дальше следовало подробное описание Бонда, Лейтера и Декстера. — Сегодня вечером или завтра они должны появиться. Следует проявлять особое внимание в районах Первой и Восьмой-авеню, а также в ночных кабаках, если их потеряют из вида. Не стоит витать у них на хвосте. Сообщите мне, когда все будет готово. Как поняли меня?

— Отлично, босс, — хрипло произнес Шепот.

Связь прекратилась. Оператор достал связку штекеров, и вскоре панель коммутатора, ожив, засверкала огнями. Слова Бига вышли в ночной эфир.

В шесть часов вечера Бонд был разбужен мягким звонком телефона. Он принял холодный душ и тщательно оделся, повязав кричащий галстук в яркую полоску и вытащив из кармана жилета край пестрого носового платка. Замшевая кобура висела на три дюйма ниже левой подмышки. Он выщелкнул все восемь патронов своей «беретты», разложил их поверх покрывала, проверил, затем вновь зарядил пистолет, поставил его на предохранитель и положил в кобуру.

Затем он проверил свои мокасины — прошупал носки и взвесил их в руке. Немного поразмыслив, он

полез под кровать и достал свои старые туфли, которые ухитрился спрятать от фэбээровцев. Надел их и сразу почувствовал себя поуверенней.

Носки его старых туфель были подбиты металлом.

В шесть двадцать пять он спустился в бар «Кинг-Коул» и сел за столик у самой стены поближе к выходу. Через несколько минут в бар вошел Феликс Лейтер. Бонд не узнал его! Волосы из соломенно-желтых превратились в иссиня-черные, на нем были ослепительный голубой пиджак, белая рубашка и черный галстук в белый горошек.

Лейтер присел за столик и широко улыбнулся.

— Внезапно мне пришло в голову, что этих людей следует принимать всерьез, — пояснил он свой вид. — Эта штука, которой я вымазал голову, должна к утру смыться.

Он заказал себе полусухое мартини с кусочком лимона, а Бонду — джин «Хаус оф Лордс» и «Мартини Росси». Бонд решил, что американский джин был лучше качеством, чем английский, но крепче, что означало, что с выпивкой надо было быть поосторожней.

— Нам следует рассчитывать каждый свой шаг, — заметил Феликс, вторя мыслям Бонда. — Гарлем — настоящие джунгли. Теперь туда не пойдешь просто так, как мы делали раньше. Еще до войны там было так же спокойно, как на Монмартре. За денежки там покупалось все. Можно было зайти в «Савой» и посмотреть, как танцуют. Подцепить девчонку, а от нее еще кое-что... Теперь все не так. Гарлем больше не любит, когда на него глазают. Многие места, где бывал раньше, позакрывались, приходится искать другие. Вас могут вышибить из кабака только потому, что вы белый. Полиция в таких случаях держится в стороне.

Лейтер достал кусочек лимона из своего бокала и задумчиво пожевал его. Бар заполнялся людьми. Было тепло и уютно, совсем не похоже, если верить Лейтеру, на нервную, наэлектризованную обстановку негритянских кабаков, куда им предстояло отправиться.

— К счастью, — продолжил Лейтер, — я люблю негров, и они это чувствуют. Одно время меня даже называли защитником Гарлема. Я написал несколько статей о негритянском диксиленде для местной газеты и серию очерков о негритянском театре для северо-американского газетного агентства как раз тогда, ко-

гда Орсон Уэллс поставил своего «Макбета» в театре «Лафайетт» с полным негритянским составом. Так что в Гарлеме мы не пропадем! Я восхищаюсь черными и тем, как они ухитряются выжить в этом чертовом мире. Бог знает, когда это кончится!

Они допили и попросили счет.

— Конечно, попадаются и дрянные негры,— Лейтер возобновил свой рассказ. — Везде есть свои ублюдки. Возьмите полмиллиона людей любой национальности, и вы отыщете среди них кучу мерзавцев. До мистера Бига трудно добраться... Он хорошо владеет своим колдовством и разными московскими штучками. Я думаю, в Гарлеме у него великолепная организация.

Лейтер расплатился, недоуменно пожав плечами.

— Пошли! — сказал он. — Позволим себе немного развлечься и постараемся вернуться домой невредимыми. В конце концов, нам платят за эту работу. Поехали на автобусе. В такую поздноту в Гарлем не заставишь ни одного таксиста.

Они вышли из теплого бара, пройдя несколько шагов до остановки автобуса на Пятой-авеню.

Шел дождь. Бонд приподнял воротник и посмотрел в сторону Сентрал-парка, где располагалась мрачная резиденция мистера Бига.

Ноздри его слегка трепетали. Ему не терпелось добраться туда. Он чувствовал себя сильным и собранным. Перед ним лежала новая книга, он собирался ее прочесть — страницу за страницей, слово за словом.

Дождь лил косыми ручьями, как надпись на черной доске, скрывающей то, что ждало его вечером...

Глава V

«НЕГРИТЯНСКИЙ РАЕК»

Рядом с автобусной остановкой на углу Пятой и Кафедральной Парковой, освещенные светом уличного фонаря, стояли трое негров. Они промокли насквозь и устали, внимательно наблюдая за всеми передвижениями в районе Пятой с 16.30, когда был получен приказ от шефа.

— Теперь твоя очередь, Фэтсоу, — сказал один из них, завидев очередной автобус, показавшийся из стены дождя и с шумом затормозивший на остановке.

— Боже, как я устал! — ответил широкоплечий негр, затянутый в макинтош. Надвинув шляпу на самые глаза, он сел в автобус, опустил монетку в кассу и начал медленно продвигаться вдоль салона, внимательно разглядывая пассажиров. Увидев двух белых, он резко остановился, затем прошел вперед и сел позади них.

Он стал внимательно изучать их со спины. Бонд сидел у окна, и негр увидел в темном стекле автобуса отражение его шрама.

Фэтсоу быстро встал и прошел вперед, не оглядываясь. На следующей остановке он вышел и заперся в телефонной будке ближайшей аптеки-закусочной.

Тщательно допросив его, Шепот немедленно подсоединил штекер к розетке в правом углу.

— Слушаю! — ответил ему низкий голос.

— Босс, объект только что появился на Пятой. Англичанин со шрамом. С ним был дружок, но выглядел он не так, как нам описали. Оба направляются в северную часть Гарлема. Автобус только что отошел.

В трубке наступило молчание.

— Очень хорошо, — ответил тот же голос. — Сними все посты на улицах, предупреди людей в кабаках, а также Ти-Хи Джонсона, Мака Тинга, Болтуна Фолли, Сэма Майами и Подлизу, что мы их засекли.

Он говорил еще минут пять.

— Как понял меня? Повтори!

— Слушаюсь, босс, — ответил Шепот. Он развернул бумажку, исцирканную крючками, и начал быстро шептать в телефонную трубку, не прерываясь ни на секунду.

— Добро, — ответили в телефонной трубке, и связь прекратилась.

Шепот немедленно вытащил целую связку штекеров и начал оживленный разговор с городом. Глаза его сияли от возбуждения.

Когда Бонд и Лейтер зашли под навес известного ночного клуба «Шуга Рэй», что на углу Седьмой и Сто двадцать третьей, их уже ожидали агенты, предупрежденные Шепотом. Они не заметили слежки — в Гарлеме они и так были в центре внимания.

В баре все места уже были заняты. Заметив сво-

бодный столик у самой стены, Бонд и Лейтер поспешили занять его.

Они заказали виски с содовой и бутылку шотландского. Бонд оглядел сидящих в зале: женщин там было мало, белых еще меньше — в основном любители бокса или спортивные комментаторы, как определил он их для себя. Здесь было гораздо теплее и оживленнее, чем в нижней части города. Стены увешаны фотографиями известных боксеров и кадрами знаменитых боксерских поединков самого Рэя Робинсона. Местечко было бойкое, дела у хозяев шли хорошо.

— Крутой паренек, этот Рэй, — заметил Лейтер. — А главное, он вовремя ушел из бокса. Он ведь неплохо зарабатывал как боксер, да, видно, и сейчас не теряет. Скупил львиную долю акций в клубе и земли вокруг. Работа не сахар, но здесь хоть не вышибут мозги, как на ринге. Он все сделал как надо.

— Да, конечно, если ему вдруг не взбредет в голову вложить все денежки в шоу на Бродвее и в один миг лишиться всего, — не согласился Бонд. — Это, как если бы я вдруг бросил свою работу и бросился выращивать фрукты в округе, Кент. И процветал бы, вполне возможно, до первых заморозков. Всего не предусмотреть.

— Риск — благородное дело, — возразил Лейтер. — Но я понял, что вы имели в виду. Не стоит менять кукушку на ястреба. А лучше всего сидеть, как мы сейчас, в уютном баре и попивать хорошее виски. Как вам нравится парочка, сидящая позади нас? Из их разговора я понял, что они перекочевали сюда прямо из «Негритянского райка».

Бонд осторожно взглянул, обернувшись через плечо.

В кабинке позади них сидел симпатичный молодой негр в дорогом коричневом костюме с подложенными плечами. Задрав ногу на соседнюю скамью и развалившись на сиденье, он аккуратно подпиливал ногти левой руки маленькой серебряной пилочкой и время от времени лениво оглядывал шумную публику в баре. Головой он упирался в стенку кабинки, разделявшую его с Бондом, распространяя запах дорогого бриллиантина. Бонд обратил внимание на аккуратный, будго прочерченный бритвой пробор, разделявший его почти прямые волосы. Черный шелковый галстук и белая накрахмаленная рубашка свидетельствовали о хорошем вкусе, привитом с раннего детства.

Напротив молодого негра, слегка наклонившись к нему с выражением озабоченности на симпатичной мордашке, сидела вполне привлекательная молодая мулатка. Иссиня-черные волосы с глянцевым блеском обрамляли миндалевидное лицо с раскосыми глазами и четко очерченными бровями. Она внимала своему собеседнику, чуть приоткрыв темно-красные губы, ярко выделявшиеся на ее бронзовой коже. Бонд сумел разглядеть только лиф ее платья из черного атласа, обтягивающего маленькие, твердые груди, золотую цепочку на шее и тонкие золотые браслеты.

Девушка умоляюще смотрела на своего кавалера и не заметила цепкого взгляда Бонда, рассматривавшего ее.

— Послушайте внимательно, о чем они говорят, — сказал. Лейтер. — Похоже, они из этой чертовой печки в Гарлеме.

Бонд взял в руки меню, облокотился на стенку кабинки и стал прислушиваться, не отрывая глаз от строчки в меню: «Обед из одного цыпленка стоимостью 3 доллара 75 центов».

— Послушай, милый, — робко спрашивала девушка, — почему сегодня ты выглядишь таким усталым?

— Устал от твоей болтовни, бэби, — лениво ответил парень. — Может, ты немного прикроешь свой милый ротик и дашь посидеть спокойно, послушать музыку?

— Ты хочешь, чтобы я ушла, милый?

— Да нет, ты мне не мешаешь...

— Милый, — продолжала ныть девушка. — Ну не злись на меня, дорогой! Я так хотела развлечь тебя сегодня вечером! Мы пошли бы в «Смоллс Пэрадайс» и посмотрели, как там танцуют. Бэрди Джонсон, хозяин бара, обещал мне, что посадит за самый лучший столик, когда мы придем.

Голос нарня внезапно стал резким.

— Что за дела у тебя с этим Бэрди? Что он имел в виду? — спросил он подозрительно. — Проинхф... — он попытался еще раз выговорить трудное слово, — проинформируй меня, пжал'ста, что у тебя с этим старым козлом, Бэрди Джонсоном? Может, мне найти другую девчонку? Мне не нравятся девочки, которые путаются со всякими безрогими козлами, стоит только отвернуться или заняться делами. Вот так, мэм... Мне следует изучить сложивш... сложившуюся ситуацию. —

Он угрожающе засопел. — И я займусь, — добавил он.

— Ах, милый! — испуганно возразила девушка. — Не стоит так с ума сходить! Я ничего такого не сделала, чтоб ты так злился... Я просто подумала, может, нам лучше пойти в этот «Пэрадайс» вместо того, чтобы сидеть здесь и говорить о всяких неприятностях. Ты что, милый, правда думаешь, мне нравится этот старый козел? Этот Бэрди? Нет, сэр! Он ничего для меня не значит. Он самый мерзкий козел во всем Гарлеме, черт меня побери! Но все равно, он мне дает самые лучшие места в своем кабаке, и я говорю, может, пойдем, немного развеемся и выпьем пива? Пошли, милый! Мне здесь так надоело... И ты выглядишь таким усталым! Потом, я хочу, что бы все нас увидели вместе. Ведь ты такой у меня красавец!

— Сама ты плохо выглядишь! — огрызнулся молодой негр, смягчившись, однако, от ее комплимента. — Верно тебе говорю! Но должен тебя еще раз предупредить, держись подальше от этого мерзкого вонючего козла в его поганных штанах. И я тебе говорю, — голос его опять стал угрожающим, — что, если я тебя хоть раз застукаю с этим ублюдком, я заголю тебе задницу и хорошенько вздую!

— Да, милый, конечно, конечно... — радостно прошептала мулатка.

Бонд услышал, как негр снял ногу со скамейки и шумно встал.

— Пошли, бэби... Подожди!

Бонд отложил меню.

— Кое-что понял из их разговора. Ничего интересного, то же самое, что у всех — секс, развлечения, да как бы не ударить в грязь лицом перед соседями... Но эти хоть не жеманничают.

— И среди них полно мещан, завистников и лжецов, — ответил Лейтер. — И почти все они посещают методистскую церковь. Гарлем стоит на контрастах, как всякий большой город, но там еще примешиваются распри между цветными. Пошли отсюда, — предложил он. — Надо бы где-нибудь прилично поужинать.

Они прикончили виски, и Бонд попросил счет.

— Я плачу, — заявил он. — Надо же мне избавиться от этой чертовой кучи денег. Я прихватил с собой триста долларов.

— Вполне устраивает, — ответил Лейтер, вспомнив о тысяче долларов.

Разглядывая официанта, прятавшего в карман часы, Лейтер неожиданно спросил его:

— Случайно не знаете, где находится мистер Биг?

Официант испуганно сверкнул белками глаз и стал старательно вытирать столик салфеткой.

— У меня семья, босс, — пробормотал он сквозь зубы. Поставив стаканы на поднос, он скрылся за стойкой бара.

— Страх — самый лучший защитник, — заметил Лейтер.

Они вышли из клуба на Седьмой-авеню. Дождь сменился северным, пронизывающим до костей ветром — «хокинзом», как его почтительно называли негры, и улицы совсем опустели. Лейтер и Бонд, съезжившись от холода, едва плелись по тротуару, провожаемые презрительными, а иногда открыто враждебными взглядами случайных парочек. При виде их некоторые отворачивались и сплевывали на мостовую.

Бонд внезапно почувствовал глубину того, что рассказывал Лейтер. Они преступили черту, они были чужаками... Бонд пережил то же чувство, которое посещало его не раз во время войны, когда он работал в тылу врага. Он постарался скорее забыть о нём.

— Пошли к «Матушке Фразие», — предложил Лейтер. — Это немного дальше на этой же улице. Самая лучшая кормежка в Гарлеме. Во всяком случае, там было раньше.

По дороге Бонд разглядывал витрины.

Его поразило в Гарлеме обилие парикмахерских и косметических салонов. Кругом рекламировались различные средства для волос: «Апекс Глоссатина — лучшее средство для горячей завивки», «Силки Стрейт Мягко влияет на кожу, не оставляя следов и покраснений». Почти столь же часто попадались галантерейные магазины и магазины мужской одежды, где продавались ботинки из крокодиловой кожи, мешковатые брюки с полосками по бокам, пиджаки до колен и рубашки с изображениями аэропланов. Книжные магазины пестрели разного рода назидательной литературой, которая в форме комиксов доходчиво объясняла, как поступать в различных случаях жизни. Попалось несколько магазинов, торговавших разной оккультной ерундой, магическими принадлежностями и руководствами по колдовству «Семь ключей к власти» — самая необычная книга на свете! — со следующими разделами:

«Если вы пострадали от дурного глаза, мы вам расскажем, как отвести его», «Поведай свои мечты дохлой кошке», «Искусство очаровывать людей» или «Как заставить полюбить себя». Здесь же рекламировались различные порошки, мази и настойки, с помощью которых можно было избавиться от недоброжелателей или приворожить объект вожделения.

Бонд подумал, что мистер Биг не случайно прибег к колдовству как к самой сильной мере воздействия на души своих подчиненных, до сих пор шарахавшихся в сторону при виде пера белой курицы или двух скрещенных палок, лежащих на дороге, хоть и жили они в самом центре сияющей столицы Запада.

— Я рад, что мы попали сюда, — заметил Бонд. — Начинаю постигать загадку мистера Бига. Живя в Англии, трудно представить себе такое. Англичане — суеверный народ, особенно кельты. Но здесь, в Гарлеме, и впрямь начинаешь слышать грохот тамтамов.

— А я был бы рад оказаться сейчас в постели, — ворчливо пробормотал Лейтер. — Разобраться бы с этим Бигом побыстрее, а уж потом придумали бы, как его сцапать!

Ресторан «У матушки Фразие» был очень славным местечком, особенно после холодных и грязных улиц. Они прекрасно поужинали морскими моллюсками и жареным цыпленком «Мэрилэнд» с беконом и сладкой картошкой.

— Стоит заказать, — посоветовал Лейтер, — традиционное блюдо.

Это был вполне блабопристойный и уютный ресторанчик. Официант приветливо обслужил их и рассказал про знаменитых завсегдатаев. Однако когда Лейтер спросил о мистере Биге, тот отвернулся, сделав вид, что не слышит, и больше не подходил к их столику.

Лейтер повторил свой вопрос, когда официант принес счет.

— Простите, сэр, — коротко ответил тот, — я никогда не встречал человека с таким именем.

Была половина одиннадцатого, и улицы совсем опустели. Доехав на такси до танцзала «Савой», Бонд и Лейтер зашли туда, чтобы пропустить по стаканчику виски и посмотреть на танцующих.

— Почти все современные танцы были задуманы здесь, — сообщил Лейтер. — «Линди Хоп Трэкинг», «Сюзии Кью», «Шаг»... Все начиналось на этой площад-

ке. Почти все великие американские музыканты гордятся тем, что когда-то играли в «Савое». Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Кэб Кэллоуэй, Нобл Сиссл, Флэтчер Хендерсон... Это Мекка джазистов.

Они сидели у самого барьера, ограждавшего танцплощадку. Бонд поддался очарованию этого места. Он обнаружил вокруг немало хорошеньких девушек, а музыка наполнила ритмом все его тело, сливаясь с биением пульса. Он на минуту забыл о задании.

— Как забирает, а? — воскликнул Лейтер. — Да я бы здесь всю ночь просидел! Однако нам лучше двигаться, а то пропустим «Смоллс Пэрадайз». Немного напоминает «Савой», но несколько в другом стиле. Сначала зайдем в «Иэ-мэн», что на Седьмой, а уж затем переберемся поближе к логову. Все его кабаки открываются не раньше полуночи. Возьмите счет, а я пока схожу в туалет. Попробую разузнать, где он валяется к сегодняшней ночи.

Бонд заплатил по счету и вышел. Вместе с Лейтером они побрели по улице, пытаясь остановить такси.

— Хотя это и обошлось в двадцать долларов, — объявил Лейтер, — зато я узнал, что он окопался в «Бонни-Ярде»*. Небольшая забегаловка на Леннокс-авеню. Совсем недалеко от его основного лежбища. Там самый лучший стриптиз в городе. Девчонку зовут Джин-Джин Суматра. Давайте выпьем еще по одной в «Иэ-мэне» и послушаем игру на фоно. Выйдем оттуда в двенадцать тридцать.

Главный коммутатор мистера Бига, который теперь находился всего в нескольких шагах от них, не подавал признаков жизни. Объекты были замечены на выходе из ресторанов «Шуга Рэй», «У мафуски Фразие» и танцзала «Савой». В полночь они вошли в «Иэ-мэн», а в двенадцать тридцать вышли оттуда.

Мистер Биг отдавал указания по телефону. Сначала он связался с метрдотелем «Бонни-Ярда».

— Через пять минут у вас появятся двое белых. Посадите их за столик «Зет».

— Слушаюсь, босс, — ответил метр.

Он поспешил через всю танцплощадку к столику в правом конце зала, отгороженному широким балконом. Он находился неподалеку от входа в кухню; отсюда было хорошо видно танцующих и оркестр.

* Паладин (англ.).

Столик был уже занят. За ним сидело двое мужчин и две девушки.

— Извините, ребята, — начал метр. — Произошла ошибка. Столик, оказывается, уже занят. Газетчики из города.

Один из мужчин начал спорить, отказываясь уйти.

— Давай, двигай! — грубо приказал метр. — Лофти, проводи джентльменов к столику «Эф» и принеси им выпить из бара. Сэм! — позвал он второго официанта. — Убери этот столик и накрой на двоих!

Четверо молча встали и пересели, куда было сказано, умиротворенные перспективой бесплатной выпивки. Метр поставил на столик «Зет» табличку с надписью «ЗАНЯТО», еще раз все осмотрел и вернулся на свой пост у двери в ресторан, отгороженный занавеской.

Мистер Биг еще дважды звонил по своему телефону. Первое указание было дано оператору ночного шоу:

— Погасите огни в конце выступления Джи-Джи!

— Слушаюсь, босс! — с готовностью отвечал оператор.

Затем Биг связался с четырьмя молодыми неграми, игравшими в кости на первом этаже здания. Инструктаж длился долго...

Глава VI

СТОЛИК «ЗЕТ»

В 12.45 Бонд и Лейтер, отпустив такси, вошли в ночной клуб под неоновой вывеской «Бонни-Ярд», переливавшейся зелеными и фиолетовыми огнями.

Едва они протиснулись внутрь сквозь вертушку двери и отодвинули тяжелый занавес, их подхватила волна кисло-сладкого запаха и пьянящего ритма. Глаза девушек в клетчатых кепках зазывно блестели.

— У вас заказан столик, сэр? — спросил метр у Лейтера.

— Нет, — отвечал тот, — но мы могли бы и в баре посидеть.

Метр склонился над списком столиков, немного подумал и твердой рукой поставил галочку в конце списка.

— Столик заказан, клиенты еще не появлялись. Не можем же мы ждать их всю ночь! Пройдите сюда, пожалуйста. — Держа список на вытянутой вверх руке, метр провел их за собой вокруг небольшой танцплощадки к столику, отодвинул один из стульев и убрал табличку с надписью «ЗАНЯТО».

— Сэм, — подозвал он официанта, — обслужи этих джентльменов, — и быстро ушел.

Они заказали виски с содовой и бутерброды с цыпленком.

Бонд подозрительно повел носом.

— Марихуана, — уверенно объявил он.

— Здесь все курят травку, — спокойно объяснил Лейтер. — В большинстве других заведений такого рода это строжайше запрещено.

Бонд огляделся. Музыка смолкла, на сцену из противоположного угла вышло четверо джазистов: кларнет, контрабас, электрогитара и ударник. Около дюжины пританцовывающих парочек стали пробираться к своим столикам, а красный свет, освещавший прозрачный пол танцплощадки снизу, погас. Вместо него с потолка протянулись тонкие лазерные нити и осветили стеклянные шары, висевшие вдоль стен и начавшие переливаться золотыми, красными, зелеными и фиолетовыми огнями. Стены, выкрашенные в черный цвет, и иссиня-черные лица сидевших в зале с выступившими на них каплями пота отражали цветные огни. У многих, оказавшихся между двумя разноцветными шарами, лица тоже окрашивались в разные цвета — одна половинка лица красная, другая — зеленая. Разобрать, кто где сидит, было невозможно даже на близком расстоянии; у некоторых девушек были черные губы, лица других светились теплым, живым огнем, а третьи люминисцировали, как ожившие мертвецы.

Все это напоминало мрачный пейзаж с картины Эль Греко, написанный при лунном свете.

В маленьком полукруглом зале размещалось около пятидесяти столиков. Сидящие за ними негры напоминали горсть черных оливок, засунутых в тесную банку. Было жарко, в воздухе висела плотная пелена дыма и сладковато-могильного запаха двухсот негритянских тел. Шум здесь стоял невообразимый: непрерывная трескотня не в меру резвящихся черномазых сливалась в ровное гудение, иногда пререзаемое истерическими

взвизгиваниями подвыпивших девиц и резкими голосами окликавших друг друга через весь зал:

— Святой Боже! Вы посмотрите, кто здесь...

— Где же ты пропадала, бэби?

— Иисус Мария! Да это же Пинкус!.. Эй, Пинкус!..

— Давай сюда!..

— Нет!.. Будет так, как я сказал!.. (Резкий звук пощечины.)

— Где же Жи-Жи?! Давайте сюда Жи-Жи!

— Давай, Жи-Жи, разденься!!

Время от времени какой-нибудь парень или девушка выскакивали на танцплощадку и начинали исполнять что-нибудь дикое в стиле «джайв». Друзья подбадривали их, громко хлопая в ладоши, визжа и топая ногами. Девушкам кричали:

— Разденься! Раздевайся!! Давай, бэби, шуруй!!! Шейк! Шейк!!

Не обращая внимания на эти крики, конферансье молча протирал пол, сопровождаемый воплями протеста.

Бонд вытер пот со лба. Лейтер наклонился вперед и прокричал ему на ухо, сложив трубочкой руку:

— Здесь три выхода! Спереди!! Служебный за дверью, позади оркестра!

Бонд кивнул в ответ. Это было уже не важно. Для Лейтера здесь не было ничего нового, а для него — первое знакомство с окружением мистера Бига, с теми, кого он вертел, как мягкую глину, в своих руках. Сведения, содержащиеся в досье, которое он читал в Лондоне и Вашингтоне, обретали благодаря сегодняшнему вечеру плоть и кровь. Пусть даже они и не встретятся с мистером Бигом, теперь он знал о нем очень много. Бонд отхлебнул большой глоток виски. Публика начала аплодировать. На сцену вышел высокий негр-конферансье в безукоризненном белом костюме с красной гвоздикой в петлице. Он поднял обе руки вверх, освещенный белым лучом прожектора. В зале погас свет, и наступила полная тишина.

— Привет, ребята! — Негр широко улыбнулся, обнажив два ряда золотых и белых зубов. — А вот и я!

Зрители радостно захлопали в ладоши.

Негр повернул голову в левую часть сцены, которая находилась прямо напротив Бонда и Лейтера.

Он выбросил вперед правую руку. Немедленно зажегся второй прожектор.

— Мистер Джанглс Джаффет и группа ударников!!

Послышались аплодисменты, свистки, улюлюканье.

Луч прожектора высветил четверых улыбающихся негров в огненно-красных рубашках и широких белых штанах, сидящих верхом на конусообразных барабанах разных размеров, обитых натуральной кожей. Один из них резко встал с самого большого барабана и помахал сомкнутыми руками в сторону зрителей.

— Это настоящие тамтамы с острова Таити, — шепнул Бонду Лейтер.

Наступила полная тишина. Ударник начал медленно отстукивать подушечками пальцев мягкий, дробный ритм в стиле румбы.

— А теперь, дорогие друзья, — продолжил конферансье, стоя лицом к ударникам, — перед нами Джи-Джи... — Он замолчал на секунду, затем выкрикнул: — ...СУМАТРА!!!

Последнее слово утонуло в громе аплодисментов. Зрители хлопали в ладоши, вторя ритму тамтамов. В зале поднялся бешеный шум, все орали как сумасшедшие. Дверь внутри сцены открылась, выпустив двух огромных негров в набедренных повязках. На скрещенных руках они несли маленькую девушку, утопавшую в черных страусовых перьях, в черной маске «домино».

Негры поставили девушку на середину сцены и склонились по обе стороны от нее, пока их головы почти не коснулись пола. Она, освещенная лучом прожектора, сделала два шага вперед. Негры растаяли в темноте.

Исчез и конферансье. В зале наступила полная тишина, только ударники легонько подхлестывали свои барабаны.

Девушка подняла руки к груди — черные страусовые перья, окутывавшие ее тело, отстегнулись и превратились в огромный черный веер. Она медленно передвинула веер назад — и он превратился в павлиний хвост. На девушке ничего не было, за исключением черного кружевного треугольничка спереди, черных блестящих звездочек, прикрывавших только соски, и черной маски «домино». Ее маленькое твердое тело бронзового цвета было прекрасным. Слегка натертое маслом, оно переливалось в лучах прожекторов.

Зрители напряженно молчали. Барабанный бой убыстрялся, совпадал с биением сердца.

Девушка стала медленно вращать обнаженным жи-

вотом в такт тамтамам. Она расправила черные перья спереди и сзади и стала раскачивать бедрами, вторя ритму большого тамтама. Верхняя часть тела не двигалась. Черные перья опять собрались в павлиний хвост, обнажив ее ноги, которыми теперь она двигала в такт с плечами. Бой барабанов усилился. Казалось, каждая часть ее тела танцует свой собственный танец, не подчиняясь ее желаниям. Рот ее слегка приоткрылся, обнажив краешки зубов. Ноздри слегка трепетали. Глаза горели чувственным огнем сквозь узкие прорези черной маски. «Кошечка, — подумал Бонд про себя, — славная сексуальная кошечка».

Барабаны забили еще быстрее, выстукивая сложную ритмическую мелодию. Девушка рывком подняла вверх черный веер и вытянула руки над головой. Она начала трястись всем телом. Живот вращался все быстрее, раскачиваясь из стороны в сторону. Она широко расставила ноги и стала стремительно вращать бедрами. Внезапно она сорвала блестящую звездочку с правого соска и бросила ее в зал. Зал тихо заурчал, затем наступило молчание. Она сорвала вторую звездочку, и вновь послышался рев, и — опять молчание. Бой барабанов становился оглушающим. По лицам ударников градом катился пот. Их руки мелькали, как мотыльки, слегка ударяя по чувствительной поверхности мембран. Взгляд был отсутствующим, лишь поблескивали белки их выпученных глаз. Головы слегка склонились набок, как будто они прислушивались к чему-то далекому. Они почти не смотрели на девушку. Зал тяжело и хрипло дышал, глаза поблескивали в темноте, следя за каждым движением Джи-Джи.

Теперь она вся блестела от пота. Ее живот и груди матово отсвечивали, она сотрясалась всем телом. Рот ее приоткрылся, она тихонько взвизгнула. Проведя руками вдоль тела, она внезапно сорвала с себя узкую кружевную ленту и бросила ее в зал. Теперь на ней ничего не осталось, кроме узкой набедренной повязки. Тамтамы отстукивали сексуальный ритм. Девушка несколько раз взвизгнула, затем вытянула вперед руки для равновесия и стала медленно приседать, раскачивая бедрами и вновь поднимаясь, быстрее и быстрее. Бонд слышал, как зал начал хрипло дышать и похрюкивать, напоминая свиней у кормушки. Он почувствовал, как его собственная рука нервно сжала в кулак край скатерти. Во рту пересохло.

В зале раздавались крики:

— Давай, Джи-Джи! Разденься, бэби! Давай!! Танцуй, бэби, танцуй!!

Девушка упала на колени. Бой тамтамов замедлился; она раскачивалась в такт им, конвульсивно подергиваясь и нежно повизгивая.

Грохот тамтамов начал стихать. Зал иступленно ревел, требуя обнаженное тело. Из разных концов слышались непристойности.

Наконец в круг света вышел конференсье.

— Довольно, ребята. Довольно! — С его подбородка градом стекал пот. Он умоляюще вытянул вперед руки. — Джи-Джи... СОГЛАСНА!!!

Зал удовлетворенно заревел. Теперь она совсем разденется!

— Сними эту штуку с себя, Джи-Джи! Покажи себя, детка!! Давай!!!

Барабаны тихонько подрагивали...

— Друзья, у нас есть одно условие, — заорал конференсье. — Мисс Джи-Джи требует, чтобы выключили свет!

Зрители издали разочарованный стон и зал погрузился в темноту.

— Старый трюк, — пробурчал Бонд.

Внезапно он наострил уши.

Вопли толпы стали стихать, в лицо подул прохладный ветер, ему показалось, что он падает вниз.

— Эй! — крикнул Лейтер. Голос его прозвучал совсем рядом, но показался глухим.

«Боже!» — подумал Бонд.

Что-то с шумом захлопнулось у него над головой. Он протянул руку назад и натолкнулся на твердую живую стену в футах от своей спины.

— Дайте свет! — тихо приказал чей-то голос.

В это время кто-то схватил Бонда за руки и плотно прижал их к ручкам кресла.

Напротив него за столом сидел Лейтер. Огромный негр держал его сзади за локти. Они находились в крошечной квадратной камере. Слева и справа от них стояло еще два негра в простой одежде, нацелив на них дула своих пистолетов.

Затем раздался шум пневматической пружины, и стол вернулся на место. Бонд посмотрел вверх. На потолке едва виднелись очертания гигантского люка. Оттуда не проходило ни звука.

Один из негров ослабился.

— Ничего страшного, парни! Как прокатились?

Лейтер выругался. Бонд постарался расслабиться, ожидая, что будет дальше.

— Который из вас англичанин? — задал вопрос тот же негр. Он был у них, видимо, главный. В руках он держал причудливый пистолет, лениво нацелив его прямо в грудь Бонду. Между черными пальцами виднелась перламутровая рукоятка, а дуло восьмиугольной формы выглядело необычно даже для Бонда.

— Этот, наверное, — сказал негр, который держал Бонда за руки. — У него шрам на лице.

В руках у него была страшная сила. Бонду казалось, что его прикрутили к креслу жгутами. Руки начали отекать.

Негр с чудным пистолетом подошел к Бонду, обогнув стол, и ткнул пистолетным дулом прямо ему в живот. Курок был взведен.

— На таком расстоянии не промахнетесь? — язвительно осведомился Бонд.

— Заткнись, скотина! — грубо ответил негр. Умело обыскав Бонда, он вытащил его пистолет и бросил его второму вооруженному негру.

— Передай это шефу, Ти-Хи, — приказал он. — Поставьте англичанина на ноги. Ты пойдешь с ними. Второй останетсь здесь со мной.

— Слушаюсь, сэр, — ответил негр по имени Ти-Хи, одетый в коричневую рубашку и бледно-лиловые брюки-«бананы».

Бонда рывком поставили на ноги. Ногой он успел зацепить ножку стола и сильно рвануть его. Раздался звон разбитой посуды. В тот же момент Лейтер с силой лягнул стоящего сзади негра, просунув ногу под стул. Он попал каблуком ему в голень. Бонд постарался сделать то же самое, но промахнулся. На мгновение все смешалось, но охранники ни на секунду не выпустили Бонда и Лейтера из своих цепких объятий. Охранник Лейтера вытряхнул его из кресла, поставил лицом к стене и с силой ударил об стену, чуть не сломав тому нос. Лейтера повернули лицом к Бонду, и тот увидел, как кровь стекала по его лицу. Дула обоих пистолетов по-прежнему были нацелены на них. Первая попытка оказалась неудачной, зато на долю секунды они перехватили инициативу и победили свой собственный страх.

— Не трать зря силы, — посоветовал негр, который был главным. — Уведите англичанина! — приказал он охраннику Бонда. — Мистер Биг ждет его. — Затем он повернулся в сторону Лейтера. — Можешь попрощаться со своим дружкой, — сказал он ему. — Вряд ли вы когда-нибудь еще встретитесь.

Бонд улыбнулся Лейтеру.

— К счастью, мы предупредили полицию. Она появится здесь в два часа ночи, — сообщил он. — До встречи на утренней линейке!

Лейтер усмехнулся в ответ. Рот его был полон крови.

— Комиссар Монахэн будет рад увидеть всю банду в сборе. До скорой встречи!

— Чушь! — убежденно ответил негр. — Давай, пошли быстрее!

Охранник Бонда подтолкнул его вперед к стене. Внезапно открылась потайная дверь, и они оказались в длинном пустом коридоре. Негр по имени Ти-Хи шел вперед, показывая дорогу.

Дверь позади них бесшумно закрылась...

Глава VII

МИСТЕР БИГ

Эхо шагов гулко раздавалось в пустом каменном коридоре. В конце его была дверь, через которую они прошли в еще один коридор, освещенный тусклыми лампочками. Пройдя еще через одну дверь, они оказались в большом складском помещении с рельсами для автокранов, заставленном аккуратно сложенными коробками и тюками. Судя по маркировке, в коробках хранилось спиртное. Они свернули в узкий боковой коридорчик, который тоже заканчивался железной дверью. Ти-Хи позвонил в колокольчик — никто не ответил. Стояла абсолютная тишина. По предположению Бонда, они удалились на целый квартал в сторону от ночного клуба.

Наконец послышался металлический скрежет, и дверь отворилась. Негр в вечернем костюме с пистолетом в руке отошел в сторону, пропустив их в прихожую, устланную коврами.

— Ты можешь войти, Ти-Хи, — разрешил он.

Ти-Хи постучал в дверь напротив, открыл ее и первым прошел вперед.

В комнате за дорогим письменным столом на стуле с высокой спинкой сидел сам мистер Биг и спокойно смотрел на них.

— Доброе утро, мистер Джеймс Бонд, — произнес он низким, ровным голосом. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Охранник Бонда провел его по пушистому ковру к низкому креслу, обитому кожей и стальными трубами. Он отпустил руку Бонда и усадил его лицом к мистеру Бигу.

Бонд почувствовал огромное облегчение, освободившись от железных объятий своего стражника. Руки его потеряли чувствительность и безвольно свисали вдоль кресла. К ним постепенно возвращалась жизнь, они начали тупо побаливать.

Мистер Биг молча смотрел на него в упор, откинув голову на высокую спинку кресла.

Бонд сразу понял, что фотографии, которые он видел раньше, не давали истинного представления об этом человеке: ни о его внутренней силе и интеллекте, ни о его необычной внешности.

Голова мистера Бига напоминала огромный футбольный мяч вдвое больше, чем голова обычного человека. Лицо — серовато-черного цвета. Кожа на нем была упругой и блестящей, как у утопленника, неделю пролежавшего в воде. Волос на голове почти не было, за исключением серовато-коричневого пушка над ушами. Ни бровей, ни ресниц, а глаза так широко расставлены, что при разговоре с ним можно было смотреть только в один глаз. Взгляд был прямым и пронизывающим. Черные зрачки рыжих, слегка на выкате глаз расширены. Они сверкали как у дикого зверя.

Нос — довольно широкий, слегка приплюснутый. Толстые темные губы чуть вывернуты наружу и размыкались, лишь когда он начинал говорить, широко обнажая зубы и бледно-розовые десны.

Лицо — совершенно гладкое, без следов морщин. Только над переносицей пролегли две глубокие борозды, говорившие о концентрации внимания. Слегка выпуклый лоб переходил в совершенно лысый череп.

Любопытно, что эта чудовищная голова казалась вполне пропорциональной по отношению к туловищу. Она была посажена на короткую толстую шею и могу-

чие плечи гиганта. Бонд знал из досье, что рост Бига был шесть с половиной футов*, а весил он двадцать стоунов**, не имея при этом ни капли жира. Его уродство, благодаря которому он с детства внушал всем почтение, смешанное с ужасом, было его судьбой. И он отвечал ей презрением и ненавистью к окружающим.

На мистере Биге был смокинг. Бриллиантовая булавка и запонки свидетельствовали о некотором тщеславии. Его огромные толстые руки, сомкнутые кольцом, спокойно лежали на столе, на котором не было видно ни сигарет, ни пепельниц, а запах в комнате был нейтральным. Перед ним находился лишь большой интерком примерно с двадцатью кнопками и, как ни странно, небольшой хлыст для верховой езды с рукояткой из слоновой кости.

Мистер Биг молча и сосредоточенно рассматривал Бонда.

Ответив ему тем же взглядом в упор, Бонд стал разглядывать содержимое комнаты.

Заставленная книгами, она чем-то напоминала уютную и просторную библиотеку миллионера.

Высоко в стене над головой мистера Бига зияло единственное большое окно, а все остальные стены были заняты книжными полками. Бонд повернулся в кресле и посмотрел назад — и здесь книжные полки. Дверей не было видно, хотя за полками их могло скрываться любое количество. Двое негров, которые привели его сюда, неловко стояли по обе стороны его кресла. Взгляд их выпученных от страха глаз был устремлен вовсе не на мистера Бига, а на странный фетиш, стоявший отдельно на небольшом столике справа от мистера Бига.

Даже не обладая глубокими познаниями в черной магии, Бонд сразу узнал его из описания Лея Фермора.

На белом постаменте стоял большой деревянный крест шириной футов пять с надетыми на него с двух сторон рукавами старого, почерневшего от времени женского халата, свисавшими до самого пола. Верхушка креста высовывалась из старого мужского котелка, а несколькими дюймами ниже на перекладине болталась накрахмаленная манишка священника.

На столике по левую сторону от креста лежали ста-

* 1 фут = 30,48 см.

** 1 стоун = 14 фунтам, 1 фунт = 453,6 г.

рые перчатки лимонного цвета и черный обтрепанный цилиндр, а рядом наконечником вниз торчала короткая тросточка из ротанга.

Зловещее пугало — символ Посланника Смерти, Идола Легиона Мертвых, Барона Самэди — глазело пустыми глазницами. Даже на Бонда оно произвело гнетущее впечатление.

Бонд повернулся и вновь встретился взглядом с серо-черным гигантом, который вдруг произнес:

— Ти-Хи, ты останешься здесь. — Он перевел взгляд на второго негра. — Майами может идти.

— Слушаюсь, босс, — ответили они в один голос.

✓ Бонд услышал, как захлопнулась дверь.

И вновь воцарилось молчание. Взгляд мистера Бига опять был направлен на Бонда в упор, хотя в то же время он был обращен и как бы внутрь себя самого. Глаза его потеряли блеск. Казалось, гигантский мозг чудовища был занят чем-то другим.

Бонд решил не показывать своего смущения. Руки его вновь обрели чувствительность; пошарив в кармане, он вынул сигареты и зажигалку.

— Мистер Биг произнес:

— Можете курить, мистер Бонд. Если у вас появятся другие намерения, не считайте за труд, нагнитесь и загляните в замочную скважину ящика моего стола, который находится перед вами. Я буду в вашем распоряжении через минуту.

Бонд наклонился вперед. Замочная скважина была довольно широкой, примерно четыре с половиной миллиметра диаметром. Для выстрела, очевидно, следовало нажать педаль под столом. Похоже, этот человек был неистощим на выдумки. Пустое трюкачество? Или в этом есть смысл? Ведь все его трюки — с бомбой или с провалившимся столом — были не так уж плохи... и не были рассчитаны просто на эффект. А эта штука, выстреливающая из стола? Немного сложно задумано, но технически — гениально!

Бонд закурил сигарету и глубоко вдохнул, наполнив легкие дымом. Положение пленника не особенно волновало его. Вряд ли ему причинят большой вред. Было бы неразумно убрать его спустя всего несколько дней после присзда из Англии. Для этого им потребовался бы сверххитроумный план. Кроме того, им пришлось бы убрать и Лейтера, а ссориться с двумя разведками сразу?.. Вряд ли они на это пойдут. Бонда очень

Беспокоила судьба Лейтера. Неизвестно, что может прийти в голову черным обезьянам!

Губы мистера Бига медленно разомкнулись:

— Давненько я не встречался с агентом секретной службы, мистер Бонд. Пожалуй, с самой войны... Ваша разведка неплохо работала, у вас есть способные люди. А от моих друзей я узнал, что вы там на очень хорошем счету. У вас ведь номер с двумя нулями, если не ошибаюсь? Двойной ноль означает, как мне объяснили, что вы имеете лицензию на убийство. Таких агентов в разведке, которая, как правило, не прибегает к оружию, не так уж много. Кого вас послали убить сюда, мистер Бонд? Неужели меня?

Голос Бига был ровным и довольно невыразительным. К речи слегка примешивались французский и американский акценты, хотя по-английски он говорил весьма аккуратно, не прибегая к сленгу.

Бонд предпочел промолчать. Он понял, что его подробное описание было передано Москвой.

— Зря вы молчите, мистер Бонд. Судьба вашего друга и ваша может зависеть от ваших ответов. Я полностью доверяю своим информаторам и знаю гораздо больше, чем вы думаете. А кроме того, легко распознаю всякую ложь.

Бонд и не сомневался в этом. У него была приготовлена версия для мистера Бига.

— В Америке появилось много английских золотых монет времен короля Эдварда IV, — сказал он. — Они сбывались и в Гарлеме. Госказначейство США попросило содействия у английской разведки, желая выяснить их источник. Мы прибыли в Гарлем с представителем Госказначейства, чтобы разобраться во всем на месте... И я надеюсь, что мой товарищ находится сейчас в полной безопасности и направляется в свой отель.

— Мистер Лейтер — сотрудник ЦРУ, а вовсе не представитель Казначейства, — спокойно возразил мистер Биг. — И в данный момент ему угрожает опасность.

Биг замолчал и задумался, смотря мимо Бонда.

— Ти-Хи!

— Слушаю, босс.

— Привяжи мистера Бонда к креслу.

Бонд сделал рывок, пытаясь встать на ноги.

— Не двигайтесь, мистер Бонд, — приказал тихий голос, — так вы получите шанс остаться в живых.

Бонд посмотрел в рыжие, бесстрастные глаза Бига. Он опустил в кресло. В тот же момент широкий ремень пристегнул его к креслу, а два коротких ремня намертво пригвоздили запястья к металлическим подлокотникам. Ноги ему привязали за щиколотки: в таком положении он мог только свалиться на пол вместе с креслом, будучи абсолютно беспомощным.

Мистер Биг потянулся к интеркому.

— Пришлите сюда мисс Солитэр, — приказал он и нажал кнопку в центре.

Через секунду открылась потайная дверь за книжными полками справа от письменного стола.

В комнату, затворив за собой дверь, неторопливо вошла одна из самых красивых девушек, которых когда-либо доводилось видеть Бонду. Она стояла посреди комнаты, рассматривая его. Изучив Бонда с головы до ног, она повернулась к мистеру Бигу.

— Зачем я нужна? — спросила красавица.

Мистер Биг не повернул головы в ее сторону. Он обращался к Бонду.

— Это исключительная девушка, мистер Бонд, — сказал он тем же ровным и мягким голосом, — уникальна и вскоре станет моей женой. Я обнаружил ее в кабаре на Таити, где она родилась. Девушка выступала с телепатическим номером, секрета которого я не понял, как ни старался. Его и нельзя разгадать. Ведь она пользовалась своим даром ясновидения. — Мистер Биг помолчал. — Я хотел бы предупредить вас. Эта девушка — мой инквизитор. Я не верю в пытку, как в средство получения правильной информации. Люди часто лгут, чтобы облегчить свои мучения. Пользуясь услугами этой девушки, я могу не прибегать к грубым методам. Она видит людей насквозь и способна читать их мысли. Вот поэтому я и хочу сделать ее своей женой. Она слишком ценный объект, чтобы разгуливать на свободе. А кроме того, — продолжил он мягко, — я бы хотел, чтобы у нас были дети.

Мистер Биг повернулся лицом к девушке и стал бесстрастно смотреть на нее.

— Правда, она — не легкий орешек и сторонится мужчин. Вот почему на Таити ее прозвали Солитэр*.

Возьми кресло и садись, — мягко приказал Биг

* Одновременно «драгоценный камень» и «человек, любящий одиночество, отшельник».

девушке. — Ты скажешь мне, правду ли говорит этот человек. Сядь так, чтобы в тебя не попала пуля, — добавил он.

Девушка молча взяла кресло, такое же, как то, на котором сидел Бонд, и поставила его рядом. Сидя напротив него, она почти касалась ногой его правого колена. Она смотрела ему прямо в глаза.

Лицо ее было бледным и имело тот желтоватый оттенок, который приобретают белые, прожившие в тропиках долгое время. Тропическое солнце, однако, не повредило ей, и взгляд ее ярких, насмешливых глаз, устремленный на Бонда, был ироничен и содержал нечто, адресованное ему одному. Однако это выражение быстро исчезло, едва он попытался ответить ей взглядом.

Волосы иссиня-черной волной спадали на плечи. Высокие скулы и чувственный рот придавали лицу едва уловимое выражение жестокости. Прямой тонкий нос и решительный подбородок говорили о сильном характере. Она привыкла повелевать. Она была дочерью французского колониста.

Солитэр была в белом платье из тяжелого шелка, волнами спадавшего с плеч, обнажая шею и большую часть груди. Старинные бриллиантовые серьги украшали уши, на запястье тускло горел узкий золотой браслет. Колец она не носила, а ногти были коротко подстрижены и не покрыты лаком.

В ответ на изучающий взгляд Бонда Солитэр небрежно сдвинула руки, лежавшие на коленях, отчего ложбинка на ее высокой груди еще увеличилась.

Это был знак. По всей вероятности, что-то похожее на ответную теплоту выразилось и на холодном лице Бонда. Заметив это, мистер Биг в ту же секунду схватил свой маленький хлыст, взмахнул им в воздухе и с силой ударил Солитэр по спине.

Бонд вздрогнул сильнее, чем она. Глаза Солитэр сверкнули и снова погасли.

— Сядь как следует! — приказал Биг. — Не забывайся.

Солитэр медленно выпрямилась. Взяв в руки колоду карт и перетасовав их, она, возможно, из озорства, возможно, из показной храбрости подала Бонду второй знак, гораздо сложнее первого.

Зажав между пальцами валета червей и даму пик, она показала их Бонду, затем положила половинки

колоды себе на колени так, что валет и дама стали смотреть друг на друга. Затем обе карты как бы поцеловались, соединившись, и вновь потерялись в колоде.

За время своего немого представления, которое заняло всего несколько секунд, Солитэр ни разу не взглянула на Бонда, а у него сильно заколотилось сердце. Теперь у него был союзник.

— Ты готова, Солитэр? — спросил Биг.

— Да, карты готовы, — ответила девушка холодным, низким голосом.

— Мистер Бонд, теперь вы посмотрите в глаза этой девушке и повторите все, что вы говорили мне.

Бонд посмотрел в глаза Солитэр. Прежнее выражение исчезло, она холодно смотрела мимо него.

Он повторил то, что говорил раньше.

На несколько мгновений его охватил страх. Правда ли, что Солитэр читает мысли?! И сможет ли она солгать и спасти его?

В комнате воцарилась мертвая тишина. Бонд сидел с безразличным видом. Он посмотрел в потолок, затем вновь перевел взгляд на девушку.

Их взгляды опять встретились. Солитэр отвернулась, посмотрев в глаза мистеру Бигу.

— Этот человек говорит правду, — уверенно сказала она.

Глава VIII

«У ВАС НЕТ ЧУВСТВА ЮМОРА, МИСТЕР БОНД!»

Мистер Биг задумался. Казалось, он не может решиться. Наконец он нажал кнопку на интеркоме.

— Это ты, Болтун?

— Слушаю, босс!

— Этот американец, Лейтер, у вас?

— Да, сэр.

— Отделайте его хорошенько! Затем отвезите к госпиталю «Беллвью» и бросьте его неподалеку. Поняли?

— Так точно, сэр.

— И чтоб никто не увидел!

— Будет выполнено, сэр!

Мистер Биг отключил интерком.

— Черт бы вас побрал, Биг! Что же вы делаете?! — яростно закричал Бонд. — ЦРУ вам этого никогда не простит!!

— Не забывайте, мистер Бонд, у ЦРУ нет юридических прав в Америке. Данная секретная служба имеет право действовать только за рубежом. А ФБР им не союзник... Ти-Хи, подойди сюда!

— Слушаю, босс! — Ти-Хи подошел и встал рядом с Бигом.

Тот посмотрел в упор на Бонда.

— Каким пальцем руки вы дорожите меньше всего, мистер Бонд?

Бонд растерянно молчал, теряясь в догадках.

— Мне кажется, что, подумав, вы скорее всего пожертвуете мизинцем левой руки, — продолжал ровный голос. — Ти-Хи, сломай ему левый мизинец!

Негр странно захихикал фальцетом, оправдывая свое прозвище:

— Хи-хи... хи-хи...

Он вприпрыжку подбежал к Бонду. Тот судорожно ухватился за ручки кресла. На лбу выступил пот. Мысленно он старался представить себе, что его ждет, чтобы суметь контролировать боль.

Негр стал медленно отгибать левый мизинец Бонда, вцепившегося в ручки кресла.

Зажав мизинец между большим и указательным пальцами своей руки, Ти-Хи пытался отогнуть его вверх и назад, продолжая тихонько хихикать.

Бонд извивался в кресле, пытаясь опрокинуться вместе с ним, однако Ти-Хи придерживал спинку кресла свободной рукой. Пот лился градом по искривленному лицу Бонда. Он непроизвольно оскалился, судорожно стиснув зубы. Сквозь пелену нарастающей боли он видел Солитэр, смотревшую на него широко раскрытыми глазами.

Ти-Хи отогнул мизинец вверх и начал гнуть его назад. Раздался хруст.

— Довольно! — приказал мистер Биг.

Ти-Хи неохотно освободил руку Бонда.

Бонд зарычал, как раненое животное, и потерял сознание.

— У парня нет чувства юмора! — радостно заключил Ти-Хи.

Солигтер безвольно откинулась в кресле и закрыла глаза.

— У него был пистолет? — поинтересовался Биг.

— Да, сэр. — Ти-Хи достал из кармана «беретту» Бонда и передвинул ее по столу к мистеру Бигу. Тот осмотрел пистолет со знанием дела, взвесил его в руке и заглянул в дуло. Вынув патроны из обоймы, он передвинул его по столу в сторону Бонда.

— Приведи его в чувство! — приказал он Ти-Хи и посмотрел на часы. Стрелки стояли на трех.

Ти-Хи подошел к Бонду сзади и вонзил ногти в мочку его левого уха.

Бонд со стоном очнулся.

Увидев мистера Бига, он грязно выругался.

— Скажите спасибо, что живы, — ответил Биг без всякого выражения. — Любая боль предпочтительней смерти. Вот ваш пистолет. Я вытащил из него патроны. Ти-Хи, передай ему пушку.

Ти-Хи взял со стола пистолет Бонда и вложил его ему в кобуру.

— Я постараюсь коротко объяснить вам, — продолжал мистер Биг, — почему я решил подарить вам жизнь и позволил вам испытать всего лишь благословенное чувство боли вместо того, чтобы сбросить ваш вонючий труп в и без того очень грязную реку Гарлем. — Он промолчал, затем вновь продолжил: — Мистер Бонд, я сгораю от скуки. Я страдаю тем, что древние греки называли апатией или полным безразличием к жизни. У меня не осталось желаний. Я достиг совершенства в своей профессии — мне полностью доверяют те, кто изредка пользуется мной, боятся и беспрекословно подчиняются те, кем пользуюсь я. Я достиг всех высот, и мне нечего добиваться. Мой мир мной завоеван! Увы, слишком поздно менять свою жизнь, и, пока власть остается пределом всех устремлений, я останавлиюсь на достигнутом.

Бонд слушал его краем уха. Он начал обдумывать план спасения. Ощущая присутствие Солигтер в комнате, он избегал ее взгляда, не отрывая глаз от серого лица Бига.

Мягкий голос продолжил:

— Теперь я нахожу удовольствие, мистер Бонд, только в изощренных трюках и стараюсь довести мои операции до известного совершенства. Я стал почти маньяком, разрабатывая операции до мелочей, прида-

вая им элегантность и артистизм. С каждым днем я добиваюсь нового, еще большего совершенства и ставлю перед собой все более сложные задачи. Я ставлю личное клеймо на свою работу, как на работу Бенвенуто Челлини. И я свято верю, мистер Бонд, что совершенство, к которому я стремлюсь и которого так упорно день за днем добиваюсь, в конечном итоге прославит меня в веках!

Мистер Биг замолчал. Его черные зрачки расширились, взгляд стал отсутствующим, как у лунатика, преследуемого видениями. «Да у него мания величия! — догадался Бонд. — И это делает его еще более опасным. Большинство криминальных личностей движет алчность. А этот — не просто гангстер, он движим идеей и представляет серьезную угрозу». Бонд стал испытывать некоторое почтение к мистеру Бигу.

— Я стремлюсь к анонимности, — продолжал низкий голос. — Причины две. Во-первых, этого требует моя профессия, а, во-вторых, стремясь к анонимности, я стремлюсь к вечности... Признаваясь в своем тщеславии, я вижу себя безымянным художником, украшавшим могилы царей, навеки сокрытые от человеческих глаз. — Круглые глаза на секунду закрылись. — Однако вернемся к нашим проблемам, мистер Бонд. Я не убил вас сегодня утром потому, что мне не доставит эстетического наслаждения проделать вам дырку в животе. С помощью этой штуки, — он жестом показал на ящик стола, — я провертел их столько, что эта механическая игрушка, которая сама по себе — верх технического совершенства, вполне себя оправдала. Кроме того, как вы, вероятно, уже подумали, ваши друзья из разведки доставили бы мне кучу хлопот, разыскивая вас и вашего друга Лейтера и не давая мне заниматься более важными делами.

Поэтому, — мистер Биг посмотрел на часы, — я оставляю вам жизнь. Я дарю вам последний шанс, но ставлю условие. Вы, мистер Бонд, должны покинуть страну сегодня же, а мистер Лейтер примется за другую работу. У меня хватает забот с местными фараонами, а тут еще вы — из Европы...

Вот и все, — закончил он свою речь. — Если вы понадеетесь мне на глаза еще раз, то я придумаю вам конец, которого вы заслуживаете и который подскажет мне мой гениальный ум.

Ти-Хи, отведи мистера Бонда в гараж. Распорядись, чтобы его отвезли в Сентрал-парк и бросили в пруд. В случае сопротивления можете отдубасить его хорошенько, но не до смерти. Ясно?

— Так точно, босс! — ответил Ти-Хи, противно хихикая.

Он отвязал Бонда от кресла, затем заломил изуродованную руку ему за спину и рывком поставил на ноги.

— Вставай, англичанин! — приказал он Бонду.

Тот напоследок взглянул в огромное, серое лицо.

— Тот, кто заслуживает смерти, — Бонд сделал многозначительную паузу, — умирает той смертью, которую он заслуживает. Запомните это, — добавил он. — Это мой собственный афоризм.

Он посмотрел на девушку. Она сидела, потупясь, покорно сложив руки на коленях. Она так ни разу и не взглянула на Бонда.

— Пошли! — приказал Ти-Хи.

Он повернул Бонда лицом к стене и подтолкнул вперед, согнув поврежденную руку вверх с такой силой, что, казалось, она вылетит из предплечья. Бонд застонал и застылся. Он решил убедить Ти-Хи в своем послушании и хоть немного ослабить железную хватку. Кроме того, любое неверное движение могло сломать ему руку.

Ти-Хи подошел к стеллажу с книгами, нажал на одну из них. Огромный кусок стены повернулся вокруг оси, и Бонд ступил в открывшееся пространство. Негр повернул дверь обратно. Что-то дважды лягнуло. Через каменную толщину двери не доносилось ни единого звука. Перед ними был небольшой, устланный ковром коридор, в конце которого виднелась лестница, ведущая вниз. Бонд опять застонал от боли.

— Ти-Хи, ты ломаешь мне руку!

Бонд споткнулся, пытаясь измерить расстояние, разделявшее его с негром. Он вспомнил наставления Лейтера: «Самые уязвимые места — лодыжки, пах, сплетение, горло. Если ударишь в другое место, ломаешь руку».

— Заткнись! — ответил негр, но опустил руку Бонда на несколько дюймов ниже.

Этого было достаточно.

Они прошли почти весь коридор, до лестницы оставалось всего несколько шагов. Бонд опять споткнулся, и негр налетел на него. Бонд выиграл время.

Он молниеносно наклонился вперед и с разворотом ударил назад твердой рукой дзюдоиста, сразу достигнув цели. Негр завизжал, как подстреленный кролик, высвободив левую руку Бонда. Ти-Хи согнулся пополам, держась руками за пах и испуская звериные вопли. Бонд повернулся назад и с силой опустил рукоятку пистолета на затылок, покрытый кучерявым пушком. Раздался гулкий хлопок, как будто резко захлопнули дверь; негр застонал и упал на колени, вытянув вперед руки. Бонд подошел к нему сзади и стальным носком своего ботинка изо всей силы ударил негра по заднице, обтянутой штанами лимонного цвета.

Пролетев несколько метров по направлению к лестнице, негр издал свой последний вопль. Ударившись головой о железные перила, он кубарем скатился вниз. Послышался грохот, и наступила полная тишина.

Вытерев пот со лба, Бонд несколько секунд прислушивался. Рука разрывалась от боли и еле влезала в карман пальто, раздувшись почти вдвое. С пистолетом в правой руке Бонд подошел к лестнице и стал потихоньку спускаться.

От распростертого тела его отделяло всего несколько ступеней. Спустившись вниз, он постоял там немного, прислушиваясь. Где-то совсем рядом работал радиопередатчик, тоненько пикая. Бонд убедился, что звук доносился из-за двери внизу. Должно быть, там и был главный коммутатор Бига. Он стал обдумывать планы захвата. Обойма его пистолета была пуста, и он не имел представления, сколько людей было в охране. Должно быть, они работали в наушниках, если не слышали грохота свалившегося Ти-Хи. Бонд передумал и тихо проследовал дальше.

Ти-Хи умирал, а может быть, уже умер. Он лежал навзничь, раскинув в стороны руки. Его полосатый галстук закрывал лицо, как кожа дохлой гадюки. Бонд не почувствовал жалости. Он обыскал тело и нашел пистолет, заткнутый за пояс забрызганных кровью лимонных штанов. Это был кольт тридцать восьмого калибра с коротким стволом, которыми обычно пользовались детективы. Пистолет был заряжен. Бонд вложил пустую «беретту» к себе в кобуру, взял в руку кольт негра и мрачно усмехнулся.

Стоя перед маленькой дверью, запертой изнутри, Бонд приложил к ней ухо. Оттуда доносился невнятный звук работающего мотора. Должно быть, там на-

ходиллся гараж... Но почему мотор работал в такую рань? Бонд заскрежетал зубами. Он вспомнил, как мистер Биг по интеркому предупреждал тех, кто внизу, об их появлении. Они, наверное, беспокоились и с тревогой посматривали на дверь.

Бонд на мгновение задумался. У него было преимущество внезапного нападения. Ох, только бы петли двери оказались смазаны!..

Он почти не мог пользоваться левой рукой. Держа кольт в правой, он подергал первый засов локтем большой руки. Засов неожиданно с легкостью отворился. Осталось только нажать ручку. Бонд мягко потянул дверь на себя.

Она была очень тяжелой, и звук мотора резко усилился, как только образовалась щель. Машина была внутри! Одно неверное движение, и все пропало!! Бонд резко распахнул дверь и встал боком, как фехтовальщик, выбросив вперед руку со взведенным кольтком.

В нескольких шагах от него, напротив открытых дверей гаража стоял черный седан с работающим двигателем. Яркий свет освещал кузова других автомобилей. За рулем седана сидел здоровенный негр, второй стоял рядом, опираясь на заднюю дверь. Больше никого не было видно.

При виде Бонда негры раскрыли рты. Человек за рулем выронил изо рта сигарету. И только потом они вспомнили про оружие.

Инстинктивно Бонд выстрелил в стоящего рядом с машиной, чувствуя, что тот среагирует первым.

Выстрел гулким эхом отдался в полупустом гараже.

Негр схватился обеими руками за низ живота, проковылял два шага по направлению к Бонду и рухнул лицом на землю, с грохотом уронив пистолет на каменный пол.

Тот, кто сидел за рулем, истерично завизжал, увидев нацеленный на него пистолет. Ему мешал руль; рука, достававшая пистолет, застряла внутри пальто.

Бонд выстрелил прямо в орущий рот, голова негра со стуком ударилась о боковое стекло автомобиля.

Бонд обежал вокруг машины и открыл переднюю дверь. Негр вывалился наружу. Бонд бросил свой револьвер на сиденье и оттащил негра подальше, стараясь не испачкаться кровью. Наконец он сел за руль, радуясь тому, что седан был уже заведен и что рычаг переключения передач был на руле. Захлопнув дверь,

он положил раненую руку на левую половину руля и включил первую передачу.

Машина стояла на ручном тормозе. Для того чтобы отпустить его правой рукой, ему пришлось наклонить голову под рулевое колесо.

Это была опасная задержка. Тяжелая машина уже вылетала из широких ворот, когда раздались выстрелы. Одна из пуль ударила по машине сзади. Он резко вывернул руль вправо одной рукой, и следующая пуля прошла выше машины, попав в окно на другой стороне улицы.

Следующий выстрел пришелся понизу, и Бонд догадался, что первый из подстреленных негров каким-то образом дотянулся до своего пистолета.

Выстрелы прекратились, мимо проносились безмолвные здания. Набирая скорость, Бонд посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, что из гаража выбивался наружу лишь яркий свет, освещавший темную пустую улицу.

Он не имел ни малейшего представления о том, где находился, но продолжал ехать по широкой безликой улице. Он обнаружил, что едет по левой стороне, и быстро переключился на правую. Рука нестерпимо болела, и он придерживал руль большим и средним пальцами, стараясь не касаться левой двери, испачканной кровью. Ему попадались навстречу лишь маленькие, призрачные струйки пара, вырывающиеся из специальных решеток системы отопления города. Колеса машины подминали их под себя, но в зеркало Бонд видел, как они вновь поднимались, раскачиваясь на тонких ножках, как маленькие привидения.

Бонд держал пятьдесят, проскакивая на красные сигналы светофоров. Миновав несколько кварталов, он выехал на освещенную авеню. Вместе с другими машинами он поехал прямо на зеленый сигнал. Затем, свернув налево и попав в «зеленую волну», он с каждым километром все больше отдалялся от своих врагов. На перекрестке Бонд прочитал указатель. Он находился на пересечении Парк-авеню и Сто шестнадцатой-стрит. Выехав на следующую улицу, он снова затормозил. Это была Сто пятнадцатая. Значит, он направлялся от Гарлема в сторону Сити.

Бонд продолжал ехать прямо, затем свернул на Шестидесятую. Улица была пустой. Выключив двигатель, он оставил машину напротив пожарной колонки.

Взял пистолет, засунул его за ремень и дальше пошел пешком вдоль Парк-авеню.

Спустя несколько минут Бонд остановил такси и вскоре уже поднимался по ступеням отеля «Сент-Риджис».

— Вам просили передать письмо, мистер Бонд, — сказал ночной портье.

Бонд распечатал письмо правой рукой, стараясь не показывать портье левый бок, испачканный кровью. Письмо было от Феликса Лейтера: «Позвони мне сразу, как только появишься». Внизу проставлено время — 4 часа утра.

Бонд подошел к лифту и поднялся на свой этаж в номер 2100. Не раздеваясь, он сразу же прошел в гостиную.

Итак, они были живы! Бонд упал в кресло, стоявшее рядом с телефонным столиком.

— Всемогуший Боже! — произнес он с чувством глубокого облегчения. — Какое счастье, что я снова здесь!!

Глава IX

ВЕРИТЬ, НЕ ВЕРИТЬ?

Бонд задумчиво посмотрел на телефон, затем поднялся и подошел к буфету. Положив несколько кусочков льда в высокий бокал, он налил себе двойную порцию виски и поболтал бокалом, чтобы размешать лед. Одним большим глотком он выпил половину содержимого, поставил бокал на стол и снял пальто. Левая рука так распухла, что он с трудом вытащил ее из рукава. Мизинец почернел и торчал вверх, задевая за ткань и причиняя невыносимую боль. Бонд снял галстук и расстегнул воротник. Затем отпил еще один большой глоток виски и подошел к телефону.

Лейтер ответил сразу же.

— Слава Богу, вы живы! — искренне обрадовался он. — Досталось крепко?

— Мизинец сломан, — ответил Бонд. — А у вас?

— Удар дубинкой по голове. Потерял сознание на время. Впрочем, ничего страшного. Сначала они хотели придумать что-нибудь оригинальное, скажем, привязать меня за ухо к компрессору в гараже, потом что-нибудь еще. От Бига не поступало никаких указаний, и им ста-

ло скучно. Мы с Болтуном, это у которого шестизарядный револьвер, стали спорить о джазе. Начали с Дюка Эллингтона и пришли к единому мнению, что нам нравится больше ударный джаз, нежели духовой, а самый лучший дуэт — фоно и ударник. А всякие там соло, Джелли-Ролл Мортон, скажем, чистое барахло. Кстати о Дюке. Я рассказал ему анекдот про кларнет. Так он чуть со смеху не умер. Прямо полюбил меня парень. Честное слово! Тогда другой мужик по прозвищу Тряпка обиделся на Болтуна и сказал, что тот может убираться ко всем чертям, он сам за мной последит. И тут позвонил Большой парень...

— Это я уже знаю, — ответил Бонд. — Мне в это время было не до веселья!

— Болтун очень расстроился. Он начал бегать по комнате и разговаривать сам с собой. Вдруг он как схватит дубинку да как даст мне по голове! Я вырубился. Очнулся, когда подъезжали к госпиталю «Беллвью». Примерно в половине четвертого ночи. Болтун все время извинялся передо мной и говорил, что это лучшее, что он мог сделать. И я ему поверил... Он очень просил меня не выдавать его. Он скажет, что бросил меня полумертвого в водосточной канаве. А я обещал приукрасить эту историю в своем отчете. Расстались друзьями. Мне сделали срочную перевязку в госпитале и отпустили домой. Я страшно волновался за вас, Бонд, затем мне начали звонить из полиции и ФБР. Похоже, Большой пожаловался, что какой-то сумасшедший англичанин напился до чертиков в «Бонни-Ярде» и пристрелил двух шоферов с официантом — как вам это нравится, а? Потом угнал у него машину, оставив пальто и шляпу в гардеробе. Большой жаждет мести. Я рассказал все как было и детективам, и фэбээровцам. Но они злые как черти... Похоже, нам надо скорее убираться из города, пока не подняли шумиху на радио и на телевидении. В утренних газетах пока ничего не было. Мистер Биг теперь и без этого будет гоняться за вами, как раненый бык. Я кое-что уже придумал на этот счет. Теперь расскажите, что с вами было... Ах, Бонд, я чертовски рад слышать ваш голос!

Бонд самым подробным образом описал все, что произошло, не скрыв ничего от Лейтера. Когда он закончил, Феликс присвистнул от удивления.

— Вот это да! — воскликнул он с восхищением. — Здорово вы насолили Большому парню! Но где-то вам

повезло... И эта дама по имени Солитэр здорово помогла вам!! Как вы думаете, мы бы могли ее использовать дальше?

— Могли бы, если бы смогли до нее добраться, — грустно ответил Бонд. — Большой никуда ее от себя не отпускает.

— Что ж, подумаем и об этом, — рассуждал Лейтер. — А теперь нам лучше рвать когти, и поскорее. Я вам позвоню через несколько минут и перво-наперво пришлю вам врача из полиции. Будьте готовы впустить его минут через пятнадцать. А я сейчас же переговорю с комиссаром насчет полицейских дел. Они смогут оттянуть время, сказав, что нашли машину. Фэбээршники займутся газетчиками и телевидением, чтоб не болтали пока лишнего про сумасшедшего англичанина и всякое такое... А то они и британского посла за уши из постели выташат или устроят марш в защиту цветного населения Америки! Или еще черт знает что могут придумать!! — Лейтер хохотнул в телефон. — Лучше свяжитесь с вашим шефом в Лондоне. Сейчас у них половина одиннадцатого. Пусть замолвит за вас словечко! ЦРУ я беру на себя, но фэбээрсовцы, похоже, переживают очередной приступ шпиономании. Пришлю вам другую одежду. Спать не ложитесь! Отоспимся, когда подохнем. До встречи!!

Лейтер повесил трубку. Бонд про себя улыбнулся. Приятно было слышать энергичный голос Лейтера и знать, что он обо всем позаботится. Бонду стало легко на душе. Он забыл об усталости и о пережитом.

Набрав телефонный номер, он заказал разговор с Англией. Его попросили подождать минут десять.

Он прошел в спальню, с трудом разделся и принял душ. Побрившись, он ухитрился надеть на себя чистую рубашку и брюки. Затем вставил новую обойму в «берретту», а кольт, завернув в грязную рубашку, засунул в чемодан. Он почти закончил свои дела, когда зазвонил телефон.

Он вслушивался в шумы и трески на линии, прорываемые болтовней операторов и сигналами Морзе с самолетов и кораблей. Он мысленно представил себе большое серое здание неподалеку от Ридженте-парка, телефонный коммутатор, многочисленные чашки чая и девушку, отвечающую:

— Да! Это «Юниверсал Экспорт»!

Бонд заказал именно этот адрес: он был одним из кодов для срочных прямых переговоров из-за границы. Девушка сообщит главному, а тот соединит его с кем надо.

— Вы можете говорить, соединяю, — услышал он голос девушки за окном. — Нью-Йорк вызывает Лондон.

Бонд узнал спокойный английский голос.

— «Юниверсал Экпорт» слушает. Кто говорит?

— Я бы хотел связаться с управляющим, — ответил Бонд. — Это его племянник Джеймс из Нью-Йорка.

— Одну секунду, сэр...

Бонд знал, что сигнал попадет к мисс Манни-Пенни, и мысленно увидел, как она включает кнопку на интеркоме. «Вас вызывает Нью-Йорк, сэр, — скажет она. — Похоже, агент 007». «Соедините меня с ним», — ответит мистер М.

— Да? — спросил холодный голос, который Бонд так любил и которому он подчинялся.

— Это Джеймс, сэр, — сказал Бонд. — Мне нужна ваша помощь. Я попал в трудную ситуацию.

— Выкладывайте, — ответил голос.

— Вчера в городе я встретился с нашим главным покупателем. Пока я был там, заболели его трое лучших помощников.

— Серьезно заболели? — спросил голос.

— Самым серьезнейшим образом, — ответил Бонд. — Здесь эпидемия гриппа.

— Надеюсь, вы не свалились?

— Слегка трясет, сэр, — ответил Бонд. — Но беспокоиться пока рано. Я напишу вам обо всем подробно. Беда в том, что в связи с эпидемией «федералы» советуют мне побыстрее убраться из города. — Бонд хохотнул про себя, представив себе ухмылку шефа. — Поэтому я уезжаю вместе с Фелицией.

— Вместе с кем? — спросил М.

— С Фелицией. — Бонд по буквам произнес это имя. — Это моя новая секретарша из Вашингтона.

— Ах, да, как же, помню...

— Может, мне попробовать разобраться с этой фабрикой, про которую вы говорили, в Сан-Педро?

— Что ж, неплохая идея.

— Но у «федералов» могут быть и другие идеи на этот счет, и мне может понадобиться ваша поддержка.

— Я все понимаю, — ответил М. — Как бизнес?

— Перспективы хорошие, сэр. Но пока идет трудно. Фелиция напечатает вам подробный отчет сегодня же.

— Хорошо! — сказал М. — Еще что-нибудь?

— Нет, это все, сэр. Спасибо за поддержку!

— Олл'райт, держитесь в форме. Пока!

— Прощайте, сэр!

Бонд широко улыбнулся, положив телефонную трубку. Он представил себе, как шеф звонит начальнику штаба: «007 уже затеял свару с ФБР. Этот идиот вчера вечером отправился в Гарлем и уколошил трех людей Бига. Повредился, но не слишком. Теперь ему надо убраться из города вместе с цэрэушником Лейтером. Собирается в Сент-Питерсберг. Лучше предупредить «А» и «С». Ожидаю срочного звонка из Вашингтона. Передайте «А», что я им сочувствую, но 007 пользуется моим особым доверием и я уверен, что он действовал в целях самообороны. Пообещайте им, что больше такое никогда не повторится. Как поняли?» Бонд опять усмехнулся, представив себе, как Дамон из кожи вон лезет, вешая лапшу на уши Вашингтону, когда у него и так полно всяких дел с улаживанием англо-американских конфликтов.

Вновь зазвонил телефон. Это опять был Лейтер.

— Слушайте, Бонд, — сказал он. — Все несколько успокоилось. Похоже, ребята, которых вы уложили, были препакастными созданиями: Ти-Хи Джонсон, Сэм Майами, а третьего звали Мак Тинг. Все разыскивались полицией по разным поводам. Так что ФБР вас прикроет. Они, конечно, поупирались, а полиция просто в бешенстве! Фэбээрошники уже запрашивали вашего шефа о возможности отправить вас домой. Вытащили его прямо из постели, завидуют вам скорее всего. Но мы с шефом отстрелялись. Все равно, нам надо поскорее убраться из города. Я все уже устроил. Нам нельзя появляться вместе, поэтому вы поедете поездом, а я полечу самолетом.

Бонд прижал телефонную трубку к плечу, доставая бумагу и карандаш.

— Записываю, — сказал он в трубку.

— Станция Пенсильвания. Поезд 14. Отходит сегодня в 10.30 утра. Название поезда — «Серебряный фантом». Следует до Сент-Питерсберга с остановками в Вашингтоне, Джэксонвилле и Тампе. Я взял вам купе «Н», вагон 245. Билет у проводника на имя Брюса. Пройдете коридор № 14 и попадете к поезду. Сразу же

садитесь в купе, запрячьтесь и не высовывайтесь до самого отхода. Через час я вылетаю в западном направлении, так что вы остаетесь один. Если возникнут трудности, позвоните Декстеру, только не удивляйтесь, он зол на вас как собака. Поезд должен прибыть на место завтра к полудню. Возьмите такси и направляйтесь в Эверглейдс, Западное побережье Мексиканского залива, район Сансет-Бич. Это курортное место, известное под названием Остров Сокровищ. От Сент-Питерсберга туда идет шоссе, дорога. Таксисты знают, как ехать.

Там я буду вас ждать. Поняли? И, ради Бога, будьте осмотрительней! Я не шучу. Большой из кожи вон лезет, чтобы добраться до вас, а полицейский эскорт до поезда лишь привлечет к вам внимание. Возьмите такси до вокзала и постарайтесь, чтобы вас никто не увидел. Я отослал вам новую шляпу и теплое пальто. За номер уплачено. Вот, кажется, и все... Есть вопросы?

— Что ж, выглядит все неплохо, — ответил Бонд. — Я разговаривал с М. Он обещал утрясти с Вашингтоном. Я тоже советую вам быть осмотрительней. Вы для них — цель номер два. До завтрашней встречи, Феликс!

— Я обещаю вам быть осторожней, — уверил Лейтер. — Пока!

Была уже половина седьмого, и Бонд, отодвинув шторы, увидел, как солнце встает над городом. Внизу еще было темно, но сверху гигантские сталагмиты уже освещались розовым светом, как будто армия светлячков включала огни в многочисленных сотах.

Полицейский врач закончил свою работу, доставив Бонду несколько неприятных минут.

— Перелом! — объявил он, осмотрев палец Бонда. — Недели две поболит. Как получилось?

— Прищемил дверью, — ответил Бонд.

— Держитесь подальше от таких дверей, — пошутил врач. — Опасная вещь, эти двери... Надо бы их запретить особым законом... Хорошо, что не голову прищемили!

Врач ушел, и Бонд заканчивал собирать вещи. Он уже начал подумывать о завтраке, когда вновь зазвонил телефон.

Он ожидал, что услышит чей-нибудь хриплый басок из ФБР или из полиции. Вместо этого низкий настойчивый женский голос попросил подождать мистера Бонда.

— Кто говорит? — спросил Бонд, пытаясь оттянуть время. Он уже знал ответ.

— Я знаю, что это вы, — сказал голос, и Бонд почувствовал, что она говорит прямо в трубку. — Это Солитэр, — она едва выдохнула свое имя.

Бонд помедлил с ответом, всеми силами стараясь разгадать, что происходит на другом конце провода. Была ли она одна? Или она говорила из дому, не зная, что разговор прослушивается? А может быть, в комнате был сам мистер Биг, подсказывающий ей ответы с ручкой и блокнотом в руке?

— Послушайте! — произнес голос. — У меня мало времени. Верьте мне... Я говорю из аптеки, и я должна немедленно вернуться домой. Пожалуйста, верьте мне!

Бонд достал носовой платок и стал говорить сквозь него.

— Хорошо, я попытаюсь связаться с мистером Бондом. Что передать ему?

— Черт бы вас побрал! — прокричала девушка, и в голосе ее прозвучали истерические нотки. — Клянусь моей матерью, моими будущими детьми!! Мне надо бежать отсюда!! И вам нужно бежать, мистер Бонд! Возьмите меня с собой! Я знаю много его секретов! Поторопитесь, я разговариваю с вами, рискуя собственной жизнью!! — В голосе ее послышались рыдания. — Ради Бога, доверьтесь мне! Вы должны!! Должны!!

Бонд продолжал молчать. Мозг его напряженно работал.

— Послушайте, — вновь заговорила девушка, но голос ее потерял уверенность. — Если вы не возьмете меня с собой, я умру! Поняли? Вы что, хотите убить меня?

Если это было игрой, то хорошей. Риск был огромный, но Бонд наконец решил. Он стал говорить прямо в трубку, слегка понизив свой голос.

— Если это двойная игра, Солитэр, я уничтожу вас. Поняли? Теперь записывайте...

— Подождите! — возбужденно ответила девушка. — Я сейчас...

«Если это подстроено, — подумал Бонд, — она бы заранее приготовила бумагу и карандаш».

— Подъезжайте к станции Пенсильвания ровно в 10.20 утра. Экспресс «Серебряный фантом» до... — он заколебался... — Вашингтона. Вагон 245, купе «Н». Назовитесь миссис Брюс. Если меня там не будет, возь-

мете билет у проводника. Садитесь в купе и ждите меня. Понятно?

— Да, — ответила девушка. — Спасибо! Большое спасибо!!

— Постарайтесь, чтобы вас никто не узнал. Наденьте вуаль или что-нибудь в этом роде.

— Да, да, конечно! — ответила девушка. — Я все сделаю, как нужно. Я обещаю... — Она повесила трубку.

Бонд посмотрел на замолчавшую трубку и положил ее на рычаг.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал он вслух. — Все уже решено.

Поднявшись на ноги, он потянулся. Затем подошел к окну и посмотрел вниз, ничего не видя перед собой. Мысли его скакали как бешеные. Пожав плечами, он снова повернулся к телефону и посмотрел на часы. Они показывали 7.30.

— Служба заказов. Доброе утро! — ответил ласковый голос.

— Принесите, пожалуйста, завтрак, — попросил Бонд. — Двойной ананасовый сок, кукурузные хлопья со сливками, омлет с беконом, двойной «экспресс», то-сты и мармелад.

— Будет исполнено, сэр, — ответила девушка, повторив заказ. — Сейчас принесем.

— Большое спасибо!

— Всегда рады, сэр!

Бонд усмехнулся: «Приговоренный к смертной казни решил плотно позавтракать!» Он сел у окна и стал смотреть в чистое небо, пытаясь представить себе свое будущее.

Тем временем в Гарлеме у пульта главного коммутатора Шепот передавал описание Бонда всем Глазам, дежурившим в городе:

— Проверьте все железнодорожные станции, аэропорты. Угол Пятой-авеню и Пятьдесят пятой-стрит, отель «Сент-Риджис». Мистер Биг приказал проверить все загородные шоссе. Передайте это всем! Все вокзалы и аэропорты...

Глава X

«СЕРЕБРЯНЫЙ ФАНТОМ»

Закрыв лицо высоко поднятым воротником нового пальто, Бонду удалось ускользнуть от засады. Он покинул отель через аптеку-закусочную на Пятдесят пятой-стрит, соединявшейся дверью с отелем.

Он стоял за стеклянной дверью аптеки, ожидая такси. Увидев проезжавшую мимо машину, он быстро выбежал навстречу и, придерживая дверь локтем больной руки, забросил легкий чемодан на сиденье. Такси почти не затормозило. Негр, собиравший пожертвования для цветных ветеранов корейской войны, и его товарищ, копавшийся в моторе якобы неисправной машины, еще долго следили за выходом из отеля «Сент-Риджис», пока их не снял с караула проезжавший мимо автомобиль, дав два коротких и один длинный гудок.

Бонда заметили позже, при выходе из такси у станции Пенсильвания. Негр, прогуливавшийся по платформе с плетеной корзинкой в руках, быстро зашел в телефонную будку. Часы показывали 10.15.

До отхода поезда оставалось четверть часа. Перед самым отправлением негр-официант вагона-ресторана сказался больным. На его место в срочном порядке был направлен другой, получивший самые подробные инструкции по телефону. Шеф-повар с большим подозрением отнесся к новенькому, но тот шепнул ему пару слов, и шеф замолчал, суеверно вращая глазами и нервно вертя в руках свой тотем, который висел на веревочке вокруг шеи.

Бонд быстро прошел через стеклянный вокзал и коридор 14 к своему поезду.

Серебряный экспресс, растянувшись на четверть мили, лениво дремал в полумраке подземной станции. В переднем отсеке локомотива деловито жужжал на холостом ходу резервный генератор маршевого двойного дизеля 4 000 лошадиных сил. Фиолетовые и золотые полосы, обозначающие поезд, следовавший вдоль морского побережья, ярко выделялись на элегантном корпусе локомотива, освещенные электрическими лампочками. Машинист и помощник наверху в блестящем алюминии моторном отсеке мирно попивали чаек и лениво посматривали за работой приборов. Поезд был готов к отправлению.

В глубокой пещере под городом царила железобетонная тишина, и каждый звук нарушал ее громким эхом.

Пассажиров пока было мало. Многие сядут в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе и Вашингтоне. Бонд прошел метров сто вдоль состава, тихо отпечатывая шаги по пустой платформе, пока не дошел до вагона № 245 ближе к хвосту поезда. В дверях вагона стоял негр-проводник в очках и пульмановской униформе. Выражение скуки на его черном лице соседствовало с дружелюбием. Пониже окон вагона тянулась золотая надпись: «Ричмонд, Фредериксбург и Потомак», а еще ниже — название пульмановского вагона — «Беллсильвания». Из-под двери вагона просачивалась тоненькая струйка белого пара систем отопления.

— Купе «Н», — сказал Бонд проводнику.

— Вы мистер Брюс, сэр? Миссис Брюс уже села.

Бонд вошел в вагон и проследовал дальше по грязновато-коричневому коридору, покрытому толстым ковром. Пахло старым сигарным дымом, как в большинстве американских поездов дальнего следования. В одном из проемов висела табличка: «ЗА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ УДОБСТВАМИ ОБРАЩАТЬСЯ К ПРОВОДНИКУ». Ниже была вставлена карточка с именем: «СЭМЮЭЛЬ Д. БОЛДУИН».

Бонд прошел больше половины вагона. В купе «Е» расположилась респектабельная американская чета, остальные были пусты. Дверь в «Н» была закрыта. Бонд подергал за ручку двери — она была заперта изнутри.

— Кто там? — беспокойно спросил женский голос.

— Я, — ответил Бонд.

Дверь открылась. Бонд вошел, поставил на пол свой чемодан и повернул ключ в двери.

Солитэр была в строгом черном костюме и в черной соломенной шляпке с широкой вуалью. Рука в черной перчатке прижата к горлу, и сквозь вуаль Бонд разглядел, что лицо было бледным, а глаза широко раскрыты. Она была очень красива и здорово походила на французку.

— Слава Богу, это вы! — воскликнула Солитэр.

Бонд поспешно оглядел купе. Открыв дверь в туалет, он заглянул и туда. Там никого не было.

— Отъезжаем! — сказал громкий голос на станции.

Они услышали, как проводник убирает железную лестницу и закрывает дверь вагона. И вот они уже мягко

катились по рельсам. Резко и монотонно гудели автоматические сигналы семафоров, колеса слегка постукивали на стыках — состав набирал скорость. К лучшему или к худшему, но они продвигались вперед.

— Где вы сядете? — поинтересовался Бонд.

— Мне все равно, — нервно ответила девушка. — Как хотите!

Бонд пожал плечами и сел спиной к двигателю. Он предпочитал сидеть лицом по ходу поезда.

Девушка сидела напротив и напряженно вглядывалась в него. Состав проходил под длинным тоннелем, где сходились ветки на Филадельфию.

Солитэр сняла шляпку, отколола вуаль и положила их на сиденье рядом с собой. Затем она вытащила из волос несколько шпилек и, слегка потрянув головой, рассыпала черные волосы по плечам. Под глазами легли глубокие тени, говорившие о бессонной ночи.

Их разделял небольшой столик. Внезапно она наклонилась вперед и потянула к себе его правую руку, склонилась и поцеловала ее. Нахмурившись, он попытался отдернуть руку. Солитэр задержала ее в своей на несколько мгновений.

Подняв на него свои ясные голубые глаза, она прошептала:

— Спасибо!.. Спасибо вам за то, что поверили мне. Вам это было не так уж просто. — Она отпустила его руку и выпрямилась.

— Я рад, что сделал это, — ответил Бонд невпопад, мысленно пытаюсь разгадать эту женщину. Пошарив в кармане, он вытащил сигареты и зажигалку. Здоровой рукой он попытался открыть пачку «Честерфилда», поскребывая ногтем по целлофановой обертке.

Солитэр взяла у него из рук пачку. Открыв ее ногтем большого пальца, она вынула сигарету, зажгла и протянула Бонду. Он улыбнулся и посмотрел ей в глаза, ощущая привкус ее помады.

— Я выкуриваю три пачки в день, — сообщил он. — Вам придется как следует поработать.

— Я буду только открывать новые пачки, — рассмеялась она. — Не думайте, что я собираюсь нянчиться с вами до самого Сент-Питерсберга.

Глаза Бонда сузились, улыбка исчезла с его лица.

— Не думаете ли вы, что я поверила, что мы направляемся только до Вашингтона, — сказала она. — Вы колебались с ответом, когда мы говорили по телефону,

А кроме того, мистер Биг был уверен, что вы отправляетесь во Флориду. Я слышала, как он предупреждал своих людей о вашем появлении. Он говорил по междугородной с человеком по кличке Гробовщик. Биг приказал ему следить за аэропортом в Тампе и за железнодорожными составами. Быть может, нам лучше сойти с поезда раньше, в Тарпон-Спрингс или в маленьком городе на побережье? Вас видели, когда вы садились в поезд?

— Я не заметил слежки, — ответил Бонд. Взгляд его вновь смягчился. — А вы? Как вам удалось улизнуть?

— По этим дням я посещаю уроки пения. Биг хочет сделать меня певичкой в «Бонни-Ярде». Один из его людей, как обычно, отвез меня на урок и в полдень должен был забрать меня. Я вышла пораньше — Бига это не удивило. Мы часто завтракаем вместе с моим учителем. Мне это давало возможность хоть иногда не присутствовать на трапезах Бига, как он этого хотел. — Солитэр посмотрела на часы. Бонд заметил, что часы были дорогие в золотом и платиновом корпусе. — Меня хватят примерно через час. Подождя, пока отъедет машина, я вышла на улицу и позвонила вам. Затем схватила такси и поехала в город. Купила зубную щетку в аптеке и разные мелочи. С собой я взяла только драгоценности и пять тысяч долларов, о которых Биг ничего не знает. Надеюсь не быть вам финансовой обузой, — усмехнулась она. — Теперь они мне, наверное, понадобятся. — Она жестом взмахнула в окно. — Вы подарили мне новую жизнь! Около года он держал меня взаперти, он и его негритянская банда. Здесь я чувствую себя как в раю!

Они проезжали по равнинной и болотистой местности между Нью-Йорком и Трентоном. Вид из окна был довольно унылый и напоминал Бонду некоторые участки довоенной транссибирской железной дороги. Единственным отличием были изредка попадавшиеся огромные рекламные щиты да кладбища старых машин.

— Я постараюсь придумать для вас что-нибудь лучше, — улыбнулся Бонд. — Только не надо благодарить меня. Мы ведь квиты! Прошлой ночью вы спасли мне жизнь. — Он посмотрел на Солитэр с любопытством. — А вы действительно телепатка?

— Да, это так! — согласилась Солитэр. — Или нечто в этом роде. Я часто знаю, что произойдет, в особенности с другими людьми. Возможно, я слегка преувели-

чиваю свои возможности... Когда я жила на Таити и зарабатывала на жизнь как могла, у меня было неплохое шоу в кабаре, основанное на телепатии. Местные слепые верили в колдовство и черную магию. Меня почитали как ведьму. Поверьте, когда я впервые увидела вас у Бига, я поняла, что вы спасете мне жизнь. Кроме того, — она покраснела, — у меня бываюг видения...

— Какие видения?

— Не знаю, — смущенно ответила она, отведя взгляд. — Просто видения — и все... Поживем увидим. Но нам придется нелегко, — добавила она серьезно. — И предстоит много опасностей. И вам, и мне. — Она замолчала. — Сможете ли вы позаботиться о нас обоих?

— Я сделаю все от меня зависящее, — ответил Бонд. — Но прежде всего нам обоим надо хорошенько выспаться. Давайте что-нибудь выпьем, съедим по сандвичу, а потом попросим проводника, чтобы он постелил постель. Не надо смущаться, — добавил он, увидев, что она потупилась. — Мы двое участвуем в этом деле... И проведем вдвоем в этом спальном вагоне 24 часа. Незачем быть такой щепетильной. В конце концов, вы ведь миссис Брюс, — усмехнулся Бонд, — и вам придется играть свою роль до конца. Но не до самого, — решил он ее успокоить.

Солитэр рассмеялась в ответ. Глаза ее оценивающе смотрели на Бонда. Не ответив, она нажала на кнопку вызова чуть пониже окна.

Проводник и официант прибыли одновременно. Бонд заказал два коктейля из виски, бутылку пшеничного «Старый дедушка», бутерброды с цыпленком и кофейный суррогат «Санка», чтобы не испортить сон.

— Вам следует доплатить, мистер Брюс, — вежливо напомнил проводник.

— Конечно, — ответил Бонд. Солитэр потянулась к сумочке. — Не нужно, дорогая, — остановил ее Бонд, вытаскивая бумажник. — Ты забыла, — впервые назвал он ее на «ты», — что отдала мне деньги на сохранение перед отъездом из дому.

— Даме понадобится куча денег на летние платья, — заметил проводник. — В Сент-Питере магазины чертовски дорогие. Еще там чертовски жарко! Вы раньше-то бывали во Флориде?

— Всегда проводим там это время года, — ответил Бонд.

— Приятного вам путешествия! — пожелал проводник.

Дверь за ними закрылась, и Солитэр радостно рассмеялась.

— Меня вам не сбить с толку, — сказала она Бонду. — Будьте поосторожней, а то я придумаю что-нибудь необыкновенное. Во-первых, я собираюсь зайти туда! — она показала на дверь за спиной Бонда. — Я, должно быть, ужасно выгляжу!

— Вперед, дорогая! — со смехом ответил ей Бонд.

Он повернулся к окну и стал смотреть на маленькие деревянные домики пригородов Трентона. Он любил ездить в поезде и с удовольствием делал это сейчас.

Состав замедлил ход. Они проплывали мимо железнодорожных пакгаузов, пустых товарных составов с географическими названиями: «Лакауанна», «Чесапик и Огайо», «Ле Хай Вэлли», «Сиборд Фрут Экспресс» или «Ачесон», «Топика» и «Сан-Фе», в которых заключалась вся романтика железных дорог Америки.

Вспомнив об английских железных дорогах, Бонд вздохнул и начал обдумывать свое теперешнее положение.

Хорошо это или плохо, но он решил доверять Солитэр. Вернее, использовать ее в своих целях. Он не получил ответа на многие из своих вопросов, но сейчас было не время задавать их. Надо было думать о том, что мистеру Бигу был нанесен очередной удар, да еще самый болезненный, бывший по его самолюбию.

Что же касается девушки... Ему доставляло удовольствие поддразнивать ее, она забавляла его своими ответами. Кроме того, он был рад, что они перешли невидимую границу в своих отношениях и стали немного ближе.

Правду ли говорил Биг, что она сторонится мужчин? Он сомневался в этом. Она казалась вполне открытой любви и мирским соблазнам. В любом случае, и он это знал, к нему она относилась с симпатией. Ему хотелось, чтобы она поскорее пришла и села напротив, а он бы смотрел на нее, разговаривал с нею и медленно открывал ее для себя. Солитэр... Какое красивое имя! Удивительно, что ее так прозвали в грязных ночных клубах в Порт-о-Пренсе. В ней была отрешенность и некоторая загадочность. Он представлял себе ее одинокое детство на заброшенной плантации, приходящей в упадок, и стремительное наступление тропиков... Родители умерли, а дом продали за долги. Затем проживание в столице в

обществе одного или двух верных слуг. Красота, ее единственное достоинство, и постоянные предложения стать «гувернанткой», «компаньонкой» и «секретаршей», означавшие респектабельную проституцию. Первые неверные шаги в шоу-бизнесе. Вечерние представления в ночном клубе с показом магических актов. Страх суеверных людей перед нею. Одиночество... Встреча с серым гигантом, сидевшим однажды за столиком. Обещание устроить шоу на Бродвее. Шансы на новую жизнь и возможность уйти от грязи и одиночества...

Бонд резко отвернулся от окна. Романтическая история — одна из многих. Возможно... Похоже, что с ней это так и было.

Солитэр вернулась и проскользнула на место. Она посвежела и выглядела вполне веселой.

— Вы думали обо мне, — сказала она, внимательно смотря на Бонда. — Я это чувствовала. Не бойтесь, в моей жизни было не так много грязи. Я все расскажу вам когда-нибудь, когда у нас будет время. Сейчас мне хочется забыть о прошлом. Я лишь назову вам мое настоящее имя. Симон Латрелль, но вы можете называть меня как вам угодно. Мне 25 лет, и в данную минуту я абсолютно счастлива. Мне нравится в этой маленькой комнате. Но я голодна и очень хочу спать. Где вы ляжете?

Бонд улыбнулся в ответ. Он на секунду задумался.

— Не слишком благородно с моей стороны, но, думаю, мне лучше занять нижнюю полку, поближе к полу. Так, на всякий случай... Не думаю, что есть серьезные основания для беспокойства, — добавил он, видя, что Солитэр нахмурилась. — Но у мистера Бига длинные руки, особенно в негритянском мире. Не исключая и поезда. Не возражаете?

— Нет конечно, — ответила Солитэр. — Я сама хотела предложить вам. Кроме того, вам трудно забраться наверх с вашей бедной рукой.

Негр-официант принес завтрак. Он выглядел озабоченным и быстро ушел, едва получив деньги.

Покончив с завтраком, Бонд позвонил, чтобы вызвать проводника. Вид у него был довольно рассеянный, он явно избегал взгляда Бонда. Начав стелить постели, он шумно возился, давая понять, что ему мешают.

Наконец он набрался храбрости.

— Может, миссис Брюс посидит в соседнем купе, пока я не постелю, — сказал он, смотря поверх головы

Бонда. — Соседнее купе будет свободно до самого Сент-Питерсберга. — Он вынул из кармана ключ и отпер дверь в соседнее, смежное с ними купе, не дожидаясь согласия Бонда.

Повинуясь жесту, Солитэр вышла. Бонд услышал, как она заперла на ключ дверь в коридор. Негр захлопнул дверь в соседнее купе.

Бонд не начинал говорить, пытаясь вспомнить, как зовут негра.

— Вы что-то хотели сказать мне, Болдуин? — наконец спросил он. Проводник с облегчением обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— Так точно, мистер Брюс. — Начав, Болдуин не мог остановиться. — Не надо бы мне этого говорить вам, мистер Брюс, но в этом поезде у нас не все в порядке... У вас есть враг, мистер Брюс. Да, сэр... Я кое-что слышал, что мне совсем не понравилось. Все не могу вам сказать, сам попаду в беду. Но вам надо быть очень осторожным. Да, сэр! Кое-кто хочет убить вас, вот какие плохие новости! Возьмите лучше вот это, — пошарив в кармане, он протянул Бонду два деревянных клинышка. — Подложите под дверь, — посоветовал он. — И больше я ничего не могу для вас сделать. Я и так рискую... Они перережут мне горло. Так и знайте, сэр! Но мне не нравится, когда вредят моим пассажирам. Нет, сэр, не нравится!!

Бонд взял в руки клинышки.

— Но...

— Больше ничем не могу вам помочь, сэр, — сказал негр непререкаемым тоном, взявшись за ручку двери. — Вызовите меня сегодня вечером, и я принесу вам ужин. Больше никому не открывайте.

Он протянул руку и взял 25-долларовую бумажку. Скомкав, он засунул ее в карман.

— Сделаю все, что смогу, сэр. Но они и до меня доберутся. Точно! — Он вышел и быстро захлопнул дверь.

Бонд задумался на мгновение, затем открыл дверь в соседнее купе. Солитэр читала.

— Все готово! — воскликнул Бонд. — Очень долго возился с бельем. Попытался мне рассказывать о себе. Я посижу здесь, пока ты не ляжешь в свое гнездышко. Крикнешь мне, когда ляжешь.

Заняв место Солитэр, Бонд стал смотреть на мрачные предместья Филадельфии, выставлявшие свои язвы, как это делают нищие, вслед проходящему поезду.

Ни к чему пугать Солитэр. Опасность пришла даже раньше, чем он рассчитывал. И для нее она была ничуть не меньше, чем для его собственной жизни.

Солитэр позвала, и он вернулся в купе. Там царил полумрак, горел только ночник над кроватью, который она включила.

— Спокойной ночи! — сказала она.

Бонд снял пиджак. Он осторожно засунул клинышки под обе двери. Затем, стараясь не задеть руку, он лег на правый бок и, отогнав мрачные мысли, сразу же провалился в глубокий сон под мерный перестук колес.

...А в это время негр-официант вагона-ресторана вновь прочитал телеграмму и стал ожидать 10-минутной стоянки в Филадельфии...

Глава XI

ALLUMEUSE*

Наступил яркий полдень. Поезд с грохотом мчался на юг. Позади остались Мэриленд, Пенсильвания и долгая стоянка в Вашингтоне. Сквозь сон Бонд слышал размеренные гудки маневровых паровозов и мягкий голос, объявлявший по радио. Теперь они проезжали Виргинию. Здесь было теплее, повеяло весной. Подумать только — в пяти часах езды отсюда в Нью-Йорке еще кусались морозы!

Возвращавшиеся с полей негры, заслышав грохот проходящего поезда, вытаскивали часы из карманов:

— 6-часовой... Часы ходят правильно!

— Верно!! — подхватывали другие, провожая взглядами серебряные вагончики, катившие в сторону Северной Каролины.

Они проснулись в районе семи под торопливое жужжание вагонного будильника на подступах к окрестностям города Роли. Прежде чем включить свет и вызвать проводника, Бонд вытащил клинья из-под двери.

Он заказал сухое мартини. Увидев две крошечные бутылочки на подносе с бокалами и кусочками льда, он усмехнулся и сразу же заказал еще четыре.

Они немного повздорили, заказывая еду. В меню

* Кокетка, привлекательная женщина (фр.).

предлагалось «нежное филе из рыбы, тающее во рту» и «хорошо прожаренные цыплячи ножки с золотистой корочкой».

— Надувательство! — уверенно заявил Бонд, остановив свой выбор на простой яичнице с беконом, сосисках с салатом и домашнем «камамбере» — приятном дополнении почти всех американских трапез.

В девять в купе зашел Болдуин, чтобы убрать посуду, осведомившись у Бонда, чем он еще мог быть полезен.

Бонд призадумался.

— Когда мы прибудем в Джэксонвилл? — спросил он.

— Примерно в пять утра, сэр.

— Есть ли на вокзале вход в метро?

— Да, сэр. Наш вагон останавливается прямо напротив.

— Не могли бы вы заранее открыть дверь и быстро поставить лестницу?

Негр улыбнулся.

— Хорошо, сэр. Я сделаю все, как вы просите.

Бонд положил ему в карман 10-долларовую бумажку.

— Это на случай, если я не увижу вас по прибытии в Сент-Питерсберг.

Болдуин оскалился в улыбке.

— Я так ценю вашу доброту, сэр. Спокойной ночи, сэр, спокойной ночи, мэм.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

Бонд встал и вновь подложил клинья под обе двери.

— Все ясно, — промолвила Солитэр. — По-моему, у нас начались проблемы!

— Боюсь, ты права, — ответил Бонд и рассказал ей то, что узнал от Болдуина.

— Меня это совсем не удивляет, — сказала девушка, когда Бонд закончил. — Должно быть, вас видели садящимся в поезд. У Бига целая свора шпионов, которых он называет Глазами. От них почти невозможно скрыться. Интересно, кто из его людей находится здесь, в поезде? Можно с полной уверенностью предположить, что это негр. Либо один из проводников, либо один из официантов. О, Биг обладает огромной властью над этими людьми!..

— Похоже, что это так, — согласился с ней Бонд. — Но как ему это удастся? Чем он на них воздействует?

Солитэр уставилась взглядом в черный туман за окном, расступавшийся перед грохочущим, ярко освещенным составом. Переведя взгляд на сидящего напротив нее английского агента секретной службы с холодными серо-голубыми глазами, Солитэр подумала: «Можно ли объяснить это человеку, усвоившему определенные правила, воспитанному на здравом смысле, привыкшему носить эlegantный костюм и туфли, жить в теплом доме и вечером выходить на освещенные улицы? Можно ли объяснить это человеку, который никогда не жил в тропиках и не зависел от их прихотей, кто не испытал на себе магическое действие шаманских тамтамов, не склонялся в священном ужасе, заслышав их грохот? Что может он знать о значении медитаций, о передаче мыслей на расстояние и о шестом чувстве, которым обладают рыбы, птицы и туземцы, живущие в тропиках? Разве он понимает, что означают перо белой курицы, две скрещенные палки, лежащие на дороге, или кожаная сумка с костями и травами? Что такое «лишить человека тени» или «подчиниться зову предков?»»

Солитэр вздрогнула, пытаясь отогнать мрачные мысли. Она была еще ребенком, когда ее черная нянька впервые отвела ее к шаману.

— Выпей, это не причинит тебе вреда, маленькая мисс. Это очень полезный напиток. Будешь жить до 100 лет! — Шаман был отвратительным, грязным стариком, напиток обжег ее внутренности. Нянька насильно открыла ей рот, заставив выпить зелье до капли. Потом Солитэр не спала ночами, вскрикивая от боли. Нянька перепугалась. Наконец все прошло, а через несколько дней Солитэр нашла под подушкой грязный сверток, набитый дрянью. Она вышвырнула его в окно, а утром сверток исчез. Должно быть, нянька спрятала его под половицами.

Через несколько лет Солитэр узнала, из чего делают колдовское зелье. Это была настойка из рома, черного пороха, могильной грязи и человеческой крови.

Ну что он мог понимать во всем этом? И мог ли он поверить в это, хотя бы наполовину, как верила она?

Солитэр подняла глаза и встретила вопросительный взгляд Бонда.

— Ты думаешь, мне не понять этого? — прочел он ее мысли. — До какой-то степени ты права. Но я знаю, что такое страх и что он может делать с людьми. Я прочитал много книг о шаманстве и верю в силу его воздей-

ствия. Не думаю, что мог бы поддаться ему... Я с детства не боюсь темноты и плохо поддаюсь внушению и гипнозу. Не буду смеяться над тем, что ты скажешь. Ученые и врачи, которые описали всю эту тарабарщину, вполне серьезные люди.

Солитэр улыбнулась.

— Так знайте, — сказала она, — что мистера Бига почитают как ожившую тень Барона Самэди или Зомби. Зомби — страшные существа. Это ожившие мертвецы, которые подчиняются тому, кто может управлять ими. Барон Самэди — самая мрачная фигура в черной магии. Он воплощает дух мрака и смерти. Барон Самэди повелевает своим собственным Зомби. Помните, как выглядит мистер Биг? Благодаря своим гигантским размерам, серому цвету кожи и дару внушения он с легкостью убеждает негров в том, что он — очень плохой, страшный Зомби. Ему нетрудно выдавать себя за самого Барона Самэди. Недаром же он держит в комнате его тотем.

Солитэр на мгновение замолчала. Затем, едва переведя дыхание, она заговорила очень быстро:

— Могу сказать вам, что он обладает огромным даром. Еще ни один негр, который видел его или слышал его слова, не отказывался поверить в него и почитать его как колдуна. Он внушает смертельный ужас. Да это и понятно, — добавила она. — Вы тоже стали бы почитать его, если бы видели, как он расправляется с теми, кто не оказал ему полного послушания, каким пыткам и какой смерти он их подвергает.

— Но как со всем этим связана Москва? — спросил Бонд. — Правда ли, что Биг — агент СМЕРШа?

— Не знаю, что такое СМЕРШ, — ответила девушка. — Но знаю, что Биг работает на Россию. Во всяком случае, я слышала, как он говорил по-русски с людьми, которые приходили к нему время от времени. Иногда он приглашал меня в комнату, а впоследствии спрашивал, что я думаю о том или ином человеке. В большинстве случаев мне казалось, что они говорили правду, хотя я и не понимала по-русски. Не забывайте, что с Бигом я знакома всего год и он необычайно скрытен. Если Москва использует его как агента, то она использует одного из самых могущественных людей в Америке. Он не признает запретов и тайн и может выяснить все, что захочет. Он оставляет трупы повсюду.

— Не убить ли нам его самого? — спросил Бонд.

— Его невозможно убить, — ответила Солитэр. — Он и так уже мертв. Ведь он — Зомби.

— Да... Теперь я понимаю, — протянул Бонд. — Запутанное дельце! Ну что, попытаемся свалить Бига вместе?

— Убийство — последнее средство, — нехотя согласилась она. — Не забывайте, что я родом из Таити. Умом я знаю, что могла бы убить его, но сердцем... — Она беспомощно развела руками. — Я понимаю, что нет.

Она взглянула на Бонда с покорной улыбкой.

— Вы, верно, считаете меня беспомощной дурочкой?

Он задумался над ее вопросом.

— Нет, я слишком много читал об этом! — Он снисходительно посмотрел на нее и накрыл ее руки, лежащие на столе, своей ладонью. — Когда придет время, — с улыбкой заметил он, — я вырежу крест на одной из своих пуль. Говорят, что в старые времена это здорово помогало.

— Я верю, что вы — единственный, кто может справиться с Бигом, — задумчиво ответила Солитэр. — Ведь вы жестоко отомстили ему прошлой ночью за то, что он сделал с вами. — Она взяла руку Бонда в свои и крепко сжала ее. — Теперь скажите мне, что я должна делать, чтобы помочь вам?

— Теперь ты должна лечь спать, — приказал Бонд и посмотрел на часы. Было десять часов вечера. — Нам нужно спать, и как можно больше. Рано утром в Джексонвилле мы улизнем с поезда и постараемся, чтобы нас никто не увидел. Поищем другую дорогу на побережье.

Они стояли друг против друга в раскачивающемся вагоне.

Внезапно Бонд наклонился и обнял ее правой рукой. Солитэр обхватила его за шею, и они страстно поцеловались. Прижав ее к раскачивающейся стенке купе, Бонд не отпускал ее. Солитэр тяжело дышала, пытаясь удержать его лицо в своих ладонях. Глаза ее загорелись страстью. Она придвинула его губы к своим и поцеловала его долго и властно, как будто она была мужчиной, а он — женщиной.

Бонд проклинал свою больную руку, мешавшую ему раздеть ее и овладеть ее телом. Высвободив правую руку и положив ей на грудь, он чувствовал ее соски, напрягшиеся от желания. Затем он провел вниз по спине, пока не дошел до уютной ложбинки внизу. Оставив там свою

руку, он крепко прижал Солитэр к себе и стал целовать ее.

Сняв руки с шеи Бонда, она слегка оттолкнула его.

— Я всегда знала, что встречу такого человека, как ты, и буду с ним вот так целоваться, — сказала она. — Когда я увидела тебя впервые, я сразу поняла, что ты и есть этот человек.

Она выпрямилась, прижав руки к бедрам.

— Ты очень красива, — сказал ей Бонд. — И целуешься лучше, чем все, кого я встречал раньше. — Он посмотрел на свою руку, замотанную бинтами. — Будь проклята эта рука! Я не могу обнять тебя как следует. Я не могу заняться с тобой любовью. Рука болит слишком сильно. За это нам следует рассчитаться с мистером Бигом сполна.

Солитэр весело рассмеялась.

Вынув из сумочки носовой платок, она вытерла помаду с его губ. Затем, откинув волосы у него со лба, она опять поцеловала его легко и нежно.

— Ничего страшного, — сказала она ему. — Но нам еще о многом надо подумать.

Его вновь качнуло к ней.

Положив руку на левую грудь Солитэр, он стал целовать ее белое горло. Потом опять поцеловал ее в губы.

Он почувствовал, что напряжение, охватившее его тело, понемногу стало спадать. Взяв Солитэр за руку, он вытащил ее на середину купе, раскачивающегося из стороны в сторону.

— Возможно, ты и права, — с улыбкой заметил он. — Когда наступит время, мне бы хотелось остаться с тобой наедине и ни о чем не думать. Но в этом поезде есть человек, а возможно, и не один, который хочет навредить нам. А завтра мы встанем в четыре утра. Не стоит заниматься любовью сегодня... Ложись спокойно спать, а я поцелую тебя на прощание.

Они еще раз медленно поцеловались, и Бонд отошел в сторону.

— Посмотрим, не поселился ли кто-нибудь у нас за стеной, — сказал он.

Осторожно вынув клинья из-под двери в соседнее купе, он мягко повернул ключ в замке. Вынул «беретту» из кобуры, поставил ее на предохранитель и жестом приказал Солитэр открыть дверь и встать за нею. Она быстро открыла дверь — в соседнем купе было пусто.

Бонд, улыбнувшись, пожал плечами.

— Позовешь меня, когда ляжешь, — сказал он, выходя в соседнее купе.

Дверь в коридор была заперта на ключ. Купе было точно такое же, как и то, которое они занимали. Бонд внимательно осмотрел его, ища уязвимые места. На потолке было единственное отверстие для вентиляции, и Бонд, привыкший учитывать все возможные варианты, решил, что его вряд ли используют для того, чтобы напустить, скажем, газа в купе. Тогда пострадали бы все пассажиры в вагоне. Канализационные трубы в туалете? Через них можно было ввести какое-нибудь смертельное вещество, но для этого нужно обладать акробатическими способностями и недюжинной храбростью, пробравшись к отверстию снизу поезда. Вентиляционного выхода в коридор не было.

Скорее всего, они воспользуются дверью. Что ж, ему придется не спать до утра.

Солитэр позвала его. В комнате пахло духами «Вент-Вэр» от Балмена. Она смотрела на него сверху, опершись на локоть.

Вокруг ее плеч была обернута простыня, и Бонд полагал, что под ней ничего не было. Освещенные ночником волосы спадали темной волной. Лицо находилось в тени. Он взобрался наверх по небольшой алюминиевой лестнице и наклонился, чтобы поцеловать ее. Солитэр потянулась к нему навстречу, и в этот момент простыня упала с плеч...

— Черт возьми! — пробормотал Бонд. — Ты...

Она закрыла ему рот рукой.

— Allumeuse — самое подходящее слово для этого, — прошептала она. — Мне нравится дразнить тебя, такого сильного и молчаливого... От тебя исходит какая-то грозная энергия... Я могу только играть с тобой, да и то недолго. Когда же заживет твоя рука?

Бонд больно укусил ее за ладошку, закрывавшую ему рот. Солитэр взвизгнула.

— Думаю, скоро, — ответил он. — А когда ты снова начнешь играть со мной, я распну тебя, как грешницу на кресте.

Она обвила его шею руками; они поцеловались долго и страстно.

Наконец она откинулась на подушку.

— Поправляйся скорее, — сказала она. — Эта игра меня начинает утомлять.

Бонд спустился вниз, задернув штору над ее полкой.

— Постарайся поспать как следует, — посоветовал он. — Завтра нам предстоит тяжелый день.

Солитэр что-то пробормотала в ответ, повернулась на другой бок и выключила лампу.

Бонд проверил клинья под обеими дверьми. Затем, сняв пиджак и галстук, он лег на нижнюю полку. Выключил свет и начал думать о Солитэр, слушая старую песню, которую выстукивали колеса поезда и под которую так хорошо спалось.

Было одиннадцать часов ночи. Поезд проходил большой участок в Джорджии между Колумбией и Саванной. До Джэксонвилла оставалось шесть часов. Шесть часов темноты и ночного безмолвия, которыми непременно воспользуется человек Бига, выполняя полученные от шефа инструкции.

Огромный экспресс отстукивал километры, проносясь, как освещенный призрак, мимо пустынных равнин и небольших деревень Джорджии, которую называли «персиковым» штатом. Призывный гудок дизель-поезда прорезывал пустоту саванны. Яркий свет прожектора спереди прокладывал путь в черной, как гуталин, ночи.

Бонд опять включил свет и попытался читать, но мысли его были направлены на другое. Вскоре он сдался и выключил свет. Теперь он стал думать о Солитэр, о будущем, о том, что они будут делать в Сент-Питерсберге и Джэксонвилле, о встрече с Лейтером.

Около часа ночи, когда он уже задремывал, не в силах бороться со сном, раздался мягкий металлический стук рядом с его головой. Бонд моментально проснулся и стал прислушиваться, не выпуская «беретты» из рук.

Кто-то стоял за дверью купе в коридоре, пытаясь осторожно открыть замок.

Бонд вскочил на ноги и босиком подошел к двери в соседнее купе. Осторожно вытащил клинья из-под двери, нажал на ручку и тихонько открыл дверь. Пройдя через купе, он так же осторожно попытался открыть дверь в коридор.

Засов отворился с оглушительным лязгом. Бонд, рывком открыв дверь и быстро выскочив в коридор, увидел убегающую фигуру уже почти в конце коридора.

Ах, если бы у него были свободны обе руки! Он смог бы выстрелить в бегущего человека! Когда же он открывал дверь, ему пришлось засунуть «беретту» за пояс. Он понимал, что преследование было бесполезным. Большинство купе были пустыми, и убежавшему ничего не

стой... заскочить в одно из них и спрятаться там. Бонд все предвидел заранее. Его единственным шансом было внезапное нападение.

Он подошел к двери купе «Н». Внизу под дверью белел кусочек бумаги. Бонд сразу же вернулся в свое купе, пройдя через соседнее, и включил ночник. Солитэр не проснулась. Записка лежала на полу под дверью. Бонд взял ее в руки, не подумав об отпечатках пальцев (не те это люди...), и развернул ее. На клочке дешевой бумаги в линейку большими красными буквами было написано:

О, злая колдунья, не губи меня.
Пощади меня. Взамен возьми его тело.

Волшебник-шаман обещал,
Что встанет с рассветом
И ударит в тамтам для ТЕБЯ ранним утром,
Ранним, ранним утром.

О, злая колдунья, убивающая детей неразумных,
О, злая колдунья, убивающая детей неразумных,
Волшебник-шаман обещал,
Что встанет с рассветом
И ударит в тамтам для ТЕБЯ ранним утром,
Ранним утром, ранним утром.

Обращаюсь к ТЕБЕ,
Чтобы ТЫ поняла...

Бонд лег на свою полку и глубоко задумался.

Сложив записку, он убрал ее в бумажник и стал ожидать рассвета, лежа на спине с открытыми глазами.

Глава XII

ПАНСИОНАТ «ЭВЕРГЛЕЙДС»

Около пяти часов утра Бонд и Солитэр незамеченными сошли с поезда в Джэксонвилле.

Было еще темно, и пустая платформа крупнейшего железнодорожного узла во Флориде была освещена тусклым светом ночных фонарей. Вход в метро находился в нескольких шагах от их вагона. Поезд еще спал. Бонд попросил Болдуина закрыть их купе на ключ и за-

дернуть шторы в надежде, что их не хватятся до самого Сент-Питерсберга. Они подошли к билетной кассе на выходе из метро и убедились, что следующий экспресс до Сент-Питерсберга, который назывался «Серебряный метеор» и был родным братом «Фантома», прибывал в девять часов утра. Взяв два билета в пульмановский вагон, они вышли на темную улицу под руку с Солитэр. Было довольно тепло.

Два или три ночных ресторана были открыты. Толкнув дверь одного из них, яркой неоновой вывеской предвешавшего «славную кормежку», они вошли в обычное, неряшливое кафе-автомат, каких много в Америке. За цинковой стойкой, заваленной пачками сигарет, сладостями и книгами в дешевых обложках, скучали усталые официантки. В углу стояли кофейный «экспресс» и большие сифоны для газировки. Дверь с табличкой «ДЛЯ ОТДЫХА» скрывала страшные тайны, такая же дверь рядом с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» была, вероятно, служебным входом. Несколько мужчин в униформе, сидевшие за грязными столиками с давно не мытыми графинчиками, едва взглянули на них и вновь продолжили разговор. «Вторая поездная бригада», — подумал Бонд.

Справа от выхода находились несколько тесных кабинок. Проскользнув в одну из них, Бонд и Солитэр мрачно разглядывали замусоленное меню.

Наконец одна из официанток лениво подошла к столу и, опершись на стенку кабинки, молча уставилась на Солитэр.

— Апельсиновый сок, кофе, яичница — дважды, — коротко распорядился Бонд.

— О'кей, — ответила девушка и так же лениво проплыла в обратную сторону.

— Наверняка принесут не яичницу, а омлет, — ворчливо заметил Бонд. — В Америке толком яйца не сварят. Вид — отвратительный, когда их варят без скорлупы, предварительно взбивая в чашечке. Бог знает, кто научил этому американцев! Немцы скорее всего. А в таких забегах кофе готовят хуже, чем где-либо в мире, даже в Англии. Надеюсь, сок они не испортят? Итак, мы во Флориде! — Перспектива 4-часового ожидания в грязной забежке повергла Бонда в уныние.

— В Америке все бросились делать большие деньги, — заметила Солитэр. — Для покупателя это всегда плохо. Все, что им нужно, это быстренько выманить де-

нежки и выпихнуть вас поскорее на улицу. Ничего, скоро мы будем на побережье. Там наступил сезон миллионеров, особенно на восточном. Богачей там «стригут», как барашков. Впрочем, так им и надо! Они ведь едут туда, чтобы провести там остаток жизни... С собой на тот свет все не унесешь!

— Боже правый! — воскликнул Бонд. — Ну и местечко мы выбрали!

— Сент-Питерсберг — праздник живых мертвецов, — успокоила его Солитэр. — Это Великое американское кладбище. Как только банковский служащий, почтовый работник или простой железнодорожный кондуктор достигают 60 лет, они все отправляются в Сент-Питерсберг, зажав в кулачке свою пенсию или ежегодную ренту, чтобы погреться на солнышке несколько лет перед смертью. Сент-Питерсберг называют еще городом Солнца. Погода там почти всегда прекрасная! Там даже вечернюю газету «Индепендент» раздают бесплатно в те дни, когда не бывает солнца. И для газеты — это прекрасная реклама, поскольку такое случается не чаще, чем три-четыре раза в год. Спать там ложатся в девять часов вечера, не позже, а днем собираются кучками, чтобы поиграть в шафлборд* или бридж. В городе имеется две бейсбольные команды — «Козлятушки» и «Ребятюшки» — все игроки не моложе 75 лет. Иногда они играют в кегли, а в основном собираются в стайки, усаживаясь на скамеечках, поставленных в несколько рядов вдоль всей набережной, как в театре. Там они греются на солнышке, подремывают, сплетничают о том, о сем. Зрелище ужасающее — все эти старички со слуховыми трубками, очками и клацающими вставными челюстями!

— Звучит довольно мрачно, — заключил Бонд. — Какого черта мистер Биг выбрал такое место для своих дел?!

— Местечко идеальное, — серьезно возразила Солитэр. — В Сент-Питерсберге почти нет преступности, за исключением мелкого жульничества при игре в бридж и канасту**. Полицейских там очень мало. Пограничников больше... Они следят в основном за перевозками на Кубу и в Тампу, а также за запретной ловлей губок в Тарпон-Спрингсе. Я точно не знаю, какими делами там занима-

* Игра с передвижением деревянных кружочков по размеченной доске.

** Карточная игра.

стся Биг, но его главного агента в Сент-Питерсберге зовут Гробовщик. Он должен иметь отношение к Кубе, — задумчиво добавила она. — У них дела с коммунистами. Куба командует Гарлемом, раскинув шпионскую сеть на Карибах.

Итак, — продолжила Солитэр, — Сент-Питерсберг, возможно, самый невинный город в Америке. Там все «простенько и со вкусом». Еще его называют «профилактическим» или «домом отдыха для алкоголиков». Правда, для очень старых, — рассмеялась она. — Таких, которые уже никому не причинят вреда. Тебе там понравится. — Лицо ее приняло коварное выражение. — Может, и ты захочешь провести там остаток дней, как олдстеры*? Какое меткое слово!

— Не приведи Бог! — гневно воскликнул Бонд. — Это напоминает мне английские морские курорты в Борнмуте и Торки. Только в миллион раз хуже! Надеюсь, нам не придется участвовать в состязаниях по стрельбе вместе с Гробовщиком и его друзьями! Мы с тобой вдвоем, пожалуй, отправим еще сотню-другую олдстеров на кладбище. Сердце у них не выдержит! Что, там совсем молодых нет?

— Да есть, конечно! — Солитэр весело рассмеялась. — Молодых там довольно много. А кто же вытягивает денежки из олдстеров? Там куча мотелей и авто-салонов, и можно сделать целое состояние, устраивая соревнования по игре в бинго**. Давай я буду твоим зазывалой! Дорогой мистер Бонд, — торжественно сказала она, взяв его за руку, — согласны ли вы поселиться в Сент-Питерсберге вместе со мной и благородно состариться?

Бонд выпрямился и критически посмотрел на нее.

— Для начала я хотел бы просто пожить с тобой вдвоем, оставив в сторону благородство. У нас, наверное, это неплохо получится, — усмехнулся он. — Но, впрочем, меня вполне устраивает, что спать там ложатся в девять часов.

В ответ она лукаво улыбнулась и отняла свою руку, увидев, что принесли завтрак.

— Очень хорошо, — сказала она. — Ты ложись спать в девять вечера, а я ускользну незаметно из дома и пойду развлекаться с «Козлятушками» и «Ребятюшками».

* Старичок-юнец (англ.).

** Игра типа лото.

рак был очень плох, как и предсказывал Бонд.

Расплатившись, они отправились в комнату ожидания.

Солнце уже встало, яркие лучи хлынули в сводчатый зал ожидания сквозь пыльную решетку высокого окна. Они сидели одни в уголке, ожидая прихода поезда. Бонд расспрашивал Солитэр о мистере Биге и его темных делах.

Иногда он записывал число или имя, в основном уже зная все, что она могла ему сообщить. В Гарлеме у Солитэр была квартира в том же квартале, что и у мистера Бига, где он держал ее пленницей почти целый год. В качестве «компаньонки» к ней были приставлены две негритянки, никуда не отпускавшие ее без охраны.

Время от времени Биг приказывал привести Солитэр в комнату, где уже побывал Бонд. Она должна была угадать, правду ли говорили мужчины и женщины, привязанные к креслу. Ее ответы зависели в основном от того, какими она ощущала этих людей — добрыми или злыми. Она понимала, что часто ее ответ означал смертельный приговор этим людям, оставаясь равнодушной к судьбе тех, кто казался ей злым. Белые среди них попадались редко.

Бонд записал некоторые даты и имена.

Все, что она рассказала ему о Биге, создавало впечатление могущественного и энергичного человека, жестокого и безжалостного, повелевающего огромной негритянской империей.

О золотых монетах Солитэр знала мало. Лишь несколько раз Биг заставлял ее спрашивать у своих пленников, сколько монет и за какую цену они уже продали. Чаще всего они лгали.

Бонд старался не показывать вида, что он многое знал и о многом догадывался. Его растущие теплота и влечение к Солитэр были спрятаны в потайном уголке сердца, не имеющем отношения к его профессиональной жизни.

«Серебряный метеор» подошел вовремя. Они с облегчением покатали дальше, вырвавшись из тесного мирка железнодорожной станции.

Дизель-поезд мчался по Флориде, по лесам и болотам, поросшим испанским мхом. За окном долгими километрами протянулись цитрусовые плантации.

Вся центральная часть штата имела призрачный, бледный, почти покойнический вид из-за обилия мха. Поч-

ти такими же выглядели маленькие города с деревянными домиками, поросшими мхом и иссушенными жарким солнцем. Зелеными и живыми казались только цитрусовые, увешанные спелыми плодами.

Смотря в окно на странный и молчаливый, как будто заколдованный лес, Бонд подумал, что жить там могут только летучие мыши да скорпионы, рогатые жабы да черные пауки.

После обеда они неожиданно выехали на побережье Мексиканского залива и понеслись мимо зарослей мангровых пальм, бесконечных мотелей и стоянок автофургонов. Бонд уловил аромат незнакомой Флориды — страны рекламы и развлечений. «Флориды — мисс Апельсин 1954 года».

Они вышли на маленькой станции в местечке Клируотер, последней остановке перед Сент-Питерсбергом. Бонд взял такси, назвав водителю Остров Сокровищ в 30 минутах езды от Клируотера. Было два часа дня, солнце немилосердно пекло, сияя в безоблачном небе. Солитэр решительно сняла шляпку с вуалью.

— Липнет к лицу! — заявила она. — И потом, вряд ли меня здесь видела хоть одна живая душа.

Сидящий в такси здоровенный негр с изрытым оспинами лицом в автомобильной пробке на пересечении Парк-стрит и Сентр-авеню, там, где она широким фриуэем выходит на Остров Сокровищ, увидел в стоящей рядом машине профиль Солитэр.

Открыв от изумления рот, он тут же приказал водителю свернуть на обочину. В ближайшей аптеке-закусочной он заказал срочный разговор с Сент-Питерсбергом.

— Это Рябой! — настойчиво прокричал он в трубку. — Мне нужен Гробовщик! Очень срочно!! Алло, Гробовщик? Послушай, мне кажется, Большой в городе!!! Что ты имеешь в виду, ты с ним вчера разговаривал? Он в Нью-Йорке? Я только что видел его девчонку в такси из Клируотера! Направлялись на остров... Абсолютно уверен!! Клянусь мамой!!! Я не мог перепутать... С ней был мужчина в синем костюме и серой шляпе. Как будто у него был шрам на лице... Что ты имеешь в виду, «следуй за ними»? Я же сказал тебе, Большой в городе, а ты говоришь «нет»!! Подумай, лучше я позвоню тебе и проверю... О'кей, о'кей... Я потрясу таксиста, когда он

будет ехать обратно. О'кей! О'кей!.. Ладно, не кипятись. Я ничего плохого не сделал!..

Ровно через пять минут человек по кличке Гробовщик связался с Нью-Йорком. Он был готов к появлению в городе Бонда, но откуда взялась здесь девчонка? Закончив разговор с Бигом, он так и не понял этого, зато получил четкие инструкции.

Повесив трубку, он несколько минут размышлял, барабанив пальцами по столу. Десять кусков за это дело. Ему понадобятся еще двое. Тогда ему достанется восемь. С вожделением облизнув губы, он стал названивать в плавательный бассейн при ночном баре в Тампе.

Бонд отпустил такси в «Эверглейдсе», неподалеку от аккуратных деревянных коттеджей, окружавших с трех сторон зеленую квадратную лужайку, которая через 50 ярдов переходила в ярко-белый песчаный пляж. Отсюда открывался великолепный вид на Мексиканский залив, зеркальная поверхность которого на линии горизонта сливалась с таким же безоблачным небом.

Контраст по сравнению с Лондоном, Нью-Йорком и Джэксонвиллом был огромен!

Бонд открыл дверь с надписью «КОНТОРА»; Солитэр покорно следовала за ним. Он позвонил в колокольчик, под которым было написано «УПРАВЛЯЮЩАЯ — МИССИС СТИВЕНСОН», и перед ними тотчас же появилась сморщенная старушка с редкими голубоватыми волосами. Она едва улыбнулась тонкими, высохшими губами:

— Что вам угодно, сэр?

— Скажите, здесь мистер Лейтер?

— Ах, да! А вы, должно быть, мистер Брюс? Коттедж номер один справа от пляжа. Мистер Лейтер ожидает вас с самого завтрака. А это?.. — Старушка направила свой лорнет в сторону Солитэр.

— Миссис Брюс, — подсказал Бонд.

— Ах да, конечно! — пробормотала миссис Стивенсон с недоверчивым видом. — Потрудитесь оставить запись в журнале, а потом, я думаю, вам и миссис Брюс не помешает освежиться после долгого путешествия. Адрес полностью... Спасибо, сэр!

Она провела их по бетонной дорожке к самому последнему коттеджу в левом ряду. В дверях появился Лейтер. Рассчитывавший на самую теплую встречу, Бонд

изумился при виде реакции Феликса. Остолбенев от неожиданности, он застыл на пороге коттеджа с раскрытым от удивления ртом. Его соломенные волосы, на концах которых еще сохранилась черная краска, торчали клоками во все стороны.

— Вы, кажется, не знакомы с моей женой, — первым заговорил Бонд.

— Нет. То есть, да... Конечно! Очень рад познакомиться!

Казалось, Феликс потерял дар речи. Забыв о Солитэр, он почти втащил Бонда в комнату. В последний момент, вспомнив о ней, схватил ее другой рукой за плечо и втащил вслед за собой, захлопнув дверь перед самым носом миссис Стивенсон, раскрывшей рот, чтобы произнести следующую фразу...

Лейтер все еще не мог осознать случившегося. Стоя посреди комнаты, он быстро переводил взгляд с Бонда на Солитэр.

Джеймс опустил чемодан на пол небольшого холла, из которого выходило две двери. Открыв одну из них, он пропустил вперед Солитэр. Они вошли в небольшую гостиную с окнами на море. Комната была уютно обставлена бамбуковой мебелью, обшитой пенопластом и китайским шелком с большими цветами. Пол украшал коврик, сплетенный из пальмовых листьев. В центре каждой стены нежно-голубого цвета висела картина в бамбуковой раме с изображением тропического цветка. Посреди комнаты стоял большой круглый стол из бамбука с зеркальным верхом, ваза с цветами и телефон белого цвета. Широкие окна и дверь справа выходили на пляж. Белые пластиковые жалюзи наполовину приспущены, загораживая комнату от сильного солнечного света, отраженного белым песком.

Бонд и Солитэр сели. Бонд закурил, швырнув зажигалку и сигареты на стол.

Неожиданно раздался телефонный звонок. Подпиравший дверь Лейтер очнулся, как от глубокого сна, подошел к телефону и взял трубку.

— Слушаю, — сказал он. — Соедините меня с лейтенантом. Это вы, лейтенант? Он приехал! Да, вот так!! Просто вошел в дом, да и все тут... Да нет, как будто на месте... — Он несколько минут слушал то, что говорил ему лейтенант, затем повернулся к Бонду. — На какой станции вы пересели с «Фантома»? В Джэксонвилле, —

сообщил он в трубку. — Да, я доложу... Я все узнаю подробно и перезвоню вам. Позвоните в отдел криминальной полиции, будьте добры. А также соединитесь с Нью-Йорком. Весьма признателен вам, лейтенант. Орландо, 9000? О'кей. Еще раз большое спасибо! Пока. — Лейтер положил трубку, вытер пот со лба и сел напротив Бонда.

Взглянув на Солитэр, он улыбнулся слегка виновато.

— Так это вы и есть Солитэр, — сказал он девушке. — Простите за грубый прием. Денек у меня был тяжелый! За последние сутки я дважды терял надежду увидеться вновь с этим парнем. Я могу продолжать? — повернулся он к Бонду.

— Да, — отвечал Бонд. — Солитэр на нашей стороне.

— Звучит неплохо. Полагаю, вы не читали газет и не слушали радио... Передаю последние известия: «Фантом» остановился вскоре после Джэксонвилла где-то между Уальдо и Окала. Вагон «Н» был обстрелян из пулеметов и взорван гранатой. Его разнесло на мелкие кусочки вместе с проводником, находившимся в коридоре. Других жертв не было. Полиция и ФБР на ногах. Кто совершил эту акцию? И кто такие мистер и миссис Брюс? Куда они подевались? Мы были в полной уверенности, что вас похитили. Расследование поручено детективам из Орландо. Они уже выяснили, что билеты на поезд заказаны ФБР. Я здесь с ума схожу, не зная, что думать... И в это время вы входите в дом целым и невредимым, с радостной улыбкой и под руку с красивой девушкой! — Лейтер расхохотался. — Да вы бы слышали, как на меня орали из Вашингтона несколько минут назад! Можно было подумать, что это я разнес в клочья ваш проклятый пульман!

Взяв сигарету из пачки Бонда, он закурил.

— Таково краткое содержание будущего фильма, а сценарий будет готов после того, как я услышу вашу версию о случившемся. Валяйте!

Бонд подробно рассказал Лейтеру все, что с ними произошло с момента их последней встречи в отеле «Сент-Риджис». Дойдя до последнего эпизода, он протянул Лейтеру письмо, найденное им под дверью купе.

Лейтер даже присвистнул от удивления:

— Да это же заклинание! Ведь его, по всей вероятности, должны были обнаружить рядом с вашим трупом. Видимо, они собирались обставить все это, как

мстить за убийство их друзей в Гарлеме. Да, здорово! Снимает всякие подозрения с Бига! Здесь все очень тщательно продумано. Конечно, до этого парня, который работал в поезде, мы доберемся... Скорее всего, это новый официант. Именно он следил за вашим купе. Заканчивайте вашу историю, а я потом расскажу, как все это было сделано.

— Дайте-ка мне записку, — протянула руку Солитэр. — Все верно, — тихо заметила она. — Это уанга, магическое заклинание. Так вызывают ведьму тамтама в африканском племени Ашанти, когда хотят убить кого-нибудь. Нечто подобное есть и на Таити. — Она вернула записку Бонду. — Хорошо, что вы не говорили мне об этом раньше, — добавила она серьезно, — у меня была бы истерика от страха.

— Я не придал, к сожалению, ей такого значения, — ответил Бонд. — Но чувствовал, что надо что-то предпринять. Какое счастье, что мы успели улигнуть в Джек-сонвилле! И как мне жаль Болдуина! Парень столько для нас сделал!!

Он рассказал их историю до конца.

— Видел ли вас кто-нибудь, когда вы выходили из поезда? — поинтересовался Лейтер.

— Кажется, нет, — ответил Бонд. — Но лучше не выпускать Солитэр из дома, пока мы не переправим ее в безопасное место. Думаю, мы сможем завтра же отослать ее на Ямайку. Там ее будут надежно охранять до нашего приезда.

— Согласен, — сказал Лейтер. — В Тампе мы найдем самолет. Завтра к обеду она уже будет в Майами. А вечером — на Ямайке. Сегодня поздно что-нибудь предпринимать.

— Солитэр, ты согласна? — спросил Бонд у девушки.

Она стояла у окна с отрешенным видом, который Бонд наблюдал и раньше.

Она отчего-то вздрогнула.

Затем, взглянув Бонду прямо в глаза, она прикоснулась к его руке.

— Да, — ответила она. — Думаю, так будет лучше...

Глава XIII

СМЕРТЬ ПЕЛИКАНА

Солитэр отошла от окна.

— Пойду приведу себя в порядок, — сказала она. — Вам надо еще о многом поговорить.

— Да, конечно же! — воскликнул Лейтер, вскочив со стула. — Какой же я кретин!! Вы, должно быть, чертовски устали. Думаю, вам будет лучше расположиться в комнате Джеймса, а он ляжет вместе со мной.

Вдвоем они вышли в маленький холл, и Бонд услышал, как Лейтер объяснял Солитэр расположение комнат.

Через минуту он вновь вошел в комнату, неся поднос с бутылкой двойного виски и бокалы со льдом.

— Совсем забыл о гостеприимстве. Нам обоим не помешает по хорошему глотку. Рядом с ванной есть небольшая кладовка, и я забил ее всякой всячиной.

Лейтер принес сифон с содовой, и они оба с удовольствием выпили по большому бокалу.

— Обговорим детали, — промолвил Бонд, откинувшись в кресле. — Дельце было неплохо обстряпано.

— Согласен, — ответил Лейтер. — Трупов только маловато.

Задрав ноги на стол, он закурил сигарету.

— «Фантом» отправился из Джэксонвилла в районе пяти утра. В Уальдо он был не позже шести. Можно предположить, что вскоре после остановки в Уальдо человек Бига входит в соседнее с вами купе и вешает полотенце на окно рядом с занавеской, тем самым подав условный знак — «окно купе находится справа от полотенца».

Между Уальдо и Окалой есть длинный участок прямой дороги, — продолжал Лейтер, — вокруг леса и болота. Шоссе идет параллельно путям. Примерно в 20 минутах хода от Уальдо срабатывает аварийный сигнал ведущего дизеля. Машинист снижает скорость до 40. Сигналы следуют один за другим: «Тревога!», «Немедленно остановить поезд!!». Машинист останавливает поезд, совершенно не понимая, в чем дело. Дорога прямая, последние сигналы семафора были зелеными. Вокруг — ничего подозрительного. Часы показывают четверть седьмого, начинает светать. На автостраде напротив центральной части поезда предположительно

находился серый седан. Предположительно угнанный ранее «бьюик». Трое цветных выходят из машины. Предположительно негры. Выстроившись в ряд, они идут по ходу поезда по разделительной кромке между шоссе и путями. У двоих — пулеметы, у того, кто в центре, — ручная граната. Пройдя ярдов 20, они останавливаются напротив вагона 245. Двойная очередь из пулеметов по окнам вагона. Затем в вагон летит граната, трое бегут обратно в машину. Запал рассчитан на две секунды. Взрыв происходит, едва они успевают сесть в машину: «Трах-ба-бах!!!» От вашего вагона только щепки остались! Предположительно погибают мистер и миссис Брюс, а также проводник Болдуин, скорчившийся на полу в коридоре при виде трех вооруженных негров. Больше никто не пострадал, за исключением массовых случаев шока и истерики среди пассажиров поезда. Вагон срочно отцепляют и перегоняют на запасной путь, где он до сих пор и находится. Воз царяется тишина, прорезываемая лишь истеричными воплями пассажиров. Начинается паника. Поезд кое-как добирается до Окалы. Следует дальше только спустя три часа. Сцена вторая. Лейтер одиноко сидит в небольшом коттедже, вспоминая, не сделал ли он чего плохого своему другу Джеймсу, и что ему скажет в ответ на все это мистер Гувер. Вот такая история, парень! Бонд весело рассмеялся.

— Какая великолепная операция! Уверен, у них все было продумано заранее, и у всех — 100-процентные алиби. Я восхищен этим человеком! По существу, он правит страной! К черту вашу хваленую демократию, неприкосновенность личности, права человека и всякое такое!! Какое счастье, что он живет не у нас в Англии. С дубинками против него не попрешь! Итак, — заключил Бонд, — мне удалось трижды выйти сухим из воды. В воздухе пахнет жареным!

— Да... — задумчиво согласился с ним Лейтер. — До вашего присзда сюда ошибки мистера Бига можно было пересчитать по пальцам. Теперь он совершает три кряду. Вряд ли он сможет простить нам это. Его нужно чем-нибудь огорошить, пока он еще не очухался. И сделать это нужно побыстрее! Я кое-что уже придумал, Джеймс. Вне всякого сомнения, золото переправляется в Соединенные Штаты именно отсюда. Мы вновь и вновь проверяли «Секатур» и выяснили, что она неизменно совершает рейсы Ямайка — Сент-Питерсберг и

фрахтуется на червячном заводе. Как его, «Руберус» или что-то в этом роде?

— «Уробурос», — подсказал Бонд. — Был такой великий Червяк в греческой мифологии. Неплохое название для такого завода. — Внезапно его осенила мысль. Бонд даже ударил кулаком по зеркальной крышке стола. — Слушайте, Феликс! Как же мне раньше в голову не приходило? «Уробурос»... Гробовщик... Похоже звучит. Понимаете? Выходит, Гробовщик и есть агент мистера Бига!

Лицо Лейтера оживилось.

— Святой Боже! — воскликнул он. — Конечно же они связаны. Помните грека, владельца червячной фабрики в Тарпон-Спрингс? Нам тогда еще этот придурок в Нью-Йорке Бинсуангер показывал досье на него. Не исключено, что он подставное лицо и, может, ни в чем таком не замешан. Нам надо добраться до его хозяина, если это так. Гробовщик... «Уробурос»... Действительно, очень похоже звучит.

Лейтер рывком вскочил на ноги.

— Пошли, Джеймс! Давайте осмотрим фабрику, не откладывая в долгий ящик. Я все равно собирался это сделать, узнав, что «Секатур» швартуется на их верфи. Между прочим, — добавил он, — неделю назад она отплыла в Гавану. Таможенники опять осмотрели все до последнего винтика и опять ничего не нашли. Предпожили, что у яхты есть фальшкиль, почти оторвали его — и опять ничего! Пришлось поставить ее на ремонт. Ни тени чего-либо подозрительного, уж не говоря о золотых монетах! И все же надо пойти туда и разнюхать. Познакомиться с этим другом Гробовщиком или как его там? Затем я свяжусь с Орландо и Вашингтоном. Мы должны держать их в курсе. Их задача — поймать парня, который действовал в поезде. Хотя, быть может, уже слишком поздно. Наведайтесь к Солитэр и попросите ее никуда не выходить, пока мы не объявимся. Заприте ее на ключ. В Тампе мы отведем ее пообедать. Там лучший ресторан на всем побережье. Между прочим, кубинский — «Лос Новедас». По дороге заедем в аэропорт и купим билеты на завтра.

Лейтер схватил телефонную трубку и стал звонить на междугородную. Бонд пошел в комнату Солитэр.

Через десять минут они вышли из домика.

Солитэр не хотела оставаться одна. Прижавшись

к Бонду, она смотрела на него глазами, полными страха.

— Я так хочу уехать отсюда, — говорила она. — У меня плохое предчувствие...

Бонд нежно поцеловал ее.

— Не бойся, все будет хорошо, — уверял он ее. — Не позже чем через час мы вернемся. Здесь с тобой ничего не случится. Потом мы будем все время вместе до самого отлета. В Тампе мы сможем провести ночь и отправить тебя рано утром.

— Да, конечно, мы так и сделаем, — нервно ответила Солитэр. — Так будет лучше. Мне не нравится это место. Я чувствую себя в опасности. — Она обвила его руками за шею. — Не думай, что у меня истерика. — Она поцеловала его. — Теперь можешь идти. Я только хотела увидеть тебя на прощание. Приходите быстрее.

Услышав голос Лейтера, Бонд вышел и запер домик на ключ.

Следуя за Феликсом к его машине, стоявшей на Паркуэй, Бонд думал о Солитэр с беспокойством. Вряд ли ей угрожала опасность в таком мирном и тихом месте, одном из тысячи подобных ему на острове. Едва ли Биг мог выследить ее здесь. Но, веря в интуицию Солитэр, их последний разговор не мог не оставить в нем чувство тревоги.

При виде машины Лейтера Бонд отогнал мрачные мысли.

Ему нравились скоростные машины, и он любил сидеть за рулем. Но именно американские автомобили по большей части не вызывали у Бонда эмоций. Им не хватало индивидуальности и характера в отличие от европейских машин. Для американца «кар» — только средство передвижения, не больше, не отличающееся от других ни цветом, ни формой, ни даже тоном своих гудков. Они рассчитаны на год службы, затем их обменивают с доплатой на новую модель года. В таком «каре» — с автоматическим переключением передач, с гидравлическим приводом рулевого управления, с улучшенной амортизацией — пропадает вся радость вождения! От водителя не требуется особого усилия, а тот контакт с машиной и дорогой, который требует реакции и умения от европейского водителя, здесь совершенно пропадает. Все американские машины напоминали Бонду детские электрические автомобильчики

с бампером, похожие на жуков, в которых можно было кататься, положив одну руку на рулевое колесо, включив радио на полную громкость и полностью положившись на автомат, следивший за сквозняками в салоне.

Лейтер раздобыл где-то старенький «корд», одну из немногих американских машин, имеющих собственное «лицо». Бонд с удовольствием сел в ее низкий салон и стал прислушиваться к легкому скрежету шестеренок в коробке передач и низкому рокоту двигателя. «Машина 15-летней давности, — думал он, — а выглядит не хуже самых современных».

Они въехали на широкую эстакаду над заливом, отделяющим узкий перешеек острова, протянувшийся миль на 20, от Сент-Питерсберга и его окрестностей.

Машина медленно продвигалась по Централ-авеню в сторону залива Яхт, где располагались главная морская гавань и большие отели. Бонд уловил в атмосфере города то особенное, за что его называли «старым, добрым домом» Америки. Он увидел его обитателей с седыми или голубоватыми волосами и знаменитую набережную, про которую ему рассказывала Солитер, с олдстерами, в несколько рядов сидящими на скамеечках и напоминающими скворцов на Трафальгарской площади.

Солнце отражалось в пенсне седовласых старушек с крепко поджатыми губами и согревало иссохшие руки и плечи тянущихся к нему старичков в рубашках «а ля Гарри Трумэн», окрашивая нежным загаром их розовые, блестящие лысины. В городе тем не менее царила атмосфера товарищества: олдстеры обменивались новостями и сплетнями, договаривались об игре в шафлбординг и бридж, хвастали письмами от детей и внуков, судачили о высоких ценах.

Не обязательно было быть среди них, чтобы слышать все это. Это носилось в воздухе, угадывалось в покачивании седых голов, в похлопывании друг друга по спинам, в покашливающих и присвистывающих звуках, которые издавали седовласые «юнцы».

— При виде всего этого хочется лечь в могилу и закрыть крышку гроба, — мрачно пошутил Лейтер в ответ на восклицания Бонда, ужасавшегося виденным. — Подождите, мы еще выйдем из машины и пройдемся по улицам. Не дай Бог, они увидят вашу тень у себя за спиной. Они тут же отпрыгнут в сторону, как если бы вы были главным кассиром, заглядывающим

им через плечо в банке. Отвратительное зрелище! Я сразу вспоминаю анекдот про банковского служащего, который днем неожиданно приходит домой и застаёт свою жену в постели с директором банка. Клерк бегом возвращается в банк, рассказывает о случившемся своим коллегам и в заключение добавляет: «Боже, он чуть меня не застукал!»

Бонд рассмеялся.

— Я прямо слышу, как тикают золотые дарственные часы у них в карманах, — продолжал Лейтер. — Здесь процветают владельцы похоронных бюро, а ломбарды ломаются от обилия золотых часов, масонских колец, черного янтаря и медальонов с локонами. Прямо-таки дрожь пробирает при мысли обо всем этом! Зайдите к «Тетушке Милли», вы там их всех увидите: сидят, собравшись кучками, тщательно пережевывая рагу с овощами и чизбургеры в надежде дожить хотя бы до 90 лет. Страх смотреть на них! Но здесь не только одни старички. Вот полюбуйтесь-ка на это объявление. — Лейтер показал пальцем в сторону рекламного щита, где предлагалась одежда для будущих матерей.

Бонд застонал от отвращения.

— Давайте уедем отсюда скорее, — сказал он Лейтеру. — Здесь невозможно дольше находиться, даже по долгу службы.

Свернув направо, они подъехали к стоянке гидропланов и пограничной станции. Улицы были полны старичков, и гавань жила своей привычной жизнью: пустые причалы, обломки судов, перевернутые лодки, сохнувшие сети, крики чаек и сероводородный запах, идущий от моря. После кладбищенской обстановки города надпись над гаражом: «Пат Грэйди — покупайте подержанные автомобили только у улыбающегося ирландца» — была веселым напоминанием о другом, кипящем жизнью мире.

— Давайте пройдемся пешком, — предложил Лейтер. — Гробовщик живет через квартал отсюда.

Оставив машину на стоянке при бухте, они неторопливо прошли мимо складов и баков с бензином и маслом, затем опять повернули налево в сторону моря.

Дорожка уперлась в ветхий деревянный причал, уходивший футов на 20 в глубину моря и покоившийся на сваях, поросших ракушками. Прямо напротив причала они увидели длинный сарай из рифленого железа

с надписью черной и белой краской над двойными дверями: «КОРПОРАЦИЯ УРОБУРОС. ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ЧЕРВЯКАМИ И НАЖИВКОЙ, А ТАКЖЕ КОРАЛЛАМИ, РАКОВИНАМИ И ТРОПИЧЕСКИМИ РЫБКАМИ». Внизу была еще одна маленькая дверца с автоматическим «американским» замком и надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Рядом с дверцей на кухонной табуретке, опершись спиной на дверь, сидел человек, чистивший старенький «ремингтон». Изо рта торчала деревянная зубочистка, а голову прикрывала старая бейсбольная фуражка. Замасленная тельняшка открывала взору заросли черных волос под мышками. Ансамбль дополняли белые мятые хлопчатобумажные штаны и тапочки на резиновой подошве. Мужчине около сорока, его худое продолговатое лицо с выступающими скулами и резко очерченным носом было так же избито ветрами и изрезано морщинами, как морские сваи на пирсе. Губы тонкие и бескровные. Кожа на лице имела цвет табачной пыли. Вид у него был холодный и злой, как у отрицательных героев фильмов о золотоискателях и карточных шулерах.

Бонд и Лейтер прошли мимо него в сторону пирса. Мужчина не отрывал глаз от своей винтовки, но Бонд чувствовал, что он следит за ними.

— Если это не Грбовщик, — заметил Лейтер, — то его близкий родственник.

В конце причала на свае, сгорбившись, сидел большой серый пеликан с головой лимонного цвета. Подпустив их к себе на близкое расстояние, птица несколько раз неохотно взмахнула крыльями и спланировала на воду. Бонд и Лейтер наблюдали ее медленный полет над самой водой. Внезапно пеликан нырнул вниз, сверкнув длинным клювом. В нем затрепыхалась маленькая рыбка, и пеликан задумчиво проглотил ее. Затем тяжелая птица опять взлетела, стараясь попадать под прямые солнечные лучи, чтобы не вспугнуть рыбу своей тенью. Бонд и Лейтер повернули назад, и пеликан, тут же прервав охоту, лениво занял свой прежний пост. Усевшись на пирс и похлопав крыльями, он продолжал созерцать поверхность слепополуденного моря.

Мужчина продолжал возиться с винтовкой, протирая ее тряпочкой, слегка смоченной в масле.

— Добрый день, — поздоровался Лейтер. — Вы хозяин верфи?

— Да, — промолвил мужчина, не поднимая глаз.

— Хотел узнать, нельзя ли пристроить у вас мою лодку? Бухты все переполнены.

— Нет.

Лейтер вынул бумажник.

— Двадцатка устроит?

— Нет. — Мужчина с шумом прокашлялся и сплюнул в сторону Бонда и Лейтера.

— Послушайте, — сказал ему Лейтер. — Нельзя ли быть немного повежливей?

Мужчина, казалось, размышлял. Он посмотрел на Лейтера. Его маленькие, глубоко посаженные глазки были холодными, как у дантиста.

— Как называется ваша лодка?

— «Сибилла», — ответил Лейтер.

— В бухте нет лодки с таким названием, — отрезал мужчина, щелкнув затвором винтовки. Она лежала у него на коленях, направленная дулом в сторону сарая.

— Вы, наверное, ослепли, — сказал ему Лейтер. — Она здесь уже целую неделю. Двухпалубная 60-футовая дизельная яхта. Белая с зелеными полосками. Полностью снаряжена для рыбной ловли.

Дуло винтовки медленно описало широкую дугу. Указательный палец левой руки мужчины лежал на спусковом крючке, правая нацеливала ствол прямо на них.

Бонд и Лейтер застыли на месте.

Мужчина продолжал сидеть в ленивой позе, поглядывая на море и прислонив свой стульчик к дверце с автоматическим желтым замком.

Дуло винтовки сначала уставилось в живот Лейтеру, а затем — Бонду. Оба не двигались с места, застыв, как статуи, боясь пошевелить даже рукой. Дуло отклонилось в сторону причала.

Гробовщик быстро прицелился и нажал на спуск. Пеликан пронзительно крикнул, и они услышали, как его тяжелое тело с шумом плюхнулось в воду. Эхо выстрела гулко разнеслось по гавани.

— За каким чертом вы это сделали?! — яростно закричал Лейтер.

— Для тренировки, — ответил мужчина, вставив новый патрон в магазин.

— В этом городе есть общество защиты живот-

ных? — поинтересовался Лейтер. — Пошли заявим на этого парня!

— Хотите, чтобы вас привлекли за нарушение частной собственности? — мрачно осведомился Гробовщик, медленно поднимаясь и вновь направив на них винтовку. — Здесь частное владение. А теперь, — он злобно выплевывал слова наружу, — убирайтесь-ка подброду! — Повернувшись к сараю, он отодвинул табурет от дверцы, открыл замок и повернулся к ним, закинув одну ногу через порог. — У вас обоих есть пушки, — сказал он. — Я их чувствую своим носом. Если вы еще раз появитесь здесь и скажете мне что-нибудь подобное, пришью обоим! Много вас здесь таких болтается, вонючие ублюдки! «Сибилла», поцелуй меня в задницу!! — Он с презрением сплюнул в их сторону прежде, чем войти в сарайчик, и с грохотом закрыл дверь, чуть не выломав раму.

Бонд и Лейтер взглянули друг на друга. Лейтер печально усмехнулся, пожав плечами.

— Первый раунд в пользу Гробовщика, — грустно сказал он.

Они вновь двинулись по пыльной дороге. Солнце уже заходило, и море окрасилось в красный цвет, напоминая огромную лужу крови. Дойдя до шоссе, Бонд обернулся назад. Из двери сарайчика выбивались лучи света, тускло освещая мрачный тенистый двор.

— Не повезло нам с парадного входа, — заключил Бонд. — Но у таких заведений должны быть другие двери.

— Я тоже об этом подумал, — согласился Лейтер. — Воспользуемся ими в следующий раз.

Сев в машину, они медленно покатали обратно по Сентрал-авеню. По дороге Лейтер задал Бонду несколько вопросов относительно Солитэр. Затем он небрежно осведомился:

— Надеюсь, я устроил вас в комнатах не вопреки вашим пожеланиям?

— Да нет, все нормально, — бодро ответил Бонд.

— Вот и прекрасно! — продолжал иронизировать Лейтер. — Просто мне пришло в голову, может, у вас медовый месяц?

— Вы, должно быть, Уинчелла * начитались, — ответил Бонд.

* Должно быть, вымышленный автор.

— Да нет, просто решил проявить тактичность. Не забудьте, что стенки в этих коттеджах довольно тонкие. Кстати, своими ушами я пользуюсь для того, чтобы слушать, а не для того... чтобы собирать на них губную помаду.

Бонд нервно вытащил из кармана носовой платок.

— Вы грязный, подлый обманщик, Феликс, — рассерженно пробормотал он.

Лейтер краем глаза следил за тем, как Бонд яростно вытирает уши.

— Что вы делаете? — невинно спросил он. — Я ни на минуту не предполагал, что цвет ваших ушей чем-нибудь отличается от естественного. Красные, правда, немного. Однако... — он вложил какой-то особый смысл в это слово.

— Если вас укукошат сегодня ночью, — рассмеялся Бонд, — знаете, где меня искать.

Они продолжали пикироваться, подъезжая к «Эверглейдсу», и все еще смеялись, когда мрачная миссис Стивенсон встретила их на лужайке перед домом.

— Прошу прощения, мистер Лейтер, — сказала она. — Но я должна вас предупредить, что мы здесь не выносим громкой музыки. Я не могу беспокоить своих постояльцев в столь поздний час!

Бонд и Лейтер посмотрели на нее с удивлением.

— Простите, миссис Стивенсон, — сказал Лейтер. — Но я не совсем понимаю...

— А что означает эта огромная радиола, которую вы приказали прислать сюда? Коробка еле прошла через дверь...

Глава XIV

«СНАЧАЛА ОНИ НЕМНОГО ПОВЗДОРИЛИ, А ПОТОМ СОЖРАЛИ ЕГО...»

По всей вероятности, девушка сдалась без сопротивления.

Миссис Стивенсон так и не закончила свой рассказ, оставшись на лужайке с раскрытым ртом; Лейтер и Бонд опрометью бросились к своему коттеджу. В комнате Солитер не было видно следов насилия, постель была едва смята.

...Взломав замок одним быстрым движением, двое

здоровенных вооруженных негров выросли на пороге комнаты.

— Собирайся-ка живенько, юная леди! Поедешь с нами. Только попробуй выкинуть фортель, мы из тебя быстро воздух наружу выпустим!!

Затем они, должно быть, заткнули ей рот или оглушили, запихнув в коробку из-под радиолы. С задней стороны коттеджа виднелись следы протекторов — видно, там и стоял грузовик. Почти всю прихожую занимала огромная радиола, на вид подержанная, которая обошлась им, по всей вероятности, не дороже 50 долларов.

Бонд так ясно увидел выражение ужаса на бледном лице Солитэр, как будто она стояла сейчас перед ним. Он проклинал себя за то, что оставил ее одну, и ломал голову над тем, как удалось бандитам выследить их так быстро. Система Бига великолепно сработала и на этот раз.

Лейтер связался с отделом ФБР в Тампе.

— Проверьте все аэропорты, вокзалы, шоссе, — говорил он в трубку. — Письменные распоряжения из Вашингтона вы получите сразу же, как только я свяжусь с ними. Я гарантирую вам пометку «сверхсрочно». Заранее благодарен! Скоро появлюсь. О'кей.

Лейтер положил трубку.

— Слава Богу, они согласились помочь, — сообщил он Бонду, смотревшему холодными, пустыми глазами в сторону моря. — Они сейчас же пришлют парочку своих людей сюда и постараются хорошенько обшарить все окрестности Тампы. Пока я буду улаживать дела с Нью-Йорком и Вашингтоном, потрясите хорошенько эту старую галошу миссис Стивенсон. Узнайте точно время нападения, описание бандитов и все прочее. Убедите ее, что это была кража со взломом и что Солитэр ускользнула вместе с бандитами. Так ей будет понятней. Не будем выходить за рамки обычных гостиничных краж. Скажите ей, что полиция вскоре прибудет и что мы не в претензии к пансионату. Она не захочет скандала. Скажите, что и мы придерживаемся такого же мнения.

Бонд кивнул.

— Убежала с бандитами? Что ж, и такой вариант был не исключен. — Но все же ему казалось, что это не так. Вернувшись в комнату Солитэр, он тщательно осмотрел ее. Еще пахло духами «Вент Вэр», они на-

помнили ему их недавнее путешествие. В шкафу лежали ее вуаль и шляпка, на полочке в ванной — кое-какие туалетные принадлежности. Вскоре Бонд нашел и сумочку, поняв, что не зря доверял Солитэр. Она лежала под кроватью, и Бонд ясно представил себе, как она незаметно толкает ее ногой под кровать. Вытряхнув содержимое, Бонд прощупал подкладку, сделал в ней несколько надрезов перочинным ножом, вытащил лежавшие там пять тысяч долларов и положил их к себе в бумажник. Так они будут целее... В случае гибели Солитэр он употребит эти деньги на то, чтобы отомстить мистеру Бигу. Расправил подкладку, чтобы было как можно незаметнее, вновь вложил в сумочку ее содержимое и бросил ее под кровать.

Затем он поднялся в контору.

Полицейские процедуры были закончены лишь к восьми часам вечера. Выпив по хорошему глотку виски, Лейтер и Бонд прошли в столовую, где оставалось всего несколько постояльцев, взиравших на них с нескрываемым любопытством, к которому примешивался оттенок страха. Что делали эти джентльмены в нашем мирном уголке? Они казались опасными! Кто была эта женщина, приехавшая вместе с ними? И чья все-таки жена она была? И что означало все случившееся? Бедная миссис Стивенсон, она была так расстроена!.. Разве они не знают, что ужин начинается ровно в семь? Кухня уже закрывается... Так им и надо, пусть едят все холодное!! Нужно уметь считаться с окружающими... Миссис Стивенсон говорила, что эти парни — чиновники из правительства... Кем они были на самом деле?

Все единодушно решили, что новые постояльцы привнесли только хлопоты в привычную, размеренную жизнь «Эверглейдса», ничего не добавив к его добропорядочной репутации.

Бонда и Лейтера посадили за самый плохой столик у входа на кухню. Ужин напоминал собой смесь напыщенного английского и плохого французского, что на практике означало: томатный сок, вареная рыба в белом соусе, кусочек мороженой индейки с каплей клюквенного соуса и творожная запеканка с твердым, как камень, лимонным желе. Бонд и Лейтер мрачно жевали до самого конца ужина, пока не опустели последние столики и одна за другой не погасли все лампочки. Под конец, как бы в оправдание за столь посредственный

ужин, им принесли чашу для омовения пальцев, в которой плавали лепестки алтея.

За ужином Бонд не проронил ни слова, и Лейтер, пытаясь вселить в него оптимизм, предложил бодрым голосом:

— Пойдем, выпьем как следует? Это будет достойным завершением сегодняшнего дня. А может, поиграем в бинго со старичками? Говорят, наверху состоится чемпионат. -

В ответ Бонд лишь молча пожал плечами. Они вернулись в гостиную, где мрачно напились, любуясь освещенным луной белым пляжем, тянущимся к темному, бесконечному морю.

Бонд, почувствовав, что он выпил достаточно, пожелал Лейтеру спокойной ночи и возвратился в комнату Солитэр, которую он теперь занимал. Забравшись под простыни, еще хранившие тепло ее тела, он, прежде чем забыться глубоким сном, принял решение. Утром, как только рассветет, он явится к Гробовщику и вытрясет из него правду. Ему не хватило времени, чтобы обсудить свою догадку с Лейтером, но теперь он был абсолютно уверен, что Гробовщик замешан в похищении Солитэр. Он представил себе маленькие злые глазки и тонкие бескровные губы Гробовщика. Вспомнив его черепашую шею, высовывающуюся из засаленной тельняшки, Бонд почувствовал, как под простыней сжались мускулы рук. Теперь он принял четкое решение, расслабился и крепко уснул.

Он проспал до восьми. Взглянув на часы, он крепко выругался и встал под душ, подставив под холодную струю лицо и открытые глаза, пока они не заболели. Обвернувшись вокруг пояса полотенцем, он вошел в комнату Лейтера. Жалюзи были спущены, но в комнате было достаточно света, чтобы разглядеть, что Лейтер в постель не ложился.

Бонд улыбнулся, подумав, что Феликс, должно быть, прикончил бутылку и завалился спать на полу в гостиной. Но там никого не было. Наполовину пустая бутылка стояла на столике рядом с переполненной окурками пепельницей.

Он подошел к окну и поднял жалюзи. Утро было солнечным и прекрасным.

И тут он увидел конверт, лежавший на стуле рядом с дверью. Открыв его, он обнаружил записку, коряво нацарапанную простым карандашом:

«В голову лезут дурацкие мысли, никак не могу заснуть. Сейчас около пяти утра. Собираюсь навестить червячную фабрику. Все равно не спится. Показалось странным, что этот старый клоун трепался с нами в то время, когда напали на Солитэр. Будто он знал, что мы в городе, и подготовился на всякий случай к похищению. Если не вернусь к десяти, позвони в полицию. Тампа, 88

ФЕЛИКС».

Бонд не стал ждать десяти. Он брился и одевался, одновременно заказывая по телефону такси, кофе и булочки в комнату. Через десять минут он был готов, если не считать того, что обжегся кофе. Он уже выходил из коттеджа, когда зазвонил телефон в гостиной, и он побежал обратно.

— Мистер Брюс? С вами говорят из госпиталя «Моунд Парк», — произнес незнакомый голос. — Отделение реанимации. Доктор Робертс. У нас здесь находится мистер Лейтер, он просил позвонить вам. Не могли бы вы приехать сейчас?

— Всемогуший Боже! — воскликнул Бонд. Сердце его сжалось от ужаса. — Что с ним случилось? Он очень плох?

— Да нет, ничего страшного, — успокоили его. — Автомобильная катастрофа. Машина, сбившая его, успела скрыться. Он очень хочет вас видеть.

— Да, да, конечно! — облегченно вздохнул Бонд. — Я прямо сейчас выезжаю.

«Черт знает, что могло с ним произойти! — думал Бонд, торопливо пересекая лужайку. — Может, его избили и бросили на обочине?» Но в целом он был рад, что все обошлось только этим.

Такси сворачивало на фриуэй к Острову Сокровищ, когда мимо с воем сирены промчалась машина скорой помощи.

«Еще что-то случилось, — подумал Бонд. — Секунды не проходит без каких-либо происшествий!»

Они пересекли Сент-Питерсберг, проехав по Сент-рал-авеню, свернули направо, на ту дорогу, по которой они с Лейтером ехали накануне. Бонд утвердился в своих подозрениях, увидев, что госпиталь находится всего в нескольких кварталах от корпорации «Уробурос».

Расплатившись с таксистом, он избежал по ступеням внушительного здания и подошел к окошечку в центре просторного холла. Хорошенькая регистраторша, читавшая объявления в «Сент-Питерсберг Таймс», приветливо улыбнулась ему.

— Я бы хотел повидать доктора Робертса.

— Как вы сказали? — переспросила девушка, оценивающе разглядывая Бонда.

— Доктора Робертса из отделения реанимации, — нетерпеливо повторил он. — У вас здесь мой друг Лейтер. Феликс Лейтер. Доставлен сегодня утром.

— У нас нет доктора по фамилии Робертс, — ответила девушка, пробежав пальцем по лежавшему перед ней списку. — А также нет пациента по фамилии Лейтер. Постойте-ка минутку, я позвоню в отделение. Повторите еще раз ваше имя.

— Брюс, — повторил Бонд. — Джон Брюс. — Его прошиб пот, несмотря на то, что в холле было довольно прохладно. Вытерев мокрые ладони о брюки, он приказал себе не впадать в панику. Проклятая девчонка, должно быть, все перепутала. Могли бы кого-нибудь и поопытней посадить! Он стиснул зубы, слушая, как девушка бодро разговаривает по телефону.

Закончив беседу, она повесила трубку.

— Мне очень жаль, мистер Брюс. Должно быть, произошла ошибка. Ночью к нам никого не привозили, и мы никогда не слышали о докторе Робертсе и мистере Лейтере. Вы уверены, что вам назвали именно наш госпиталь?

Он отвернулся, ничего не ответив. Вытер со лба пот и направился к выходу.

Девушка состроила за его спиной гримасу и вновь принялась за газету.

К госпиталю как раз подъезжало такси с пассажирами. Бонд быстро вскочил в него и приказал водителю ехать как можно быстрее. Теперь он ясно понял, что бандиты захватили Лейтера и попытались на время выманить его из пансионата. Ситуация изменилась к худшему, а инициатива вновь находилась в руках мистера Бига.

Миссис Стивенсон торопливо выбежала ему навстречу, едва они подъехали к домику.

— Несчастье с вашим бедным другом! — запыхавшись проговорила она, впрочем, без всякого сожаления. — Ему следовало бы вести себя осторожней!

— Так что же случилось, миссис Стивенсон? — нетерпеливо спросил Бонд.

— Сразу как вы уехали, приехала машина скорой помощи, — глаза старушки радостно сияли от возможности сообщить плохую новость. — Похоже, мистер Лейтер попал в автомобильную катастрофу. Его принесли на носилках. Сопровождал такой симпатичный негр. Он сказал, что с мистером Лейтером будет все в порядке, только не надо его беспокоить. Бедняжка! У него все лицо закрыто бинтами. Они сказали, что сделают все, что нужно, и что врач скоро придет. Могу ли я чем-нибудь помочь?..

Бонд не стал слушать дальше. Он быстро вбежал в коттедж, рывком открыв дверь в комнату Лейтера.

Под простыней угадывались очертания его тела. Он был накрыт с головой и казался полностью бездыханным.

Бонд заскрежетал зубами, склонившись над телом друга и пытаясь уловить хотя бы слабое дуновение жизни.

Он рывком стянул простыню с лица Лейтера. Его не было... Вместо лица было нечто, напоминающее осиное гнездо, обернутое грязными бинтами.

Он потянул простыню дальше. Все тело было обмотано бинтами, через которые наружу просачивалась кровь. Нижнюю часть закрывал мешок, насквозь пропитанный кровью.

В небольшое отверстие между бинтами, прикрывающими то место, где должен быть рот, была воткнута записка.

Бонд вытащил ее и склонился над телом, уловив щекой слабое дуновение. Он тотчас же схватил трубку стоявшего рядом на столике телефона. Понадобились минуты, чтобы объяснить полиции Тампы то, что уже случилось. Наконец вняв его требовательным интонациям, они обещали прибыть через 20 минут.

Бонд положил трубку и рассеянно уставился на клочок бумаги у него в руке. В записке, нацарапанной карандашом большими кривыми буквами, говорилось:

*Сначала они немного повздорили,
а потом сожрали его.*

Ниже в скобках было приписано:

*(Р. С. У нас в запасе еще много шуток
не хуже этой!)*

Двигаясь как лунатик, Бонд положил клочок бумаги на столик рядом с кроватью и вновь повернулся к телу Лейтера, боясь дотронуться до него и оборвать слабое, едва осязаемое дуновение жизни. Необходимо было кое-что выяснить. Пальцы Бонда мягко раздвинули бинты, закрывающие голову его друга. Волосы были влажными. Бонд лизнул палец, попробовав влагу на вкус. Он ощутил привкус соли. Вытащив наружу прядь волос, он присмотрелся поближе. Теперь сомнений не оставалось.

Он мысленно представил себе густые соломенные волосы Феликса, всегда растрепанные и спадавшие на один глаз; его серые, смеющиеся глаза и худое, ястребиное лицо техасца, с которым его связывало богатое событиями прошлое. Феликс стоял перед ним, как живой. Осторожно засунув прядь желтых волос обратно под бинт, он присел на краешек второй кровати и стал внимательно смотреть на тело своего друга, размышляя о том, можно ли было его спасти.

Когда прибыли детективы и полицейский врач, он рассказал им все, что знал сам, тихим безжизненным голосом. Детективы немедленно связались по телефону с полицией и приказали в срочном порядке выслать дежурную полицейскую машину к месту обитания Гробовщика. В соседней комнате хирург осматривал Лейтера.

Закончив осмотр, он устало вошел в комнату. Бонд резко вскочил на ноги. Тяжело опустившись на стул, полицейский хирург посмотрел на Бонда.

— Думаю, останется жив, — промолвил он наконец. — Но шансы — пятьдесят на пятьдесят. Над парнем хорошо поработали. Одной руки нет совсем, левой ноги нет до колена. На лице — множественные ранения, правда, поверхностные. Черт возьми, если б я знал, кто это сделал!! Единственное, что приходит в голову, это какой-нибудь зверь или крупная рыба... Такое впечатление, что его рвали на части. Смогу сказать больше, когда доставлю его в госпиталь. Я обнаружил следы зубов или что-то похожее. Скорая уже выехала.

Воцарилась мрачная тишина. Бесперывно звонил телефон. Нью-Йорк, Вашингтон... Звонили из полицей-

ского управления Сент-Питерсберга, спрашивали, что, черт возьми, происходит на верфи? Им посоветовали держать нос подальше от этого дела, которое находится в ведении ФБР. Наконец поступил звонок из полицейской машины, посланной к Гробовщику.

Перетряхнув весь концерн до последнего винтика, полиция не нашла ничего, кроме танкеров с рыбой, наживкой, кораллами и раковинами. Гробовщика и его двух помощников, следивших за насосами и отоплением, арестовали и продержали в участке не менее часа. У всех троих было твердое алиби. Гробовщик нагло требовал своего адвоката. По прибытии последнего всю троицу пришлось отпустить за отсутствием доказательств и четкого обвинения. Проколы по всем швам, за исключением того, что машина Лейтера была обнаружена на противоположной стороне бухты в миле от верфи Гробовщика. В машине масса отпечатков, но ни один не совпал с отпечатками пальцев троих задержанных.

— Какие будут указания? — спросил лейтенант полиции.

— Оставайтесь на своих местах, — ответил старший по званию детектив, представившийся как капитан Фрэнкс. — Держите с нами связь. В Вашингтоне считают, что надо задержать эту троицу за неимением ничего лучшего. Сегодня вечером к нам вылетают два высших чина сыскальной полиции. Свяжитесь с Тампой. Дело касается не только Сент-Питерсберга. Конец связи.

Было три часа дня. Полицейская скорая увезла почти бездыханное тело Лейтера в сопровождении полицейского хирурга. Детективы уехали, пообещав держать связь. Пытались выяснить дальнейшие планы Бонда; но тот отвечал уклончиво, сказав, что ему предварительно нужно связаться с Вашингтоном. Может ли он воспользоваться машиной Лейтера?

— Да, — ответили ему. — Как только с ней закончат работать криминалисты.

Проводив гостей, он тяжело задумался. Затем съел припасенные в кладовой бутерброды, запив их хорошей порцией чистого виски.

Вновь зазвонил телефон. Междугородная. Бонда соединили с шефом отдела ЦРУ, в котором работал Лейтер. Вкратце ему сообщили, что будут рады, если он немедленно отправится на Ямайку. Разговаривали

очень вежливо. С Лондоном уже связывались и получили согласие. Затем спросили, когда он рассчитывает попасть на Ямайку, чтобы сообщить Лондону.

Вспомнив, что на следующий день был рейс на Карибы через Нассау, Бонд сообщил, что улетит завтра, осведомившись, есть ли еще какие-нибудь новости.

— Ах, да! — ответило ЦРУ. — Известный джентльмен, проживающий в Гарлеме, с девушкой вчера вылетели в Гавану. Частным самолетом из небольшого местечка на Восточном побережье под названием Веро-Бич. Бумаги были в полном порядке, и ФБР не пришлось в голову включить столь малую частную авиакомпанию в списки проверяемых. Агент ЦРУ уже доложил об их прибытии на Кубу. Да, неважные дела... «Секатур» все еще находится на Кубе. Дата отплытия не сообщается. Очень, очень жаль Феликса!!! Неплохой парень! Надеемся, что он выкарабкается. Так, значит, Бонд собирается завтра прибыть на Ямайку? О'кей... Очень жаль, что все так сложилось. Пока!

Поразмыслив с минуту, Бонд попросил оператора соединить его с представителем фирмы, занимающейся продажей аквариумных рыбок в Майами, и расспросил его о возможности приобрести живую акулу для искусственного бассейна.

— Единственная фирма, которая может вам в этом помочь, мистер Брюс, находится, насколько я знаю, совсем рядом с вами, — ответил услужливый голос. — Это корпорация «Уробурос». Торговля наживкой и червяками. У них есть акулы. И довольно большие. Они имеют дело с заграничными зоопарками. У них есть даже молот-рыба. Они наверняка будут рады помочь вам. Но прокормить такую акулу стоит целую кучу денег! Милости просим. Заезжайте к нам. До встречи!

Достав пистолет, Бонд тщательно осмотрел его и стал с нетерпением ожидать наступления ночи...

Глава XV

ПОЛНОЧЬ СРЕДИ ЧЕРВЯКОВ

Около шести часов вечера он упаковал свои вещи и расплатился с хозяйкой, встретившей новость об отъезде с огромным облегчением. Пансионат «Эверглейдс» не испытывал подобных потрясений со времени последнего наводнения.

Сев в машину Лейтера, которая была припаркована на бульваре, Бонд отправился в город. Сначала он посетил скобяную лавку, купив все необходимое, затем зашел в небольшой полутемный гриль-бар под названием «У Пита» и съел самый большой в своей жизни бифштекс с картофелем, жаренным по-французски, запив все это хорошей порцией виски «Старый дедушка» и двумя чашками крепчайшего кофе. Основательно подкрепившись, он стал чувствовать себя гораздо бодрее.

Бонд просидел в баре до девяти часов. Изучив карту города, он сел в машину и, сделав большой крюк, подъехал к верфи Гробовщика с юга, где и остановился, не доехав квартала. Отогнал машину к стоянке у моря и отправился дальше пешком.

В небе ярко сияла луна — огромные здания отражались чернильно-фиолетовыми тенями на пустынных аллеях приморского квартала. Не доносилось ни звука, кроме ровного плеска волн, ударявшихся о стенки набережной и свай пустынных причалов.

Теперь от квартала «Уробурос» его отделяла низкая стена шириной в три фута, за которой начиналась длинная затененная площадка.

Перебравшись через стену, он осторожно зашагал по тропинке, разделявшей здание и море. Подойдя ближе, он услышал чей-то высокий жалобный стон, который становился все громче, затем перешел в пронзительный вой. Для Бонда это не было неожиданностью. Он знал, что звук исходил от работающих водяных насосов и систем отопления, поддерживающих определенную температуру для нормального существования живых рыбок. Бонд также догадывался, что крыша рыбохранилища скорее всего стеклянная, пропускающая солнечные лучи. Должно быть, там были и отверстия, обеспечивающие хорошую вентиляцию.

Увиденное подтвердило его догадки. Вся верхняя часть южной стены рыбохранилища, которая находилась прямо над его головой, была целиком из зеркального стекла. На почти недоступной высоте прямо под крышей зияли широкие вентиляционные окна. Они были открыты, пропуская в помещение свежий ночной воздух. Внизу, как они с Лейтером и предполагали, была небольшая дверь, запертая на несколько замков и задвижек. Под петлями виднелись свинцовые провода, должно быть от сигнализации.

Дверь не заинтересовала Бонда. Следуя интуиции, он приготовился к вторжению через стеклянную крышу. Он огляделся вокруг в поисках чего-либо, на что можно было бы встать, приподнявшись фута на два. Вокруг валялось множество разного хлама, и он быстро нашел то, что искал. Эта была большая старая автомобильная покрывка. Подкатив ее к стенке подальше от двери, Бонд снял ботинки.

Затем он подложил кирпичи под края шины, чтобы сделать ее устойчивей, взобрался на нее и встал в полный рост. Пронзительный вой насосов лишь помогал ему, создавая прикрытие. Бонд тотчас же принялся за работу. Достал алмазный стеклорез и специальную мастику, которыми он обзавелся в скобяной лавке. Прорезав две вертикальные черты на зеркальной плите размером в три квадратных фута, он стал совершать круговые движения рукой, нанося мастику на центральную часть стеклянной плиты. Так же он обработал и края плиты.

Бонд разглядел просторное помещение рыбохранилища, освещенное ярким светом луны. На деревянных козлах покоились бесконечные ряды стеклянных контейнеров с узкими проходами между ними. Посередине зала — широкий коридор. Козлы стояли на длинных металлических поддонах, уходящих глубоко в пол; по стенам тянулись целые ряды больших стеллажей с колониями морских раковин. Большинство контейнеров находилось в темноте, но в некоторых флуоресцирующими искрами мелькали огоньки, отражаясь в булькающих пузырьках воздуха. Над каждым рядом контейнеров висел специальный подъемник, означавший, что каждый из контейнеров при необходимости мог быть извлечен через крышу и доставлен на яхту. Очевидно, таким же образом избавлялись и от больных рыбок. Ему удалось заглянуть в чужой, непонятный мир и подсмотреть его тайны. Мириады червяков, угрей, моллюсков и рыбок, живущих своей особой ночной жизнью в глубине прозрачных контейнеров, шевелящих своими жабрами, плавниками и усиками, охотящихся друг на друга и передающих крошечные радиолокационные сигналы в свои недремлющие спинномозговые центры!

Спустя четверть часа кропотливой работы раздался резкий шелчок, и середина стеклянной панели, отделившись от рамы, была у него в руках. Бонд придер-

живал ее за центральный выступ, вылепленный из мастики.

Он слез с покрышки и осторожно поставил кусок стекла на землю подальше от шины. Решив, что при наличии только одной здоровой руки его ботинки, подбитые стальными пластинами, могут оказаться смертельным оружием, Бонд подобрал их и засунул к себе под рубашку. Прислушался... В помещении не раздавалось ни звука, кроме взвизгивания четко работающих насосов. Затем он взглянул на небо — оно оставалось чистым и безоблачным — ярко светила луна. Вновь взобравшись на шину, он легким движением просунул верхнюю часть туловища в образовавшееся отверстие.

Затем он перевернулся, схватился руками за металлическую раму над головой и, хорошенько подтянувшись, перебросил в отверстие ноги, сложившись, как перочинный нож. Теперь его ноги находились прямо над стеллажами с раковинами. Он стал осторожно опускаться до тех пор, пока пальцы ног не коснулись верхушек раковин. Раздвинув их в стороны, Бонд мягко опустился на доску. Доска выдержала, и через секунду он уже был на полу, чутко прислушиваясь к равномерному шуму моторов.

Вокруг все было спокойно. Вынув из-за пазухи ботинки, Бонд поставил их на очищенную от раковин доску, на которой он только что сам стоял, и стал двигаться вперед, осторожно ступая в носках по цементному полу и освещая себе дорогу крошечным карманным фонариком.

Он находился в секции аквариумных рыбок. Разглядывая ярлычки, он удивлялся разноцветным огням, мерцающим из глубины аквариумов. Время от времени разбуженные светом рыбки всплывали на поверхность, испуганно тараща свои глазенки.

Кого здесь только не было! Гуппы, меченосцы, аксолотли, скалярии и все разновидности золотых рыбок. Внизу на поддонах под слоем ила извивалась крупная и мелкая живность: белые мучные черви, козявки, моллюски, креветки, дафнии и жирные улитки. Тысячи крошечных глазок пучились на яркий свет фонарика.

От стеклянных ящиков несло болотом, а температура внутри хранилища была не менее 30 градусов.

Бонд, почувствовав, что становится жарко, с тоской подумал о свежем морском воздухе.

Дойдя до центрального коридора, он неожиданно обнаружил контейнеры с ядовитыми рыбками, которые и искал. Наткнувшись на упоминание об этих рыбках в полицейских досье, которые он читал еще в Нью-Йорке, он сделал пометку в памяти, рассчитывая впоследствии узнать как можно больше об этой побочной стороне деятельности «Уробураса».

Аквариумы для ядовитых рыбок были гораздо меньше, рассчитанные на один экземпляр. Рыбы лениво взирали на Бонда холодными, подернутыми пленкой глазами; свет фонаря выхватывал в темноте то блестящие острые зубы, то острый хребет с ядовитыми шипами плавников.

На каждом контейнере мелом был нарисован злобный череп с костями и висели таблички, предупреждающие об опасности.

Этих аквариумов было не менее сотни. Они вмещали гигантских электрических скатов и злобных рыб-гитар, самых маленьких рыбок-игл и электрических угрей, обитающих в теплых морях, чудовищных скорпенов, яд которых столь же опасен, сколь яд гремучей змеи.

Бонд прищурился и стал смотреть внимательней, заметив, что в аквариумах с ядовитыми рыбками ил и песок занимали почти половину их емкости.

Он выбрал аквариум с 6-дюймовой скорпеной, немного зная ее повадки: она не кусала, но жалила при контакте своими ядовитыми шипами.

Верхняя часть аквариума доходила ему до пояса. Бонд достал из кармана острый перочинный нож и открыл самое длинное лезвие. Склонившись над аквариумом и засучив рукава, он нацелил лезвие прямо в середину шишкообразной головы между выпученными наружу глазами. Рука его коснулась поверхности воды — и тотчас же белые чешуйчатые ядовитые плавники рыбы угрожающе встали торчком, а крапчатые полосы приняли ровную грязновато-коричневую окраску. Широкие, крылообразные жабры слегка растопырились. Скорпена защищалась.

Бонд молниеносно ударил ножом. Пробив скорпене голову, он осторожно вытащил ее из аквариума и стряхнул на пол, где она продолжала прыгать и извиваться, несмотря на пробитый череп.

Бонд наклонился над пустым аквариумом и глубоко запустил руку в грязь и ил, покрывавшие дно.

ОНИ действительно были там! Его интуиция не подвела его и на этот раз. Под слоем ила пальцы нащупали тесные ряды золотых монет, сложенных наподобие шашек в коробке. Они находились в плоском поддоне с перегородками. Вытащив одну из монет, Бонд прополоскал ее в чистой воде поближе к поверхности и стал разглядывать при свете фонарика. Золотая монета с гербом Испании и профилем короля Филиппа II размером с современные пять шиллингов.

Бонд оценивающе посмотрел на аквариум. В одном таком аквариуме под охраной ядовитого Цербера покоилось около тысячи старинных монет стоимостью от десяти до двадцати тысяч долларов, спрятанных от взоров таможенников. Таков был груз, доставленный яхтой «Секатур» неделю назад. Сто контейнеров за одну перевозку составляло около 150—200 тысяч долларов прибыли!!!

Вскоре их отвезут в глухое место на побережье, вынут ядовитых рыб с помощью специальных щипцов и бросят обратно в море. А может быть, просто сожгут. Вылив воду с грязью из аквариумов, золотые монеты промоют и сложат в мешки. Дальше они все до одной поступят на рынок, строго учтенные хорошо налаженным механизмом империи Бига.

Отдав должное его талантам, Бонд наклонился, поддел рыбу ножом и бросил ее обратно в аквариум. Не следовало оставлять следов своего неожиданного открытия.

Внезапно, когда он уже отходил от аквариума, зажегся яркий ослепляющий свет и чей-то властный голос коротко приказал:

— Ни с места! Руки вверх!!

Перекатившись по полу, Бонд прыгнул за цистерну, успев увидеть у главного входа тощую фигуру Гробовщика, который целился в него из винтовки с расстояния ярдов 20. Молясь Богу, чтобы Гробовщик промахнулся и чтобы цементный пол оказался покрыт сверху хоть чем-нибудь, Бонд упал на мелкую ячеистую сетку. Что-то шелкнуло рядом с ним. Прыгая, он услышал винтовочный выстрел — пуля пробила контейнер совсем рядом с его головой. Из отверстия хлынула вода,

Пригнувшись, он быстро пробежал между контейнерами, прибегнув к единственному способу отступления, и спрятался за углом. Он услышал еще один выстрел — прямо над его ухом, как бомба, взорвался маленький аквариум с рыбкой-ангелом.

Теперь Гробовщик и Бонд были на противоположных сторонах огромного зала на расстоянии около 50 ярдов. Отверстие в стеклянной крыше находилось с другой стороны центрального коридора и казалось совершенно недоступным. Несколько минут Бонд размышлял, восстанавливая дыхание. Он понимал, что верхний край контейнеров прикроет его только до колен и что Гробовщик легко достанет его выстрелом. В любом случае он не мог оставаться на месте. Как бы в подтверждение этому прогремел новый выстрел, ударив в груду морских раковин рядом с ногами Бонда и осыпав его осколками. Бонд метнулся вправо — еще один выстрел в ноги; пуля, отлетев рикошетом, ударила по бутылки с моллюсками. Около сотни крошечных существ рассыпалось на полу. Бонд побегал обратно длинными прыжками. Он уже дважды промазал из своей «беретты», стреляя на бегу и видя, что Гробовщик спрятался за контейнером. Наконец его пуля ударила по контейнеру прямо над головой Гробовщика.

Бонд усмехнулся, услышав сдавленный вскрик, утонувший в звоне разбитого стекла и шумном всплеске воды.

Бонд вскочил на одно колено и дважды выстрелил в ноги Гробовщику — однако расстояние в пятьдесят ярдов было слишком большим для его «беретты». Пуля грохнула по контейнеру; вторая гулко ударила по железным воротам.

Гробовщик стрелял не переставая, Бонду оставалось только приседать, прячась за контейнерами и перебегая от одного к другому. Изредка он отстреливался, держа Гробовщика на дистанции и понимая, что битва проиграна. Боеприпасы противника казались неистощимыми. В «беретте» же Бонда оставалось всего два патрона, правда, в кармане лежала вторая обойма.

Несколько раз он чуть-чуть не упал, поскользнувшись на бешено бившейся на полу мокрой рыбе. Ему хватало сил лишь подбирать тяжелые раковины и швырять их в сторону врага. Они взрывались с оглушительным грохотом, раскалываясь о контейнеры и не причи-

няя вреда. Подумав о висевших в два ряда лампах на потолке, Бонд отказался от этой идеи. Их было не менее сорока.

Тогда он решил сдаться, прибегнув к военной хитрости. Любая перемена в такой ситуации была переменной к лучшему, а он сэкономит силы.

Пробегая мимо рядов с контейнерами, один из которых, ближайший к нему, был сверху расщеплен пулями, Бонд сбросил его на пол. Контейнер был наполовину полон сиамскими боевыми рыбками, стоявшими, должно быть, целую кучу денег. Бонд с удовольствием наблюдал, как они разлетелись по полу. На козлах освободилось довольно большое пространство. В два прыжка добежав до своих туфель, Бонд схватил их и пулей вернулся обратно, вспрыгнув на козлы.

Гробовщик перестал его видеть — в хранилище воцарилась тишина, нарушаемая лишь стоном моторов, плеском воды из разбитых цистерн и трепыханием умирающих рыб. Бонд надел на ноги туфли, крепко затянув шнурки.

— Эй, англичанин! — спокойно позвал его Гробовщик. — Давай выходи, а то забросаю гранатами. Я ждал тебя и запасаю оружием.

— Сдаюсь!! — прокричал Бонд сквозь сложенные трубкой руки. — Ты прострелил мне лодыжку!!

— Выходи, я не буду стрелять! — крикнул в ответ Гробовщик. — Бросай оружие на пол и встань в центральном коридоре, держа руки над головой. Мы с тобой немного побеседуем!

— Наверное, я не смогу! — прокричал Бонд, стараясь, чтобы его голос звучал как можно жалостнее. С грохотом уронив «беретту» на пол и вынув из кармана золотую монету, он стиснул ее в кулаке больной руки.

Вставая на ноги, Бонд громко вскрикнул. Затем, хромя и волоча за собой левую ногу, он стал продвигаться к центральному коридору, подняв руки на уровне плеч, и встал, дойдя до середины коридора.

Слегка нагнувшись вперед, Гробовщик медленно подошел к нему, нацелив винтовку прямо в живот Бонду. Тот удовлетворенно отметил, что тельняшка на нем была мокрой от пота, а над левым глазом сочился кровью свежий шрам.

Гробовщик отошел на приличное расстояние влево от центрального коридора. На расстоянии ядов десяти

он остановился, поставив ногу на какое-то возвышение в цементном полу, и взмахнул винтовкой.

— Выше руки! — хрипло скомандовал он.

Застонав якобы от боли, Бонд поднял руки на несколько дюймов выше, так, что они почти закрывали его лицо, как бы прося пощады.

Сквозь пальцы рук он видел, как Гробовщик откинул что-то носком ботинка. Раздался слабый звук, как будто отодвинулся засов. Глаза Бонда, прикрытые руками, на секунду загорелись, челюсти крепко сжались. Теперь он знал, что случилось с Лейтером!

Гробовщик опять подошел к нему, закрывая своим тощим телом то место, где находился раньше.

— О Боже! — простонал Бонд. — Мне необходимо сесть! Нога совсем не держит!

Гробовщик встал в нескольких метрах от него.

— Стоять прямо, англичанин, пока ты не ответишь на несколько вопросов! — Он усмехнулся, обнажив желтые, прокуренные зубы. — Скоро ты не только сядешь; но даже ляжешь — и надолго! — Гробовщик оглядел его с головы до пят.

Тело Бонда обвисло. Казалось, он еле держится на ногах. Являя собой печальное зрелище, он быстро соображал, измеряя расстояние в дюймах.

— Нюхач ты проклятый! — хрипло просипел Гробовщик...

Внезапно Бонд выронил золотую монету из левой руки. Со звоном ударившись о цементный пол, она покатилась в сторону.

На долю секунды Гробовщик скосил глаза. Бонд тут же резким движением ударил носком по винтовке, почти выбив ее из рук Гробовщика. Тот успел нажать на спуск — пуля со звоном ударилась в стеклянный потолок хранилища. Сцепив обе руки в замок, Бонд резко ударил Гробовщика в солнечное сплетение.

Руки его коснулись чего-то твердого, и левую руку пронзило острейшей болью. В этот момент Гробовщик сильно ударил его по спине винтовкой, Бонд бросился на него, как раненый бык, ослепший от боли. Он бил его обеими руками, втянув голову в плечи и пытаясь свалить его с ног. Увидя, что он зашатался, Бонд слегка выпрямился и опять ударил стальным носком ботинка прямо в коленную чашечку. Раздался дикий вопль — винтовка с грохотом отлетела в сторону. Гробовщик еще пытался спастись. Он начал падать, но

Бонд поддел его апперкотом, отбросив на несколько шагов в сторону.

Гробовщик распростерся в центре прохода напротив люка колодца, который Бонд теперь ясно видел.

Падая, тело Гробовщика задело задвижку; люк, повернувшись вокруг центральной оси, открыл отверстие глубокого колодца. Гробовщик упал прямо в него!

Чувствуя, что пол под ним начинает скользить, он завопил от ужаса и стал хвататься руками за край колодца. Тело его уже почти упало в опасную глубину. 6-футовая бетонированная крышка люка, повернувшись вокруг оси, приняла вертикальное положение, открыв с обеих сторон черные, зияющие квадраты.

Бонду не хватало воздуха. Уперев руки в бедра, он пытался восстановить дыхание. Затем подошел к правой стороне колодца и заглянул вниз.

Лицо Гробовщика исказилось от ужаса, зубы оскалились, глаза выпучились, как у безумного.

Бонд заглянул в колодец. В глубине ничего не было видно, лишь доносился плеск воды, ударявшейся о бетонные стены, да слабо мерцали глубоководные водоросли. Бонд догадался, что колодец имел прямой выход в море.

Голос Гробовщика перешел в жалобный стон. Внизу, увидев яркий свет, что-то начало шевелиться. «Рыба-молот или тигровая акула, — подумал Бонд. — У них самая быстрая реакция».

— Вытащи меня отсюда, друг! Дай мне передохнуть!! Вытащи меня!!! Я больше не продержусь!! Я сделаю все, что ты хочешь!!! Все расскажу... — умолял Гробовщик хриплым шепотом.

— Что произошло с Солитэр? — спросил Бонд, уставившись твердым взглядом в безумные глаза Гробовщика.

— Ее забрал Большой. Велел мне организовать похищение. Участвовали двое из Тампы. Спроси Мясника и Смертника. Бассейн ресторана «Оазис». Ей не сделали ничего плохого. Выпусти меня, парень!

— А что с американцем, Лейтером?

Гробовщик с искаженным от ужаса лицом умоляюще смотрел на него.

— Он сам виноват. Позвонил мне сегодня рано утром. Сказал, что в здании начался пожар. Что он будто бы видел это, проезжая мимо в машине. Схватил меня и притащил сюда. Хотел устроить здесь

обыск. Потом случайно упал в колодец. Такое несчастье!! Но мы успели его вытащить! Он был еще жив!! Клянусь, он был сам виноват!.. С ним все будет в порядке!!!

Бонд холодно смотрел на побелевшие пальцы, судорожно хватавшиеся за острый край бетонного колодца. Он знал, что ловушка была подстроена и что Гробовщик столкнул туда Лейтера. Он слышал его торжествующий смех при виде открывшегося люка, видел его злую ухмылку, когда он писал записку, засовывая ее между бинтами, окутывавшими наполовину съеденное тело его самого лучшего друга.

Бонда охватила слепая ярость.

Он дважды ударил стальным носком ботинка по стиснутым пальцам.

Из глубины колодца раздался короткий яростный вопль. Последовал шумный всплеск — в воде началось движение.

Бонд зашел с другой стороны люка, толкнув ногой тяжелую крышку. Она с легкостью повернулась вокруг оси.

Прежде чем она встала на место, Бонд услышал глухое ворчание, напоминающее чавканье голодной свиньи. Он знал, что этот звук издает акула, нацеливая свои серпообразные челюсти на плывущую жертву. Бонд содрогнулся от этой мысли и быстро задраил страшный люк.

Затем подобрал с пола монету и пистолет. Стоя у выхода, он оглянулся и оценил последствия битвы.

Ничто не говорило о том, что секрет сокровища был разгадан. Верхняя часть контейнера со скорпеной, в котором Бонд нашел золотые монеты, была разнесена на куски выстрелами, и те, кто придут сюда завтра утром, не удивятся при виде дохлой рыбы. Останки Гробовщика вытащат из акульего колодца. Мистеру Бигу сообщат, что он погиб при вооруженном нападении и что ущерб в энное количество тысяч долларов следует возместить, не дожидаясь следующего рейса яхты «Секатур». Вскоре найдут и пули, принадлежавшие Бонду.

Он старался не думать об ужасах, происходивших в эту минуту в подвале рыбохранилища. Он выключил свет и вышел через центральную дверь.

Это было лишь началом его расплаты с мистером Бигом...

Глава XVI

ВАРИАНТ «ЯМАЙКА»

Было два часа ночи. Взяв машину Лейтера со стоянки, Бонд вновь двинулся через город в направлении Четвертой-стрит, переходящей в шоссе на Тампу.

Выехав на курортный бульвар, он лениво рассматривал бесконечную череду мотелей, автокемпингов, придорожных лавчонок, торгующих пляжной мебелью, морскими раковинами и гипсовыми гномиками.

Он остановился у бара-закусочной и заказал двойную-порцию «Старого дедушки», после чего отправился в туалет, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Бинты на левой руке были черными от грязи, руку пронзала пульсирующая боль. Гипсовая повязка треснула от удара в живот Гробовщику. Что ж, ничего не поделаешь! Глаза были красными от напряжения и недосыпа. Вернувшись в бар, он выпил виски и заказал еще порцию. Бармен, по всей вероятности, был студентом колледжа, подрабатывающим в каникулы. Ему хотелось поболтать с клиентом, но Бонд сидел с отрешенным видом, уставившись в свой бокал. Его преследовали мысли о Лейтере и Гробовщике. В ушах стояло чавканье голодной акулы.

Он расплатился и вновь сел за руль. Проехав пару перекрестков, он свернул на мост Гэнди. Прохладный ветер с моря приятно веял в лицо. В конце моста он повернул налево в сторону аэропорта, остановив машину у первого же мотеля.

Хозяева — пожилая чета — сидели с бутылочкой пшеничного виски, «уговаривая» ее под звуки веселой кубинской румбы, доносившейся из радиоприемника. Бонд рассказал им историю с проколотой шиной по дороге из Сарасоты в Сильвер-Спрингс, и, хотя они выслушали его без всякого интереса, с удовольствием получили с него десять долларов. Он подогнал машину прямо к дверям коттеджа № 5, открыл дверь ключом и включил свет. В комнате, оклеенной белыми и голубыми обоями, стояла большая двухспальная кровать, платяной шкаф и два стула. Здесь же была дверца в душ. Бонд, почувствовав невероятное облегчение, поставил чемодан на пол и пожелал хозяину спокойной ночи. Быстро разделся, бросив одежду на стул, почис-

тил зубы, с шумом прополоскал горло и лег в постель, сразу же провалившись в глубокий, ничем не прерываемый сон. Это была его первая спокойная ночь в Америке, когда он уснул, не думая о завтрашнем дне.

Проснувшись в полдень, он прошел по дорожке к ближайшему кафетерию, съел великолепный трехслойный сандвич и выпил кофе. Вернувшись в коттедж, он написал подробный отчет для отдела ФБР в Тампе. Из опасения, что мистер Биг прикроет все свои операции на Ямайке, он исключил из отчета всякое упоминание о золотых монетах, найденных им в контейнерах с ядовитыми рыбами. Источник монет был еще неизвестен. Бонд понимал, что ущерб, нанесенный им Бигу, не имел ничего общего с выполнением задания — обнаружением источника золотых монет, захватом и уничтожением, по возможности, самого Бига.

В аэропорту он едва успел взять билет на современный 4-турбинный лайнер, вылетающий через несколько минут. Машина Лейтера осталась на стоянке в аэропорту, как было указано им в отчете для ФБР. Он понял, что мог и не упоминать об этом в отчете, когда увидел рослого человека в плаще, праздно ботающегося у киоска с сувенирами. Такой плащ был непременным атрибутом любого агента ФБР, почти как звезда шерифа. Должно быть, они хотели воочию убедиться, что он действительно вылетел на Ямайку, вздохнув наконец с облегчением. Уж слишком много трупов оставил он за собой! Прежде чем подняться на борт, Бонд соединился с госпиталем в Сент-Питерсберге. Лейтер все еще лежал без сознания — других новостей не было. Обо всех переменах обещали телеграфировать.

В пять часов вечера, облетев вокруг Тампы, лайнер взял курс на восток. Солнце низко висело над горизонтом. Встречный реактивный из Пенсаколы пролетел невдалеке от них, оставив за собой четыре инверсионные струи, безжизненно повисшие в воздухе. Вскоре, закончив учебный полет, он сядет на побережье, заполненном олдстерами в рубашках «а ля Гарри Трумэн». Бонд был доволен, что улетал на экзотический остров Ямайку подальше от великой страны под названием «Эльдолларадо».

Самолет оставил узкий перешеек Флориды и сотни километров джунглевых зарослей и болот без всяких следов человеческого присутствия. В надвигавшихся

сумерках ярко блестели красные и зеленые бортовые огни. Вскоре они уже были над Майами, пролетая над восточным побережьем Флориды, залитым неоновыми огнями. Шоссе номер один уходило в сторону от аэропорта вверх по побережью, скрываясь под «золотым кольцом» туристских мотелей, бензозаправочных станций и фруктовых ларьков, вновь появляясь на трассе Палм-Бич — Дейтон-Бич — Джэксонвилл. Бонд вспомнил их завтрак в Джэксонвилле всего три дня назад и все последующие события. Вскоре после остановки в Нассау они будут пролетать над Кубой, над тем самым местом, куда мистер Биг увез Солитэр. Она, возможно, посмотрит в небо, чувствуя, что Джеймс где-то рядом.

Встретятся ли они когда-нибудь и завершат ли то, что начали? Видимо, это случится позднее, когда он выполнит задание, в конце полного риска пути, начатого им всего три недели назад в холодном, туманном Лондоне. И Солитэр будет главным призом?!

После раннего ужина и коктейля пассажиров высадили в Нассау. Всего полчаса на богатейшем острове в мире, песчаном пляже и плато Канаста, скрывающем в своих недрах непуганые миллионы, крошечные бунгало, окруженные чахлыми зарослями пандануса и казуарина.

Поднявшись со сверкающего аэродрома в Нассау, они уже вскоре пролетали над перламутровыми огнями Кубы, так отличавшимися от ярких, первобытных огней городов ночной Америки.

Внезапно на высоте 15 тысяч футов, оставив позади Кубу, их самолет догнал сильнейший тропический шторм, превративший их комфортабельный сверхсовременный салон в висячую камеру смерти. Воздушный корабль начал дергаться и нырять, турбины натужно выли, судорожно пытаясь пробить плотную стену воздуха. Толстая сигара ревела и содрогалась. В кухонном отсеке сыпалась на пол посуда, шквальные порывы ветра с дождем обрушивались на иллюминаторы.

Бонд судорожно схватился за поручни кресла, ругаясь про себя всеми возможными словами.

Глядя на стопки журналов, он думал: «Вряд ли они помогут, когда на высоте 15 тысяч футов лопаются стальные перегородки; ни к чему здесь бесплатный одеколон, бритвенные принадлежности, индивидуаль-

ные меню и орхидеи в коробках со льдом. А меньше всего здесь помогут спасательные ремни и жилеты, продемонстрированные стюардом, и красный аварийный сигнал.

Когда крепчайший металл не выдерживает нагрузки, когда наземный механик, влюбившись по уши, плохо сделает свою работу, будь то в Лондоне, Айдауальде, Нью-Йорке или Монреале, когда случаются такие и тому подобные вещи, маленькая уютная комната с реактивным двигателем сзади может гробануться с высокого неба в море или на землю, став просто жалким куском металла. А он, как известно, всегда тяжелее, чем воздух. И вместе с ним гробанутся его пассажиры — все 240 — и каждый со своими амбициями, которые тоже слегка тяжелее, чем воздух. Если уж такова их судьба, то что же тогда беспокоиться?

Жизнь ваша так же зависит от работы наземного механика, как и от реакции человека, сидящего за рулем «семейного» автомобиля, который весело летит вам навстречу на красный сигнал светофора, а вы преспокойненько возвращаетесь после веселого ужина с очень приятной дамой. Тут уж ничего не поделаешь! Смерть начинается с момента рождения. А жизнь — это ваша борьба со смертью... Да не берите в голову!!! Зажгите сигару и радуйтесь, что вы пока еще живы — вдохните дым поглубже в легкие!

Судьба ваша зависит от звезд с тех самых пор, как вы оставили материнское чрево и заорали впервые от разницы температур. Спросите разрешения у звезд — быть может, они и позволят вам живым долететь до Ямайки! Прислушайтесь к этим бодрым голосам, без остановки вещающим по радио: «Летайте только самолетами БОАК!», «Летайте рейсами ПАНАМЕРИКА!». Вы слышите, как они зазывают? «Летайте самолетами ТРАНСКАРИБЫ!», «Летайте самолетами..!» Не теряйте веру в свою звезду! Вспомните, как вы заглянули в глаза своей смерти, стоя под дулом винтовки Гробовщика... А это было лишь прошлой ночью! Вы все еще живы? Прекрасно!!! Вот все и кончилось! Опасность миновала!! Вы поняли, что хорошо стрелять — еще не значит быть крепким парнем?! Не забывайте об этом... Счастливое приземление в аэропорту Палисадос — ваш «звездный билет»! Так что скажите спасибо!!!»

Отстегнувшись от кресла, Бонд вытер со лба пот,

«К черту ваш самолет!» — думал он, спускаясь по трапу.

Главный агент английской секретной службы Кариб Стрэнгуэйс встречал его на Ямайке, значительно ускорив таможенные процедуры.

Было почти 11 вечера. В воздухе было тепло и спокойно. Где-то пронзительно верещали сверчки, прячась в гигантских кактусах, окружавших дорогу с обеих сторон. Бонд благодарно вбирал в себя незнакомые звуки и запахи тропиков, пока их военный грузовичок, оглябая город Кингстон, мчался в сторону лунных холмов Блу-Моунтинс.

В дороге они почти не разговаривали и вскоре оказались на уютной веранде белого домика Стрэнгуэйса на Джанкшэн Роуд чуть ниже Стоуни-Хиллс.

Стрэнгуэйс налил два стакана крепкого виски, разбавил содовой и начал свой краткий отчет о последних событиях на Ямайке.

Это был худощавый, веселый парень лет 35 от роду, в прошлом капитан-лейтенант Особого подразделения английских военно-морских сил. С черной повязкой на одном глазу, он обладал притягательной внешностью дамского сердцееда, хотя под плотным слоем загара виднелись глубокие борозды. Судя по резким жестам и рубленным фразам, Бонд заключил, что Стрэнгуэйс был нервным и взвинченным человеком. Но ко всему этому он был весьма толковым офицером, обладал здоровым чувством юмора и не выказывал ревности к тому, что высшие чины посягают на его территорию. Бонд чувствовал, что они сойдутся, и с удовольствием приветствовал эту дружбу.

Вот какую историю поведал Стрэнгуэйс.

— Слухи о сокровищах Кровавого Моргана, якобы зарытых им на острове Сюрпризов, ходят уже давно.

Крошечный остров располагается в самом центре бухты Акул — маленькой гавани в конце Джанкшэн Роуд, пересекавшей тонкий перешеек Ямайки до Монтего-Бей на северном ее побережье.

Великий пират сделал бухту Акул своим главным пристанищем. Ему понравилось это место с хорошим видом на остров, принадлежавший ему и губернатору в Порт-Ройяле. Кроме того, никем не замеченный он мог спокойно плавать в ямайских водах. Это устраивало и губернатора, пока Британия смотрела сквозь пальцы на пиратские выходы Моргана, желая больше

всего, чтобы испанцев вытеснили с Кариб. Когда же это случилось, Морган был пожалован в рыцари и назначен губернатором всей Ямайки. Его предыдущие злодеяния рассматривались как меры против войны с Испанией.

Итак, в течение долгого времени, прежде чем браконьер превратился в охотника, Морган использовал бухту Акул как свои главные морские ворота. Построив три дома в соседнем поместье, он окрестил их «Лланрумней» — по имени своего родного города в Уэльсе. Они назывались дом Моргана, дом Доктора и дом Дамы. В развалинах до сих пор находят монеты и золотые безделушки.

Его корабли стояли в бухте Акул с подветренной стороны острова Сюрпризов — обрывистого кораллового атолла, который возвышался в самом центре бухты. Остров увенчивался небольшим плато, поросшим джунглями.

В 1683 году Морган оставил Ямайку в последний раз и был судим равными себе за оскорбление королевской власти. Его сокровище осталось спрятанным на Ямайке, а сам он умер в ужасающей нищете, так и не сообщив, где оно находится. А был он самым богатым пиратом в мире — после бесчисленных набегов на Испаньолу, захвата множества груженных золотом кораблей, бесовестных грабежей Панамы и Маракайбо. Сокровище исчезло без следа!

Многие думали, что Морган закопал его на острове Сюрпризов... С тех пор на протяжении более чем 200 лет многочисленные кладонскатели тщетно тратили свои силы.

Полгода назад в течение месяца случилось два события. Первое — из деревни в бухте Акул исчез молодой рыбак. Второе — остров был перекуплен у нынешнего владельца поместья Лланрумней, где теперь выращивали бананы и скот, за тысячу фунтов стерлингов каким-то анонимным нью-йоркским синдикатом.

Спустя несколько недель с момента продажи острова яхта «Секатур» вошла в бухту Акул и встала на якорь там, где обычно любил стоять Морган, — с подветренной стороны. В команде не было ни одного белого человека. Негры сразу же принялись за работу, выбив ступени в скалистой стене и поставив на вершине несколько низких хибар, сплетенных из стеблей бамбука.

Они не испытывали недостатка в провианте и покупали у местных рыбаков только свежие фрукты и пресную воду.

Они были молчаливы и дисциплинированы, не причиняя никому никаких хлопот. Таможенникам в соседнем порту Мария, осматривавшим яхту, они объяснили, что собираются ловить здесь тропических и ядовитых рыбок и собирать красивые раковины для корпорации «Уробурос», что в Сент-Питерсберге. Быстро освоившись на острове, они в больших количествах скупили весь товар у рыбаков бухты Акул, порта Марии и Оракабессы.

Недавно почти с неделю они производили на острове взрывные работы якобы для того, чтобы построить большой резервуар для хранения рыбы.

Вскоре яхта «Секатур» стала совершать свои челночные рейсы раз в две недели по побережью Мексиканского залива; наблюдатели, смотревшие на яхту в бинокль, подтверждали, что каждый раз она увозила тяжелые контейнеры. На острове всегда оставалось около 12 человек. Каное, приближавшиеся к скалистому острову, предупреждались сторожем, ловившим рыбу у подножия скалы в том самом месте, где обычно вставала на якорь «Секатур», хорошо защищенная от северо-западных ветров.

Еще ни одному человеку не удавалось высадиться на остров в дневное время. Никто не пытался проделать это и ночью, помня о двух неудачных попытках.

Первая такая попытка была предпринята местным рыбаком, наслушавшимся разговоров о зарытых там сокровищах. Однажды темной ночью он сделал попытку добраться до острова вплавь. Останки его на следующий день были выброшены на скалы. Акулы оставили только часть позвоночника и кусок бедра.

Примерно в то время, когда он уже должен был достичь острова, местное население деревни в бухте Акул было разбужено громким боем барабанов. Казалось, что он доносился из глубины кораллового острова и походил на грохот тамтамов. Поначалу тихий, он постепенно стал нарастать, переходя в оглушительное крещендо. Немного стихнув, он вскоре совсем прекратился. Это продолжалось пять минут.

С того времени остров считался «табу», или «оби», — даже в дневное время каное не заплывали туда.

После этого случая делом заинтересовался Стрэнгуэйс, отправив подробный отчет обо всех событиях в Лондон. С 1950 года Ямайка стала важным стратегическим объектом ввиду того, что «Рейнольдс Металл» и «Кайзер Корпорейшн» открыли здесь крупное месторождение бокситов. По мнению Стрэнгуэйса, деятельность «Уробураса» на острове вполне могла означать строительство военной базы для сверхмалых одноместных подводных лодок, тем более что бухта Акул располагалась прямо по курсу кораблей «Рейнольдс Металл». Они направлялись в Око Риос в нескольких милях от побережья.

Лондон представил отчет Вашингтону, выяснив, что синдикат, купивший коралловый остров, принадлежал мистеру Бигу!

Все это были события 3-месячной давности. Стрэнгуэйсу было приказано проникнуть на остров любой ценой и выяснить, что происходит на самом деле. Он развернул активную деятельность. Для начала приобрел в свою собственность западную часть бухты Акул, называемую Пустыня Бо. На ее территории находились развалины ямайского особняка начала XIX века, а также дом на берегу моря, стоявший прямо напротив стоянки яхты «Секатур».

Доставив с бермудской военной базы двух превосходных пловцов, Стрэнгуэйс установил постоянное наблюдение за островом в светлое и темное время суток с помощью специальных оптических приборов. Не заметив там ничего подозрительного, тихой темной ночью двое пловцов по его распоряжению отправились вплавь на остров, чтобы осмотреть подводную его часть.

Стрэнгуэйс пришел в полнейший ужас, когда спустя час после старта пловцов из глубин скалистого острова спять раздался зловещий грохот тамтамов.

В ту ночь они не вернулись...

На следующий день их останки были выброшены на берег в разных местах бухты.

Бонд внезапно прервал рассказ Стрэнгуэйса.

— Подождите-ка, — сказал он. — Что вы мне тут рассказываете о разных акулах и барракудах? Ведь в этих водах они обычно не слишком свирепствуют. В районе Ямайки вообще их довольно мало; питаются они днем, а не ночью. В любом случае, я не верю, что они могут напасть на человека. Разве что почувствуют

запах крови? Иногда из чистого любопытства они могут схватить ныряльщика за ногу. Бывали такие случаи на Ямайке?

— С 1942 года, когда акула откусила ногу девушке в гавани Кингстон, таких случаев больше не отмечалось, — ответил Стрэнгуэйс. — Она каталась на водных лыжах и задирала время от времени ноги вверх. Белые ножки, должно быть, показались акулам особенно аппетитными, да и скорость была подходящей. Вы правы, никто и не спорит! Тем более что мои пловцы взяли с собой подводные ружья и ножи. Казалось, я сделал все, чтобы обеспечить их безопасность. Какой кошмар!!! Можете себе представить, как я себя чувствовал после этого. С тех пор подобные попытки больше не предпринимались. Правда, мы попытались добиться официального допуска на коралловый остров через Министерство колоний в Вашингтоне. Остров все-таки принадлежит Соединенным Штатам... Но дело оказалось весьма волокитным, тем более что против людей Бига у нас нет ничего конкретного. Мне кажется, у них хорошая рука в Вашингтоне и опытные юристы. В общем, мы сели в лужу.

— А где сейчас находится «Секатур»?

— Все еще на Кубе. Должна прибыть сюда примерно через неделю, если верить ЦРУ.

— Сколько рейсов она уже сделала?

— Около двадцати.

Бонд моментально умножил в уме 150 тысяч долларов на 20. Если он правильно понял, мистер Биг уже нажил около миллиона фунтов стерлингов, перевоза монеты с острова.

— Я был готов к вашему приезду сюда, Джеймс, — сказал Стрэнгуэйс. — В Пустыне Бо у вас есть дом, в котором вы можете расположиться. В вашем распоряжении «Санбим Тальбот» с откидным верхом. Резина новая, машина скоростная. Как раз то, что нужно для наших дорог. Я дам вам надежного проводника — ямайца с острова Кейман по имени Куоррелл. Лучший пловец и рыбак на Карибах. Вообще очень славный неглупый парень. Кроме того, я приобрел у компании «Уэст Индиан Цитрус» виллу для отдыха в бухте Манати. Это на другом конце острова. Вы сможете там отдохнуть недельку и начать тренировки до прибытия яхты. Ведь вам потребуется быть в хорошей спортивной форме, если вы собираетесь пробраться на остров

Сюрризов. Боюсь, что это, к сожалению, единственный выход. Что я еще могу для вас сделать? Буду держать с вами связь, разумеется, но вынужден буду оставаться в Кингстоне, чтобы держать в курсе Лондон и Вашингтон. Они захотят знать все, что мы делаем здесь. У вас есть какие-либо поручения ко мне?

Бонд размышлял.

— Да, — наконец сказал он. — Сегодня же свяжитесь с Лондоном и Военным адмиралтейством. Пусть они срочно пришлют гидрокостюм и акваланг. Побольше запасных баллонов. А кроме того, пару подводных ружей. Лучше всего французской марки «Чемпион». Хорошие фонари для подводной охоты. Кинжал, каким пользуются коммандос. Все виды снотворного, какие только можно достать в Музее естествознания. Это — для акул и барракуд. А также немного противоакульного порошка, который американцы небезуспешно использовали в Тихом океане. Попросите, чтобы Британская международная авиакомпания срочно выслала все это сюда прямым рейсом.

Бонд замолчал на секунду.

— Ах, да! — добавил он к сказанному. — Еще мне обязательно нужны магнитные мины с часовыми взрывателями, примерно такие, какие применялись в войну нашими подводными боевыми пловцами.

Глава XVII

«ХОЗЯИН-ВЕТЕР»

...Поу-поу с долькой зеленого лимона — ямайское национальное блюдо, приготовленное из красных бананов, пурпурных «звездных яблок» и мандаринов, яичница с беконом, кофе «Блу Моунтин» — самое лучшее в мире, ямайский мармелад почти черного цвета, желе из гуавы...

Завтракая на открытой веранде своей новой виллы в бухте Манати в шортах и сандалиях на босу ногу, Бонд лениво взирал на залитую солнцем панораму Кингстона и порт Ройяла, простиравшуюся перед ним, и размышлял о превратностях своей опасной профессии, в которой были и свои прелести. В данный момент он чувствовал себя абсолютно счастливым.

Сразу после завтрака на веранде появился Стрэнг, уэйс в сопровождении высокого мулата.

Юношу звали Куоррелл. Уроженец острова Кейман сразу понравился Бонду. В нем было что-то от кромельевских солдат и морских пиратов. Его лицо с острыми скулами и мужественно сжатым ртом свидетельствовало о сильном характере. Глаза были серого цвета. Негрондными были только слегка приплюснутый нос и бледно-розовые ладони.

Бонд крепко пожал ему руку.

— Доброе утро, капитан! — приветствовал его Куоррелл. Для него, потомка самых знаменитых моряков в мире, это был наивысший ранг. В голосе его не было раболепия — он говорил как старший на судне — ясно и коротко.

Именно эта первая встреча определила их дальнейшие отношения. Ни тени подобострастия! Так шотландский лаэрд мог разговаривать со своим главным охотничьим егерем.

Коротко обсудив дальнейшие планы, Бонд сел за руль небольшой машины, которую Куоррелл пригнал из Кингстона, и выехал вместе с ним в направлении Джанкшэн Роуд. Стрэнгуэйс остался выполнять его распоряжения.

Стрелка часов приближалась к девяти — жара еще не наступила. Они пересекли гористую часть острова, выделявшуюся среди равнин, как хребет на спине крокодила, и ехали теперь по извилистым сельским дорогам в направлении северной равнинной части острова. Тропическая растительность менялась вместе с ландшафтом — от красоты пейзажа буквально захватывало дух! Покрытые зеленью склоны холмов, нежно-зеленые заросли бамбука, яркие бенгальские огни тропического леса сменялись черными и кампешевыми деревьями у подножий. И вот перед ними долина Агуалта — зеленое море сахарного тростника и банановых пальм, простирающееся до самого северного горизонта!

К половине одиннадцатого они проехали порт Марию, свернув на проселочную дорогу к бухте Акул. Миновав еще один поворот, они неожиданно увидели ее, простиравшуюся прямо перед ними внизу под обрывом. Бонд заглушил двигатель, и они вышли.

Бухта изгибалась полумесяцем, охватывая участок суши шириной мили в три. Голубая поверхность моря слегка подергивалась легким северо-западным пассатом, который зарождался, распространяясь затем по всему свету, в недрах Мексиканского залива.

Машина находилась на высоте около 100 футов. Внизу, прямо под их ногами, плескалась бледно-зеленая морская вода, ярко выделявшаяся на границе с белым песком. Чуть подалее синий цвет резко переходил в темно-коричневый, обозначая поверхность подводных рифов, широким полукругом ограничивавших безопасное для стоянки судов место на расстоянии около 100 ярдов от острова. Затем опять начиналась темно-синяя полоса, местами переходящая в голубой и аквамариновый цвета. По словам Куоррелла, яхта «Секатур» обычно вставала на якорь на глубине не менее 30 футов.

Слева от них, между белым песчаным пляжем и западным рукавом бухты, окруженная кольцом пальмовых деревьев, располагалась их основная «военная» база — Пустыня Бо. Куоррелл подробно описал ее особенности, а Бонд тем временем в бинокль рассматривал узкую полосу моря, отделявшую пустыню от места стоянки.

Первая разведка на местности заняла около часа. Затем они сели обратно в машину и повернули на основную дорогу вдоль побережья, решив не заходить в деревню.

Оставив позади небольшой банановый порт Оракабесса и Око Риос, где возводился современный бокситный завод, они свернули на северное побережье к бухте Монтего, до которой еще было два часа езды. На Ямайке был февраль — самый разгар туристского сезона. Небольшая рыбацкая деревушка и несколько разбросанных по пляжу отелей буквально задыхались от «золотой лихорадки», продолжавшейся четыре месяца и дававшей им средства к существованию в течение целого года. Бонд и Куоррелл остановились в небольшом пансионате на другой стороне широкой бухты, позавтракали и вновь отправились в путь.

Бонд побывал в самом красивом уголке мира. Такой красоты он еще никогда не видел: белые песчаные дюны тянулись на пять миль в длину и постепенно переходили в морские буруны. Чуть выше холмов за горизонт уходили пальмовые деревья. Внизу между громадами огромных морских раковин, переливавшихся розовыми тонами, лежали серые перевернутые каноэ, а из пальмовых хижин, располагавшихся на границе болот и морского пляжа, кучеряво вился дымок, весело поднимаясь в высокое ярко-синее небо.

На небольшой лужайке, поросшей багамской травой, посреди рыбацких хижин возвышался домик на сваях, предназначенный для отдыха служащих «Уэст Индиан Цитрус Компани». Бонд подъехал к нему на машине. Пока Куоррелл наводил уют в двух небольших комнатках наверху, он, обвязав вокруг талии полотенце, прошел между пальмами к морю, которое находилось ярдах в 20 от домика.

Целый час он плавал и кувыркался в теплой соленой воде, размышляя об острове Сюрпризов и его секретах.

По дороге обратно к маленькому деревянному бунгалу он получил первую порцию ядовитых укусов. Куоррелл ахнул при виде плоских шишек, вздувшихся у него на спине. Через некоторое время они начнут сильно зудеть, сводя Бонда с ума.

— Ничего с этими мухами не поделаешь, кэп! — виновато вздохнул Куоррелл. — Но я сделаю так, что чесаться не будет. Сначала примите душ, чтобы смыть с себя соль.

Когда он вышел из душа, Куоррелл достал небольшую бутылочку и смазал укусы какой-то коричневой дрянью, запах которой напоминал креозот.

— У нас на острове Кейман москитов и мух больше, чем где-либо в мире, — объяснил Куоррелл Бонду. — Но мы успешно пользуемся этим средством, не обращая на них никакого внимания.

Куоррелл мотнул головой в сторону моря.

— «Хозяин» подул, — пояснил он.

— Что это значит? — изумленно спросил Бонд.

— Так местные рыбаки называют ветер, который дует с моря или с берега, — сказал Куоррелл. — Ночью «Хозяин-ветер» уносит плохой воздух с берега в море. Он дует с шести вечера до шести утра. А утром на смену ему приходит «Доктор-ветер», принося на остров свежий воздух с моря. Так говорят на Ямайке.

Куоррелл вопросительно посмотрел на Бонда.

— Мне кажется, вы и «Хозяин-ветер» делаете одно дело, кэп, — сообщил он.

Бонд коротко рассмеялся в ответ.

— К счастью, я не должен соблюдать те же часы, что и он.

Пока Куоррелл готовил сочное кушанье из рыбы, яиц и овощей, которые станут их основной пищей на острове, Бонд сел под лампу и стал изучать книги, которые Стрэнгуэйс достал для него в ямайском Центре.

В ту ночь Бонду снились гигантские осьминоги, электрические скаты, акулы и зубастые барракуды. Все они нападали на него. Во сне он стонал и обливался потом.

На следующий день он приступил к тренировкам под чутким и умелым руководством Куоррелла. С утра Бонд делал заплыв в одну милю вверх по течению, а потом до самого завтрака бегал по пляжу. Около девяти они садились в каноэ, натягивали треугольный парус и быстро неслись вверх по течению в сторону Кровавой и Оранжевой бухт, где песок переходил в рифы, а скалы и пещеры близко подступали к воде.

Отсюда, вытащив лодку на берег, они отправлялись в захватывающие подводные экспедиции с копьями, масками и гарпунными ружьями. Куоррелл утверждал, что условия под водой здесь были такими же, как в бухте Акул.

Они спокойно охотились на расстоянии нескольких ярдов друг от друга. Куоррелл чувствовал себя как рыба в воде.

В первый же день Бонд вышел из моря, изрезанный ядовитыми кораллами, с дюжиной морских ежей на спине. Куоррелл заржал и быстро обработал раны мериолатом и мазью Мильтона. С этого дня он каждый вечер втирал в кожу Бонду пальмовое масло, тихо беседуя с ним о виденных рыбах, насекомоядных растениях и водных пресмыкающихся.

Куоррелл также никогда не слышал о случаях нападения рыб на человека, за исключением раненых и акул, почуявших запах крови. Он объяснил, что в тропических водах рыбы редко бывают голодными и пользуются в основном своими преимуществами для защиты, а не для нападения. Единственным исключением из этого правила, по его мнению, были барракуды.

— Плохие рыбы, — сказал он про них. — Они не ведают страха, потому что у них нет врагов, кроме болезней. Они способны плыть со скоростью до 50 миль в час на коротких дистанциях. А зубы у них самые страшные — страшнее вообще не бывает!

К концу недели Бонд покрылся ровным, коричневым загаром, а тело его стало твердым, как камень. Он сократил количество выкуриваемых им сигарет до десяти в день и совсем завязал с выпивкой. Теперь он мог без усталости проплывать расстояние до двух миль, а пят

лец его совсем перестал болеть. Он полностью раскрепостился и забыл о городской жизни.

Куоррелл сиял от удовольствия.

— Теперь вы готовы для острова Сюрпризов, кеп! — восклицал он. — И я не хотел бы стать той рыбой, которая соберется напасть на вас.

На восьмой день тренировок вечером они вернулись на виллу Манати, где их поджидал Стрэнгуэйс.

— У меня для вас хорошие новости, Джеймс! — сказал он. — Ваш друг Феликс Лейтер пошел на поправку. Во всяком случае, он жив.

Сердце Бонда заколотилось от радости. Он посмотрел в окно.

— Передайте ему, чтобы поправлялся быстрее, — отрывисто выговорил он. — Скажите ему, что мне его очень не хватает... Какие еще новости? — спросил он, отвернувшись от окна. — Все в порядке?

— Я раздобыл все необходимое, — ответил Стрэнгуэйс. — Яхта «Секатур» должна завтра приплыть на Сюрпризы. Пройдя порт Марию, к ночи они будут здесь. На борту — сам мистер Биг. Это его второй визит на остров. Да, ведь с ними еще и женщина! Девушка по имени Солитэр, как мне сообщили из ЦРУ. Знаете что-нибудь про нее?

— Да нет, не так много, — ответил Бонд. — Но мне бы хотелось отнять ее у Бига. Она не из их команды.

— Дамочка попала в беду? — протянул романтически настроенный Стрэнгуэйс. — Что ж, неплохая мизансцена! ЦРУ говорит, что она — отпад!!!

Слова его повисли в воздухе. Бонд вышел на веранду и стал размышлять, любуясь ночными звездами. Еще никогда ставки в его игре не были такими высокими! Секрет спрятанного сокровища, необходимость уничтожения опасного преступника, возможность нанести решительный удар по коммунистическому шпионскому заговору и разорвать гнусную паутину СМЕРШа. С ними у него были личные счеты!!! И Солитэр — в качестве главного приза, который достанется лично ему!

Звезды ярко мерцали, телеграфируя ему о чем-то важном на неведомом ему языке...

Глава XVIII

ПУСТЫНЯ БО

После ужина Стрэнгуэйс отправился к себе, договорившись с Бондом, что с рассветом они выезжают. Бонд принялся внимательно изучать новые книги об акулах и барракудах, которые оставил ему Стрэнгуэйс.

Прочитанное почти ничего не добавило к тому, что на практике объяснил ему Куоррелл. Книги были написаны научным языком и в основном касались агрессивного поведения этих рыб у берегов Тихого океана, проявляющих любопытство при виде мелькающих в прибрежных толщах воды частей тела купающихся.

Однако сам собой здесь напрашивался вывод о том, что глубоководные пловцы с аквалангами подвергались гораздо меньшей опасности, чем просто купающиеся в верхних слоях. Акулы с легкостью набрасывались на них, особенно возбужденные запахом крови и человека или реагируя на вибрацию водных слоев, создаваемую раненым. Бонд прочел, что акулы часто обращаются в бегство, увидев преследующего их пловца или слышав громкие звуки — достаточно бывает просто закричать под водой.

Наиболее эффективным противоакульим репеллентом, по данным исследований Военно-морского научно-исследовательского центра США, было сочетание медного ацетата и нигрозина на темном красителе. Таблетки с этой смесью использовались в настоящее время в американских вооруженных силах — их вкладывали в кармашки спасательных надувных жилетов.

— Надо бы вам запастись этой штукой, — заметил Куоррелл, против своей воли находясь под сильным впечатлением от прочитанного.

Бонд был с ним вполне согласен. Вашингтон телеграфировал, что противоакульи таблетки были уже высланы. Пока они еще не дошли до места и ожидалось в течение ближайших 48 часов. Однако Бонд не впадал в уныние. Он рассчитывал, что доберется до острова вплавь без особых приключений.

Прежде чем лечь в постель и уснуть, он мысленно успокоил себя, решив, что акулы не нападут на него, не почувствовав запаха крови, а кроме того, если не получат от него сигнала страха. Что же касалось осьмино-

гов, скорпен и мурен, ему просто следовало быть осторожней и лучше смотреть под ноги. По его мнению, морские ежи с их 3-дюймовыми ядовитыми колючками представляли самую большую опасность для подводного плавания в тропиках, а боль, которую они причиняли, могла сорвать его планы.

Выехав около шести утра, они добрались в Пустыню Бо только к половине одиннадцатого.

То, что приобрел Стрэнгуэйс, было красивой старинной плантацией, занимающей площадь в один квадратный акр.

Незаметная тропинка, прятая среди бамбуковых зарослей, привела их к маленькой вилле, стоявшей на самом берегу моря. После недели лишений в бухте Манати ванная комната и удобная бамбуковая мебель на вилле показались Бонду неслыханной роскошью, и он с удовольствием ходил босиком по пестрым циновкам.

Через прорези жалюзи Бонд любовался маленьким садиком, в котором буйно цвели магнолии, алтей и пышные розы. За ними, изогнутый полумесяцем, ярко белел песчаный пляж, слегка затененный стволами огромных пальм.

Куоррелл готовил обед на маленьком примусе из боязни, что дым большой печи может привлечь к ним внимание. После обеда Бонд немного вздремнул, а затем разобрался с посылкой из Лондона, переправленной Стрэнгуэйсом сюда из Кингстона. Сперва он примерил гидрокостюм с плексигласовыми очками и длинными черными ластами. Костюм обтягивал его, как перчатка, и Бонд мысленно поблагодарил мистера «Q» и его сотрудников за старание.

Затем он проверил и сам акваланг с двумя баллонами сжатого до 200 атмосфер воздуха емкостью тысяча литров каждый. Бонд убедился, что регулировочные механизмы подачи воздуха и автомат были надежны и просты в управлении. На той глубине, где ему предстояло работать, запаса баллонов должно хватить на два с лишним часа.

Здесь же были мощное современное ружье для подводной охоты марки «Чемпион» и кинжал коммандос, сконструированный Уилкинсоном во время войны. В коробке с надписью «ОЧЕНЬ ОПАСНО» лежала тяжелая магнитная мина с широкими шипечками по всему корпусу. Они были так сильно намагничены, что мина

должна была приставать ко всему металлическому, как пиявка. К ней прилагался набор взрывателей в форме карандашей, рассчитанных на выдержку времени от десяти минут до восьми часов, подробная инструкция по их использованию, написанная ясным простым языком, таблетки бензедрина, способные повышать выносливость и обострять восприятие во время выполнения операций, а также набор подводных фонариков, включая миниатюрный с лучом не толще шариковой авторучки.

Бонд и Куоррелл вместе проверили все досконально, особенно тщательно — узлы и контакты, пока полностью не убедились, что все работает отлично. Бонд по тропинке между деревьями спустился к воде, прикидывая расстояние, глубину, расположение рифов, возможные подводные течения, а также учитывая и траекторию луны, которая будет его единственным путеводителем во время опасного путешествия.

В пять часов вечера прибыл Стрэнгуэйс с вестью о прибытии яхты «Секатур».

— Они уже прошли порт Марию и через десять минут будут на острове. У мистера Бига паспорт на имя Галлии, а у девочки — на имя Латрелль, Симон Латрелль. Она находится в каюте в состоянии полной прострации. Негр-капитан объяснил это приступом морской болезни. Возможно, это и так. На борту находятся десятки пустых контейнеров из-под рыбы. Их там, наверное, больше сотни. Яхта не вызвала никаких подозрений и получила лицензию на таможне. Я тоже хотел подняться на борт как представитель таможни, затем передумал, боясь испортить спектакль. Мистер Биг сидел у себя в каюте. Когда приходили проверять документы, он делал вид, что читал. Как вы нашли посылку?

— Все отлично, — ответил Бонд. — Думаю, операция начнется завтрашней ночью. Надеюсь на слабый ветер. Если они заметят на поверхности воды пузырьки воздуха, нам придется несладко!

В домик вошел Куоррелл.

— Она уже проходит рифы, кэп.

Они спустились в бухту и подошли к воде так близко, как только позволяла осторожность, и стали рассматривать яхту в бинокль.

Это была красавица! Черная с серым, длиной 70 футов, способная развить скорость не менее 20 узлов в час. Бонд знал историю этой яхты. Построена она была в 1947 году для какого-то миллионера, а впоследствии

оснащена двумя дизелями фирмы «Дженерал Моторс», стационарной обшивкой, радиостанцией последней конструкции, включая телефонную связь с берегом, и навигационной системой «Декка». На салинге висел красный флаг английского торгового флота, а на корме звездно-полосатый — Соединенных Штатов Америки. Сейчас она продвигалась в рифовом коридоре шириной 20 футов со скоростью не более трех узлов в час.

Резко завернув за риф, яхта подошла к подветренной части острова, резко заложила руль и совсем близко подошла к берегу, чтобы встать на якорь. В это же время по ступенькам в скале на узкую пристань выбежали три негра в белых парусиновых брюках, чтобы принять швартовы. Несколько раз качнувшись взад и вперед, яхта пришвартовалась прямо напротив наблюдателей. Оба якоря со свистом сошли вниз. Яхта была надежно защищена от всех ветров, даже от норда. Бонд предположил, что под килем у нее было не менее 20 футов.

На палубе появилась огромная фигура мистера Бига. Сойдя по узкому причалу, он стал медленно взбираться по крутым каменным ступеням. Он часто останавливался, и Бонд подумал о его больном сердце, нутужно стучавшем внутри этого огромного серо-черного туловища.

За Бигом следовали два негра, члены команды, неся на носилках чье-то легкое, привязанное к ним тело. В бинокль Бонд разглядел черные волосы Солитэр. Он почувствовал беспокойство за нее, сердце у него сжалось от мысли о ее близком присутствии. В глубине души он надеялся, что носилки были только мерой предосторожности, предпринятой для того, чтобы Солитэр не увидели с противоположного берега.

Затем на ступенях выстроилась цепь из 12 человек, и началась выгрузка контейнеров, которые передавались из рук в руки по цепочке. Куоррелл насчитал 120 контейнеров.

Так же было перенесено и другое имущество с яхты.

— Что-то сегодня они быстро управились, — прокомментировал Стрэнгуэйс. — Всего с полдюжины чемаданов. Обычно их бывает не меньше 50. Должно быть, долго не простоят.

Едва он сказал эту фразу, как первый танкер с рыбой, наполовину заполненный водой и песком, был переправлен обратно на корабль тем же самым образом,

что и раньше. Затем с пятиминутным интервалом были перенесены и другие контейнеры.

— Боже правый! — воскликнул Стрэнгуэйс. — Они уже начали погрузку! Это означает, что они отправятся не позднее завтрашнего утра. Видно, они решили совсем убраться с острова и это — их последний рейс на Ямайку!

Бонд еще какое-то время внимательно наблюдал за погрузкой, затем вместе со Стрэнгуэйсом поднялся в домик, оставив Куоррелла наблюдать за последующими событиями.

Они расположились в гостиной. Пока Стрэнгуэйс смешивал виски с содовой, Бонд напряженно думал, глядя в окно.

Было около шести часов вечера, мошкара начала роиться в тени. День быстро умирал, и бледная луна уже появилась на восточном склоне тропического неба. Легкий ветерок шуршал в бухте, со всплеском разбивая бурунчики волн о белый песок. В небе медленно проплывали маленькие розовые и оранжевые облака, окрашенные заходящим солнцем. Пальмовые деревья тихо шептались, растревоженные холодным «Хозяином-ветром».

«Хозяин-ветер», — подумал Бонд и мрачно усмехнулся. — Итак, операцию придется провести сегодняшней ночью». Это был их единственный шанс, и он был вполне готов к этому. Только вот противоакулий порошок что-то задерживался. По правде сказать, это было лишь отговоркой. Бонд не хотел искать пути к отступлению. Не для того он проделал две тысячи миль и заглянул пяти смертям в лицо... И все же его пробирала дрожь при мысли об опасном подводном путешествии, которое мысленно он уже отложил на следующую ночь.

В дверь постучали, и в комнату вошел Куоррелл. Бонд был рад оторваться от окна и вернуться к Стрэнгуэйсу, наслаждавшемуся при свете настольной лампы выпивкой в одиночестве.

— Они разложили костры и продолжают грузиться, кэп, — с усмешкой сообщил Куоррелл. — Каждые пять минут — новый контейнер. Думаю, работы им хватит еще часов на десять. Закончат к четырем. До шести утра им не отплыть. Слишком опасно пробираться между рифами в темноте.

Куоррелл с ожиданием смотрел на него своими чудесными серыми глазами.

— Я отправляюсь ровно в десять вечера. — Бонд наконец услышал свой собственный голос. — В районе рифов по левую сторону пляжа. Приготовьте нам ужин, а затем перенесите все снаряжение на лужайку. Все складывается великолепно! Я доберусь туда за 30 минут. — Он что-то посчитал на пальцах. — Приготовьте запалы, рассчитанные на время от пяти до восьми часов. И еще один — на 15 минут на случай, если случится что-нибудь непредвиденное. О'кей?

— Кей, кей, кэп! — радостно повторил Куоррелл. — Предоставьте все мне. — С этими словами он вышел из домика.

Бонд посмотрел на бутылки виски, затем налил полстакана поверх трех кубиков льда. Он принял решение. Вынув из кармана коробочку с таблетками бензедрина, он взял одну и сунул в рот.

— За удачу! — сказал он Стрэнгуэйсу, отпив большой глоток виски. Он наслаждался крепким, обжигающим внутренности напитком, который впервые попробовал после недельного перерыва. — А теперь, — сказал он, — расскажите мне поподробнее, что там у них обычно происходит перед самым отплытием? Сколько времени им требуется, чтобы отплыть от острова и пробраться сквозь рифы? Если они отплывают в последний раз, не забудьте о том, что с ними отправятся еще шестеро и дополнительный груз. Давайте как следует поразмыслим...

Через минуту Бонд с головой ушел в технические и организационные подробности операции, отогнав окончательно даже самую малую тень страха. В десять вечера его черная блестящая фигура, напоминающая летучую мышь, соскользнула с рифов и исчезла в черной толще воды, уйдя на глубину десять футов...

Глава XIX

ДОЛИНА ТЕНЕЙ

Бонд быстро пошел ко дну под тяжестью магнитной мины, которую он привязал к груди с помощью специальных ремней, свинцового пояса и баллонов со сжатым воздухом.

Он быстро преодолел первые 50 ярдов, отталкиваясь от песчаного дна ногами и руками. Его лицо почти касалось песка. При помощи ласт он мог бы двигаться в два раза быстрее. Но лишний вес и гарпунное ружье, которое он держал в левой руке, мешали ему.

Присев на коралловый выступ, он осмотрелся.

Гидрокостюм хорошо согрел его, не сковывая движений и позволяя дышать свободно и размеренно. Предательские пузырьки воздуха, вырываясь из клапанов акваланга, серебряным фонтанчиком устремлялись к поверхности — он молил Бога хотя бы о небольшом востре!

Он хорошо и отчетливо видел все окружающее его при мягком свете фонарика у него на лбу. У основания рифа луч света переставал отражаться от дна, глубокие черные тени казались непроницаемыми.

Бонд решил посветить туда маленьким фонариком-карандашом — коричневая масса, окутывающая основание подводного дерева, немедленно ожила. Анемоны с ярко-красными ножками зашевелили многочисленными усиками, целая колония черных морских ежей испуганно ошетибилась, волосатая многоножка продвинулась вперед сразу на тысячу шажочков и вопросительно уставилась на него своей безглазой головкой. На песке у основания коралла прятаясь там рыбка описанус мягко втянула свою шишкообразную голову, усыпанную бородавками, обратно в воронку, а целая сотня слившихся в гигантский цветок морских червей немедленно прыснула в разные стороны, прячась в свои песчаные норки. Стайка рыбок-бабочек, пересыпанных драгоценными камнями, закружилась в танце, освещенная тонким лучом света. Бонд успел сосчитать витки огромной морской раковины, прежде чем спрятать фонарик за пояс.

Поверхность воды над его головой отливала живым серебром. Она мягко шкворчала, теребимая ветром, как сало на сковородке. Впереди него, в узком извилистом коридоре в рифах, который он собирался пройти, тускло мерцал лунный свет. Оттолкнувшись от кораллового дерева, он стал опять продвигаться вперед, мягко скользя по дну. Теперь это было не так просто при лунном обманчивом освещении. Коралловые заросли таили множество тупиков и ложных боковых коридоров.

Иногда приходилось буквально выныривать на по-

верхность, перебираясь через высокие развесистые кусты коралла. Бонд использовал такие моменты, чтобы свериться с положением луны, отражавшейся в воде.

Укрывшись под большим коралловым козырьком, он присел отдохнуть в надежде, что козырек скроет и тонкую струйку рвущихся вверх пузырьков воздуха. Ночная жизнь морских глубин восхищала его, и он без устали рассматривал многочисленных морских обитателей, гнездившихся вокруг рифов и занятых своими, им одним понятными делами.

Больших рыб вблизи не было, только крупные омары вылезли из своих норок и казались гигантскими доисторическими животными. Они испуганно тарашили выпученные красноватые глаза и топорщили в его сторону длинные усики, как бы спрашивая пароль. Некоторые нервно пятились назад, цепляясь мощными хвостами и волосатыми лапками за песчаное дно при виде опасного субъекта. Прямо над его головой проплыли гигантские щупальца медузы-физалии. Они почти задели его на глубине 15 футов от поверхности моря. Бонд вспомнил, как мучился он от ожога физалии после купания в бухте Манати. Боль не прекращалась в течение трех дней, а попав в область сердца, медуза могла смертельно ранить. Пестрые мурены напоминали огромных черно-желтых змей, извиваясь на песке и скаля зубы в отверстиях рифов. Тропические рыбы-собаки походили на коричневых сов с круглыми зелеными глазами. Бонд тронул одну из них кончиком гарпуна — она моментально раздулась, напоминая большой футбольный мяч, и ошетилилась массой опасных белых колючек. Гигантские морские вееры раскачивались из стороны в сторону, тускло отражая лунное сияние, как фосфоресцирующие утопленники; в тени под рифами шебуршились сотни невидимых и загадочных обитателей, посверкивая глазами из темных расщелин. Пугаясь неведомых звуков, Бонд резко останавливался, держа наготове ружье и напряженно вглядываясь в темноту. Вокруг, казалось, все было пока спокойно. Он продолжал медленно и упорно продвигаться вперед.

За первые четверть часа ему удалось пройти первые 100 ярдов рифовых зарослей. Теперь он мог и расслабиться, присев отдохнуть на естественный выступ кораллового куста. Он радовался, что заросли кончились и следующие 100 ярдов морского пространства можно преодолеть без особых усилий. Он чувствовал

себя очень бодрым под действием бензедрина. Мысль работала ясно и четко, несмотря на огромное напряжение, к которому примешивался постоянный страх зацепиться за острый как нож коралловый выступ и порвать гидрокостюм. Теперь его поджидали акулы и барракуды. Предательские пузырьки воздуха на поверхности моря казались еще опаснее, давая возможность убить его прямым попаданием в центр булькающих пузырьков.

Раздумия о грядущих опасностях прервало неожиданное нападение гигантского осьминога, обвинившего обе лодыжки сидящего Бонда крепким стальным щупальцем.

Объятие становилось все сильнее, второе щупальце, отливавшее пурпурным цветом в слабом свете луны, стало медленно подниматься вверх по левой ноге.

Содрогнувшись от отвращения, Бонд моментально вскочил на ноги, лишь дав возможность ужасной твари умножить свои объятия. Не в силах справиться с гигантским давлением, Бонд почувствовал, что начинает терять равновесие. Через минуту он повалит его на песок и страшным грузом придавит ему грудь и плечи. Бороться тогда будет поздно.

Бонд выхватил из-за пояса нож, вонзив его в щупальце между ногами. Коралловый выступ помешал ему размахнуться, он рисковал прорезать гидрокостюм. Внезапно его накрыло сверху и повалило лицом вниз на песок. Ноги засасывало в воронку у основания рифа. Бонд завозился в песке, пытаясь перевернуться и резко ударить ножом. Спину и грудь сковала свинцовая тяжесть. Почти на грани безумия он вспомнил о том, что имелось ружье. Бессмысленное ранее на таком расстоянии, теперь оно казалось единственным шансом к спасению. С огромным трудом дотянувшись до него, он осторожно снял предохранитель. Мешало щупальце, охватившее грудь. Пристроив гарпун вдоль тела, он кончиком его прошупал пространство, пытаясь найти просветы. Гигантская тварь удвоила свою хватку, почти задушив его. Гарпун скользнул вниз между ног — он выстрелил наугад.

В лицо ударило облако густой чернильной вони. Освободилась одна нога, затем другая. Он смог перевернуться на спину, поджав под себя ноги и ухватившись за конец гарпуна, скрывшегося почти на три чет-

верти в воронке у основания рифа. Гарпун выскочил из воронки, затянутой чернильным облаком, вместе с куском осьминожьего шупальца. Бонд наконец встал на ноги, стараясь держаться подальше от скалы. Он тяжело дышал, лицо под маской блестело от пота. Пузырьки воздуха предательски взмывали вверх на поверхность — проклятая тварь могла обойтись слишком дорого для него!

Нельзя было терять ни секунды. Он перезарядил ружье. Убедившись, что луна находится справа, двинулся дальше.

Теперь он плыл довольно быстро, стараясь, чтобы лицо не касалось песчаного дна, а голова была на одной линии с телом. Краешком глаза он увидел огромного, как бильярдный стол, ската-дизатиса, быстро уплывшего в сторону при виде его, затрепетав кончиками пестрых в крапинку крыльев. Позади него волочился длинный серпообразный хвост. Бонд вспомнил, как Куоррелл рассказывал ему однажды, что скаты никогда не нападают первыми, а только обороняются. Этот, возможно, искал убежище в рифах, чтобы отложить там яйца, имевшие форму подушечек с черными завязками на концах. Местные рыбаки называли их «кошельками русалки».

Тени проплывающих мимо рыб отражались на лунном песке. Некоторые из них не уступали в длине его собственному телу. Случайно приподняв голову, он увидел белое брюхо акулы, похожей на длинную конусообразную подводную лодку серо-голубого цвета. Она проплывала футах в десяти. Ее тупой полукруглый нос любопытно уткнулся в струю булькающих пузырьков. Широкая серповидная пасть пряталась в глубоких морщинистых складках. Акула накренилась на один бок, взглянула на него одним глазом, розовым и холодным как сталь. Затем она взмахнула огромным косым хвостом и медленно скрылась в толще серой подводной мглы.

Нечаянно он вспугнул колонию мелких и крупных морских рачков, слабо люминисцировавших в балетном танце и бросившихся в разные стороны при его приближении со скоростью реактивного самолета.

Отметив почти половину пути, Бонд опять позволил себе отдохнуть и вновь отправился дальше. Теперь попадались и барракуды, здоровые — весом до 20 фунтов! У них был такой же леденящий душу вид, как

и на иллюстрациях — серебряные подводные лодки со злыми, как у голодного тигра, глазами! Он сам, а больше всего булькающие в воде пузырьки вызывали у них любопытство. Они следовали за ним сверху и сбоку, как стая выжидающих волков. Их набралось не менее двадцати к тому моменту, когда Бонд достиг первых коралловых зарослей, окружающих остров.

Под тонкой резиновой тканью гидрокостюма покрывалась пупырышками кожа... Но Бонд попытался сосредоточиться на цели своего путешествия.

Внезапно прямо над головой обозначились очертания длинного металлического предмета. На некотором расстоянии от него бугристые коралловые заросли круто уходили вверх.

Теперь он находился под килем яхты «Секатур». Сердце его возбужденно забилося.

Водонепроницаемые часы фирмы «Ролекс» показывали три минуты двенадцатого. Вынув из бокового кармана пригоршню запалов, Бонд выбрал семи-часовой и вставил его в запальное отверстие мины. Оставшиеся он закопал в песке. Найденные при нем запалы от мины в случае его захвата в плен могли раскрыть его диверсионные замыслы.

С миной в руках он направился к яхте, внезапно ощутив позади себя чье-то движение. Чуть не задев его, мимо на бешеной скорости пронеслась барракуда. Челюсти приоткрыты, взгляд зафиксирован на том, что находилось у него за спиной. Бонд сосредоточился на той точке, которая находилась на три фута выше центральной оси киля.

Последние три фута мина почти тащила его за собой. Намагниченные шипы стремились слиться с металлическим корпусом в длительном поцелуе. Бонд уперся ногами, крепко держа мину в руках, во избежание громкого стука при контакте с корпусом. Мина бесшумно встала на место. Бонд с трудом восстановил равновесие, с силой оттолкнувшись ногами от корпуса яхты. Он глубоко нырнул, стараясь уйти от поверхности моря на значительное расстояние.

Теперь он плыл в сторону рифового острова и кормы яхты. Внезапно за его спиной началось нечто невообразимое.

Огромное количество барракуд, казалось, охватило безумие. Они бились и кувыркались в воде, как бешеные.

ные собаки. Примкнувшие к стае три акулы с еще большей остервенелостью рвались вперед. Вода кипела вокруг. Бонд получил несколько ударов в лицо, с бешеной силой его отбросило на несколько ярдов в сторону. Он знал, что в любой момент вся эта свора кинется на него.

«...Поведение стаи в экстремальных условиях...» — фраза из отчета военно-морских исследований молнией пронзила его. Вот когда бы ему пригодился знаменитый противоакульи порошок! Но порошка не было — и жизни ему оставалось совсем немного!!!

В отчаянии Бонд молотил ногами по воде, плывя вдоль корпуса яхты с гарпуном наготове.

Доплыв до двух медных болтов снизу корпуса яхты, он ухватился за один из них, пытаясь дать себе передышку. Он тяжело дышал, лицо было искажено от ужаса. Море вокруг кипело бешеной рыбой. Внезапно он стал замечать, что проносившиеся рыбы устремлялись к одному объекту. Огромная барракуда, зависнув рядом с ним, сглотнула что-то и вновь понеслась в безумное, копошащееся облако.

Вода потемнела. Бонд посмотрел наверх, отчетливо разглядев, что серебристая поверхность морской воды подернулась красноватой пленкой.

От пленки вниз тянулись кровавые нити. Поддев одну концом гарпуна, Бонд поднес ее ближе к маске.

Сомнений не оставалось: кто-то разбрасывал тухлую рыбу, обильно вымоченную в крови!..

Глава XX

ПЕЩЕРА КРОВАВОГО МОРГАНА

Теперь-то он понимал, почему акулы и барракуды свирепствовали вокруг острова, какая нестерпимая жажда влекла их на этот кровавый ночной банкет! И почему, вопреки всякой логике, они растерзали троих, рискнувших добраться до острова вплавь.

Мистер Биг заставил служить себе хищников моря, что было как раз в его духе и просто, как все гениальное!

Бонд как раз размышлял об этом, когда кто-то нанес ему сильный удар сзади — огромная 20-фунтовая барракуда резко отпрянула прочь, унося в жуткой

своей пасти кусок его собственного плеча. Он не почувствовал боли! Отпрянув от яхты, Бонд рванулся в сторону рифов. При мысли о том, что часть его плоти вместе с куском гидрокостюма осталась зажатой между острыми, как бритвы, зубами, его пробирала дрожь и сосало под ложечкой. Под герметичную поверхность резинового костюма стала просачиваться вода. А вскоре она поднимется выше и попадет под маску!

Бонд был готов к тому, чтобы одним толчком доплыть до поверхности, как вдруг заметил прямо перед собой глубокую расщелину. Рядом на боку лежал огромный валун. Бонд попытался заплыть за него. Он вовремя повернул голову, как раз в тот момент, когда знакомая барракуда опять понеслась на него, зловеще раскрыв кровожадную пасть.

Бонд выстрелил из гарпунного ружья, почти не целясь. Резиновые петли шелкнули по прикладу — стальной стержень попал прямо в центр верхней челюсти, насквозь пронзив ее. Древко гарпуна, привязанное к леске, торчало из пасти наполовину.

Барракуда резко застыла на расстоянии трех футов от середины живота Бонда. Пытаясь сомкнуть челюсти, она мощно мотнула длинной головой, похожей на череп гигантской рептилии. Она рванула назад, бешено мотая головой из стороны в сторону вместе с гарпуном и леской, которые Бонд не смог удерживать в руках. Он знал, что вскоре бедняга окажется жертвой своих сестер. Ее разорвут на куски, не дав проплыть и сотни ярдов.

Он мысленно благодарил судьбу за отсрочку. Плечо окружало облако крови, распространяя соблазнительный запах. Он проскользнул за валун в надежде найти там убежище.

Неожиданно для себя он увидел отверстие тайного входа. Это была пещера в скале!

Отверстие походило на коридор в основании острова. Бонд поборол искушение встать ногами на дно и немедленно войти туда. На это не было времени. Он быстро нырнул, одним толчком преодолев пространство, отделявшее его от входа в пещеру, остановившись всего в нескольких ярдах от сияющего отверстия.

Затем он выпрямился на мягком песке и включил фонарик. Акула могла бы проплыть вслед за ним и

сюда, но ограниченное пространство пещеры не дало бы ей броситься на него с раскрытой пастью. Даже она не стала бы рисковать, боясь навредить себе острыми, как ножи, выступами кораллов. Здесь у него будет достаточно времени, чтобы ударить ножом по холодным глазам.

Бонд осветил фонариком стены и потолок подводной пещеры. Не было никаких сомнений в том, что она была создана человеческими руками. По всей вероятности, она начиналась где-то в глубине самого острова.

— Осталось еще ярдов двадцать, ребята! — проговорил Кровавый Морган, обращаясь к своим пиратам. Последний удар мотыгой — и вот в отверстие под напором хлынула морская вода, наполнив разинутые в яростном крике глотки людей и навсегда похоронив останки немых свидетелей.

Раньше огромный валун, должно быть, скрывал вход в пещеру со стороны морского дна. Приливной волной, а может быть, в результате землетрясения или шторма его откатило в сторону. Бедняга рыбак из бухты Акул, погибший полгода назад, наверное, и обнаружил зияющее отверстие. Когда было найдено и сокровище, он догадался, что лучше привлечь постороннюю помощь. Белый обманет его... Не лучше ли обратиться к великому Негру, живущему в Гарлеме, и заключить с ним контракт? Золото — собственность чернокожего. Он так и унес свою тайну в могилу... Оно и достанется чернокожему!

Слегка раскачиваясь под слабым напором воды в пещере, Бонд размышлял о том, что в мутные воды Гарлема не раз были сброшены бочки с цементом.

И в этот момент он стал различать отдаленный грохот тамтамов...

Еще в воде, преследуемый акулами, он слышал их нарастающий ритм, который спутал с грохотом волн, раскалывающихся о скалистое подножие рифового острова. Не было времени, чтобы хорошенько прислушаться.

Теперь он ясно различал их четкую мелодию, наполнявшую своды пещеры и эхом отдававшуюся у него в голове, как будто он сам был заключен внутри огромного барабана. Казалось, что ритм наполняет собой все вокруг, проникая и в воду. Теперь он понял его двойную сущность: тамтамы подавали

специальный сигнал, привлекая и возбуждая акул, когда кто-то незванный вторгался в бухту. Куоррелл однажды рассказывал ему, как рыбаки били ночью шестом по каноэ, чтобы разбудить и подманить к себе спящую рыбу. Здесь применялся такой же принцип. Кроме того, тамтамы выполняли зловещую роль колдовского знака для всех туземцев на острове, который удваивал свое значение, когда на следующий день истерзанный акулами труп выбрасывало на берег.

— Еще одно гениальное изобретение мистера Бига, — грустно подумал Бонд, отдавая должное его блестящим способностям.

Теперь он мог представить себе реальное положение дел. Грохот тамтамов означал, что он был замечен. Он представлял себе реакцию Стрэнгуэйса и Куоррелла, услышавших его! Что ж, придется им пережить и это... Сейчас они ничем не могли помочь. Бонд и раньше догадывался, что тамтамы играли роль неизвестного предзнаменования, и взял с друзей своих клятву, что до отхода яхты «Секатур» они не будут предпринимать каких-либо действий. Отплытие яхты означало бы, что операция сорвалась. Он сообщил Стрэнгуэйсу о контейнерах с золотом, и в случае провала всей операции яхту должны были перехватить в открытом море.

Враг был настороже, точно не зная, кто именно находился в бухте и жив ли он был в настоящий момент. Бонд ни секунды не колебался. Он был преисполнен решимости продолжить опасное путешествие, хотя бы лишь для того, чтобы не дать Солитэру взойти на борт обреченной яхты.

Он посмотрел на часы. Была половина первого. Ему показалось, что с начала его одинокого путешествия к острову прошло не меньше недели.

Осталась ли цела его «беретта», не повредила ли ей вода, попавшая внутрь комбинезона через отверстие, сделанное страшными зубами барракуды?

Прислушиваясь к нарастающему грохоту, Бонд продолжал продвигаться вперед, освещая пространство, заполненное водой, слабым лучом фонарика.

Пройдя еще ярдов десять, он внезапно заметил слабое сияние впереди на водной поверхности. Бонд выключил фонарик и осторожно подошел поближе. Песчаный пол пещеры круто изгибался вверх, сияние становилось все ярче. Вокруг заплясало множество

маленьких рыбок, привлеченных ярким светом. Из небольших расщелин в скале высывались любопытные крабы. На потолке слабо фосфоресцирующей звездой распластался маленький осьминог.

Теперь он мог различать заднюю стену пещеры, где кончался сверкающий водоем, и белое песчаное дно. Бой барабанов усилился. Остановившись в тени неподалеку от выхода из пещеры, он убедился, что поверхность земли была совсем рядом и что бассейн освещался снаружи.

Бонд не знал, что делать дальше. Еще один шаг — его тут же заметят! Внезапно он обратил внимание на то, что поверхность воды рядом с ним была слегка окрашена кровью. Он с ужасом вспомнил о ране — в плечо отдавала пульсирующая боль, усиливавшаяся при каждом движении. Предательские пузырьки воздуха, булькая, вырывались из клапанов воздушных баллонов. Они выдавали его с головой!

Судьба его решилась внезапно, когда он начал уже отступать назад, в глубь пещеры.

Раздался оглушительный всплеск, и двое огромных негров, полностью голых, с масками и аквалангами, стремительно бросились на него. В левой руке у каждого блестел длиннющий кинжал, напоминавший ланцет хирурга.

Он только успел подумать об обороне, когда они схватили его и стали вытаскивать на поверхность, держа за обе руки.

Бонд беспомощно сдался. Его поставили на ноги, стянули гидрокостюм, сорвали маску и кобуру. Вокруг валялась разбросанная одежда и амуниция. Бонд стоял в одних плавках, напоминая змею, только что сбросившую свою кожу. Из рваной раны на левом плече струилась кровь.

Лишившись резинового шлема, он сразу же был оглушен громом тамтамов. Все и внутри и вокруг него наполнилось этими звуками. Их все убыстряющийся, бешеный ритм отдавался во всем его теле, проникая в плоть и кровь. Казалось, что грохот способен был поднять на ноги всю Ямайку. Бонд напряг мускулы, пытаясь превозмочь всепроникающий грохот. Его повернули лицом в противоположную сторону. Глазам предстала ошеломляющая картина, и он забыл о тамтамах, сосредоточив все свои чувства только на зрении.

Прямо перед ним за карточным столиком, обитым зеленым сукном и заваленным бумагами, на складном стуле сидел сам мистер Биг с авторучкой в руке. На Бонда он взирал без всякого любопытства. Это был тропический вариант мистера Бига — светлый костюм из тонкой полупрозрачной ткани, белая рубашка и черный шелковый галстук. Опершись широким подбородком на левую руку, согнутую в локте, он рассматривал Бонда с вежливым, но усталым видом, с каким важный босс принимает клерка, пришедшего просить надбавку к жалованью.

В нескольких ярдах от мистера Бига на некотором возвышении в скале стояло зловещее пугало грозного Барона Самэди — пустые глазницы мрачно зияли из-под полей старого потрепанного котелка.

Биг убрал руку с подбородка и мрачно оглядел Бонда с головы до пят.

— Доброе утро, мистер Джеймс Бонд, — проговорил он наконец ровным, безжизненным голосом, едва различимым на фоне тамтамов. — Долго же летала мушка, прежде чем попасть в паутину, или, вернее сказать, долго же плавала рыбка, прежде чем угодить на обед к большому киту. Ваши пузырьки здорово навредили вам, Бонд!

Он откинулся на спинку кресла и замолчал. Барабаны негромко подстукивали.

Значит, он выдал себя во время схватки с осьминогом! Бонд автоматически зафиксировал этот факт и попытался внимательно рассмотреть то, что творилось вокруг.

Они находились в огромной пещере, выдолбленной в скале, размером примерно с церковный зал. Половину ее занимал бассейн, выложенный белым мрамором, из которого его только что выгнали. Он-то и был входом в подводную часть пещеры. Вода в нем отливала зеленым и голубым. Бассейн обрамляла узкая полоска песка, а пол представлял собой гладкую отполированную поверхность скалы с поднимающимися вверх серыми и белыми сталагмитовыми столбами.

За спиной мистера Бига на некотором расстоянии от него начиналась крутая лестница, уходящая вверх к сводчатому потолку, с которого свисало несколько небольших сталактитов. С них беспрестанно стекал

вода, капая в бассейн и на поверхность стремящихся вверх сталагмитов.

Сводчатый потолок освещался дюжиной электрических светильников, бросавших яркий отблеск на оголенные груди стоящих по левую сторону от мистера Бига негров-охранников. Они с вожделением скалили зубы, разглядывая Бонда выпученными от изумления глазами.

Их черные ноги с розовыми босыми пятками ярко выделялись на фоне целого моря старинных золотых монет, сложенных грудками на полу вперемежку с металлическим хламом, обрывками кожи, полотна и веревок.

Рядом громоздились плоские деревянные лотки. Часть их уже была наполнена золотом. В руках у негра, взбирающегося по лестнице, был один из таких лотков с золотыми монетами, сложенными в нем в четыре ряда. Казалось, он приготовил их на продажу, держа перед собой на вытянутых руках.

В левом углу пещеры над тремя паяльными лампами висел огромный чугунный котел с раскаленным докрасна днищем. Двое негров держали в руках железные щипцы, до середины окрашенные жидкой позолотой. На полу египетской пирамидой была сложена старинная золотая утварь: чаши, тарелки, алтарные украшения, распятия и кресты, а кроме того, множество больших и малых золотых слитков. Расплавленное золото охлаждалось на специальных металлических стеллажах, встроенных в стену. Их сегментированная поверхность была также окрашена золотом. Рядом с котлом на полу лежал один пустой поднос и большой черпак с длинной ручкой, заляпанной позолотой и обвернутой на конце куском грязной материи.

Неподалеку от мистера Бига, широко расставив ноги, стоял негр-охранник с ножом в одной руке и кинжалом, усыпанным бриллиантами, — в другой. У его ног на металлической тарелочке тускло поблескивала, переливаясь всеми цветами радуги, груда драгоценных камней.

В огромной каменной пещере было тепло и душно, но Бонда пробрал мороз при виде этой ужасающей своим великолепием сцены: мигающие фиолетово-белые огни светильников, матовый отблеск потных коричневых тел, тусклое море золота и драгоценных камней, молочно-аквамариновое окно искусственного

бассейна. Сокровищница Кровавого Моргана была кошмарным видением Морфея.

Взгляд его опять возвратился к зеленому сукну и возвышавшемуся над ним великому Зомби — теперь он вглядывался в его лицо с широко расставленными рыжими глазами с тайным благоговением.

— Остановите пластинку! — распорядился мистер Биг, ни к кому конкретно не обращаясь. Бой барабанов умолк почти полностью, сократившись до тихого шелеста, сливавшегося с биением пульса. Один из негров, стоявших у груды золота, сделал два шага вперед, отдавших мягким клацающим звуком, и наклонился над портативным граммофоном с мощным усилителем, стоящим на полу рядом с письменным столом. Щелчок! — и барабанный бой прекратился совсем. Негр захлопнул крышку граммофона и возвратился на свое место.

— Продолжайте работать! — вновь приказал мистер Биг. В ту же секунду застывшие фигуры зашевелились, будто автомат проглотил монетку. Котел вновь забурлил, золото полилось рекой, монеты складывались в лотки, а затем в специальные ящики; негр с кинжалом задумчиво выковыривал драгоценные камни из старинного бокала; негр с лотком вновь стал карабкаться по ступеням.

Кровь, смешанная с потом, струилась по лицу и рукам окаменевшего Бонда.

Биг опять склонился над своими бумагами и дописал авторучкой несколько цифр.

Сделав попытку пошевелиться, Бонд тотчас почувствовал, как острие кинжала кольнуло его в область почек.

Большой положил авторучку и медленно поднялся на ноги, затем он также медленно отошел от стола.

— Пиши за меня! — приказал он одному из охранников Бонда. Обнаженный негр, обойдя вокруг столика, сел в кресло на место мистера Бига и принялся за работу.

— Тащите его вверх! — коротко распорядился Биг, начиная медленно подниматься по каменной лестнице.

Бонд почувствовал ошутимый укол в спину. Переступив через разбросанную одежду, он медленно последовал за мистером Бигом.

В пещере ни один человек из его команды не по-

вернул головы и не прервал работы, пользуясь отсутствием мистера Бига. Ни один не попытался засунуть монету или драгоценный камень себе в карман или в рот.

Здесь оставался Барон Самэди!

Пещеру покинула его тень — Зомби...

Глава XXI

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ ВАМ ОБОИМ!»

Они медленно поднимались по лестнице мимо открытой дверцы почти под самым потолком на высоте около 40 футов, затем остановились на широкой площадке, вырубленной в скале. Освещенный светильником негр вставлял лотки с золотом в центр прозрачных контейнеров, которыми были уставлены стены.

Еще двое негров, спустившись по лестнице, взяли один из готовых контейнеров и подняли его на поверхность.

Бонд догадался, что здесь их заправляли песком, смешанным с илом, затем запускали рыбок и отправляли на яхту, передавая по цепочке.

Еще он заметил, что в центре некоторых контейнеров размещалось по одному золотому слитку, в других — по несколько драгоценных камней. Теперь, по его подсчетам, сокровище можно было оценить примерно в четыре миллиона фунтов стерлингов.

Мистер Биг постоял несколько минут на площадке, уставившись в каменный пол. Дыхание его было глубоким, но напряженным. Затем они снова начали подниматься вверх по ступеням.

Поднявшись еще ступеней на двадцать, они оказались на другой площадке чуть меньше первой, в конце которой виднелась дверь, обитая ржавыми металлическими пластинами. На ней висела новая блестящая цепочка с замком.

Мистер Биг вновь остановился. Теперь они стояли все в один ряд на небольшой площадке, вырубленной в скале.

Бонду пришла в голову мысль о побеге, но негры-охранники, как бы прочтя его мысли, сразу же окружили его кольцом, отделив от мистера Бига. Он успокоился, вспомнив о том, что нужно было остаться жи-

вым, встретиться с Солитэр и любой ценой помешать ей попасть на обреченную яхту, в днище которой кислота уже начала проедать медную проволочку магнитной мины.

Откуда-то сверху из люка подула струя холодного воздуха. Бонд ощутил, как кожа его просохла от пота. Он приложил правую руку к раненому плечу, не обращая внимания на тут же последовавшие уколы в спину. Кровь свернулась и запеклась. Верхняя часть плеча окаменела и тупо ныла.

Мистер Биг обратился к нему.

— Этот ветер, мистер Бонд, — указал он рукой на отверстие люка, — известен на Ямайке под названием «хозяин».

Бонд пожал здоровым плечом, решив промолчать.

Биг повернулся к железной двери, достал из кармана ключ и отпер ее. Затем он прошел сквозь нее — Бонд и охранники следовали за ним.

Они оказались в длинном узком проходе, напоминающем комнату, из стен которой почти на уровне пола на расстоянии ярда друг от друга торчали ржавые кандалы.

В самом дальнем углу, там, где с каменного потолка свисал фонарь «молния», на полу, едва прикрытая одеялом, лежала чья-то безжизненная фигура. Рядом с дверью, в которую они вошли, висел еще один такой же фонарь. В пустом помещении явственно ощущался запах сырого камня, древнейших пыток и долгой, мучительной смерти.

— Солитэр! — мягко позвал ее мистер Биг.

Сердце Бонда заколотилось — он резко подался вперед. Огромная лапа охранника тут же схватила его за плечо.

— Стоять спокойно, белая тварь! — с ненавистью прошептал он, резко заломив ему кисть назад почти до самых лопаток. Он стал выкручивать ее все резче и резче, и Бонд, не выдержав, ударил назад левой пяткой. Попад охраннику в голень, он причинил себе большую боль, чем ему.

Мистер Биг обернулся. В его огромной руке виднелся маленький пистолет.

— Пустите его, — тихо проговорил он. — Если вам мало одного пупка, мистер Бонд, я продырявлю еще несколько. В этой игрушке имеется шесть патронов.

Бонд бросился вперед, не обращая внимания на

мистера Бига. Солитэр с трудом встала на ноги и сделала несколько шагов ему навстречу. Увидев его лицо, она бросилась к нему с вытянутыми вперед руками.

— Джеймс! — почти прорыдала она. — О, Джеймс!!!

Она почти упала ему под ноги. Руки их сомкнулись плотным замком.

— Принесите веревку! — приказал мистер Биг стоявшим у двери охранникам.

— Все будет хорошо, Солитэр, — успокаивающе произнес Бонд. — Все в порядке... Теперь я с тобой!

Он поднял ее, держа на согнутых руках, забыв о боли. Солитэр была очень бледна, волосы сильно растрепаны. На лбу виднелась глубокая ссадина, а под глазами — черные круги. Она страшно осунулась и подурнела от слез. Она казалась совсем тоненькой в грязном полотняном платье и сандалиях на босу ногу.

— Что этот подлец сделал с тобой?! — гневно воскликнул Бонд. Он крепко обнял ее и прижал к себе. Она почти висела на нем, спрятав лицо у него на шее.

Резко отпрянув, она взглянула на свою руку.

— Да ты весь в крови! — закричала она. — Что случилось?

Она повернула его к себе боком и увидела черную запекшуюся лепешку на левом плече.

— Ах, мой любимый! Так что же с тобой случилось?

Она опять заплакала тоненько и отчаянно, как ребенок, вдруг осознав, что их ждет впереди.

— Свяжите им руки! — распорядился Большой, наблюдавший всю сцену от двери. — Подведите их ко мне, здесь светлее. Мне есть что сказать им на прощание.

Бонд резко повернулся в сторону подошедшего негра. Стоила ли игра свеч? У него в руках была только веревка. Большой отступил в сторону, наблюдая за ними. Он слабо сжимал в руке нацеленный вниз пистолет.

— Нет, мистер Бонд! — коротко сказал он. — У вас ничего не выйдет.

Бонд оценивающе посмотрел на здорового негра, вспомнил о Солитэр и о больном плече.

Он молча позволил связать себе руки. Крепко затянутые узлы с болью сдавили запястья.

С улыбкой он посмотрел в сторону Солитэр, слегка подмигнув ей одним глазом. В ответ он увидел, как на одно мгновение в ее глазах блеснула надежда.

Негр потащил его обратно к двери.

— Туда! — приказал Большой, показывая пальцем на кандалы.

Резкой подсечкой Бонда свалили на пол прямо на раненое плечо. Негр подтянул его за веревку поближе к кандалам, проверил их, продел сквозь них веревку, затем вновь обвязал ее вокруг шиколоток Бонда, надежно закрепив узел. Вынув большой острый нож из щели в скале, он отрезал лишний кусок веревки, затем подошел к Солитэр.

Джеймс остался сидеть на каменном полу с вытянутыми вперед ногами и вывернутыми назад связанными руками. Кровь струилась из вновь открывшейся раны. Он не лишился чувств только благодаря еще продолжавшемуся действию бензедрина.

Солитэр точно так же связали и посадили на пол прямо напротив него. Их вытянутые ноги почти касались друг друга.

Биг посмотрел на часы.

— Оставьте нас одних! — приказал он охраннику. Закрыв за ним дверь и встал, опершись на нее спиной.

Бонд и девушка смотрели прямо в глаза друг другу. Большой молча наблюдал за ними.

Выдержав привычную паузу, он обратился сначала к Бонду, смотревшему на него снизу вверх. Отсюда его огромная, похожая на серый футбольный мяч голова, освещенная сзади, казалась злобно мерцающим огненным шаром, висевшим в воздухе. Круглые глаза рыжего цвета смотрели в упор, не мигая. Огромное туловище было в тени. Бонду пришлось напомнить себе, что он слышал натужное биение сердца в его груди, слышал его тяжелое дыхание, видел пот, проступивший на серой коже. Это был человек из плоти и крови, такой же, каким был он сам! Гигант с блестящими способностями — и все же обыкновенный смертный, который имел к тому же слабое сердце.

Широкий каучуковый рот слегка приоткрылся; плоские, вывернутые наружу губы обнажили два ряда ровных зубов.

— Вы лучший из тех, кого посылали убить меня, — размеренно произнес мистер Биг. Его тихий безжиз-

ненный голос казался задумчивым. — Вам удалось уничтожить четверых моих помощников. Мои подчиненные считают, что это невероятно. Настало время свести с вами счеты. То, что случилось с американцем, не так уж важно. Предательство этой девушки, — тихо проговорил он, не отрывая взгляда от Бонда, — которую я подобрал в канаве и которую я собирался сделать своей правой рукой, вот что поставило меня в тупик. Я не знал, какую смерть ей придумать. Теперь само Провидение в лице Барона Самэди, в которого истово верят мои подчиненные, привело вас сюда. Теперь вы низко склонили голову перед жертвенным алтарем.

Он замолчал на секунду, не закрывая рот.

— Отсюда следует, что вам суждено умереть вдвоем. Это произойдет в свое время и так, как вы этого заслуживаете. — Большой посмотрел на часы. — А именно, ровно через два с половиной часа — в шесть утра, на рассвете. Плюс минус минуты.

— Пусть лучше будет с минутами, — ответил Бонд. — Я вполне доволен своим теперешним положением.

— В истории негритянского освободительного движения, — продолжал мистер Биг свою лекцию в легком, нравоучительном тоне, — уже появлялись великие негры атлеты и музыканты, писатели, ученые и врачи. В соответствующий период истории, как и во всех других странах, в Америке появятся знаменитости и в остальных областях. — Он замолчал на секунду, затем продолжил: — К большому несчастью для вас, мистер Бонд, и вот для этой девчонки, вы встретились с первым в истории цивилизации великим негром преступником. Я пользуюсь этим вульгарным словом, дорогой мистер Бонд, как более привычным для вас — представителя полицейского мира. Но я предпочитаю называть себя человеком, обладающим особыми возможностями, а также особыми нервными и умственными способностями к тому, чтобы создавать свои собственные законы жить в соответствии с ними. Способным не принимать на веру законы, устраивающие низшие слои человеческой расы. Возможно, вы знакомы с трудом господина Троттера, который называется «Стадные инстинкты людей, проявляющиеся во время войны и мира», дорогой мистер Бонд? Я по природе и по своему предназначению являюсь волком

и живу по своим волчьим законам. Вполне естественно, что люди из породы овец готовы считать таких людей, как я, преступниками.

Тот факт, дорогой мистер Бонд, — продолжал Биг после небольшой паузы, — что я еще жив и в реальности пользуюсь неограниченной властью, несмотря на то, что один противопоставлен бесчисленным миллионам овец, объясняется тем, что я пользуюсь последними достижениями современной техники, как я уже говорил вам во время нашей последней встречи, а также моей беспредельной трудоспособностью. Я говорю не о простой способности трудиться, то есть заниматься скучной поденной работой, а об артистизме, о творчестве. И я нахожу, мистер Бонд, что переохотить овец не так уж сложно, несмотря на то, что их очень много, если один волк способен посвятить всю свою жизнь одной главной цели и если он от природы одарен недюжинными способностями.

Позвольте мне привести вам пример блестящей работы моего мозга. Рассмотрим тот способ, который я уже выбрал для того, чтобы умертвить вас обоих. Это современная вариация старого метода, которым пользовался еще мой старый добрый предшественник — почтенный сэр Генри Морган. В его времена эта смерть называлась «протаскивание под килем».

— Пожалуйста, продолжайте, — промолвил Бонд, не глядя в сторону Солитэр.

— На борту нашей яхты есть параван, — продолжал мистер Биг, напоминая хирурга, рассказывающего студентам-стажерам о предстоящей сложной операции, — который мы используем для ловли акул и крупной рыбы. Такой параван, как вам, должно быть, известно, представляет собой плавучую торпеду, которая крепится канатом к борту корабля. К нему обычно привязывают тралерные сети, процеживающие воду, когда корабль находится в движении, а также режущие устройства для обезвреживания минрепов якорных мин во время войны.

— И я собираюсь, — продолжал мистер Биг ровным, поучающим тоном, — привязать вас обоих к такому паравану канатом и «прокатить» вас по морю, пока вас полностью не сожрут акулы.

Он замолчал, переводя взгляд с одного на другого. Солитэр смотрела на Бонда широко открытыми

ужаса глазами, а Бонд напряженно думал, пытаясь представить себе, что их ждет. Он чувствовал, что должен что-то ответить.

— Вы очень большой человек, мистер Биг, — наконец сказал он. — В один прекрасный день вас ожидает достойная смерть. Если вы нас убьете, то ваша собственная смерть не за горами. Об этом уж я позаботился. Вы или сойдете с ума раньше времени, или дождетесь конца, ускорив его нашей смертью.

Мозг Бонда тем временем напряженно работал, пытаясь вычислить все до секунды. Кислота, разъедающая медь, приближала мистера Бига к назначенному часу его встречи с Богом. А можем быть, с дьяволом? Будут ли они с Солитэр еще живы к тому моменту? Решали секунды! Пот струился по лицу Бонда, стекая на грудь. Он грустно улыбнулся Солитэр. Взор ее затуманился, она смотрела сквозь него, ничего не видя вокруг.

Внезапно она издала дикий вопль, резко ударивший ему по нервам.

— Я ничего не знаю! — кричала она. — Я ничего не вижу! Смерть уже совсем близко, совсем рядом со мной!!! Много, очень много смерти!! Но я...

— Солитэр! — громко закричал Бонд, испуганный тем, что, заглянув в будущее, она внезапно может подать сигнал мистеру Бигу. — Держи себя в руках!

В его голосе прозвучали гневные нотки.

Взгляд ее прояснился, хотя она продолжала тупо смотреть на него.

Большой вновь обратился к ним.

— Я не собираюсь сходить с ума раньше времени, мистер Бонд, — проговорил он ровным голосом. — Что бы вы там ни задумали, вы не сможете навредить мне. Вы умрете на рифах, не оставив следов своей смерти. Я буду таскать за собой ваши трупы, пока от них ничего не останется. Это плод моей гениальной мысли! Вы, может быть, слышали, что акулы и барракуды играют определенную роль в черной магии. Мы принесем вас им в жертву, и Барон Самэди будет чрезвычайно доволен. Не меньшее удовольствие получат и мои подчиненные. Я хотел бы продолжить свои эксперименты с хищными рыбами. Уверен, что они нападают, только почувствовав кровь, растворенную в воде. Мы будем тралить ваши тела от самого остро-

ва. Привязанные к паравану, они прочешут весь риф. Я думаю, что в бухте до рифа акулы не тронут вас. Кровь и дохлая рыба, которую мы каждую ночь бросаем здесь в воду, уже растворились и съедены. А вот когда мы протащим вас по поверхности острова и вы как следует обдеретесь и, я боюсь, будете очень сильно кровоточить, тогда мы посмотрим, сбудутся ли мои предсказания.

Мистер Биг завел назад руку, открыв дверь у себя за спиной.

— Теперь я вас покидаю, — проговорил он, — чтобы дать вам возможность хорошенько представить себе ту великолепную смерть, которую я изобрел специально для вас обоих. Цель будет достигнута — вы умрете, не оставив при этом никаких следов и свидетелей. Условия моей религии выполнены. Мои люди довольны. А ваши тела, плюс ко всему прочему, послужат моим научным исследованиям. Вот что я имел в виду, дорогой мистер Бонд, говоря о своей бесконечной способности к творчеству.

Он постоял на пороге, внимательно рассматривая их.

— Спокойной ночи вам обоим!..

Глава XXII

МОРСКОЙ ТЕРРОР

Было еще темно, когда за ними пришли. Им развязали ноги, оставив связанными руки, и повели вверх по каменным ступеням, ведущим на поверхность.

Стоя между редкими деревьями, Бонд глубоко вдыхал аромат прохладного морского утра. Он посмотрел на восток — горизонт за деревьями уже обозначился, звезды стали бледнее. Ночная песня сверчков закончилась, и где-то в глубине острова запел свою первую песенку невидимый пересмешник.

Бонд предположил, что было около половины шестого утра.

Они простояли так несколько минут. Мимо пронеслись негры с тяжелыми свертками, узлами, ящиками и чемоданами. Они возбужденно переговаривались шепотом. Двери ивовых хаток были открыты настежь.

Негры устремлялись в сторону пристани, расположенной на самом дальнем конце острова справа от того места, где стояли они, и исчезали за гребнем скалы. Назад они уже не возвращались. Все это было похоже не эвакуацию. Остров снимался с якоря.

Бонд потерял своим обнаженным плечом о плечо Солитэр. В ответ она прижалась к нему. После душевной пещеры воздух казался прохладным, и Бонда слегка трясло. Но даже в таком положении он радовался тому, что покинул темницу.

Теперь они оба знали, что делать им дальше и каковы были правила этой ужасной игры.

После того как затворилась дверь за мистером Биггом, Бонд не терял ни секунды. Шепотом он рассказал Солитэр о магнитной мине, которая должна была взорваться в начале седьмого, и объяснил ей, какие факторы могли иметь решающее значение. Ведь речь шла о жизни и смерти!

Он рассчитывал прежде всего на маниакальную педантичность мистера Бига и его страсть к показным эффектам. «Секатур» отплывала ровно в шесть. Если на горизонте появится хоть единое облачко или видимость в лучах восходящего солнца покажется недостаточной, мистер Биг может отложить свой рейс. Если же Солитэр и Бонд окажутся в момент взрыва на причале рядом с яхтой, они погибнут вместе с мистером Биггом.

Предположим, что яхта отплывет в точно назначенное время. Какова будет длина каната и с какой стороны он будет привязан к яхте? По всей вероятности, со стороны кормы для того, чтобы параван можно было спустить на воду. Бонд рассчитал, что длина каната, соединявшего параван и яхту, должна быть не менее 5—10 ярдов и что они будут отделены от паравана расстоянием в 20—30 ярдов, не меньше.

Если расчеты были верны, параван потянет их за собой над поверхностью рифа только после того, как «Секатур» пройдет первые 50 ярдов в открытом море и выберется из рифового коридора. На подступах к рифам она будет двигаться с малой скоростью, не более трех узлов в час, а дальше убыстрит свой ход примерно до десяти. Сначала их связанные тела покинут остров, описав плавную дугу, крутясь и переворачиваясь в воздухе, привязанные к концу каната. Затем параван выровняется, а когда яхта пройдет че-

рез рифы, они будут еще только приближаться к ним. Параван достигнет начала рифов только тогда, когда яхта пройдет первые сорок ярдов в открытом море. Они последуют за параваном.

Бонд содрогнулся при мысли о том, что им предстоит, когда их тела достигнут поверхности острых, как бритвы, кораллов протяженностью не менее десяти ярдов. Кожа на спине и ногах будет содрана заживо.

Пройдя область рифа, они окажутся огромной кровоточащей наживкой. Акулы и барракуды накинутся на них сразу же, не пройдет и минуты...

А мистер Биг в это время, сидя в удобном кресле на палубе, будет внимательно наблюдать за кровавой сценой. Возможно, он даже возьмет бинокль, чтобы лучше видеть, как человеческая наживка становится все меньше и меньше, и вот, наконец, акула рванула за окровавленный конец каната.

К нему не привязано ничего!!!

Параван будет вытянут наверх, и яхта грациозно двинется дальше в сторону далеких островов Флорида-Кис, мыса Сэйбл и высушенной горячим солнцем пустынной пристани в бухте Сент-Питерсберг.

А если мина взорвется, когда они будут еще в воде на расстоянии всего 50 ярдов от яхты? Каково будет действие ударной волны вследствие взрыва? По его расчетам, удар мог оказаться и не смертельным. Большая часть его придется на корпус яхты, а их защитит полоса рифов.

Им оставалось только надеяться.

Прежде всего им следовало продержаться живыми до самой последней секунды. Им следовало ухитриться продолжать дышать, когда их как живую наживку потащат по поверхности моря. Многое будет зависеть и от того, насколько тесно их привяжут друг к другу. Биг захочет, чтобы они оставались живыми как можно дольше. Кому интереснадохлая жертва?

Бонд хладнокровно решил, что, когда из воды покажется первый акулий плавник, он сразу же утопит Солитэр. Подомнет ее под себя, не давая ей всплыть на поверхность. Затем он попытается утопиться и сам, подплыв под ее мертвое тело.

Кошмарные мысли преследовали его, таясь в каждом уголке возбужденного мозга. Его тошнило от ужаса, когда он представлял себе подробности чудовищ-

ной пытки, которую «великий» преступник придумал специально для них. Бонд знал, что он должен сохранять абсолютное хладнокровие и твердую решимость бороться за их жизни до конца. Немного успокаивала лишь мысль о том, что Биг и его люди тоже погибнут, да слабая надежда, что они с Солитэр как-нибудь выкарабкаются. У их врагов шансов на спасение не было, разве что мина бракованная попалась...

Эти и еще тысяча разных деталей и предположений промелькнули в голове Бонда за тот последний миг перед тем, как их вывели из пещеры. Свои надежды он разделил с Солитэр, не сообщив ей, однако, своих опасений.

...Она лежала напротив, уставившись на него усталыми голубыми глазами. Послушная, доверчивая, любящая... Она впитывала в себя, как губка, его слова, полные любви и доверия, его родное лицо...

— Не беспокойся обо мне, мой любимый! — сказала она ему, когда за ними пришли. — Я счастлива, что снова с тобой. Сердце мое переполнено этим чувством. Вот почему я не боюсь ничего, хотя смерть наша ходит совсем рядом с нами. Ты любишь меня хоть немного?

— Да, — отвечал он. — И мы еще насладимся нашей любовью.

— Встать! — коротко приказал один из охранников.

На поверхности острова становилось все светлее. Бонд услышал со стороны моря шум заведенного двигателя. С наветренной стороны на воде играл легкий бриз, но там, где стояла яхта, поверхность воды в бухте напоминала отполированное стальное зеркало.

На пристани появился сам мистер Биг с кожаным деловым «атташе» в руках. Остановившись на мгновение, он оглянулся вокруг, пытаясь восстановить дыхание. На Бонда и Солитэр он не обратил никакого внимания, равно как и на двух вооруженных охранников рядом с ними.

Взглянув на безоблачное небо, Биг неожиданно закричал чистым и громким голосом в сторону восходящего солнца:

— Благодарю тебя, сэр Генри Морган! Твое сокровище найдет себе достойное применение!! Пошли нам попутного ветра!!!

Негры-охранники выкатили от удивления глаза.
— Скоро подует «Доктор-ветер», — заметил Бонд.
Большой посмотрел на него, ничего не ответив.
— Все собрались? — спросил он охранников.
— Да, босс, — отвечали ему.

Они обогнули мыс и стали спускаться по крутым каменным ступеням к пирсу. Бонд и Солитэр шагали посередине в окружении охранников. Шествие замыкал мистер Биг.

Дизели красавицы яхты ровно гудели, из выхлопных труб вился сизый дымок.

Двое негров на пирсе отвязывали швартовы. На узком капитанском мостике, кроме капитана и лоцмана, находилось трое матросов. Все свободное пространство палубы, за исключением специального стульчика на корме, предназначенного для ловли рыбы, было занято рыбными контейнерами. На рее весело трепетал красный флаг английского торгового флота, американский пока был приспущен.

В нескольких ярдах от яхты длинный красный параван в форме торпеды мирно покачивался на утренних бурунах. Он был привязан к толстому проволочному канату, свернутому в несколько витков на корме. Бонд на глаз определил, что в нем было не менее пятидесяти ярдов.

«Хозяин-ветер» почти стих. Скоро задует «Доктор» со стороны моря. «Как скоро? — подумал Бонд. — И что это, дурное предзнаменование?»

Далеко на противоположном берегу бухты он различил крышу домика в Пустыне Бо. Вряд ли оттуда могли разглядеть пирс, яхту и всех, кто здесь находился, — они еще были в тени. Увидят ли их в ночной морской бинокль? А если да, то что подумает Стрэнгуэйс?

Мистер Биг, стоявший на пирсе, давал указания охранникам.

— Раздень ее! — приказал он охраннику Солитэр.

Бонд содрогнулся от ужаса. Украдкой взглянул на часы мистера Бига — без десяти минут шесть. Он решил промолчать. Нельзя терять ни секунды!

— Бросьте одежду на пирс! — опять приказал мистер Биг. — Перевяжите ему плечо. Я не хотел бы, чтобы кровь раньше времени попала в воду.

Охранник разрезал пожом платье Солитэр. Она была очень бледна. Тяжелые волосы скрывали лицо.

Она стояла, свесив на грудь голову. Бонду грубо перевязали плечо полосками ее платья.

— Подлец! — прошептал Бонд сквозь стиснутые зубы.

По команде мистера Бига им развязали руки. Тела их прижали друг к другу, лицом к лицу. Руками они обняли друг друга за талии, и в таком положении их плотно связали.

Бонд почувствовал, как мягкая грудь Солитэр коснулась его груди. Она положила свой подбородок ему на правое плечо.

— Я не хотела, чтобы это так было, — прерывисто прошептала она.

Бонд не ответил ей. Он едва ощущал ее тело. Мысленно он вел счет на секунды.

С пирса свисал конец каната, скрученного в несколько колец. Бонд увидел, как его привязали к брюху красной торпеды.

Второй, свободный конец протащили у них под мышками, завязав плотным узлом в пространстве между шеями. Все было сделано тщательно и аккуратно. Возможность высвободиться полностью исключалась.

Бонд продолжал вести счет на секунды. Ему казалось, что было без пяти минут шесть.

Когда все было готово, мистер Биг дал последние указания:

— Не связывайте им ноги! Так они вызовут больший аппетит у акул. — С этими словами он ступил на борт яхты.

За ним последовали двое охранников. Двое на пирсе, отвязав канат, также вошли на яхту. Лопасты врезались в застывшую, как зеркало, воду, яхта отделилась от острова и двинулась вперед на малых оборотах.

Мистер Биг прошел на корму и сел на стульчик для ловли рыбы. Бонд и Солитэр различали его огромные глаза, смотрящие на них в упор. Он ничего не сказал. Не сделал ни единого жеста. Он наблюдал...

«Секатур» направлялась в сторону рифов. Бонд видел, как начал раскручиваться канат, змеей сползая с поверхности пирса. Параван начал медленно двигаться вслед за яхтой. Сначала его нос нырнул глубоко в воду, затем выровнялся и, слегка накренившись, стал набирать скорость, следуя в кильватере яхты.

Бухта каната, находившаяся рядом с ними, стала быстро раскручиваться.

— Держись крепче! — требовательно приказал Бонд, крепко прижимая к себе девушку.

В этот момент сильным толчком их подняло и бросило с пирса в море, чуть не вывихнув плечевые суставы.

На секунду оба ушли под воду, затем их связанные тела с плеском выскочили на поверхность.

Бонд, захлебнувшись, судорожно ловил ртом воздух, Солитэр хрипло дышала ему прямо в ухо.

— Дыши! Дыши! — прокричал он ей сквозь ревящие струи воды. — Держись за меня ногами!!

Она, услышав его, просунула ноги ему между бедер. Он крепко сжал ее колени своими. Судорожный приступ кашля, сотрясавший Солитэр, вскоре прекратился. Дыхание ее выровнялось, сердце стало биться ровнее. Они стали двигаться чуть-чуть медленнее.

— Следи за дыханием! — прокричал Бонд. — Мне нужно попытаться взглянуть на яхту.

Она ответила ему пожатием рук, и он почувствовал, как поднялась ее грудь, набирая в легкие воздух.

Изо всей силы он крутанул ее тело вместе со своим, ухитрившись высунуть голову из воды.

Они двигались со скоростью три узла в час. Когда их подбросило на волне, он повернул голову в сторону яхты.

«Секатур» как раз входила в рифовый коридор на расстоянии ярдов восьми от них, как и предполагал Бонд. Параван мотало из стороны в сторону почти под прямым углом к яхте. Еще ярдов 30 — и красная торпеда пересечет границу водораздела. Еще столько же отделяло их от самого паравана.

До рифа оставалось ровно 60...

Бонд изогнулся всем телом, позволяя Солитэр высунуть голову из воды. Она жадно ловила ртом воздух.

Пять, десять, пятнадцать, двадцать!

Теперь только 40 — до начала коралловых зарослей...

«Секатур» скоро выйдет из рифового коридора. Бонд успокоил дыхание. Сейчас, наверное, было начало седьмого. Что случилось с проклятой миной? Бонд начал страстно молиться Богу. «Спаси нас, Господи Боже!» — пронеслось у него в мозгу. Внезапно он почувствовал, как под мышками резко натянулся канат.

— Дыши, Солитэр! Дыши!! — прокричал он, когда они уходили под воду, с шумом рассекая ее.

Теперь они летели над поверхностью моря, приближаясь к коралловому острову.

Они резко затормозили. Бонд предположил, что параван врезался в небольшой коралловый островок на поверхности моря. Опять их тела, слившись в смертельном объятии, стремительно понеслись вперед.

Тридцать, двадцать, десять!..

«Господи Иисус! — подумал Бонд. — Нам все-таки предстоит пережить все это!!» Он резко напряг мускулы, чтобы суметь превозмочь резкую пронизывающую боль, которая им еще предстояла, и постарался сдвинуть Солитэр чуть-чуть выше, чтобы хоть немного уберечь ее.

Внезапно воздух со свистом вырвался из его груди. Сильный удар гигантского кулака бросил его к Солитэр, выбив ее на поверхность так, что она оказалась на голову выше его. Затем она вновь вернулась на место. Доля секунды — и небо прорезала ослепительная вспышка — раздался оглушительный грохот взрыва!

Они резко остановились, и Бонд почувствовал, как тянет вниз оборвавшийся канат.

В открытый рот хлынула под напором вода.

Именно это отрезвило его. Бонд стал отталкиваться ногами и всплыл на поверхность. Девушка висела на нем мертвым грузом. В отчаянии он стал крутиться на месте, удерживая у себя на плече болтающуюся из стороны в сторону голову Солитэр.

Бурлящая поверхность воды обозначала поверхность рифов, до них было не более пяти ярдов. Они сыграли защитную роль подушки, отразив ударную волну. Бонд почувствовал движение подводных течений. Пятясь назад и с силой отталкиваясь ногами, он стал приближаться к острову. Он жадно ловил ртом воздух, почти задыхаясь. Грудь разрывалась от напряжения. Глаза подернулись красной пленкой. Вевевка тянула вниз, волосы Солитэр набивались в рот, не давая дышать.

Внезапно он почувствовал, как его икры коснулись острых кораллов. Он яростно забил ногами, пытаясь найти точку опоры, но с каждым движением лишь раздирал себе кожу, не ощущая боли. Теперь были сильно ободраны спина и предплечья. Он неуклюже во-

зился в воде. Легкие горели огнем. Подошвы коснулись ковра из иголок. Он стал на него, опершись всей тяжестью, пытаясь справиться с сильным течением, относившим его в сторону. Ноги наконец обрели устойчивость, спина упиралась в риф. Поверхность воды вокруг них окрасилась кровью, но Бонд крепко прижимал к себе холодное тело девушки, почти не подававшей признаков жизни.

Он с благодарностью воспользовался минутной передышкой, стоя с закрытыми глазами. Кровь бешено пульсировала в жилах, грудь раздирали мучительный кашель. Он пытался восстановить сознание. Первая мысль была о крови в воде. Вряд ли большая рыба осмелится подплыть вплотную к рифам! Положение тем не менее было безвыходным.

Повернув голову, он посмотрел в сторону моря.

Яхты нигде не было видно.

Высоко в безоблачном небе повисло грибообразное облако. «Доктор-ветер» уже сносил его в сторону острова.

На поверхности моря плавали обломки после кораблекрушения. Кое-где показывались подпрыгивающие на волнах человеческие головы. Море кишело белыми брюшками оглушенной и мертвой рыбы. В воздухе пахло сторевавшей взрывчаткой. На коралловом острове кормой вниз завис красный параван, притянутый вниз обрывком каната. Поверхность моря кипела от поднимающихся вверх пузырьков воздуха.

К плавающим головам и дохлой рыбе быстро приближались первые треугольные плавнички. Их становилось все больше и больше. Вот из воды высунулась чья-то разинутая пасть... С быстро мелькающих плавников сыпались водяные искры. Две черные руки протянулись навстречу, затем снова исчезли. Кто-то кричал, взывая о помощи. Бонд увидел, как в сторону рифа поплыло несколько человек, сильно размахивая руками. Один остановился, пытаясь ударить ладонью какую-то рыбу. Руки его исчезли на глубине. Он начал дико визжать, тело бросало из стороны в сторону. «Барракуда рвет его на куски», — пронеслось в затуманенном мозгу Бонда.

Одна из голов, отделившись, стала приближаться к месту, где по грудь в воде стоял Бонд. Черные волосы девушки струились у него по спине.

Голова была большой и круглой, как мяч; из раны

на огромном лысом черепе струилась кровь, заливая лицо.

Бонд смотрел, как она приближалась.

Большой неуклюже плыл брассом, с силой плюхаясь в воду, что еще больше могло привлечь крупную рыбу.

«Сможет ли он доплыть?» — думал Бонд. Глаза его сузились, дыхание стало ровнее. Он ждал от моря решения.

Огромная голова приближалась. Бонд уже видел огромные зубы, оскаленные от отчаяния и нечеловеческого напряжения. Кровь застилала выпученные глаза. Казалось, он слышал, как хрипло и натужно работает огромное больное сердце под серой кожей. Выдержит ли оно, пока «наживка» еще не съедена?

Большой показался из воды до пояса. Плечи его были обнажены, должно быть, одежда пострадала во время взрыва. На шее болтался лишь черный шелковый галстук. Сбившись назад, он напоминал черную кошку китайца.

Волна смыла кровавую пелену с его выпученных глаз. Они были широко открыты, безумный взгляд устремлен на Бонда. В них не было мольбы о помощи, они выражали только огромное физическое напряжение.

Бонд смотрел прямо в глаза мистеру Бигу. До него оставалось всего ярдов десять. Внезапно глаза закрылись, огромное лицо исказила гримаса боли.

— А-а-а-а!!! — дико проорал искривленный рот.

Руки перестали молотить воду, голова нырнула, потом опять всплыла на поверхность. Вокруг нее разлилось большое облако крови. В нем мелькнули две 6-футовые тонкие коричневые тени и быстро скрылись. Тело дернулось в сторону. Из воды высунулась половина руки мистера Бига. Не было ни кисти, ни запястья, ни часов.

Большая голова-тыква, огромный оскаленный рот с двумя рядами белых ровных зубов были все еще живы. Теперь он пронзительно взвизгивал странным, булькающим звуком каждый раз, когда барракуда отрывала очередной кусок висящего в воде тела.

Далеко позади Бонда раздался далекий крик, который он не расслышал. Все его чувства были сосредоточены на драматическом эпизоде, который разыгрывался у него на глазах.

В нескольких ярдах мелькнул еще один плавник и резко остановился.

Бонд почувствовал, что акула сделала стойку, как хорошая охотничья собака. Ее близорукие розовые глаза пытались проникнуть сквозь коричневую пелену и определить размеры будущей жертвы. Она резко рванула в сторону плавающей груди Бига, визжащая голова в ту же секунду, как поплавок, ушла под воду,

На поверхности моря осталось лишь несколько пузырьков...

Огромная леопардовая акула, взмахнув длинным в коричневую крапинку хвостом, отступила назад и проглотила кусок. Теперь она вновь нападала.

Голова опять всплыла на поверхность. Рот был закрыт, но рыжие глаза еще смотрели на Бонда.

Рыло акулы вылезло из воды и опять понеслось к голове. Нижняя криво изогнутая челюсть была широко открыта, огромные зубы влажно блестели на солнце. Раздался громкий чавкающий звук, затем последовал шумный всплеск. И наступила полная тишина...

Бонд все смотрел расширенными от ужаса глазами на расползавшееся по водной поверхности красно-коричневое пятно. Солитэр застонала.

Опять сзади раздался крик — он повернул голову в сторону бухты.

Это был Куоррелл! Его блестящий коричневый торс возвышался над корпусом изящного каноэ; руки стремительно работали шестом. За ним длинным хвостом выстроилось множество рыбацких каноэ из бухты Акул. Они быстро неслись по поверхности моря, чуть взбужденной ветерком.

Задул свежий норд-ост, солнце ярким огнем освещало лазурную воду и нежно-зеленые берега Ямайки.

Серо-голубые глаза Джеймса Бонда повлажнели. Это были его первые слезы с тех самых пор, как он вырос. Они струились по его впалым щекам, капая в окровавленное море...

Глава XXIII

ЛЮБОВНЫЙ ОТПУСК

Похожие на два звенящих изумрудных колокольчика птички колибри совершали последний полет над пышными цветами алтея, а пересмешник уже

завел свою вечернюю песенку, которая была слаще соловьиной. Пение доносилось с верхушки куста цветущего жасмина.

Неровная тень птицы-фрегата пересекла лужайку, поросшую багамской травой. Купаясь в воздушных струях, фрегат взмыл вверх и скрылся вдали. Синеза-то-черный зимородок ревниво застрекотал при виде человека, сидящего на лужайке в шезлонге. Внезапно изменив направление полета, он устремился в сторону далекого острова, перелетев через бухту. Серокрылая бабочка весело трепетала крылышками в пурпурных тенях под пальмами.

Поверхность бухты была совершенно гладкой. Коралловый остров окрасился в глубокий розовый цвет в лучах заходящего солнца.

После жаркого дня приятно повеяло вечерней прохладой. Слабый торфяной дымок поднимался над хижинами рыбаков в деревне справа от домика. Там жарили маниоку.

Солитэр вышла из домика и босиком прошла по лужайке. В руках она несла поднос с шейкером и двумя бокалами, поставила его на бамбуковый столик рядом с Бондом.

— Надеюсь, я все сделала правильно, — сказала она. — Шесть к одному — это слишком крепко. Раньше я никогда не пробовала водку «мартини».

Бонд посмотрел на нее снизу вверх. Она надела его голубую пижаму, которая была здорово велика ей, придавая нелепый вид, как у выросшего подростка.

Солитэр весело рассмеялась.

— Как тебе нравится помада, которую мне привезли из порта Марии? А фиолетовые брови? Здесь нет никакой косметики — только вода и мыло!

— Но выглядишь ты замечательно! — воскликнул Джеймс. — Ты самая красивая девушка на Ямайке! Если бы мог, я бы встал сейчас на ноги и поцеловал тебя.

Солитэр немедленно наклонилась к нему, обвила рукой за шею и долго целовала его. Затем она выпрямилась и пригладила волосы, упавшие ему на лоб.

Они посмотрели друг на друга. Затем она повернулась к столику и налила коктейли в бокалы. Слегка пригубив свой, села на теплую, согретую солнцем траву и положила голову ему на колени. Правой рукой он

гладил ее густые темные волосы; они любовались чудесным закатом и пляжем с высокими пальмами, окрашенным розовым заревом заходящего солнца.

Этот день они посвятили зализыванию ран и отдыху.

Когда Куоррелл посадил их на маленьком пляже в Пустыне Бо, Бонд почти волоком потащил бездыханное тело Солитэр. Он усадил ее прямо в ванну с теплой водой. Казалось, она не понимала, что происходит. Смыв соль и обломки кораллов, он вымыл ее с мылом, вытащил из ванны, обтер полотенцем и смазал ментиолом глубокие порезы, покрывавшие ее спину и бедра. Затем он дал ей снотворное и положил обнаженной на свою кровать, слегка прикрыв простыней. Он нежно поцеловал ее, и она крепко уснула, едва он успел опустить жалюзи.

Потом он сам залез в ванну, и Стэнгуэйс вымыл его с мылом, почти выкупав в ментиолате. Кожа была содрана во многих местах, из сотни царапин сочилась кровь. Левое плечо, пострадавшее от укуса барракуды, совсем онемело. Она отхватила хороший кусок. Бонд стиснул зубы от боли, когда Стэнгуэйс наложил повязку с ментиолом.

Он надел на себя халат, и Куоррелл отвез его в госпиталь в порт Марии. Перед поездкой они успели хорошо позавтракать, и Бонд выкурил вожделенную сигарету. В машине он крепко уснул, так и не проснувшись ни на операционном столе, ни в палате, куда его привезли всего перевязанного бинтами.

Рано утром Куоррелл доставил его обратно. К этому времени Стэнгуэйс успел обработать информацию, переданную ему Бондом. Небольшое полицейское отделение на острове Сюрпризов было проинформировано о случившемся, место катастрофы обставлено баками и контролировалось береговой охраной из порта Марии. Отряд спасателей и ныряльщиков направлялся сюда из Кингстона. Местной прессе дали короткое сообщение, полиция охраняла Пустыню Бо от нашествия репортеров, которые должны были вот-вот хлынуть толпой на Ямайку. Мистеру М. в Лондоне и ФБР в Вашингтоне посланы самые подробные сообщения, подтверждавшие крах империи мистера Бига. Его подчиненным предъявлен иск за контрабандный провоз золота через границу.

С яхты «Секатур» не спаслось ни единого челове-

ка. В то злосчастное утро местные рыбаки доставили около тонны оглушенной рыбы.

Ямайка кипела от слухов. пляж и площадка в верхней части рифа были уставлены сплошь одинаковыми, похожими друг на друга, как две капли воды, автомобилями. Болтали о сокровищах Кровавого Моргана, охраняемых денно и нощно кровожадными акулами и барракудами. Это и останавливало желающих понырять в ночное время на месте кораблекрушения.

Врач, осматривавший Солитэр, нашел, что больше всего ее беспокоило отсутствие на острове помады нужного ей оттенка и красивых платьев. Посылка из Кингстона, заказанная для нее Стрэнгуэйсом, прибывала на следующий день. Теперь она экспериментировала с пинажами Бонда, украшая их цветками алтея.

Вскоре после того как Бонда доставили домой из госпиталя, Стрэнгуэйс прибыл из Кингстона с шифровкой от мистера М.:

«Надеюсь замятая заявили права сокровище имени Универсал экспорт точка Немедленно займитесь этим точка Нанял хорошего адвоката точка Против госказначейства Министерства колоний США точка Операция прошла успешно точка Доволен точка Гарантирую любовный отпуск две недели точка».

— Он, наверное, имел в виду лечебный отпуск, — прокомментировал Бонд.

Стрэнгуэйс сидел с мрачным видом.

— Думаю, это именно так. Я послал ему самый подробный отчет обо всем, что вам довелось испытать. Вам и вот этой девушке, — грустно добавил он.

— Гм, — удивился Бонд. — Шифровальщицы М. почти никогда не ошибаются. И все же...

Стрэнгуэйс посмотрел в окно.

— Это так похоже на старого дьявола М. Он в первую очередь думает о деньгах, — продолжал Бонд. — Он собирается выиграть это дело и тем компенсировать ожидаемое сокращение бюджета английской секретной службы. Думаю, на тягбу с Госказначейством США уйдет оставшаяся половина его жизни. Но как быстро он среагировал!

— Я направил запрос в Белый дом от вашего имени сразу же после получения шифровки, — сказал Стрэнгуэйс. — Дельце принимает серьезный оборот.

Сюда, помню Англии, непременно вяжется и Америка. Ведь мистер Биг, а также сэр Генри Морган были американскими гражданами! Процесс затянется на долгие годы.

Они еще немного побеседовали, пока Стрэнгуэйс не уехал. Бонд с трудом выбрался в сад, чтобы немного погреться на солнышке и как следует поразмыслить.

Он вновь возвращался к тем опасным приключениям, которые выпали на его долю за время долгой погоны за мистером Бигом и его несметными сокровищами. Много раз ему приходилось глядеть в глаза смерти и собирать свои нервы в кулак.

Теперь с ним было покончено. Теперь он грелся на солнышке, окруженный тропическими цветами. Главный приз его жизни сидел рядом с ним на корточках, положив ему голову на колени. Он перебирал ее черные волосы, наслаждаясь мгновением и думая о тех двух неделях, которые им еще предстояли.

Внезапно из кухни донесся звон разбитой посуды и громкие восклицания Куоррелла, дававшего разнос своим подчиненным.

— Бедный Куоррелл! — промолвила Солитэр. — Он отыскал самых лучших поваров во всей деревне и прочесал все рынки в поисках экзотических приправ. Он ухитрился достать даже черных крабов, первых в этом сезоне. Сейчас он жарит малюсенького поросеночка и готовит салат из груш и плодов авокадо. На десерт подадут плоды гуавы с кремом из кокосового ореха. А капитан Стрэнгуэйс оставил нам целый ящик лучшего на Ямайке шампанского. У меня уже слюнки текут. Не забудь, что ты ничего не знаешь! Я случайно зашла на кухню и увидела, до чего он довел бедную повариху.

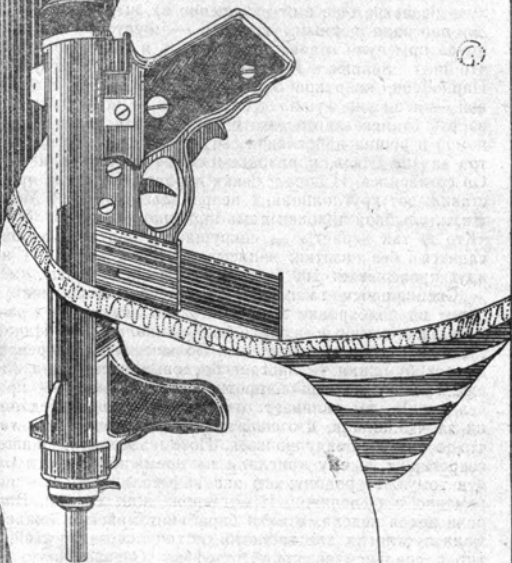
— Пусть он останется с нами на время «любовного отпуска», — ласково предложил Бонд, рассказав Солитэр о шифровке от мистера М. — Мы проведем этот отпуск в Пустыне Бо в домике на сваях, окруженные золотыми песками. Тебе, однако, придется как следует ухаживать за мной, не то я не смогу заниматься с тобой любовью. У меня ведь только одна рука!

Глаза Солитэр загорелись страстью. Невинно улынувшись, она посмотрела на него снизу вверх.

— А как же моя спина?..

СИРЕНЬ

Операция «ГРОМ»

«ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД»

Джеймсу Бонду было худо. Как говорят картежники, точно у тебя все мелкие, а на чужой руке четыре туза.

Похмелье... Прежде всего — стыдно, а стыдиться Бонд не привык. Раскалывается голова, болит все тело. Он закашлялся (когда пьешь, то и куришь много, и худо назавтра еще и от выкуренного), в глазах зарябило, заиграло черными точками. — будто по зеркалу пруда прыснули головастики. А ведь и сам чувствовал, что пьет лишнее. Поданный в роскошной, на улице Парк-Лейн, квартире очередной бокал виски с содовой — а он уже выпил десять таких — пошел тяжело, во рту от него загорчило. Он понял, что хватит, пора домой и решил напоследок сыграть еще роббер. «5 фунтов за 100 очков, и разойдемся», — предложили ему. Он согласился. И попался, как дурачок. Он живо представил: вот круглолицая, с непроницаемой, как у Моны Лизы, улыбкой пиковая дама победно бьет его валета... «Кто ж так играет!» — сокрушается партнер, и Бонд садится без взятки, записывает 400 в минус. И на круг проигрывает 100 фунтов — деньги немалые.

Специальным тампоном Бонд еще раз промокнул порез на подбородке и презрительно глянул на мрачную физиономию в зеркале над умывальником. Идиот, тупица! А глупит от безделья. Больше месяца перекладывает бумажки — листает бредовые инструкции (да еще галочку поставь напротив своего номера — прочел, мол!), выдавливая отчеты. Озвереешь! Недавно ни за что ни про что наорал на подчиненного — тот что-то сказал Бонду поперек. Потом заболела гриппом секретарша, и ему прислали на время какую-то дуру, и к тому же уродину; его она называла «сэг-г» — церемонно и шепеляво... И вот снова понедельник. Впереди целая неделя. В окно барабанит майский дождик. Бонд проглотил две таблетки, потянулся за третьей, и тут в спальне зазвонил телефон. Очень громко — связь со штабом прямая...

Джеймс Бонд подвинул стул и сел. Сердце бешено колотилось. Да, он мчался через весь Лондон, а потом столько же прождал лифт на девятый этаж и разозлился, но все же — как оно колотится! Он посмотрел в знакомые бесстрастные, пронзительно серые глаза сидящего напротив. Что в них скрыто?

— С добрым утром, Джеймс. Не взыщите, что вызвал так рано. Но сегодня я весь день буду занят. Вот и решил первым делом поговорить с вами.

Бонд сразу поскущел. М. назвал его «Джеймс», а не 007, — значит, ничего интересного, ничем стоящим не порадует. Не новое задание, а так, что-нибудь личное. И говорит М. спокойно, смотрит по-дружески, чуть ли не добродушно. Бонд буркнул что-то в ответ.

— Давно вас не видел, Джеймс. Как ваши дела? Как себя чувствуете? — М. взял со стола лист бумаги, какой-то бланк, и как будто собрался читать.

Что за бумага? И вообще, в чем же дело?

— Я здоров, сэр, — настороженно сказал Бонд.

— А вот врач считает, что нет, — мягко произнес М. — Вот результаты последнего обследования. Послушайте-ка.

Что за черт! Бонд сердито глянул на бумагу в руках у М., но взял себя в руки.

— Я слушаю, сэр.

М. пылливо посмотрел на него и поднес бумагу к глазам.

— «Указанный сотрудник, — начал он, — по-прежнему практически здоров. Но, к сожалению, его образ жизни губителен. Несмотря на многочисленные предупреждения врачей, он выкуривает по 60 сигарет в день, причем сигарет балканского производства, с повышенным содержанием никотина. Не находясь при исполнении серьезного задания, он ежедневно выпивает примерно половину бутылки крепкого алкогольного напитка. В ходе обследования выявлены явные признаки легкого ухудшения физического состояния: язык обложен, давление немного повышено (90/160). Сотрудник признает, что часто страдает от болей в затылке; в трапециевидных мускулах имеется спазм и прощупываются так называемые фиброзные узелки. Полагаю, что эти симптомы вызваны образом жизни сотрудника. Мы многократно, но безуспешно предупреждали его, что указанные злоупотребления не столько снимают нервное напряжение, свойственное его профессии,

сколько отравляют организм и в конечном итоге губят здоровье. Номеру 007 я рекомендую отдых и умеренность в течение двух-трех недель, после чего, по моему мнению, он снова будет абсолютно здоров».

М. положил листок в папку с надписью «Исходящее», оперся ладонями о стол и строго взглянул на Бонда.

— Видите, сколько у вас болячек, Джеймс?

— Сэр, я абсолютно здоров, — пряча раздражение, ответил Бонд. — У кого ж иногда не болит голова? А фиброз у меня от гольфа, потому что вспотеешь — и на сквозняк. Примешь аспирин, разотрешься — и болезни как не бывало.

— Ошибаетесь, Джеймс! — резко сказал М. — Таблеткой вы лишь заглушаете симптом, не искореняете болезнь, а прячете ее. Вы отравляете организм, а болезнь может стать хронической. Все химические лекарства вредны — они противны нашей природе. Как и многие пищевые продукты — белый хлеб, например, или рафинированный сахар, или пастеризованное молоко. Кстати. — М. достал блокнот, заглянул. — Вам известно, что содержится в хлебе, помимо перемолотой почти в пыль муки? — И М. укоризненно посмотрел на Бонда. — Мел, перекись бензола, хлорный газ, соль аммония, алюминий — и в огромных количествах. Что скажете? — М. убрал блокнот в карман.

— Я редко ем хлеб, сэр, — сказал сбитый с толку Бонд.

— Да дело не только в хлебе! — нетерпеливо прервал его М. — А вот часто ли вы пьете йогурт, едите свежие овощи, орехи, фрукты?

— Почти никогда, сэр, — улыбнулся Бонд.

— Напрасно улыбаетесь! — М. предостерегающе постучал по столу. — Помните еще мое слово. Здоров лишь тот, кто не противится природе. А вы больны! — Бонд собрался было возразить, но М. остановил его. — Да-да, больны, организм ваш отравлен, и все оттого, что вы совершенно неправильно живете. Как помирить человека с природой — над этим думают ученые во всем мире, а вы и об ученых-то этих не слышали. Впрочем, не вы один. Но, к счастью, приверженцы природного метода работают и у нас, в Англии. Мы тоже можем излечиться! — И глаза М. оживленно блеснули.

Джеймс Бонд озадаченно смотрел на М. Что это со стариком? Не годы ли сказываются? Но выглядит М. даже бодрее обычного: холодные серые глаза чисты и прозрачны, от внушительного морщинистого лица так и веет силой. И седины в стальных волосах как будто поубавилось. Что же за чепуху он несет?

М. потянулся за папкой с надписью «Входящее» и положил ее перед собой, — значит, беседа подходит к концу.

— У меня все, Джеймс. Мисс Пеннишиллинг уладила все формальности. За две недели вас приведут в порядок, сами себя не узнаете. Вернетесь как новенький.

— А что, я куда-то еду, сэр? — ужаснулся Бонд.

— В санаторий «Лесной», это в Суссексе. Директора зовут Джошуа Вейн — в научных кругах он человек известный. И вообще замечательный человек, в свои 65 он выглядит на 40. Вас там подлечат. Новейшее оборудование, лекарственные травы со своего участка, живописные окрестности... А о службе на две недели забудьте. Отдел я передам пока номеру 009.

Бонд ушам своим не верил.

— Но сэр... — выдавил он. — Я и так совершенно здоров. Вы серьезно предлагаете мне лечиться?

— Я не предлагаю, — холодно улыбнулся М. — Я приказываю. Если, конечно, вы хотите по-прежнему работать в отделе 00. Сотрудники этого отдела должны быть надежны на 100 процентов. — М. взялся за пачку бумаг. — У меня все, 007. — На Бонда он больше не смотрел. Беседа окончена.

Бонд молча поднялся, пересек кабинет и вышел, с преувеличенной аккуратностью прикрыв за собой дверь.

В приемной ему обворожительно улыбнулась мисс Пеннишиллинг.

Бонд подошел и так жახнул кулаком по столу, что подскочила пишущая машинка.

— В чем дело, Пенни?! — взревел он. — Старик что, спятил? Бред какой-то! Я никуда не поеду. Он просто свихнулся.

— Я говорила с директором санатория, — как ни в чем не бывало улыбалась мисс Пеннишиллинг. — Он был очень любезен. Тебя поселят во флигеле, в «Миртовой» комнате. Комната очень хорошая, окнами

на участок лекарственных трав. Травы там свои, знаешь?

— К черту «Миртовую» с травами! Ну, Пенни, будь другом, — взмолился Бонд, — растолкуй ты мне, какая муха его укусила?

И мисс Пеннишиллинг сжалилась: втайне она обожала Бонда.

— Я думаю, — зашептала она заговорщицки, — это сумасшествие скоро пройдет. А ты, бедняжка, просто под горячую руку ему попал. У него же навязчивая идея — как бы повысить эффективность нашего управления. То мы все поголовно спортом занимаемся, то он психоаналитика приглашает — полного идиота! Ты-то в это время был за границей. Представляешь, все начальники отделов рассказывали ему сны. Ну, психоаналитик выдержал недолго: сны, что ли, у начальников страшные? А месяц назад у М. случился прострел, и его приятель по Пиковому клубу, наверное, толстяк и не дурак выпить, — скривила хорошенькие губки мисс Пеннишиллинг, — напел ему про этот санаторий. Человек, говорит, что автомобиль — время от времени ставь его в гараж, ремонтируй. Сам он лечится каждый год, ездит на неделю. И так, мол, это дешево — в клубе за день столько спускаешь, — и так славно! А М. же обожает всякие новшества, тоже съездил на недельку и просто влюбился в этот санаторий. Вчера битый час мне его расписывал. А сегодня утром получаю по почте банки с патокой, пшеницей и еще черт знает с чем. Куда их девать, ума не приложу. Пуделю, что ли, бедняжке, скормить? Вот такая история, но, между прочим, выглядит-то он потрясающе. Просто помолодел!

— Да уж, рекламу можно делать. Но почему он посылает в этот сумасшедший дом именно меня?

— Ценит тебя, сам знаешь, — улыбнулась мисс Пеннишиллинг. — Как прочитал результаты обследования — велел заказать тебе комнату. Слушай, Джеймс, а зачем ты столько куришь, пьешь? Вредно же. — Она смотрела по-матерински заботливо.

Бонд едва не нагрубил, но все же сдержался.

— Пью, чтоб жажду утолить, а курю, чтоб руки занять.

Какой же мерзкий у него сегодня голос! Все, хватит болтать. Срочно нужно выпить двойной бренди с содовой.

— Что-то наши девушки жалуются, тебе руки заняты — раз плюнуть, — упрекнула его мисс Пеннишиллинг.

— Все, Пенни, отстань! — Окончательно разозлившись, Бонд направился к двери, но на полпути обернулся: — И попробуй только пришли еще инструкцию «Для ознакомления»! Вернусь из санатория, так отшлепаю — за машинку не сядешь.

Мисс Пеннишиллинг очаровательно улыбнулась:

— А вот поживи две недели на орешках да лимонном соке — посмотрим, кто кого отшлепает.

Бонд застонал и бросился вон.

САНАТОРИЙ «ЛЕСНОЙ»

Джеймс Бонд забросил чемодан в багажник такси допотопной марки и уселся на переднее сиденье рядом с нагловатым прыщавым пареньком в черной кожаной куртке. Шофер вытащил из нагрудного кармана гребешок, неторопливо расчесал волосы по обе стороны пробора (на затылке волосы собраны хвостиком), убрал гребешок и только тогда включил наконец зажигание. Игру с гребешком Бонд понял так: не больно-то ты, пассажир, мне нужен со своими деньгами. Весь послевоенный молодняк такой — заносятся на пустом месте. Взять этого мальчишку — прилично зарабатывает, на родителей плевать хотел, бредит ковбоями. Впрочем, он не виноват, что родился в богатой стране в эпоху высокого спроса на рабочую силу, атомных бомб и космических полетов. Живет он легко, припеваючи.

— А до «Лесного» далеко? — спросил Бонд.

Парень лихо переключил скорость, развернулся.

— С полчаса. — На перекрестке он дал газу и четко, но довольно рискованно обогнал грузовик.

— А ты со своей «синей птицей» здорово управляешься.

Водитель искоса взглянул на него: не подшучивает ли? Вроде нет. Он чуть-чуть расслабился.

— Управляйся не управляйся — все равно старое корыто. А папаша говорит: «Я 20 лет на ней ездил, и ты еще 20 поездишь». Так что я сам деньги коплю. Половину уже скопил.

«Хороший паренек, — подумал Бонд, — хотя сначала выкаблучивался».

— А на какую копишь? — поинтересовался он.

— На «фольксваген». До самого Брайтона буду возить.

— Здорово. Дело денежное.

— Это точно! — Парень оживился. — Я туда съездил разок, довез оттуда до Лондона двух лошадиников да с ними двух шлюх. Десять фунтов плюс пять шиллингов чаевых. Конфета!

— Неплохо. Но в Брайтоне держи ухо востро, не то живо обчистят, а неровен час, еще и пристукнут. Шпаны там хватает. О банде «Миска крови» что-нибудь слышно?

— После суда ничего. Во всех газетах про нее писали. — С пассажиром говорилось легко, как с ровесником, и он снова искоса глянул на Бонда, уже поновому. — А вы в «Лысый» лечиться или в гости?

— Почему это «Лысый»?

— А там и леса-то настоящего нет, — бросил паренек. — Туда ездят всякие толстухи да старые козлы. Только и зудят: не гони да не трясни, а то у них в заднице какой-то ишиас или как его... Вы-то совсем другой.

Бонд рассмеялся:

— Но тоже еду. На две недели. Ничего не делаешь, придется отдохнуть.

Машина свернула с Брайтонской дороги и, недовольно урча, покатилась по мирному пригороду. Вскоре по правую руку мелькнул указатель: «Санаторий «Лесной». Путь к здоровью. Первый поворот направо. Просим соблюдать тишину». По обе стороны дороги стояли ели, пихты. Показались высокая стена, вычурный, с башенками и зубцами, въезд и сторожка, тоже старинная; из трубы, теряясь меж тихих деревьев, тянулся к небу дымок. Гравийная дорожка петляла в густых зарослях лавра. Клаксоном они спугнули с дорожки пожилую пару. Справа открылась лужайка. Аккуратным бортиком высажены цветы, прогуливаются редкие больные — кто один, кто вдвоем. Поодаль высится огромное старинное здание из красного кирпича с застекленной террасой, тянущейся до самой лужайки.

Паренек затормозил у величественного подъезда. Подле лакированной, обитой гвоздями двери поблескивала высокая урна; над ней надпись: «В помещении не курят. Просим выбросить сигарету». Бонд вышел

из машины, вытащил из багажника чемодан. Чаевых он дал десять шиллингов. Паренек принял как должное.

— Спасибо. Захотите поразвлечься — звоните. У нас тут и девочки есть. А в чайной на Брайтонской дороге подают оладьи. Ну, пока. — И дал задний ход.

Бонд взял чемодан, с тоской поднялся по ступеням, толкнул тяжелую дверь.

В просторной, отделанной дубом приемной было жарко и тихо. За столом сидела хорошенькая скромная девушка в белом накрахмаленном халате. Он расписался в книге прибывающих, и девушка повела его обставленными темной мебелью залами, а потом белым стерильным коридором в заднюю часть здания. Оттуда они попали во флигель, длинный и низкий, выстроенный на скорую руку. По обе стороны — двери с названиями цветов, растений. Девушка завела его в «Миртовую» и, сказав, что директор примет через час, то есть в шесть, ушла.

И комната, и мебель в ней — самые обычные. Яркие занавески. Одеяло с электрическим подогревом. На столике подле кровати — ваза с тремя маргаритками и книжка «О природном методе лечения». Бонд выключил отопление и распахнул окно. В глаза бросились ровные рядки безымянных трав. Распаковав чемодан, он удобно устроился в кресле и принялся читать книгу о выведении из организма вредных веществ. Добрался до главы о многочисленных видах и подвидах массажа, и тут зазвонил телефон: через пять минут мистер Вейн ждет его в консультационной «А».

Мистер Вейн предложил Бонду раздеться. Увидев его многочисленные шрамы, воскликнул:

— Боже, да вы настоящий воин!

— Да, я воевал, — равнодушно ответил Бонд.

— Вот как? Война штука страшная. Ну-с, дышите глубже.

Пока Бонд одевался, мистер Вейн что-то быстро писал за столом. Закончив, он произнес:

— Ничего серьезного я не нахожу. Давление немного повышено, легкое остеопатическое повреждение верхних позвонков — оттого и голова у вас болит, и правая подвздошная кость несколько смещена назад. Вы, несомненно, когда-то сильно ушиблись. — И он поднял глаза на пациента.

— Возможно, — сказал Бонд и подумал, что ушиб-

ся он, должно быть, прыгнув на полном ходу с поезда во время венгерского восстания в 1956 году.

— А посему вот что... — Мистер Вейн отмечал что-то галочками в отпечатанном списке. — Строгая диета в течение одной недели, массаж, горячие и холодные ванны, остеопатическое лечение, растягивание — и вы здоровы. И, конечно, отдыхайте, расслабляйтесь, забудьте о службе. — Он поднялся и протянул Бонду листок. — Через полчаса открываются процедурные, так что приступайте прямо сегодня.

— Спасибо. — Бонд заглянул в листок. — А что такое растягивание?

— Процедура на механическом устройстве для растягивания позвонков, это весьма полезно, — любезно пояснил директор. — Кое-кто из больных называет устройство «дыбой». Но вы не тревожьтесь, они шутят.

Бонд вышел в белый коридор. Всюду пожилые люди, в основном женщины — многие в уродливых стеганых халатах. Жуть! Да еще жара, духота. Бонду нестерпимо захотелось на воздух.

Вдыхая кислый запах лавра и золотого дождя, он уныло брел по узкой аккуратной дорожке. Выдержит ли он тут две недели? Неужели выбраться из этой чертовой дыры можно, только уволившись из управления? Он глубоко задумался и вдруг почти нос к носу столкнулся с девушкой в белом — она выскочила из-за поворота, скрытого густым кустарником. Девушка смущенно улыбнулась и пошла было своей дорогой, но тут из-за того же поворота вылетел лиловый автомобиль — еще мгновение, и она была бы под колесами, она уже падала! — и Бонд прыгнул, поймал ее за талию, провел неплохой прием и выдернул девушку буквально из-под капота. Он поставил ее на землю, автомобиль с визгом затормозил рядом. Грудь у нее упругая — это он успел ощутить. Девушка ойкнула и изумленно уставилась на него. Потом поняла, что произошло.

— Спасибо... — задохнулась она и обернулась к машине. Водитель не спеша шел навстречу.

— Простите, пожалуйста, — безмятежно извинился он. — Вы не ушиблись? — Тут он как будто узнал девушку, и голос его стал вкрадчив: — Ба, да это же наша милая Патриция! Здравствуйте, Пат! Вы по мне скучали?

Красавец-мужчина. Бронзово-смуглый, изящные усики, рот вычерчен гордо — женщины таких обожают. Наверняка сердцеед. Правильные черты лица — испанец или латиноамериканец — и смелые, живые карие глаза; уголки глаз странно или, как сказала бы женщина, таинственно приподняты. Высок, крепок, отлично одет. Блестящий мерзавец, подвел черту Бонд, покоряет всех женщин подряд, а может, еще и живет за их счет, и живет неплохо.

Девушка окончательно опомнилась.

— Ездить нужно осторожнее, граф Липпе, — сказала она строго. — По этой дорожке у нас гуляют больные. Если бы не этот джентльмен, — улыбнулась она Бонду, — вы бы меня просто задавили.

— Ну простите, милочка. Я спешил. А вам, сэр, — чуть свысока обратился он к Бонду, — я весьма признателен. У вас хорошая реакция. А теперь... прошу меня извинить... — Он сел в автомобиль и уехал.

— Я тоже опаздываю! — воскликнула девушка, и они вдвоем пошли к зданию.

По дороге разговорились. Она работает в «Лесном» уже три года. Ей нравится. А не скучает? Нет, катается на машине, гуляет. Здесь красивые места. И столько новых интересных людей! Например, этот граф Липпе, он так увлекательно рассказывает о Востоке, Китае... Сам он из Макао, это рядом с Гонконгом, верно?

«Вот почему приподняты уголки глаз, — подумал Бонд, — китайская кровь. Интересно, какая еще? Возможно, португальская, раз из Макао».

Они вошли в натопленную приемную.

— Я побегу. Спасибо вам еще раз. Надеюсь, вам у нас понравится. — Она улыбнулась и направилась к процедурным.

Бонд посмотрел на часы и спустился по лестнице в процедурную «Для мужчин»; там его встретил мускулистый массажист в майке. Бонд разделся, обмотался вокруг пояса полотенцем и зашел в одну из кабинок, разгороженных между собой пластиковыми занавесками. В кабинке два стола для массажа, на одном беспомощно колышется под мощными ударами молодой, очень толстый мужчина. Бонд разматал полотенце и лег лицом вниз.

Так сильно его еще никогда не массировали. Боле-

ли мускулы, каждая косточка, шумело в голове, но он все же различал, что толстяк сошел с соседнего стола, место занял другой. И новенькому сказали:

— Извините, сэр, но часы придется снять.

Знакомый, хорошо поставленный, вкрадчивый голос ответил уверенно:

— Чепуха, милейший. Я здесь не первый раз и часы никогда не снимаю. Оставляю и сейчас, если вы не против.

— Извините, сэр, — вежливо, но твердо сказали ему, — но у меня пациенты всегда снимают часы. Иначе при массаже нарушится ток крови в руке. Прошу вас их снять.

Граф Липпе помолчал. Бонд почти физически ощутил, как тот разъярен.

— Снимайте... — наконец прошипел Липпе с такой ненавистью, что Бонду даже стало смешно. «...Черт вас возьми!» — ясно читался конец фразы.

— Благодарю, сэр. — И через секунду массаж начался.

«Странный спор, — подумал Бонд. — У массажиста всегда снимают часы. Почему граф противился? Не ребенок же».

— Перевернитесь, пожалуйста, сэр.

Бонд повиновался. Посмотрел направо. Граф Липпе лежал на спине, отвернувшись; левая рука его свисала со стола. Загорелая, с почти белой полоской вокруг запястья. А на белой коже татуировка — молния с двумя вертикальными черточками. Так вот что он прятал! Позвонить бы в архивный отдел — кто носит тайный знак на запястье?

«ДЫБА»

Прошел час. Бонда как будто выпотрошили, выжали из него все соки. Он оделся и, проклиная М., с трудом потащился наверх — точно из груботелесного варварства к утонченной цивилизации. Подле входа в главный зал стояли две телефонные будки. Через коммутатор он соединился со штабом. Для внешней связи пользовались только одним номером, да и тот прослушивался. Он попросил архивный отдел; в трубке характерная пустота, — значит, подслушивают. Назвав-

шись, он изложил начальнику просьбу. Интересующий его человек — с Востока, возможно, с примесью португальской крови. Через десять минут начальник снова взял трубку.

— Это знак группы «Красная молния», — сказал он заинтересованно. — Члены, как правило, чистокровные китайцы. Никаких религиозных мотивов, исключительно преступные акции. Станция Х однажды столкнулась с этой группой. Сама станция находится в Гонконге, а штаб на другой стороне залива, в Макао. Поэтому за большие деньги была организована курьерская связь с Пекином. Все шло без сучка, без задоринки, переправлялась важная информация — и вдруг страшный провал, высшее руководство станции рассекречено! Оказалось, что один из сотрудников вел двойную игру, работал на «Красную молнию». Очень скверная история. Потом группа всплывала в делах о наркотиках, контрабанде золота в Индии, торговле рабами. Группа мощнейшая. Если у вас есть что сообщить, рады выслушать.

— Спасибо за информацию, — сказал Бонд. — А сообщить пока нечего. О «Красной молнии» слышу впервые. Если что-нибудь узнаю, свяжусь с вами. До свидания.

Бонд в раздумье повесил трубку. Интересно! Что же этот тип делает в «Лесном»? Бонд вышел из будки и в соседней заметил графа Липпе; тот стоял спиной к нему и как раз снимал с рычага трубку. Долго ли он стоит? А вдруг слышал, что Бонд сказал в конце разговора? Или даже о чем спрашивал? Он похолодел. Кажется, здорово влип... Но делать нечего, посмотрел на часы — половина восьмого — и отправился ужинать.

В день ему полагалось стакан теплого лимонного сока, тарелка овощного супа и две чашки чаю. И, конечно, массаж, ванны... А на третий день прибавилось остеопатическое лечение и растягивание. Мрачно, но безропотно (тут совсем раскис, думал только, чего бы съесть) он толкнул очередную дверь: за ней наверняка ждет здоровяк с волосатыми ручищами. И застыл на пороге. У койки стояла та самая Патриция, с которой он встретился в первый день.

— Как! — сказал Бонд. — На такой тяжелой работе — и слабая женщина?

— Женщин на нашей работе 20 процентов, — ответила она сухо: надоели вечные мужские комментарии. — Раздевайтесь.

Очень скоро Бонд убедился, что сил у девушки хоть отбавляй — у него только суставы похрустывали. Она управлялась с ним — тренированным, мощным — играючи.

— А теперь полчаса порастягивайтесь, — сказала она под конец.

Бонд взял одежду, вышел вслед за девушкой в коридор и едва не столкнулся с кем-то. Граф Липпел Бонда он будто не заметил, а Патриции улыбнулся и сказал с легким поклоном:

— Иду к вам на заклание. Может, сегодня будете чуточку понежнее? — Глаза у него искрились.

— Разденьтесь пока, пожалуйста, — сказала девушка. — Я сейчас вернусь, только отведу мистера Бонда. — И она пошла по коридору. Бонд — следом.

Она завела его в небольшую комнатку, велела положить одежду на стул и отодвинула пластиковую занавеску. За занавеской оказался хирургический стол — обит кожей, поблескивает алюминием. Зрелище не из приятных. Девушка возилась с ремнями, а Бонд с подозрением разглядывал медицинское чудовище. На полу — электрический мотор с табличкой: «Механическое растяжное устройство «Геркулес». Сам стол разделен на три мягкие секции с ремнями, каждая соединена с мотором отдельным приводом. Подле приподнятого подголовника — круглая шкала тяги, размеченная на 200 единиц. Начиная со 150-й цифры красные. К подголовнику приделаны специальные рукоятки, чтобы держаться; кожа на них в темных пятнах, наверное, от пота.

— Ложитесь лицом вниз. — Девушка держала наготове ремни.

— И что будет?

— Потянет немного спину, — нетерпеливо пояснила она. — Это очень полезно. И совсем не больно. Даже, наоборот, приятно. Многие засыпают.

— Ну уж я не засну! — уверил Бонд. — А сильно будет тянуть? И почему цифры красные? Не разорвет?

— Глупости! — так же нетерпеливо ответила девушка. — Сильно тянуть, конечно, опасно. Но мы-то с вами начнем всего-навсего с отметки 90. Минут через

15 я зайду и прибавлю до 120. А теперь ложитесь. Меня ждет больная.

Бонд неохотно улегся, голова его утонула в мягкой кожаной подушке, и он пробормотал:

— Разорвет — подам на вас в суд.

Заурчал мотор. Ремни то натягивало, то отпускало. Словно великан растягивал его тело. Непривычно, но довольно приятно. Он с трудом приподнял голову. Стрелка показывала 90.

— Ну как?

— Хорошо. — Бонд слышал, как за девушкой хлопнулась дверь. Под щекой его мягкая подушка, спину нежно потягивает, мотор гудит мирно, усыпляюще. И в самом деле хорошо. А он-то, дурак, боялся!

Минут через 15 снова хлопнула дверь, отодвинули занавеску.

— Ну как вы тут?

— Отлично.

Девушка щелкнула переключателем. Бонд поднял голову: стрелка подползла к 120. Потянуло сильнее, мотор загудел громче.

— Еще 15 минут, — сказала девушка.

— Ладно, — неуверенно ответил он, примериваясь к окрепшему великану. Задернули занавеску, и хлопка двери он уже не различил в шуме мотора... И скоро привык к новому ритму.

Еще через пять минут щеку вдруг обдуло ветром, и Бонд приоткрыл глаза. К переключателю тянулась мужская рука. Странно, почему мужская? Жмет на рычажок... И так рвануло, дернуло так, что он закричал... Его словно вздергивали на «дыбе». В ужасе он поднял голову: стрелка дрожала на цифре 200. Он бессильно упал на подушку. Глаза заливал пот. Рука выпустила рычажок. Мелькнула маленькая красная молния с двумя вертикальными черточками. И в ухо ему шепнули:

— В другой раз не будешь вмешиваться не в свое дело, милейший.

Ревел и рычал мотор, ремни рвали тело; Бонд слабо стонал, и пот капал с кожаных подушек на пол.

А потом наступила ночь...

МЕСТЬ

Хорошо, что тело не помнит боли. Да, они болели, нарыв или сломанная рука, но как именно — этого не помнят ни мозги, ни нервы. Иное дело приятные воспоминания — запах, вкус, поцелуй... Их сладость не забывается. Бонд медленно приходил в себя и удивлялся, что боли, терзавшей его насмерть, теперь не было. То есть, конечно, болела спина, каждый позвонок точно отколотили палкой, но это боль изведанная, знакомая, и ее можно превозмочь. Ревущий же смерч, крутивший его, глушивший сознание, исчез. Что же именно чувствовал он, Бонд, в мучительных объятиях? Помнилось лишь, что был он ничтожней пучка травы в тигриной пасти.

— А теперь расскажите, как это случилось, — попросила Патриция. — Случайно задели переключатель? Вы нас так напугали! Никогда ничего подобного не было. В принципе устройство совершенно безопасно.

— Конечно, — подтвердил Бонд. — Но понимаете, мне захотелось устроиться поудобнее, я потянулся и, кажется, задел за что-то рукой, наверное, за переключатель. Больше ничего не помню. Мне повезло, что вы быстро вернулись. — Он честно смотрел ей в глаза.

— Теперь все позади. У вас, слава Богу, серьезных повреждений нет. Еще два дня, и будете как огурчик.

И действительно через два дня Бонд вернулся в тихий мирок «природного метода». И сразу же, холодно и энергично, он принялся наводить справки о графе Липпе, как сделал бы во время войны, выслеживая вражеского агента в Стокгольме или Лиссабоне. Он стал разговорчив и любопытен. Болтал с Патрицией: «А этот Липпе что, серьезно болен? Ах, он худеет! Наверное, принимает специальные ванны? Говорите, в турецкой бане... Нет, я там еще не был, обязательно схожу». С массажистом: «Что-то этот силач давно не показывается, граф, как его, Риппе, Хиппе? Да-да, Липпе. Ах, в полдень... А что, пожалуй, удобно, столько времени потом остается. Я от вас еще в турецкую баню зайду, погреюсь». Так он невинно беседовал и постепенно выстраивал план. План, по которому они с Липпе останутся с глазу на глаз в звуконепроницаемой процедурной.

Одновременно, по скудным сведениям, Бонд пытался представить, что это за человек. Хотел ли он только припугнуть Бонда на «дыбе» или — ведь Липпе не знал, чем закончится пытка, — убить? Но зачем? Что за тайну он так бережет? Ясно одно: тайна есть, и нешуточная.

Сообщать в штаб о Липпе и его поступке Бонд не собирался. Покушение в санатории «Лесной»! Глупо, смешно. Да и сам он, умелый солдат, выставляется дурачком. Туза Управления разведки и контрразведки поят теплым соком да кормят овощным супчиком, потом привязывают к какой-то «дыбе», чуть-чуть сдвигают рычажок — и герой сотен сражений вопит от боли и просит пощады! Ни за что никому не расскажет! Он отомстит Липпе сам.

К 14-му, последнему дню Бонда, все было продумано: где, когда и как.

На десять часов мистер Джошуа Вейн назначил прощальное обследование. И через несколько минут (диагноз: давление в норме, лишний вес сброшен, позвоночник подлечен) Бонд уже спускался на последнюю процедуру.

Он лежал на столе массажиста лицом вниз и ждал жертву. И вот открылась и закрылась дверь в конце коридора, мимо прошлепали босыми ногами и сказали громко, уверенно:

— Доброе утро, Бересфорд. Баня готова? Сделай сегодня погорячей, сброшу-ка еще немного.

— Сделаем, сэр. — Слышен печатный шаг Бересфорда, старшего массажиста, и прежнее шлепанье: идут по коридору к дальней комнате, электрической турецкой бане. Хлопнула дверь. Через несколько минут хлопнула еще раз — Бересфорд проводил графа Липпе, возвращается. Прошло 20 минут, 25. Бонд слез со стола.

— Довольно, Сэм, спасибо, — сказал он. — Я еще ванну приму. А ты иди обедай. Не волнуйся, я сам справлюсь.

Бонд обмотался вокруг пояса полотенцем и вышел в коридор. Людно: массажисты закончили работу и торопятся в столовую. По-унтерски командует Бересфорд: «Билл, закрой окно! Лен, после обеда принесишь из прачечной полотенца. Тед! Ушел уже? Тогда

ты, Сэм, присмотри за графом Липпе, он в турецкой бане».

Целую неделю Бонд слушал эти команды и примечал, кто уходит на обед пораньше, а кто работает добросовестно, до конца. Теперь он ответил из душевой басом Сэма:

— Присмотрю, сэр.

Печатный шаг по линолеуму, короткая пауза — Бересфорд в самом конце коридора, его не слышно — и наконец далекий скрип двери. Тихо, только гудят вентиляторы. Теперь в процедурных никого. Джеймс Бонд и граф Липпе одни.

Бонд выждал минуту, затем вышел из душевой, тихонько открыл дверь в турецкую баню. Он заходил сюда дважды — осмотреться. С тех пор ничего не изменилось.

Обычная, выкрашенная белым процедурная: посредине ванна — огромный короб из металла и светлого пластика. Боковая грань открывается наподобие дверцы, пациент забирается внутрь, садится, а голову высовывает в отделанную поролоном дыру в верхней грани. Внутри короба тело греют несколько рядов электрических лампочек; на задней грани — температурная шкала. Сидишь и потеешь.

Липпе сидел спиной к двери. Заслышав шаги, он проворчал:

— Черт возьми, Бересфорд, выпусти меня. Семь потов уже сошло.

— Сами просили погорячей, сэр, — добродушно, по-бересфордовски, откликнулся Бонд.

— Не пререкайся, черт тебя возьми. Выпусти сейчас же.

— Мне кажется, сэр, вы недооцениваете благотворного влияния жара на организм. — Бересфорду ничего не грозит, сейчас он обедает в столовой, у него железное алиби.

— Не болтай. Выпусти, говорят тебе.

Бонд посмотрел на шкалу: стрелка показывала 120. На сколько же поставить? Максимальная отметка — 200 градусов. Так он, пожалуй, изжарится заживо. А нужно лишь наказать, не больше. Наверное, 180 будет в самый раз. Он повернул переключатель.

— С полчаса вам будет по-настоящему жарко, сэр. А загорись — подай в суд, — добавил он своим настоящим голосом,

Липпе попытался повернуть голову — нет, не повернуться. Бонд двинулся к двери.

— Тысяча фунтов — и квиты, — тихо, с ноткой отчаянья предложил граф. Голос у него теперь другой, деревянный — скрывает, что узнал, что взбешен. Скрипнула дверь. — Десять тысяч. Ладно, 50!

Бонд плотно прикрыл за собой дверь и быстро зашагал по коридору. Сзади приглушенно позвали на помощь. Ничего, помучается недельку в больнице — вылечат. Но вот что не ясно: 50 тысяч предлагает либо миллионер, либо тот, кого ждет неотложное дело. Чтобы просто избавиться от боли, столько не отдашь.

Джеймс Бонд был прав. Они с Липпе, солдаты, схватились, как глупые дети, и выверенный до последней секунды заговор против западных держав, пусть почти незаметно, но сбился с ритма.

СПЕКТР

Бульвар Османа — улица длинная и скучная, но, пожалуй, благопристойнейшая в Париже. Здесь много жилых домов (и репутация обитателей безупречна), две церкви, небольшой музейчик и, что вполне уместно, конторы разнообразных благотворительных организаций. Под номером 136-бис, например, располагается, как написано на скромно поблескивающей медной табличке, Международная ассоциация сопротивления (МАС). Если вы заинтересуетесь ассоциацией (вы, скажем, неисправимый идеалист или, наоборот, торговец конторской мебелью), нажмите звонок, и вам откроет самый обычный французский «консьерж». И, если дело у вас серьезное, вас впустят в довольно пыльный вестибюль, поднимут в причудливом, с виду ненадежном лифте-клетке и подведут к высоким двойным дверям. За ними окажется, как вы и ожидали, большая обшарпанная комната с грязноватыми светлыми стенами: с десятков дешёвых столов, за которыми пишут или печатают, папки для «входящего-исходящего», старинные телефоны, обычные в этой части Парижа, картотеки с выдвинутыми ящиками — обстановка самая обыкновенная, деловая. Наблюдательный человек, однако, отметит, что все служащие — ровесники, всем лет 30—40, и нет среди них ни одной женщи-

ны, хотя в любой конторе, как правило, имеются секретари.

Встретят вас слегка настороженно, ведь в конторы нередко хаживают сумасшедшие и бездельники, но быстро сообразят, что вы человек серьезный, и станут любезны, услужливы: «Цели нашей ассоциации? Наша цель, мсье, сохранить идеалы борцов военного Сопротивления. Нет-нет, мы вне политики. На какие средства существуем? На посильные взносы членов и других частных лиц, разделяющих нашу цель. Ах, ваш родственник входил в группу Сопротивления? Конечно, поищем, мсье. Как его имя? Эй, Жюль!» Другой служащий, Жюль, подойдет к картотеке и через несколько минут сообщит: «Погиб 21 октября 1943 года во время бомбежки Центрального штаба. Весьма сожалеем, мсье. Чем еще можем быть полезны? Простите, что не могу побеседовать с вами подробнее, сегодня так много работы. До свидания, мсье. Что вы, не за что».

Внеочередная встреча членов правления МАСа была назначена на семь часов вечера, как раз накануне Джеймс Бонд вернулся в Лондон из санатория. Часов с пяти в дом номер 136-бис начали съезжаться делового вида мужчины (а в правлении были только мужчины), входили и через парадную дверь, и со двора, и по одному, и вдвоем. На такие встречи они собирались со всех концов света, и каждый знал, во сколько именно часов и минут должен прибыть и как войти — с парадного входа или с черного. «Консьержи» теперь стояли у обеих дверей. Были приняты и менее заметные меры предосторожности — работали системы предупреждения, оба входа просматривались с телеэкранов, а на первом этаже хранились тома поддельных протоколов МАСа, подробно отражающие текущие дела ассоциации. То есть возникли необходимость, и встреча «членов правления» мгновенно превратится из тайной в открытую, как открыты и благопристойны прочие деловые встречи на бульваре Османа.

Ровно в семь часов в строгий зал заседаний на четвертом этаже зашли — кто уверенно, а кто робко — 20 человек — оплот сообщества. Председатель был уже на месте. Никто не поздоровался. Председатель считал, что в их сообществе искренне здоровья не пожелаешь, да и время дороже любых пожеланий. За

столом расселись по номерам, от 1-го до 21-го. Номер был единственным именем, да и тот, секретности ради, каждый месяц, в полночь первого числа, изменялся на две единицы, по кругу. Никто не закурил — пьющих тут не было совсем, курящих едва терпели — и не взглянул на лежащую на столе поддельную МАСовскую повестку. Напряженно, почтительно и чуть ли не подобоострастно, хотя они и были людьми слишком высокого полета, собравшиеся вглядывались в Председателя.

Ко Второму (так в этом месяце звался Председатель) все — и давно его знавшие, и впервые встретившие — относились в известной степени одинаково. Он подчинял себе, таких людей встречаешь в жизни редко, один-два раза. У этих людей три главных качества: необычная внешность, спокойная самоуверенность и мощнейшее обаяние. Толпа всегда чует хозяина, даже в первобытном племени вождем выбирали именно такого. Таковы были и многие исторические личности — Чингисхан, Александр Македонский, Наполеон... И, может быть, благодаря этим трем качествам Адольф Гитлер, личность вообще-то ничтожная, так безгранично властвовал над талантливейшим 80-миллионным европейским народом. Чем иным объяснить эту власть?

Таков, безусловно, был и Председатель, его отличил бы и первый встречный, и, уж конечно, отличали 20 избранных. Пусть с другими они были черствы и циничны, но его, даже против собственной воли, почитали хозяином, почти богом.

Звали его Эрнст Ставро Блофельд. Родился он в Гданьске, отец его был поляк, мать — гречанка. 25-ти лет поступил младшим служащим в министерство почты и телеграфа. Странный выбор для столь одаренного юноши, но Блофельд уже к тому времени понял: хочешь властвовать — знай недоступное прочим. Тогда — мир ли, война — будешь в почете. Такова была теория, и пока он лишь присматривался к проходящим через его руки телеграммам и радиограммам. А потом в Польше началась мобилизация, и через почту пошел мощный поток военных заказов, дипломатической переписки. Будущий противник заплатил бы за эти документы любые деньги. Сначала неумело, потом ловчее стал он снимать копии с телеграмм; постепенно составил списки мелких служащих, адреса-

тов секретной переписки — их он выдаст за своих агентов. Младший шифровальщик в английском посольстве, переводчик, работающий с французами, секретарша крупной компании... Он назвал выдуманную агентуру «Ястребом» и передал немецкому атташе несколько документов на пробу. За Блофельда ухватились, положили хорошие деньги (ведь приходится оплачивать столько агентов, объяснил он), и скоро он уже подумывал, не расширить ли рынок. Стал информировать американцев и шведов, и тут уж деньги полились рекой. Потом он сообразил, что рано или поздно благоденствие кончится: ведет двойную игру да еще получает деньги за выдуманных агентов — где-нибудь да сорвется. 200 тысяч долларов он заработал, пора прятаться.

Из игры Блофельд вышел мастерски. Информировать стал раз от раза скуднее; перевел капитал в Цюрих; съездил в родной город, побывал у архивариуса, в церкви и вырезал страничку со своим именем и датой рождения; затем сообщил связным, что раскрыт, купил паспорт на имя канадского моряка и уплыл в Швецию. Пожил немного в Стокгольме, прикинул, чем закончится война, и улетел по настоящему польскому паспорту в Турцию. Туда же перевел деньги. Потом Польша, как он и рассчитывал, пала, и он попросил убежища. Кое-кому заплатил и стал турецким подданным. Мастерство его пригодилось и тут. Он учел недостатки «Ястреба» и создал новую агентуру. К концу войны он был знаменит и богат: в швейцарском банке лежало полмиллиона долларов. По шведскому паспорту он уехал в Южную Америку — отдохнуть, поправить здоровье и подумать о будущем.

Сейчас, в тихом доме на бульваре Османа, Эрнст Блофельд неторопливо оглядывал свою двадцатку: не прячет ли кто глаза. 20 человек смотрели на Блофельда и ждали его слова. Они были разных национальностей, но во многом походили друг на друга: всем лет 30—40, все крепкие, ловкие и почти все смотрят живо, жестоко, хищно — так выглядит добычу волк, ястреб. По-другому смотрели лишь двое ученых — физик Котце (пять лет назад приехал из Восточной Германии и за скромную пенсию и жительство в Швейцарии выдал несколько секретных проектов) и поляк-электронщик Маслов, по-настоящему — Кандински,

Остальные 18 делились по национальности, одновременно по принадлежности к крупнейшим преступным и подрывным организациям на шесть троек. Три сицилийца — из главных в Сицилианском союзе, мафии; три корсиканца из Корсиканского союза — сходного с мафией секретного сообщества, контролирующего организованную преступность во Франции; три бывших офицера СМЕРША — советской организации для уничтожения шпионов и врагов народа; три уцелевших высших чина гестапо; три югослава, раньше служивших в секретной полиции у маршала Тито, и три турка из прежних агентов Блофельда.

Все 18 владеют тончайшими приемами конспирации, секретной связи и, кроме того, умеют молчать. Каждый безупречно прикрыт — это ценится превыше всего. Действительный паспорт с визами в ведущие страны, чистое досье в Интерполе и своей национальной полиции. Уже за одно это (давний крупный преступник — и чист) можно принимать в СПЕКТР — Специальный комитет по терроризму и разведке.

Учредил и теперь направлял это частное предприятие, нацеленное на частное же обогащение, Эрнст Ставро Блофельд.

ЧЕМ ПАХНЕТ ФИАЛКА

Блофельд наконец оглядел всех: опустил взгляд только один. Блофельд знал, что опустил именно этот — донесение дважды перепроверено. Но своим глазам и чутью он доверял больше. Не торопясь, он убрал руки со стола. Одну положил на колени, а другой вытащил из кармана плоскую золотую коробочку. Отколупнул ногтем крышку, выловил зернышко с фиалковым запахом и сунул в рот. Говорить он будет о неприятном, и пусть, как всегда в таких случаях, от него пахнет фиалкой.

Блофельд затолкнул зернышко под язык и произнес спокойно, звучно, выверенно:

— Сегодня я буду говорить о предстоящем важнейшем деле — об операции «Омега». — Он не сказал «господа» или «друзья», «коллеги» — к чему словесные побрякушки! — Но сначала о другом. — Блофельд обвел всех ровным взглядом; тот же человек опустил глаза. — Комитет согласится, что наши первые три года прошли успешно. Все тройки действовали удачно, и те-

перь на нашем счету полтора миллиона фунтов. Удастся операция «Омега», будет гораздо больше; мы сможем тогда распустить комитет, и каждый, с весьма крупными деньгами на руках, займется тем, чем пожелает. Вопросы есть?

На сей раз глаза не опустил никто, все молча смотрели на него. Лица непроницаемы, каждый себе на уме. Комитет и правда работает неплохо, но что об этом толковать? Это известно и без Председателя. А они ждали новостей.

Блофельд бросил в рот второе зернышко, затолкнул его под язык и продолжал:

— Тогда с этим все. Несколько слов о предыдущей операции. — Он остановил взгляд на сидящем в дальнем левом углу стола. — Седьмой, встаньте!

Марнус Доминго, член Корсиканского союза, медленно поднялся. Он стоял неподвижно, держа руки по швам, и смотрел прямо в глаза Председателю. Блофельд, казалось, тоже смотрит на него, но на самом деле он украдкой следил за другим корсиканцем — Двенадцатым. Тот сидел рядом с Седьмым, в торце длинного стола, напротив Блофельда. Это он отводил глаза. Сейчас он их поднял. Успокоился, решил, что пронесло.

— Операция, как вы помните, заключалась в следующем, — сказал Блофельд. — Мы выкрали 17-летнюю дочь Магнуса Бломберга, владельца гостиницы в Лас-Вегасе, и морем переправили на Корсику. Выполнено корсиканской тройкой. Выкуп назначили в один миллион долларов. Бломберг согласился и, как потребовал СПЕКТР, в сумерках от итальянского берега оттолкнули надувной плотик с деньгами. Ближе к ночи плотик подобрало наше судно, на борту была сицилийская тройка. Эта тройка своевременно обнаружила в плотике транзисторный передатчик; полиция могла бы проследить судно. Мы получили выкуп и, как договорились, вернули девушку родителям на первый взгляд целую и невредимую... но только на первый взгляд. Недавно я узнал от нашего человека в полиции, что на Корсике девушку изнасиловали. — Блофельд помолчал: пусть обдумают. — Так утверждают родители. Возможно, девушка вступила в половое сношение и по собственной воле. Это неважно. Комитет обещал вернуть ее целой и невредимой, насильно или нет, но ее, я бы сказал, целостность нарушена. Мне не нужна ваша нравствен-

ность, мне нужна дисциплина. На ней я настаиваю. Организация боеспособна, пока надежен каждый. Оступись один — погибли все. Вам известно, как я поступаю в подобных случаях. С семьей я уже рассчитался: отослал назад половину выкупа и извинился. Остается виновный. Я нашел его. И избрал наказание.

Блофельд разглядывал Седьмого. Мариус Доминго тоже не спускал с Председателя глаз. Он знал, что виновный — другой. И весь напрягся. Но не от страха. Как и все, он верил Блофельду. Непонятно, зачем подставили его, Доминго, но Председатель так решил, и Председатель всегда прав.

Блофельд видел, что Седьмой не трусит, и знал почему. Он видел также, что одиноко сидящий в торце стола Двенадцатый сильно вспотел. Отлично! Лучше за-контактит.

Правой рукой он повернул под столом переключатель.

Двенадцатый выгнулся в кресле, точно его ударило в спину; и его и вправду ударило 1000-вольтовым кулачищем. Черные жесткие волосы вздыбились, лицо скрутило гримасой — пугало со щеткой на голове. Глаза вспыхнули и тотчас погасли, в оскал высунулся обуглившийся страшный язык. От рук, лежащих на подлокотниках, от спины и ляжек тонкой струйкой подымался дымок... Электроды были спрятаны в кресле, контактило хорошо. Блофельд выключил ток. Свет в комнате вспыхнул ярче; в минуту казни он горел вполне — тускло, желто, зловеще. Запахло паленым. С громким стуком Двенадцатый упал лицом на стол. Кончено.

Блофельд посмотрел на Седьмого. Стоит все так же невозмутимо. «Надежный человек, — подумал Блофельд. — Крепкие нервы».

— Садитесь, Седьмой. Я вами доволен. — Это высшая блофельдовская похвала. — Двенадцатого нужно было отвлечь. Он знал, что его подозревают. Вспокоился бы.

Кое-кто согласно кивнул. Блофельд, как всегда, прав. Казню здесь никого особенно не расстроишь, даже не удивишь. Хозяин и раньше вершил суд у всех на глазах. Осуждены уже двое, тоже за нарушение дисциплины. Они заслужили смерть так же, как заслужил ее этот, третий. Забыв о трупе, мужчины устроились в креслах удобнее — пора к делу.

Блофельд захлопнул золотую коробочку и убрал в карман.

— После операции «Омега» корсиканцам подыскать Двенадцатому замену, — приказал он. — Теперь о самой операции. Нанятый немецкой тройкой агент Н. допустил крупный промах, и мы начнем операцию позже. Агенту было приказано обосноваться в одном из южных санаториев и оттуда держать постоянную связь с летчиком Петацчи — его эскадрилья бомбардировщиков на учениях неподалеку. Н. должен был сообщать, как летчик себя чувствует, как настроен. И сообщал добросовестно. Кстати, летчик на наше предложение по-прежнему согласен. Но, кроме того, в час «Д», то есть через три дня после нашей сегодняшней встречи, агент должен был отправить «письмо».

К сожалению, этот глупец ввязался в санатории в ссору и теперь — подробности я опускаю — лежит в Брайтонской центральной больнице с ожогами второй степени. То есть «письмо» он отправит в лучшем случае через неделю, и мы, повторяю, начнем операцию позже. Жаль, но сам замысел, к счастью, не пострадал. Всем даны новые указания. Летчику передали пузырек с вирусом гриппа; эту неделю он будет болен, и испытывать самолет будут без него. А выздоровеет — сразу полетит и, конечно, даст знать. О дате полета сообщим агенту Н., тот к тому времени тоже выздоровеет и отправит «письмо». А члены комитета соответственно позже вылетят в район «А». Что же касается агента Н., — и Блофельд посмотрел на бывших гестаповцев, — то он ненадежен. Пусть отправит «письмо», а потом, в течение 24 часов, немецкая тройка уберет его. Ясно?

— Да, сэр, — кивнули трое.

— В остальном же, — продолжил Блофельд, — все идет по плану. Первый с хорошим прикрытием обосновался в районе «А». В легенду о поисках сокровищ там верят. Экипаж яхты тщательно подобран, дисциплинирован и как нельзя лучше выполняет конспиративные требования. Выбрана и наземная база — участок отдаленный, безлюдный, снят у чудака-англичанина, любителя уединения. Ваше прибытие в район «А» расписано по минутам. Одежду получите — кто в районе «Ф», а кто в «Р»: летите вы из разных мест. Одеты будете точно по легенде: вы пайщики, решили посмотреть, как идут дела, и сами поучаствовать в поисках. Вы не миллионеры, но люди состоятельные, предприимчи-

вые, расчетливые, вас вокруг пальца не обведешь. Вложили деньги, решили искать сокровища, — значит, нужно проследить, чтобы ни один дублон в чужой карман не попал. — Никто не улыбнулся. — Каждый свою роль знает, и, надеюсь, знает хорошо. — За столом сдержанно кивнули. — Кроме того, все тройки учатся плавать с аквалангом. Как идут дела? — Блофельд взглянул на сидящую слева югославскую тройку.

— Удовлетворительно, — ответили югославы.

— Удовлетворительно, удовлетворительно — эхом повторили тройки.

— Далее. Как готовится передача золота? Сицилийская тройка, доложите...

— Мы тщательно изучили выбранный район, — начал один из сицилийцев, — и остались довольны. Мы раздадим Председателю и членам комитета план местности и подробнейший расчет времени, поэтому я буду краток. Район «Т» расположен на северо-западном склоне горы Этны, над полосой растительности, на высоте двух-трех тысяч метров. Район примыкает к кратеру вулкана и необитаем, земля покрыта лавой, не обрабатывается, ниже по склону — селение Бронте. Поисковая группа отметит факелами участок примерно в две тысячи квадратных километров. В центре поставит сигнальное устройство наведения — так самолеты легче сориентируются. Думаю, слитки золота лучше сбрасывать с пяти грузовых самолетов «Марк IV» с высоты 10 тысяч футов при скорости 300 миль в час. Каждый слиток тщательно обернуть поролоном — ведь упадет на камни — и каждый сбрасывать на разных парашютах. Упаковку и парашюты выкрасить фосфоресцирующей краской — легче будет найти.

— Подробнее о поисковой группе, — приказал Блофельд.

— Глава местной мафии — мой дядя. У него восемь внуков, и он их любит. Я сказал, что нам известно, где они живут, и он понял намек. Одновременно, как мне и было приказано, я предложил миллион фунтов за поиск и доставку груза в порт Катания. Для мафии деньги немалые, он согласился. Я сказал, что мы грабим банк, да он, впрочем, и не расспрашивал. Отсрочка операции нам не помешает, луна все еще будет полная.

Блофельд долго молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, я доволен. Далее золотом займется агент 201 — человек проверенный. Теплоход «Меркури-

ал» загрузится в Катания и через Суэцкий канал направится в Гоа, в Португальскую Индию. По пути в Аравийском море он встретится с судном крупнейшей бомбейской компании по торговле золотом. Она купит слитки по обычной цене и расплатится в самой надежной валюте. Эту весьма крупную сумму поделят так, как мы делим всегда, самолетом развезут по 21 швейцарскому банку и положат в именные сейфы. Ключи от сейфов члены операции получают в конце сегодняшней встречи. Деньгами все распоряжаются по собственному усмотрению, но, конечно, благоразумно и осторожно. — Блофельд медленно оглядел всех. — Надежен ли план?

За столом сдержанно покивали. Заговорил Восемнадцатый — поляк-электронщик Кандински.

— Я, конечно, в этом не разбираюсь, — сказал он, впрочем, без тени смущения (у спектровцев смущаться не принято), — но, по-моему, корабли заинтересованных держав могут напасть на «Меркурнал» и захватить золото. Державы понимают, что с Сицилии слитки должны быть вывезены, и будут сторожить и с моря, и с воздуха.

— Вы забываете, — терпеливо объяснил Блофельд, — что мы обезвредим первую и — если дойдет и до нее — вторую бомбу только после того, как положим деньги в швейцарский банк. Так что державы не нападут, их бояться нечего. В принципе могли бы напасть какие-нибудь вольные охотники за золотом, но я полагаю, что правительства будут держать дело в полнейшей тайне. Любые слухи вызовут панику. Еще вопросы?

— Вы говорили, что в районе «А» непосредственно командует Первый. Предоставляете ли вы ему всю полноту власти? Назначаете ли его, так сказать, местным Главнокомандующим? — спросил кто-то из немцев.

«Типично немецкий вопрос, — подумал Блофельд. — Всегда выполняют приказ, но должны точно знать, кто командует».

— Я уже разъяснил Специальному комитету и повторяю: Первый займет мое место в случае моей смерти или болезни. Комитет сам проголосовал за это единогласно. По операции же «Омега» Первый — мой заместитель и (так как я остаюсь в штабе и слежу за воздействием «письма») Главнокомандующий СПЕКТРА в

районе «А». Подчиняться ему, как мне. Надеюсь, теперь все ясно?

— Ясно, — подтвердили за столом.

— В таком случае, — сказал Блофельд, — встреча окончена. Останками Двенадцатого займется похоронная команда. Восемнадцатый, соедините меня с Первым на частоте 20 мегагерц. С восьми часов почтовая служба Франции этой частотой пользоваться не будет.

«ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ!»

Джеймс Бонд допил йогурт до последней капли. Десять дней назад он вернулся из «Лесного» и чувствовал себя как нельзя лучше. Просто воспрянул. Уж на что ненавидел писанину, а теперь и она в радость. Строчит, как пулемет, завалил все отделы толковыми, четкими служебными записками. Сотрудники сначала подивились такому рвению, а потом заворчали: надоел этот отдел 00. Просыпался Бонд рано. И спозаранку, свеженький как огурчик, являлся на службу и засиживался допоздна. Тут уж заворчала и секретарша, тишайшая Лоэлия Понсонбай: никакой у нее личной жизни! Она решилась даже посоветоваться со своей лучшей подругой по службе — мисс Пеннишиллинг, секретаршей М. Та, подавив ревность, успокоила Лоэлию:

— Не волнуйся, Лил. С моим стариком после этого проклятого санатория было то же самое. Недельку-другую работал, как автомат. А потом подвернулось сложное дело, он разнервничался и пошел в Пиковый клуб немного отвлечься. Наутро чувствовал себя отвратительно, да оно и заметно было. Перешел, в общем, с природного метода на винный. Для мужчин самый лучший метод. Пить, конечно, вредно, но так они хоть люди как люди. А с автоматом попробуй сработайся...

Позавтракав, Бонд закурил — он перешел с крепчайших, какие курил еще с юности, на самые слабые — и раскрыл газету. Громко, отчетливо зазвонил телефон для прямой связи со штабом. Не отрываясь от газеты, Бонд снял трубку. Время теперь не то, «холодная война» пошла на убыль, наверняка ничего интересного ему не сообщат. Ну, отменяются сегодняшние стрельбы...

— Бонд слушает.

Звонил начальник штаба. Бонд выронил газету, теснее прижал трубку и попытался, как в былые дни, угадать, по очень ли серьезному делу вызывают.

— Приезжайте немедленно, Джеймс. Вызывает М.

— Меня одного?

— Всех. Срочно и совершенно секретно. Все дела на ближайший месяц отменяйте. Сегодня вечером вылетаете. До встречи. — И трубку повесили.

Девять утра — машин еще немного да и дорожной полиции не видать. Через десять минут Бонд уже поднимался в лифте на девятый, последний, этаж внушительного здания.

Он шел по крытому ковром коридору. Похоже было, что дело серьезное: рядом с кабинетом М. располагался отдел связи, и там, за серыми закрытыми дверями, неумолчно выбивали морзянку радисты, строчили машинистки, щелкали клавишами шифровальщики. Не общая ли тревога? Что же стряслось?

Подле мисс Пеннишиллинг стоял начальник штаба с толстой пачкой бумаг, давал указания:

— ... И отправьте побыстрее, голубушка. Почты будет сегодня много, жаркий денек. — Он передал ей бумаги.

Мисс Пеннишиллинг бодро улыбалась. Она любила такие, как она выражалась, «убийственные» деньки — вспоминалась молодость, шифровальный отдел... Она включила внутреннюю связь:

— Пришел 007, сэр. — И посмотрела на Бонда. — Ты сегодня улетаешь.

— Пристегните ремни! — усмехнулся начальник штаба.

Над дверью в кабинет зажглась красная лампочка, и Бонд вошел.

Здесь было тихо. М. сидел в кресле, боком к столу, и смотрел в широкое окно: Лондон поблескивал в солнечных лучах. М. взглянул на Бонда:

— Садитесь, 007. Возьмите-ка эти фотокопии. — М. протянул ему пачку листов. — Прочтите внимательно.

И М. принялся набивать трубку. Бонд взял верхний лист: сфотографирован с обеих сторон конверт с адресом и отпечатками пальцев, проступившими после специальной обработки.

— Курите, — предложил, не поднимая глаз, М.

— Благодарю, сэр. Я теперь курю редко.

М. хмыкнул, сунул трубку в рот, раскурил и глубоко затянулся. Поудобнее устроился в кресле. Снова уставился в окно, но серые зоркие глаза смотрели мимо домов, улиц.

Письмо адресовано премьер-министру. Сверху на конверте приписано: «Срочно. Лично в руки». Адрес написан правильно, подробно, пунктуация безукоризненна. Штамп брайтонский, 8.30 утра, 3 июня. Значит, опущено накануне ночью и вчера же, часов в пять-шесть, получено. Шрифт у машинки четкий, изысканный. Большой конверт, адрес красиво и точно напечатан — похоже на деловое письмо. На оборотной стороне видны отпечатки пальцев, сургуча нет.

В самом письме сообщалось:

«Уважаемый г-н премьер-министр!

Начальник штаба военно-воздушных сил, вероятно, уже сообщил Вам (или в ближайшее время сообщит), что 2 июня сего года из ночного учебного полета не вернулся британский самолет с двумя атомными бомбами на борту. Речь идет о «Защитнике» производства компании «Вильярс» из пятой экспериментальной эскадрильи Королевских военно-воздушных сил. Атомные бомбы числятся в министерстве обороны под следующими номерами: МОС/бд/654/МК В. и МОС/бд/655/Мк В. У нас имеются также номера, под которыми бомбы числятся в военно-воздушных силах США, но мы не станем утомлять Вас столь длинной цепочкой цифр.

Самолет выполнял тренировочный полет по программе НАТО, на борту было пять человек экипажа и один наблюдатель. Запас топлива — на 10 часов лета со скоростью 600 миль в час при средней высоте 40 тысяч футов.

Указанный самолет, а также две атомные бомбы находятся в настоящее время в руках нашей организации. Ответственно заявляем, что экипаж и наблюдатель погибли, о чем рекомендуем уведомить родственников. Этим Вы подкрепите версию о крушении самолета и сохраните в тайне то, что произошло на самом деле, а тайна не только в наших, но и в Ваших интересах.

Мы сообщим, где находится самолет с двумя атомными бомбами (причем и то, и другое можно будет вернуть в рабочее состояние) в случае передачи нам слитков высокопробного золота общей стоимостью в 100 миллионов фунтов стерлингов. Указания по передаче золота прилагаются.

Если в течение семи дней начиная с 17 часов 3 июня 1959 года (то есть до 17 часов 10 июня 1959 года) наши

требования не будут выполнены, мы предпримем следующее. Сразу же по истечении срока мы уничтожим собственность западных держав стоимостью не менее уже упоминавшихся 100 миллионов фунтов. Будут и человеческие жертвы. Если же и после этого предупредительного удара Вы в течение 48 часов не проявите готовности принять наши условия, мы без дополнительного предупреждения уничтожим крупный город в одной из стран мира. Человеческие жертвы будут огромны. Кроме того, организация оставляет за собой право, нанеся предупредительный удар, сообщить всему миру о 48-часовом сроке. Во всех крупных городах вспыхнет паника, и это, вероятно, Вас поторопит.

Таково, г-н премьер-министр, наше единственное и окончательное слово. В любую минуту ждем Вашего ответа на частоте 16 мегагерц.

СПЕКТР

Специальный комитет по терроризму и разведке».

Джеймс Бонд дважды прочел письмо и аккуратно положил на стол. Взял следующую страничку, указания по передаче золота. «Северо-западный склон Этны на Сицилии... сигнальное устройство... наведение... между полуночью и часом ночи... грузы весом в 250 килограммов обернуть толстым слоем поролона... не менее трех парашютов на каждый груз... тип самолета и маршрут сообщим на частоте 16 мегагерц не позднее чем за 24 часа до вылета... Любая попытка пресечь передачу золота считается нарушением договора и ведет к первому и второму атомному удару». Та же подпись. И заканчивались обе страницы одинаково: «Копия президенту США отправлена одновременно».

Бонд осторожно положил листок поверх остальных. Вытащил из кармана металлический портсигар, взял сигарету — теперь он выкуривал в день только десять. Закурил, глубоко затянулся и задумчиво, длинной струей выпустил дым.

М. повернулся в кресле, посмотрел Бонду в лицо.
— Что скажете?

Всего месяц назад глаза у М. были ясные, живые, а теперь все в красных прожилках, усталые. Есть от чего!

— Если самолет с бомбами и в самом деле пропал, то дело серьезное, сэр, — ответил Бонд. — Не розыгрыш.

— Военный министр тоже думает, что это не розыгрыш. — М. помолчал. — Так же думаю и я. Потому что самолет с бомбами и в самом деле пропал. И номера бомб указаны верно.

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

— Что известно о похитителях, сэр? — спросил Бонд.

— Очень мало, почти ничего. О СПЕКТРЕ слышим впервые. Известно, что в Европе есть какая-то самостоятельная организация, она делала кое-что и для нас, и для американцев. Деньги запросила огромные, но и поработала отлично. Группа мощная, премьер-министру я так и доложил. Теперь слушайте, Бонд. Итак, похищен самолет с двумя бомбами. В письме все подробно, сти изложены верно. «Защитник» выполнял учебный полет по программе НАТО над Южной Ирландией и Атлантическим океаном. — М. раскрыл пухлую папку, полистал. — Вот... шестичасовой полет с восьми вечера до двух часов ночи. На борту пятеро летчиков. Королевских военно-воздушных сил и натовский наблюдатель, итальянец Джузеппе Петаччи — командир эскадрильи итальянских ВВС, приписан к НАТО. Вроде бы отличный офицер, справки о нем сейчас наводят. В последнее время на «Защитнике» учатся лучшие натовские летчики, прислали и Петаччи. Самолет, видимо, войдет в ударные силы дальнего действия... Короче. — М. перелистнул страничку. — За самолетом наблюдали, как обычно, с экрана, и все было хорошо, но к западу от Ирландии при высоте в 40 тысяч футов он вдруг изменил маршрут, снизился до 30 тысяч и затерялся над Атлантикой. Командование бомбардировочной авиации попыталось связаться с «Защитником» по радио, но он молчал. Сначала решили, что столкнулся над океаном с гражданским, перепугались. Авиакомпания об аварии не сообщила, военного самолета никто не видел. — М. взглянул на Бонда. — Исчез, и все.

— А американцы ничего не заметили? У них же есть система дальнего обнаружения.

— Американцы-то единственные и заметили какой-то самолет, но наш ли? Милях в 500 восточнее Бостона он повернул с трассы «Европа — Америка» на юг. Но на юг направляется много самолетов — с севера, из Монреалья к Бермудам, Багамам, в Южную Америку. Дис-

петчеры и решили, что это канадский или британский трансатлантический.

— На это, очевидно, угонщики и рассчитывали: над Атлантикой затеряться легко. А может, где-нибудь посреди океана самолет повернул на север, к России?

— На север, на юг — куда угодно! Радаром прослеживаются только прибрежные 500 миль, а океан-то велик. А может, самолет вообще развернулся по любой трассе и полетел обратно в Европу. Ищи теперь по всему миру. Отлично спрятался.

— Ну, на земле-то такую махину не спрячешь. И не на всякий аэродром приземлишься, особая посадочная полоса нужна.

— Это ясно. Вчера к полуночи связались со всеми подходящими аэродромами. Нигде нет. Правда, начальник штаба ВВС говорит, что можно сесть и аварийно, в пустыне, например, или в море на мелководье.

— Да ведь бомбы взорвутся.

— Нет. Пока они без запала. Даже если сбросить, взорвется только тротилловая начинка, а не сам плутоний.

— А как же взорвать плутоний? Спектровцы смогут?

— У военного министра об этом говорили. Всего я, конечно, не понял... — М. развел руками. — В общем, атомная бомба похожа на обычную. В носовой части у нее тротил, а в хвосте плутоний. Между двумя отделениями — отверстие, и туда, как пробку, вставляют запал. Бомба ударяется, взрывается тротил и от него через запал — плутоний.

— Но для этого бомбу нужно сбросить?

— Не обязательно. Любой толковый физик заметит обычный тротилловый взрыватель в носовой части бомбы на взрыватель с часовым механизмом. И не нужно ее сбрасывать, взорвется сама. К тому же бомба тяжела, но невелика — поместится в большую спортивную сумку. Кладешь бомбу, скажем, в багажник, оставляешь машину где-нибудь в городе и включаешь часы. И через два часа — как раз отъезжаешь миль за 100 и сам в безопасности — она взрывается!

Бонд опять полез в карман за сигаретой. Может, ему все снится? Ведь именно такого преступника боятся его управление и все разведывательные службы мира. Незаметного человека в плаще. Человек оставит в камере хранения, в машине или в городском парке боль-

шой чемодан, спортивную сумку... И его ни за что не поймаешь. А через несколько лет, если правы ученые, такие появятся всюду, самая нищая страна соберет у себя на задворках атомную бомбу. Бомба больше не тайна. Трудно ведь только придумать. Ломали же когда-то голову над винтовкой, пулеметом, танком, а сегодня они есть у всех. Завтра или послезавтра атомная бомба будет у всех. И вот преступник впервые требует за нее выкуп. Заплати — и молва разнесется по свету, умельцы возьмутся за плутоний и железки.

— А не найдем преступника — придется платить, — подумал Бонд вслух.

— Вот именно, — согласился М. — Придется, даже с точки зрения политической. До взрыва доводить нельзя, иначе премьера и президента тут же попросят в отставку. Впрочем, последствия будут самые дурные не только в политике, и неважно даже, заплатим ли, доведем ли до взрыва. Единственный выход — найти самолет и угонщиков. Премьер-министр и президент договорились, что английская и американская службы работают вместе. В операции «Гром» участвует каждый сотрудник, где бы он ни находился. В нашем распоряжении самолеты, корабли, подводные лодки — все что угодно. И, конечно, любые деньги. Кабинет министров образовал специальный штаб, туда направляют все сведения по операции. То же у американцев.

Полной тайны, конечно, не сохраним, прессе сообщим, что «Защитник» с бомбами пропал, хотя политически такое сообщение рискованно. Зато сможем сделать вид, что просто ищем самолет, оттого и поставили всех на ноги, а шантажа никакого нет. О письме знать не должен никто. Расследование по нему (есть бумага, текст, отпечатки пальцев, известен тип пишущей машинки, место отправления) поведут Скотланд-Ярд, ФБР, Интерпол и разведывательные подразделения НАТО. Самолет же ищет наше управление и ЦРУ. Две эти группы — следовательская и поисковая — работают как бы совершенно отдельно, никакой связи не должно быть заметно. Аллен Даллес и я привлекаем всех сотрудников. Я объявил общую тревогу. Теперь остается ждать.

Бонд опять прикурил — уже третью за час!

— А что поручите мне, сэр? — спросил он как можно равнодушнее.

М. недоуменно глянул на Бонда, словно только сей-

час заметил. Потом повернулся в кресле и снова установился в окно невидящим взглядом.

— Я нарушил слово, 007, — произнес он как бы между прочим. — Я обещал премьеру никому не говорить о письме. А рассказал потому, что есть у меня мысль, догадка... И я хочу, чтобы эту догадку проверил... надежный человек. Слушайте. Американцы с их системой дальнего обнаружения сообщили о каком-то самолете. Над Атлантикой он повернул с трассы «Европа — Америка» на юг, к Бермудам и Багамам. Сообщение никого не заинтересовало, я же предположил, что это тот самый самолет. И засел за карту Западной Атлантики. Поставил себя на место СПЕКТРА, а вернее, на место его хозяина (а хозяйская рука в деле чувствуется), моего, так сказать, коллеги. И вывел следующее. Цель для первой бомбы, а если дойдет до второй, то и для второй, находится скорее в Америке, чем в Европе. Во-первых, американцы больше нашего боятся бомб и, следовательно, легче сдадутся, если пригрозить второй бомбой. Во-вторых, собственность стоимостью выше 100 миллионов фунтов также проще найти в Америке, чем в Европе. И, наконец, сам СПЕКТР, полагая, организация европейская — такова стилистика письма, и написано оно, кстати, на голландской бумаге, и замысел по-европейски жесток — это и подсказывает, что американская цель вероятнее. Далее. Сестра в самой Америке или в прибрежных водах нельзя — засечет береговой радар, поэтому ищем место посадки по соседству. И находим Багамы. — М. глянул на Бонда и снова отвернулся. — Многие острова необитаемы, мелководье, песчаное дно... И одна маленькая радарная станция следит только за гражданскими самолетами, сотрудники из местных. Южнее, ближе к Кубе, Ямайке, Карибскому морю, нет подходящих островов да и до Америки далековато. То же и севернее, к Бермудам. От ближайшего же из Багамских островов до американского берега всего 200 миль.

— Как же так, сэр, садятся у американского берега, а письмо отправляют не президенту США, а британскому премьеру?

— Запутывают след. Вот мы ищем по всему миру, а получи письмо президент, искали бы только в Америке. А, кроме того, пропал ведь наш, британский, самолет, и послать письмо нам — все равно что ударить в больное место. Вероятно, они рассчитывали, что мы выложим

деньги сразу и взрывать бомбу не придется. А им только того и надо, ведь взрыв их так или иначе выдаст; им бы получить поскорее деньги да закончить операцию. На этом мы и сыграем. Впереди шесть, почти семь дней, будем тянуть до последнего — вдруг себя выдадут? Надежда, конечно, слабая. Но если я догадался правильно... — М. повернулся к столу. — И если вы не подведете... Короче. — М. строго взглянул на Бонда. — Вам все ясно? Тогда поезжайте. До Нью-Йорка на любимом сегодняшнем самолете — билеты заказаны, а дальше атлантическим рейсом. Можно было бы отправить вас военным самолетом, но лучше приехать незаметно. Вы — богач, желаете купить участок, потому и разгуливаете по всему острову. Ясно?

— Да, сэр. — Бонд поднялся. — Хотя я бы лучше поехал куда-нибудь к «железному занавесу» — там интереснее. Да и сдается мне, мелкая группа такую операцию не потянула бы. Это скорее русские. Захватили новейший самолет с бомбами — добыча отличная — и морочат нам голову с этим СПЕКТРОМ. Работай еще СМЕРШ, я бы сказал, что это его рук дело. Узнаю почерк. Впрочем, у русских самолет или нет, разберутся наши восточные резиденты. Какие еще указания, сэр? С кем связаться в Нассау?

— С губернатором, ему уже сообщили о вас. У него хорошее полицейское подразделение. ЦРУ тоже посылает своего человека с рацией и всем, что положено. Техника у них получше нашей. Вы возьмите шифровальную установку с тройным набором. Обо всем происходящем, о любой мелочи докладывать лично мне. Понятно?

— Понятно, сэр, — сказал Бонд (а что еще скажешь?), направился к двери и вышел. У управления, может быть, не было задания важнее, а его, Бонда, ставят в последний ряд кордебалета. Ну и пусть. Загорит на славу, а спектаклем полюбуется из-за кулис.

С аккуратным кожаным чемоданчиком — в нем шифровальная установка, с виду похожая на дорогую кинокамеру, — Бонд вышел на улицу. Человек в светлом «фольксвагене» бросил почесывать под рубашкой обожженную грудь, в десятый раз поправил подвешенный под мышкой длинновольный пистолет в кобуре, завел двигатель и включил зажигание. «Фольксваген»

стоял за машиной Бонда. Что это за внушительное здание рядом, человек и не подозревал. Выйдя из брайтонской больницы, он узнал в «Лесном» домашний адрес Бонда, приехал в Лондон, под чужим именем взял напрокат машину и теперь неотступно следует за Бондом. Сделает, что задумал, и сразу в лондонский аэропорт и ближайшим самолетом на континент, в любую страну. Граф Липпе не сомневался в успехе. Рассчитываться с обидчиком — дело привычное, легкое. Мстить в жизни приходилось часто, и он, не дрогнув, убирал людей могущественных, опасных. А узнают о сегодняшнем в СПЕКТРЕ, не попрекнут. Там, в санатории, он подслушал телефонный разговор и понял, что его маску ухватили за кончик. Докопались, что он член «Красной молнии», стали бы копать и дальше. И рано или поздно вышли бы и на СПЕКТР. Ухватились за кончик маски, — значит, стянут всю. А кроме того, у агента Н. есть и личные счета, нужно расплатиться и по ним.

Бонд сел в машину, захлопнул дверцу. Из двух выхлопных труб его «бентли» (Бонд специально поставил два глушителя) вырвался голубоватый дымок. Тронулась и машина агента Н. А позади «фольксвагена», на другой стороне улицы, Шестой из СПЕКТРА опустил защитные очки, завел мотоцикл и рванул с места, помчался, лихо обходя машины, — когда-то Шестой был профессиональным испытателем. Пристроился позади «фольксвагена», так, чтобы не увидели в зеркало. Почему агент Н. едет за «бентли» и кто в этом «бентли» сидит, мотоциклиста не интересовало. Ему нужно убить того, кто сидит в «фольксвагене». Из переброшенной через плечо кожаной сумки он вытащил огромную, вдвое больше обычной, гранату и, прикидывая, как потом удирать, посмотрел на передние машины.

Прикидывал и агент Н. Не проскочит между машинами — вон там, за фонарем, вырулит на тротуар... Сейчас машин впереди немного. Он нажал на газ, левую руку оставил на руле, а правой вытащил кольт. Приблизился к заднему бамперу «бентли». Вот поравнялся. Профиль Бонда четок, недвижим — отличная мишень. Агент взглянул вперед и поднял пистолет.

Бонд обернулся на мерзкое дребезжание — у «фольксвагена» двигатель с воздушным охлаждением — и в ту же секунду у самой щеки свистнула пуля. Качнулась мишень! Нажми Бонд тут же на газ, его настигла бы вторая пуля, но он неизвестно отчего нажал на тормоз

и с размаху врезался подбородком в руль; в глазах потемнело от боли. Взвизгнули тормоза, «бентли» остановился, а вместо третьего выстрела прогремел взрыв. Бонда осыпало осколками ветрового стекла. Вокруг испуганно галдели, кричали. Бонд, потрянув головой, осторожно выпрямился. Впереди лежал на боку «фольксваген», одно колесо еще крутилось. Крыша снесена. В машине и рядом на дороге — кровавое скользкое месиво. Пламя лижет дверцу, краска пузырится. Собирались любопытные. Бонд взял себя в руки, выскочил из машины.

— Назад! — крикнул он. — Бак взорвется!

Тут же глухо ахнуло, в черных клубах дыма взвилось пламя. Вдали завывала сирена. Бонд протиснулся сквозь толпу и быстро пошел назад, в штаб. Хорошенькая история!

Бонду пришлось пропустить два нью-йоркских рейса. Полицейские потушили пожар, отвезли в морг останки, убрали изуродованную машину, осколки гранаты. Следствие располагало лишь туфлями и ключьями одежды убитого, номером пистолета и машины. В бюро по прокату вспомнили лишь, что посетитель был в темных очках, предъявил водительское удостоверение на имя Джонстона, дал щедрые чаевые. Машину взял три дня назад на неделю. Мотоциклиста видели прохожие, но задних номеров не разглядели, может быть, номера и сняты. Промчался как вихрь. В защитных очках, среднего сложения. Больше ничего не запомнили.

Ничего не добавил и Бонд. У «фольксвагена» крыша низкая, водителя не разглядел. Только высунулась рука, блеснул пистолет.

Копию протокола по приказу М. Управление по разведке и контрразведке запросило у полицейских и отправило в штаб операции «Гром». М. еще раз переговорил с Бондом — коротко и раздраженно, будто в падении виноват сам Бонд. Посоветовал не тревожиться: вероятно, это хвост прошлых бондовских дел. Полиция разберется. Главное сейчас — операция «Гром». Надо ехать.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Операция «Омега» шла без сучка, без задоринки, именно так, как задумал Блофельд; три первых этапа завершены точно в срок.

В Джузеппе Петаччи, покойном Джузеппе Петаччи, он не ошибся. Во время войны, 18-ти лет, тот уже был вторым пилотом сторожевого бомбардировщика немецкой марки, а немцы редко доверяли свои самолеты итальянцам. Летал над Адриатикой. Их эскадрилью недавно оснастили новейшими немецкими минами нажимного действия, но военное счастье вскоре улыбнулось союзникам, и Петаччи решил позаботиться о себе. Что делать, он знал. Во время обычного сторожевого облета он мастерски, по пуле в затылок, пристрелил командира и штурмана и над самой водой, на бреющем (били зенитки), долетел до взятого союзниками порта Бери. Вывесил в окно кабины рубашку и сдался английским летчикам. За этот подвиг и англичане, и американцы наградили его да еще приплатили 10 тысяч фунтов за мину нажимного действия.

Контрразведчикам он рассказал красивую сказку: поступил-де в итальянскую военную авиацию, чтоб вредить фашистам. И после войны считался уже доблестным героем Сопротивления. Жизнь покатилась легко. Летал вторым пилотом и командиром экипажа в гражданской авиации; через несколько лет вернулся в военновоздушные силы полковником. Потом его приписали к НАТО и назначили вместе с другими пятью итальянцами в передовое оборонительное соединение.

К тому времени ему уже стукнуло 34, и он решил, что полетал достаточно. Служба в головном отряде натовской обороны никогда особенно не прельщала. Пусть повоюет молодежь. А он — он всю жизнь любил вещи — броские, первосортные, дорогие. И купил почти все, о чем мечталось: два золотых портсигара, массивные золотые часы на золотом же гибком браслете, белую машину с откидывающимся верхом, модную одежду... Женщины тоже были какие угодно. Теперь ему хотелось (а отказывать себе он не привык) особенную, гладкую и вытянутую каплей, полугоночную машину — он видел такую на Миланской автомобильной выставке. Но больше всего он стремился зажить по-новому, не видеть светло-зеленых натовских коридоров, не летать. Все сменить — и страну, и имя. Уехать, скажем, в Рио-де-Жанейро. Но для этого нужны новый паспорт, деньги и какая-нибудь мощная организация.

И организация сама нашла его и предложила именно то, о чем он мечтал. Итальянец по фамилии Фонда (Четвертый из СПЕКТРА) тоже искал по парижским

ночным клубам, куда заходят натовцы, именно такого человека. Целый месяц Четвертый тщательно готовил снасти, прикармливая рыбину, наживлял крючок, наконец забросил удочку — и как же поспешно рыбина клюнула! В СПЕКТРЕ даже решили проверить, не двойная ли игра. Но Петацчи оказался чист, и ему предложили следующее. Во время учений он угоняет «Защитника». (Об атомных бомбах не говорилось вообще. А угнать просит кубинская революционная группа — так она привлечет внимание к себе и своим целям, лучшей рекламы не придумаешь. Петацчи притворился, что верит. Какая разница, для кого угонять, лишь бы платили.) Петацчи получает миллион долларов, паспорт на любое имя и с любым гражданством и билет от места посадки самолета до Рио-де-Жанейро. Вместе продумали все подробности угона. В 8.30 утра 2 июня Петацчи был собран, спокоен. «Защитник» с ревом разбежался по полосе и взмыл в небо.

На учениях в огромное нутро военного самолета, сразу же за кабиной, ставили два обычных кресла — от гражданского. С час Петацчи просидел в таком кресле, а пятеро вели самолет, склоняясь над шкалами приборов. Но он, когда придет время, справится и один, с автопилотом: будет лишь проверять высоту, держаться ровно 32 тысяч футов, как раз над трансатлантическим коридором. Вот сойти с направления «Европа — Америка», повернуть на юг, к Багамам, одному трудно, но ничего, тоже справится. И садиться страшно, но за миллион долларов перетерпит. Посадка обдумана, расписана по минутам, записная книжка в кармане.

В десятый раз Петацчи взглянул на часы. Пора! Спрятался за перегородку, приготовил и проверил кислородную маску. Вытащил из кармана баллончик с красным ободком, повторил про себя, сколько раз повернуть клапан. Положил обратно и вошел в кабину.

— А вот и Джузеппе! Проходи, гостем будешь! — Командир любил итальянца. Летали вместе, попадали в переделки.

— Спасибо, спасибо.

Петацчи задал несколько вопросов, проверил курс, скорость, высоту. Уже перешли на автопилот, и летчики расслабились, их потянуло ко сну. Лететь еще пять часов. Петацчи встал спиной к металлической полке, где хранили бортовой журнал, карты. Опустил руку в карман, три раза повернул клапан. Вытащил баллончик и

сунул его на полку, между картами. Потом потянулся, зевнул.

— Задам-ка я храповицкого, — сказал он весело. Это словечко он приготовил заранее и произнес легко, естественно.

— А по-итальянски как? Храповицкого? — засмеялся штурман.

Петаччи добродушно усмехнулся. Вышел из кабины, уселся в кресло и нацепил кислородную маску. Рычажок он повернул до отказа и вдохнул чистый кислород, воздух не проникал совсем. Устроился поудобнее и стал ждать.

Говорили, что потребуется меньше пяти минут. И точно, минуты через две штурман — он сидел у самой полки — вдруг схватился за горло, захрипел и упал. Радист выронил наушники и двинулся было к нему, но и сам рухнул на колени, завалился набок. Трое других тоже задыхались. Борт-инженер и второй пилот слеповцепились друг в друга, вместе сползли с кресла и грохнулись на пол. Командир что-то пробормотал, нашарил микрофон, привстал и медленно обернулся: будто взглянул на Петаччи, но глаза уже выпучены — мертв, и повалился на второго пилота.

Петаччи посмотрел на часы. Прошло ровно четыре минуты. Подождал еще минуту. Вытащил из кармана резиновые перчатки, надел и вошел в кабину; к лицу он прижимал кислородную маску, мягкий шнур тянулся следом. Нашел на полке баллончик, завернул клапан. Проверил курс на автопилоте, включил наддув, чтобы выветрился ядовитый запах. И вернулся в кресло еще на 15 минут.

15 минут — так ему говорили. Но он выждал еще 25 минут, не сняв маски, вошел в кабину и по одному отволок летчиков в хвост самолета. От кислорода дыхание сбилось, и он работал медленно. Потом в опустевшей кабине он достал из кармана пузырек, открыл и посыпал из него на пол. Стал на колени, вгляделся: порошок не менял цвета. Он чуть сдвинул маску и осторожно вдохнул. В кабине ничем не пахнет. Взялся за штурвал, снизился до 32 тысяч, выправил курс, но маску все же не снял.

Темнело. Горели желтые глаза приборов, было тепло, тихо. Огромный самолет плыл почти бесшумно, только пели еле слышно двигатели. Он щелкал клавишами приборов, и каждый щелчок отдавался выстрелом.

Наконец Петаччи откинулся в кресле. Проглотив то-низирующую таблетку, задумался. В валяющихся на полу наушниках громко заверещало. Петаччи глянул на часы. Еще бы! Это вызывает Ирландское военно-воздушное управление. За последние полтора часа «Защитник» не вышел на связь уже третий раз. Сообщат ли из управления в спасательную службу, командование бомбардировочной авиации, министерство ВВС? Сообщат, но не сразу. Сначала несколько раз запросят Южный спасательный центр. На это уйдет еще полчаса. К тому времени он будет уже далеко над Атлантикой.

В наушниках смолкло. Петаччи встал, подошел к радарному экрану. Иногда там вспыхивала точка — его самолет обгонял другой, идущий ниже. А замечают ли его самого снизу, из воздушного коридора? Вряд ли. У гражданских самолетов радар слабый. Его почти наверняка не засекут, разве только американцы — через систему дальнего обнаружения, да и те решат, что это гражданский, просто забрался повыше.

Петаччи вернулся на место. Снова быстро проверил приборы и взялся за штурвал, тихонько качнул вправо, влево — хотелось почувствовать самолет. Позади, в хвосте, тела сдвинулись к борту, к другому... Самолет слушался отлично. Как красивый надежный автомобиль. Петаччи вспомнил тот миланский полугоночный... Какой выбрать цвет? Он всегда любил белый, но теперь — ведь и сам Петаччи станет другим — нужен более спокойный, благопристойный. Например, темно-синий, а вдоль корпуса узкая красная полоса...

Он потрянул головой: замечателья! Взглянул на часы. «Защитник» летит уже четыре часа. Причем со скоростью 600 миль в час, так что американский берег должен уже показаться на экране. Он встал, посмотрел. Да, берег прекрасно виден, хоть до него еще 500 миль: вот темнеет Бостон, вот серебряным ручейком петляет Гудзон. Самолет летит точно по курсу и скоро повернет на юг.

Петаччи сел в кресло, проглотил еще одну то-низирующую таблетку, сверился с картой. Руки он держал на штурвале; гидрокомпас загадочно подмигивал ему. Пора! Круто повернул и снова выпрямил штурвал, мастерски вывел самолет на новый курс, включил автопилот. Теперь он летит точно на юг, это последний участок пути, через три часа будет на месте. Посадит ли?

Петаччи вытащил записную книжку: «По левому

борт увидите огни острова Большая Багама, по правому — Флориды. Сбрасываете топливо. За 15 минут до расчетного конца полета начинаете снижаться и ждете позывных с яхты Первого: «точка-точка-тире, точка-точка-тире». Затем снижаетесь до тысячи футов, тормозите, снова сбрасываете топливо. На яхте зажгут красный маяк. Заходите на посадку. Закрылки опускаете только на контрольной высоте при скорости 140 узлов. Глубина моря — 40 футов. Выбраться через аварийный люк вы вполне успеете. Вас подберет яхта Первого. В 8.30 утра вылетите из Багамского аэропорта в Майами. Дальше — местными рейсами. Первый передаст вам деньги в 1000-долларовых купюрах или в чеках, как захотите, а также паспорт на имя Энрико Валли, директора компании».

Петаччи проверил координаты, курс, скорость. Лететь ему еще час. Было три часа ночи по Гринвичу, то есть 21.00 по местному времени. Вышла полная луна, и облака внизу стали как снежная поляна. Он повернул клапан, сбросил тысячу галлонов топлива, и самолет сразу потянуло вверх. Снизил до прежних 32 тысяч. Теперь оставалось 20 минут. Пора понемногу снижаться...

Вниз, сквозь облака, почти вслепую... Светит луна; серебрится море, и редкие огоньки внизу еле теплятся. На море тихо — оно гладкое и твердое, точно сталь. Он сядет! Петаччи настроился на 67-й канал. Где же позывные Первого? Пусто. Нет-нет, вот оно, слабенько он пищит: «точка-точка-тире, точка-точка-тире». Значит, нужно снижаться по-настоящему. Он начал тормозить, сбавил тягу, и самолет круто заскользил вниз. Стрелку высотомера резко повело. Петаччи поглядывал то на грозную стрелку, то на отблескивающее ртутью море. На мгновение он потерял горизонт — море сверкает, путает. Но вот мелькнул внизу темный островок, и Петаччи уверился: высота, как и показывает стрелка, две тысячи. И выровнял самолет.

Теперь позывные Первого слышались громко, четко. Скоро мелькнет красный маяк. Вот он! До него, наверное, каких-нибудь пять миль. Петаччи снова направил огромную машину вниз. Море все близится... Ничего, он сядет! Он перебирал клавиши так нежно, чутко, словно ласкал женщину. 500 футов, 400, 300, 200 — смутно обрисовалась яхта, огни у нее потушены, горит

только красный маяк, и самолет идет точно на яхту! Врежется? Спокойно. Ниже, еще ниже... Не забыть сразу выключить двигатели. Толчок! Самолет задрал нос, прыгнул. И снова толчок! И еще!

Петаччи сложил на коленях дрожащие руки и тупо глянул в окно, где пенились волны. Он сел! Браво, Джузеппе Петаччи!

Аплодисменты! Где благодарная публика?!

Самолет медленно погружался, шипели раскаленные двигатели. Позади металлически заскрежетало — при посадке сломался хвост. По щиколотку в воде Петаччи вышел из кабины. Вдали, в неверном лунном свете, мокро блеснуло белое мертвое лицо. Петаччи сорвал пломбу с аварийного бокового выхода, повернул ручку. Открыл дверцу и вышел на крыло.

К самолету уже подплывала большая шлюпка. В ней шестеро. Петаччи замахал, радостно завопил. Кто-то поднял в ответ руку, но смотрели из шлюпки бесстрастно, чуть удивленно; луна выбелила лица. Ах, как они сдержанны, деловиты! Ладно, он тоже будет серьезен. И Петаччи скомкал улыбку.

Шлюпка подплыла. Крыло уже почти погрузилось в воду, и из шлюпки на него легко выбрался человек — маленький, толстый. С опаской, широко расставляя ноги, пружиня для верности коленями, коротыш шел по скользкому крылу и смотрел на Петаччи в упор. Левую руку держал за пазухой.

— Добрый вечер. Доставлен один самолет в хорошем состоянии, — сказал Петаччи (эту шутку он придумал давно). — Распишитесь в получении. — И протянул руку.

Коротыш встал подтверже, крепко сжал ему руку и резко рванул на себя. Голова у Петаччи откинулась, сверкнул нож, вошел под подбородок, в мягкое горло, достал до мозга. Петаччи успел удивиться, почувствовать боль — и в глазах ярко вспыхнуло...

Убийца немного подержал нож в ране. Руку ему колола щетина летчика. Потом опустил тело на крыло и вытащил нож. Тщательно ополоснул в море, вытер о спину Петаччи, убрал. Отволол тело к аварийному выходу и сбросил в воду.

Осторожно ступая, убийца прошел по крылу, прыгнул в шлюпку и молча поднял большой палец. Четверо в шлюпке уже натянули акваланги и теперь, поправив напоследок у трубки мундштук, по одному не-

ловко перевалялись за борт, исчезали в пенной волне. Шлюпка раскачивалась. Нырнул последний, и сидевший у мотора рулевой медленно спустил в воду огромный подводный прожектор и потравил трос. Потом включил свет, и тотчас засверкало море и в нем огромный тонущий самолет. Рулевой завел мотор, дал задний ход, свободной рукой он по-прежнему травил трос. Отдавшись подальше от затягивающей воронки и выключил мотор. Вытащил из комбинезона пачку сигарет, предложил убийце. Тот взял одну, аккуратно переломил. Половинку сунул за ухо, другую закурил. Убийца боролся с дурными привычками.

ЯХТА «ЛЕТУЧАЯ»

На борту яхты Первый вытащил из кармана белого, акульей кожи пиджака пахнувший дорогим одеколоном платок и вытер пот со лба. Время — 22.15. На яхте прождали, промучились целых полчаса — самолет опоздал. Зато сел отлично. И с летчиком управились быстро. Так что теперь они отстают от графика только на четверть часа. Если поисковая группа достанет бомбы легко, не будет резать металл, нагонят. Первый сошел с мостика, спустился в радиорубку и велел соединиться со Вторым.

Мозг яхты заработал: он открылся любому звуку, вслушивался, искал. Радиист пробивался сквозь звуковые волны, трогал клавиши, нежно подкручивал настройку. Вот его быстрые руки замерли, он прибавил громкость, поднял большой палец. Первый надел наушники.

— Я Первый.

— Я Второй, — донеслось слабо, прерывисто. Но это Блофельд. Первый узнал бы его скорее, чем родного отца.

— Все в порядке. Завершено в 22.15. Ко второму этапу приступаем в 22.45. Ждите доклада. Конец связи.

— Спасибо. Конец связи.

Звук пропал. Разговаривали всего 45 секунд. В такое короткое время и на этой частоте вряд ли кто-нибудь перехватит. Теперь все мысли — о следующем этапе. Первый прошел в каюту и склонился над картой.

40-летний Эмилио Ларго, он же Первый, был очень красив. Родом из Рима, он и походил на древнего рим-

лянина — такие профили чеканили на монетах. Длинное, крупной лепки лицо покрыто медным загаром, гордый, с заметной горбинкой нос, резко очерченный подбородок. Сам высок, подтянут, под пиджаком бугрятся мускулы. Могуч, как римский воин, да еще громадные — даже по его стати — руки, чуть не вдвое больше обыкновенных. Линейка и измерительный циркуль казались в них игрушечными; белые рукава пиджака сливались сейчас с картой, и руки, шерстистые, темно-лохматые, рыскали по ней вольно, точно дикие звери.

Ларго был прирожденный хищник — волк, задирающий овец. Лет 200 назад быть бы ему разбойником, но не сказочно-благородным, а Синей Бородой, кровавым головорезом, идти бы по трупам к золоту. Но Синяя Борода примитивен, недалек, как не повернется — море крови. Ларго не таков. Он умен, тонок, следов не оставляет. Настоящий злодей-вельможа: светский человек, любимец женщин, богач. Лучшего Главнокомандующего по операции «Омега» (а в Нассау Ларго прикидывался именно богатым бездельником) СПЕКТРУ не найти.

В каюту постучали, вошел матрос.

— Со шлюпки просигналили. «Колесница» с прицепом уже ушла куда.

— Хорошо, — сказал Ларго. Обычно одно присутствие Ларго охлаждало горячие головы. Пусть на карту поставлено все, пусть вот-вот нанесут удар и его нужно отвести — он спокойно осматривается, медлит и выжидает, как дзюдоист. Он сам придумал такую тактику поведения и сам ее освоил. На подчиненных действовало безотказно. Принесут начальнику худую или, как сейчас, хорошую весть, а тот равнодушен, — значит, все знал наперед. С таким не пропадешь. А весть матрос принес замечательную! И Ларго нарочно взял циркуль и что-то измерил по карте; пусть матрос видит, как он невозмутим. Потом отложил циркуль и вышел из каюты в теплую душную ночь.

К шлюпке полз под водой червячок света. Это и была подводная самоходная «колесница», какими пользовались в войну итальянцы. Она тянула остроносый прицеп — на нем перевозят грузы по дну. Световой червячок растаял в луче прожектора, а через несколько минут появился вновь. Теперь он полз назад, к яхте. Другой на месте Ларго спустился бы в трюм, к подводному люку, посмотрел бы, как привезут

атомные бомбы. Он, по своему обычаю, не пошел. Вскоре световой червячок снова пополз к шлюпке. На прицепе теперь просматривался огромный рулон непромокаемого брезента, покрашенного точно под здешнюю подводную местность — белый песок, кораллы: им покроют самолет и так закрепят, что не сдернет брезент ни штормом, ни землетрясением. Ларго виделось, как восемь человек — четверо с яхты и четверо со шлюпки — работают там, внизу. Они столько готовились, тренировались, наконец теперь самолет настоящий, и каждый точно знает, что делать. Сколько же сил положено, как искусно сплетен этот замысел — «Омега»! Понимаешь, что не зря трудились, обливались слезами и потом.

Недалеко от шлюпки мелькнул на воде огонек, потом еще, и группа всплыла. Луна отражалась в стеклянных масках, и Ларго посчитал: все восемь человек. Подплыли к шлюпке, неловко забрались по лесенке; рулевой и немец-убийца Брандт помогли затащить «колесницу», прицеп. Подводный прожектор выключили и тоже взяли на борт. Взревел мотор, и шлюпка помчалась к яхте. Здесь ее крепко зацепили кранами и подняли на палубу.

К Ларго подошел капитан, высоченный, тощий и мрачный (из канадского флота уволен за пьянство и нарушение субординации, а на яхте стал как шелковый: однажды не выполнил приказ, и Ларго собственноручно поломал о него стул).

— Когда отправляемся? — спросил капитан.

— Через пять минут. Найдите мне Котце.

Глаза у физика Котце блестели, его трясло, как в лихорадке. Ларго попытался успокоить, сказал шутиливо:

— Что, хороши игрушки? Или спросить в магазине другие?

— Не то слово, что хороши! Вы не представляете! Я еще таких бомб не видел. Простые, надежные — бенку дай, не подорвется.

— А в спусковые салазки они поместились? Работать не тесно?

— Ни капли не тесно! — Котце чуть в ладоши не хлопал. — Отлично работается! Носовые взрыватели мы быстро снимем, ввинтим часовой механизм. Кандински уже подбирает резьбу.

— А запалы, которые вставляются между отсеками бомбы, ныряльщики в самолете нашли?

— Да. Лежали под командирским креслом, в свинцовом ящике. Запалы я проверил — тоже очень простые! Хранить их будем, конечно, отдельно от бомб. Резиновые мешки для бомб водонепроницаемы, я проверял.

— Значит, вы всем довольны? В самолете ничего нужного не осталось?

Котце постепенно успокаивался. Как он волновался все это время! Вдруг у бомб оказался бы какой-нибудь неизвестный ему секретный предохранитель? Теперь он понял, что волновался зря, работа предстоит самая обыкновенная.

— Я доволен. Все, что нужно, из самолета забрали. Пойду работать, — ответил он буднично и побрел по палубе.

Ларго проводил взглядом худенькую фигурку. Чудаки же эти ученые! Кроме науки, ничего не видят. Для Котце вся работа — гайки завинчивать, а о настоящей, опасной работе он и понятия не имеет. Впрочем, для настоящего дела он и не годится. Хорошо бы вообще от него избавиться. Но пока рано — вдруг придется взрывать бомбы.

Ларго вышел на капитанский мостик и приказал:

— Полный вперед!

«Летучая» — моторная яхта на подводных крыльях. Построили ее в Италии специально для СПЕКТРА. Корпус изготовили из сплава алюминия и магния, поставили два 4-цилиндровых двигателя с турбонагнетателями, и «Летучая» могла делать около 50 узлов с запасом хода при такой скорости в 4 тысячи миль. Стоила она дорого, но в багамских водах СПЕКТРУ нужно было именно такое судно — скоростное, вместительное, с небольшой осадкой. Кроме того, суда такого класса не вызывают изменений магнитного поля и почти не создают волны, что весьма полезно на случай погони. А в жизни «Летучей» погоня вполне могла случиться.

Вот уже полгода яхтой восторгались и на Флориде, и на Багамах, и Ларго слыл достойнейшим из местных миллионеров — людей, у которых есть все, а таких в этой части света немало. Постепенно раскрылась и тайна яхты: владелец ищет сокровища. Есть пиратская карта, обросший кораллом галеон. Затонувшее судно уже найдено; закончится зимний туристский сезон, придут

пайшики и в самом начале лета, тихой спокойной порой, к делу приступят по-настоящему. И действительно, однажды в Нассау съехались с Бермудских островов, из Нью-Йорка, Майами 19 пайшиков. А через два дня, в сумерках, мягко заурчали двигатели, и сине-белая красавица-яхта со всеми искателями на борту вышла из гавани. В открытом море двигатели рьяно взревели, и яхта, постепенно стихая, ушла на юго-восток. И в самом правильном направлении — рассудили в гавани (сокровища всегда искали в южной части острова).

Отойдя подальше, яхта круто развернулась к западу — луна еще не взошла, бортовые огни погашены — и устремилась как раз к тому месту встречи, которое теперь, встретив самолет, покидала. До Нассау всего сотня миль, два часа ходу, но путь лежит не туда, есть еще одно важное дело, и в гавань (как бы с юга) яхта вернется лишь с рассветом.

Ларго склонился над картой. Они шли сейчас хорошо знакомым путем — сколько раз тут бывали в любую погоду. Но первые два этапа операции прошли так гладко, и на этом, третьем, нельзя ошибиться. Вроде идут правильно. До Собачьего 50 миль, будут там через час.

Островок Собачий — размером не больше двух теннисных площадок. Это сплошь мертвый коралл. Лишь в одном месте коралл пробит песчаной отмелью, и там, в солоноватых дождевых лужицах, растут морская трава да чахлые скрюченные пальмы. Коварную отмель, Собачью банку, знают все и держатся от нее подальше, даже рыбаки.

«Летучая» подошла на большой скорости, потом сбавила обороты и еще поскользила, медленно оседая. Остановилась в кабельтове от островка. Плеснули, всхлипнули короткие волны. Якорь погрузился на сорок футов и закрепился. В трюме, возле подводного люка, ждали Ларго и еще четверо.

На всех были акваланги. Они сидели на краю большого решетчатого люка, свесив ноги в ластах. Сейчас через решетку хлынет вода. У Ларго мощный подводный фонарь. Четверо разделены на пары. Каждый держит за края свой кусок полотна, и там, как в люльке, покачивается в грязновато-сером резиновом мешке огромная сигара.

Вода хлынула, все мощнее, решительнее, и затопила трюм; пятерых подняло с места, и они скользнули в

люк — Ларго впереди, за ним, на строго выверенном расстоянии, обе пары.

Ларго не сразу зажег фонары пока не нужен, да и рыбу вспугнет — сдурю бросится на свет. А окажется рядом акула или барракуда — хлопот не оберешься, из группы кто-нибудь да струсит, хотя и готовились.

Они плыли в легком серебристом тумане. Сначала снизу было мутно и пусто, потом показалась островная отмель, круто уходящая вверх. Коралловые ветви расходились тугим веером, как снасти крошечного кораблика; серые заросли таинственно переливались в лунном свечении, манили... Новичок испугается этих невинных подводных хитростей, оттого-то Ларго и повел группу сам. Одно дело в открытом море спуститься к затонувшему самолету — в ярком свете мощного прожектора видны знакомые очертания самолета, оказываешься точно в огромном цехе, и бояться нечего. Здесь же, в неведомом мерцающем подводном царстве, страшно, и нужен пловец тертый, бывалый. Кроме того, Ларго хотел знать, как именно будут храниться бомбы: вдруг дело обернется худо и забирать их придется ему.

Островок был сильно подмыт волнами и, если взглянуть снизу, напоминал громадный гриб. На ножке гриба темнела широкая расщелина. Ларго подплыл ближе и зажег фонарь: под «шляпкой» было совсем темно. Желтым лучом фонарика высветилась здешняя жизнь: колыхался лес водорослей, водил желто-синими усиками лагуст, над бледными морскими ежами и жгуче-черными икринками суетливо носились рыбы-бабочки и «морские ангелы».

Ларго опустил на дно, переступил для верности черными лапами и посветил спутникам. Четверо стали рядом. Ларго махнул, и через расщелину все прошли по одному в тесную, длинной шага в три, подводную пещерку. Пещерка была точно дно колодца. Из дальнего ее конца узкий ствол вел на самый верх, на воздух, и в колодец заглядывала сейчас луна. В штурм из отверстия, из середины островка, бьет фонтан, но в такое время вблизи Собачьего безлюдно. В стену вбили железные опоры, уложили на них бомбы в резиновых мешках и накрепко привязали ремнями. Ларго остался доволен. Понадобятся — придет и возьмет. А пока пусть побудут здесь, вдалеке от Нассау; его же яхту и людей пусть хоть обыскивают — нет ни бомб, ни радиации.

Пятеро неспешно вернулись к яхте, скользнули через люк в трюм. Завели двигатели, и «Летучая», едва касаясь воды, понеслась домой.

Ларго разделся, обмотался вокруг пояса полотенцем и пошел в радиорубку. Полночную связь он пропустил. Времени было 1.15, а у Блофельда — 7.15 утра.

Радист настраивался на волну, а Ларго думал пока о Блофельде. Вот он сидит ждет — измученный, небритый. Перед ним кофе; сколько же чашек он выпил за ночь! Ларго даже почувствовал кофейный запах. Теперь Блофельд вызовет такси и поедет в турецкую баню, он всегда там отдыхает. И там же он наконец заснет.

— Я Первый.

— Я Второй.

— Третий этап завершен. Третий этап завершен. Все в порядке. Конец связи.

— Я доволен.

Ларго стащил наушники и подумал: «Я тоже. Дело почти сделано. Теперь никто не помешает, разве что сам дьявол».

ДОМИНО

Ярко-синяя двухместная машина пронеслась вниз по Парламентской улице до перекрестка с Бухтовой; загораемая девушка за рулем ловко переключила скорость, глянула направо — там рысил чалый конек, впряженный в покосившийся, с пестрой бахромой фургон, и как раз перед фургоном вывернула налево. Конек сердито мотнул мордой, возница звякнул большим колокольчиком. Но девушка лишь отчаянно махнула рукой, в секунду миновала улочку и остановилась подле «Трубки мира» — лучшей в Нассау табачной лавки.

Машина открытая, низкая, дверцу можно и не открывать, и девушка перекинула через борт ногу и соскочила на землю. Тем временем подъехал фургон. Красота и отчаянность девушки смягчили возницу, но все же он проворчал:

— Тихоходу-то моему, почитай, в самую морду въехала. И куда спешат?

Девушка подбоченилась. Замечаний она не терпела.

— Ну, ты, тихоход! Спешу, потому что делом занята. А вам обоим на травке пора пастись, а не по дорогам ездить — только под ногами путаетесь.

Старик-негр открыл было рот, но передумал и сказал примирительно:

— Оно, конечно, может, и путаемся...

Стегнул конька и тронулся. Обернулся еще раз на чертовку, но той уже след простыл.

— Хороша девка! — неожиданно вывел старик и пустил конька рысью.

Джеймс Бонд как раз подходил к лавке и все видел. Девушка действительно отменная, тут возница прав. Но Бонд знал о ней еще кое-что. Он прибавил шагу, отодвинул полосатую занавеску при входе в лавку, и на него повеяло приятной прохладой.

Девушка стояла у прилавка.

— Да поймите же, — втолковывала она продавцу, — мне нужны самые плохие сигареты, такие, чтобы курить не хотелось. Чтоб затянуться — и бросить. Вон у вас сколько разных. — Она показала на полки. — Дайте какие похуже.

Продавец давно уж не удивлялся сумасшедшим туристам, да и вообще-то багамцы невозмутимы.

— Одну минуту, мадам, — он неторопливо повернулся к полкам.

— Для тех, кто бросает курить, есть два сорта сигарет, — назидательно обратился Бонд к девушке.

— А кто вы, собственно, такой? — оборвала она.

— Меня зовут Джеймс Бонд, могу рассказать, как бросить курить. Всемирно известный способ. Вам повезло.

Девушка оглядела его. Раньше она его в Нассау не видела. Высок, лет 35. Темноволос, довольно красив, только черты резковаты. Ясные серо-голубые глаза посмеиваются: мол, ладно, рассматривай... На правой щеке бледный шрам, а загар совсем легкий, значит, на остров приехал недавно. Явно набивается в ухажеры. Ну что же, красив, уверен в себе. Пусть. Но только легко она не сдастся.

— И как же бросить курить? — холодно спросила она.

— Перейти либо на очень слабые сигареты, либо на очень крепкие. Вам рекомендую слабые. Дайте «Герцог» с фильтром, пожалуйста, — сказал он продавцу. — Попробуйте. Фирма гарантирует.

— Подождите, я сама заплачу.

Но Бонд уже заплатил. Они вместе вышли из лавки. Жара стояла страшная. Слепили сверкающие вит-

рины напротив, беленные известкой дома, белая дорожная пыль. Оба сошнулись.

— Кто курит, тот, наверное, и пьет, — сказал Бонд. — Может, посидим где-нибудь?

Девушка посмотрела насмешливо.

— Какое неожиданное предложение! Ну, хорошо, мистер э... Бонд. Только не в городе, здесь слишком жарко. Знаете ресторанчик «Причал»? Славный. Поехали, я на машине. Металл не трогайте — обожжетесь.

Жгло даже обтянутое белой кожей сиденье. Но Бонду было все равно. Ему повезло — первый раз вышел в город осмотреться и сразу встретил нужную девушку. А она еще и красавица.

Нынешним утром Бонд просмотрел сотню анкет приезжающих и узнал многое и об этой девушке. Зовут ее Доминетта Витали. Родилась в итальянской Тироли, значит, течет в ней и австрийская кровь. 29 лет, в графе «Профессия» написала: «Актриса». Приехала шесть месяцев назад на яхте «Летучая». Очевидно, любовница владельца. «Итальянская потаскушка», — в один голос сказали полицейский комиссар Харлинг и начальник таможенной службы Питман, но сам Бонд потаскушками, проститутками, шлюхами считал только уличных профессионалок да обитательниц борделя и так уверенно говорить бы не стал. Сейчас он видел, что был прав. Девушка самостоятельная, решительная, с сильным характером. Может, и любит жить богато, весело, но почему бы и нет? По всей видимости, и спит со многими, даже наверняка спит, но условия при этом диктует сама.

Многие женщины водят машину аккуратно, осторожно, но почти ни одна — отлично. Эта вела по-мужски: не отрывалась взглядом от дороги, следила в зеркале за тем, что сзади (обычно в зеркало заднего обзора женщины заглядывают, только когда красятся). И по-мужски любовно чувствовала машину, точно переключала скорости, плавно тормозила.

С Бондом она не разговаривала, как будто даже не замечала, и он смело разглядывал ее. Лицо отчаянное, бесшабашное. «В любви, наверное, страстная, — подумал Бонд. — Сопротивляется, кусается и вдруг сникает, тает в объятиях. И чувственный резкий оскал сменяется нежной покорной полуулыбкой». Сейчас в профиль глаза у нее как темные щелочки, но в лавке Бонд хорошо их разглядел: темно-карие, с золотистой искоркой, смот-

рит прямо и гордо. Чуть вздернутый нос, резко очерченный подбородок, гордая посадка головы — во всем царственное, непреклонное. Четкую линию нарушали лишь легкие, беспорядочно разметавшиеся волосы да нежные ямочки на щеках; улыбается, наверное, очаровательно, с хитрецей. Хотелось бы посмотреть. Впрочем, о чем он думает? Работать надо, работать.

Мелькнул дорожный указатель: «До башни Синей Бороды — одна миля», за ним другой: «Ресторан «Пороховой причал» — первый поворот налево». 300 лет подряд на Багамы заходили знаменитейшие пираты Западной Атлантики, а теперь романтическими названиями приманивают туристов.

Они оставили машину в тени казуара и через небольшой зальчик вышли на террасу, устроенную на развалинах каменного причала. Растущие прямо на террасе миндальные деревья были подстрижены под зонтики. Бонд взглянул на часы:

— Ровно полдень. Выпьем крепкого или послабее?

— Послабее. Двойную «Кровавую Мэри» и соку туда побольше.

— Ничего себе. А что же тогда крепкое? — удивился Бонд. — А мне водку с тоником.

— Слушаюсь, сэр, — сказал официант и неспешно удалился.

— Крепкое — просто водка со льдом, томатный сок смягчает. А вы давно здесь? — спросила девушка. — Что-то я вас не помню.

— Сегодня утром приехал. Хочу купить участок. Но пока миллионеры здесь, цены слишком высоки, вот я и приехал в конце сезона. А вы?

— Я здесь уже полгода. Я с яхты «Летучая», вы, может, ее видели — стоит на якоре в гавани.

— Такая длинная, стройная? Красавица! Ваша?

— Моего родственника. — Она внимательно посмотрела на Бонда.

— Вы и живете на яхте?

— Нет, у нас участок как раз напротив яхты. Сняли у одного англичанина. Он, кажется, хочет его продать. Очень красивое место, и туристы туда не доходят.

— Я как раз такое и ищу.

— Вот и прекрасно, мы через неделю уезжаем.

— Что вы говорите! — Бонд заглянул ей в глаза. — Очень жаль.

— Что за дурацкие намеки! — И вдруг засмеялась,

как будто смутилась; ямочки не исчезли. — Простите, я не хотела так резко... Но понимаете, я уже полгбда слушаю эти песни, а с богатенькими старичками только так: сгрубишь — отстанут. И пристают не потому, что я какая-то особенная, просто здесь всем женщинам не меньше чем за 60, слишком дорогой курорт для молодых. А старичкам лишь бы кого-нибудь помоложе — хоть с заячьей губой, хоть с усами! У них даже очки потеют от возбуждения. — Она снова засмеялась, уже подружески. — А вы покорите здешних голубоволосых старушек в пенсне.

— А на обед они что едят — вареные овощи?

— И запивают морковным и сливовым соком.

— Ну, тогда со старушками дружба врозь. На обед я ем только суп из моллюсков.

Она удивленно взглянула.

— А вы, оказывается, знаете местное поверье.

— Какое, что суп из моллюсков возбуждает? А это поверье не только местное. В это верят всюду, где водятся моллюски.

— Правда?

— Да. Часто суп подают перед первой брачной ночью. Кстати, на меня не подействовало.

— Как, вы пробовали? — усмехнулась она. — Вы разве женаты?

— Не женат, — улыбнулся Бонд. — А вы замужем?

— Нет.

— Значит, как-нибудь попробуем этот суп вдвоем, посмотрим, что будет.

— Вот это намереетесь. Но от старичков вы все равно недалеко ушли.

Бонд решил, что пора к делу.

— Вы отлично говорите по-английски, а акцент вроде бы итальянский, так?

— Да, меня зовут Доминетта Витали. Но училась я в Англии, в средней школе, потом в Королевской академии драматического искусства. Родители считали, что девушке из хорошей семьи нужно именно такое образование. Потом оба погибли в железнодорожной катастрофе, и я бросила учебу, вернулась домой, поступила на сцену. Но знаете, английская сценическая школа в итальянском театре не ценится. Пришлось переучиваться. Все забыла, один язык и остался.

— А что же этот родственник с яхтой? — Бонд кивнул на море. — Не прислал вам денег на учебу?

— Нет, — бросила она. Бонд промолчал. — Он не совсем родственник. Скорее друг, опекун.

— Понятно.

— А вы приезжайте к нам на яхту, — вдруг оживилась она. — Моего друга зовут Эмилио Ларго. Он сокровища ищет.

— Да что вы! — в свою очередь оживился Бонд. — Здорово! Хотелось бы с ним познакомиться. И как же он ищет? Есть карта?

— Не знаю. Ларго молчит. Кажется, карта есть, но мне ее не показывают. И когда выходят в море, меня с собой не берут. Он не один ищет, в деле много пайщиков. Они уже все приехали, и сегодня вечером Ларго собирает их в казино.

— А вы-то сами что делаете целый день?

— Так, гуляю. Хожу по магазинам, катаюсь на машине, купаюсь. А еще беру кого-нибудь с яхты и плаваю с аквалангом.

— А меня как-нибудь возьмете? Я тоже умею.

Девушка деловито взглянула на часы.

— Как-нибудь. Ну, мне пора. — И она поднялась. — Спасибо, хорошо посидели. В Нассау вас отвезти не смогу, мне в другую сторону. Вызовите такси.

Бонд проводил девушку до машины. Она села, включила зажигание. Он решил рискнуть, пусть даже снова нарвется на резкость.

— Может быть, увидимся вечером в казино, Доминетта?

— Может быть. Только не называйте меня Доминеттой. Все зовут меня Домино, — она улыбнулась, помахала. Маленькая синяя машина понеслась по дорожке. На перекрестке остановилась — и повернула направо, к Нассау.

— Вот шельма, — улыбнулся Бонд и пошел расплачиваться и вызывать такси.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЦРУ

На такси Бонд поехал в аэропорт. В 1.15 прилетал человек из Центрального разведывательного управления — Ф. Ларкин. Бонд надеялся, что он не мускулистый юнец с боксерской стрижкой, какому только бы посмеяться над глупыми англичанами и их 'маленькой' отсталой колонией, заодно выставить дураком и самого Бонда да выслужиться перед вашингтонским начальст-

вом. А если и приедет такой, пусть хотя бы привезет запрошенную Лондоном аппаратуру — новейшую рацию (тогда они свяжутся с Лондоном и Вашингтоном сами, а не через телеграф) и тоже новейший переносной счетчик Гейгера, работающий и на земле, и под водой. Тем ЦРУ и ценно, что прекрасно оснащено; значит, пользуясь, не стесняясь, трезво рассуждал Бонд.

Нассау — столица Багам, расположена на песчаном острове Нью-Провиденс. Здешние желтые пляжи считаются красивейшими в мире, но кроме них, на острове ничего интересного нет — чахлый кустарник, казуары, фисташковые деревья, ядовитые растения да на западе большое солончатое озеро. По побережью в роскошных садах миллионеров растут тропические цветы и пальмы, летают птицы (но и живность, и растительность привезены с Флориды), а в центре острова из выжженной бесплодной земли торчат лишь скорбные кресты ветряков. Ехать в аэропорт было скучно.

Сам Бонд прилетел сегодня в семь утра; его встретили и отвезли в старомодную гостиницу «Королевская Багамия», впрочем, и там уже переняли кое-что от американцев. Он принял душ, позавтракал и отправился в правительственную резиденцию. На девять назначена встреча с полицейским комиссаром, начальником таможенной службы и заместителем губернатора. Встреча прошла в точности как он ожидал. Обещали во всем ему помогать — лондонские сверхсрочные и совершенно секретные телеграммы подействовали, но занятие его считали пустым, и тихую устоявшуюся жизнь маленькой колонии ценили превыше всего. Рыжеусый заместитель губернатора Роддик, человек осторожный, уравновешенный, блеснул пейсне и сказал рассудительно:

— По нашему мнению, командор Бонд, огромный самолет в колонии спрятать нельзя. Приземлиться он мог только в аэропорту Нассау, верно, Харлинг? Мог, конечно, сесть и в море, но мы запросили по радио власти на всех островах — нигде ничего не заметили. К тому же постоянно работает радар.

— Вы уверены, что постоянно? — перебил Бонд. — Мне показалось, что самолеты прибывают в основном днем, а ночью почти пусто. Может, ночью за радаром следят хуже?

Полицейский комиссар, подтянутый, военного вида 40-летний мужчина (серебряные пуговицы на его темном мундире блестят нестерпимо: ясно, что надраивают

их каждый день и в денщиках недостатка нет), ответил задумчиво:

— А командор Бонд, пожалуй, прав. Когда самолетов нет, за радаром не следят. Людей не хватает. Кроме того, среди работников много местных. С лондонскими им не сравниться. Да и радар слабенький — с низким горизонтом и малой дальностью.

— Командор Бонд, несомненно, обо всем этом в свое время справится. — Заместитель губернатора не собирався обсуждать качество радара и подготовленность местных работников. — А сейчас мы сообщим о недавно прибывших на остров, о лицах подозрительных и тому подобных, как и поручил нам министр иностранных дел. — Последние три слова он произнес торжественно, звучно. — Прошу, мистер Питман.

Начальник таможенной службы, холеный багамец с живыми карими глазами, располагающе улынулся.

— Подозрительных лиц не замечено, сэр. Едут туристы, деловые люди, возвращаются домой местные жители. Нам поручили представить данные за последние две недели, все анкеты у меня с собой.

— Я ищу группу человек в 10, а может, и в 20, 30, — снова перебил Бонд. — Держатся вместе, скорее всего европейцы. Есть свое судно или самолет. Живут здесь уже несколько месяцев, а может, наоборот, только недавно приехали. Я слышал, в Набсау часто встречаются представители торговых и туристских компаний, религиозные деятели. Те, кого ищу я, тоже вполне благопристойны, ведут себя безупречно, на обыкновенных бандитов не похожи. Нет ли таких на острове?

— Ну как же, есть, — широко улынулся таможенник. — Очередные искатели сокровищ.

— Да бросьте, Питман! — пренебрежительно усмехнулся заместитель губернатора. — Уж их-то оставьте в покое, так вы бог знает до чего договоритесь. Вряд ли командор Бонд заинтересуется этими богатыми бездельниками.

— Бездельники-то они бездельники, но ведь именно у них есть яхта и даже небольшой самолет, — задумчиво возразил полицейский комиссар. — И приехали почти все пайщики недавно. Вроде совпадает, а? Ларго вполне благопристойен. И матросы ведут себя безупречно, почти полгода здесь — и ни разу никто не напился.

И Бонд ухватился за тонкую ниточку, провел еще два часа в таможне и в полиции и пошел погулять по

городу — послушает сплетни, а повезет, может, встретит Ларго или кого-нибудь из пайщиков. И встретил Домино Витали.

А теперь он приехал на такси в аэропорт. Велел шоферу подождать и вошел в здание; как раз объявили о прибытии рейса Ларкина. Ему еще проходить таможенный досмотр, заполнять анкету... И Бонд купил пока в киоске «Нью-Йорк таймс». Заголовки по-прежнему кричат о пропаже «Защитника». Бонд уже дочитывал передовую статью, и тут ему в самое ухо шепнули:

— 007? Вас приветствует 000.

Бонд резко обернулся. Да это же... Это Феликс Лейтер из ЦРУ! Какие дела они с ним проворачивали!

Лейтер улыбался, но руки не подавал: вместо правой у него металлический протез.

— Черт тебя возьми! — воскликнул Бонд. — А ты знал, что работаешь со мной?

— А как же! ЦРУ знает все!

Лейтер получил багаж, довольно внушительный, уложил в бондовское такси и велел отвезти в «Королевскую Багамию». Из стоявшей неподалеку непритязательной черной машины вышел человек и направился к ним.

— Мистер Ларкин? Я из бюро по прокату. Вот ваша машина. Подойдет? Ведь сами просили какую-нибудь поскромнее.

Лейтер мельком взглянул.

— Подойдет. Лишь бы ездил. Не красавица, конечно, но и мне в ней не девочек катать.

— Позвольте ваше водительское удостоверение, сэр. Так, все в порядке. Распишитесь здесь. Будете уезжать, машину просто оставьте где-нибудь и дайте нам знать, мы заберем. Желаю хорошо отдохнуть.

Они сели в машину, Бонд — за руль. Лейтер, видите ли, еще не привык к «английской манере водить машину задом наперед», как он обозвал левостороннее движение, а заодно он проверит, отучился ли наконец Бонд лихачить на поворотах.

Они выехали из аэропорта, и Бонд попросил:

— Ну, рассказывай. Ты же ушел в частные сыщики. Почему опять в ЦРУ?

— Представляешь, призвали! Можно подумать, война началась. В резерв ЦРУ, Джеймс, не записывают, только если на грани провала не сожрал шифр-блокнот, тебя увольняют, не сам уходишь. Протрубили тревогу да и дернули меня и еще человек 20: все дела

бросить, явиться в 24 часа. Чертовщина какая-то! Русские, думаю, что ли, напали? Явился, а мне говорят: пакуй чемодан, бери плавки, картишки и лети в Нассау. Я, конечно, обозлился. И что мне там делать, спрашиваю? Играть в бридж и плясать танец «ча-ча-ча»? Тут они и раскололись: работать с Бондом. Ладно, думаю, раз этот ваш, как его, Н. или М. послал тебя, значит, жареным пахнет. Взял приборчики, какие вы просили, покидал в чемодан, вместо плавков с картишками, луки стрелы, и поехали. Все. Теперь рассказывай ты, старик. Рад тебя видеть, чтоб ты пропал!

И Бонд подробно рассказал.

Подъехали к гостинице. Лейтеру вручили ключи, и они поднялись к нему, спросили два двойных сухих martini и меню.

Через полчаса — им пришлось заказать еще по одному martini — принесли обед. Дорогой и невкусный. Ели они молча, все более раздражаясь. Наконец Лейтер бросил вилку с ножом.

— Это не отбивная, а подметка, и притом старая. А от луковых колец по-французски француза бы просто стошнило, и к тому же, — ткнул он вилкой, — это вообще не кольца, а какие-то мерзкие овалы. Что будем делать, Ястребиный Коготь? — он смотрел воинственно.

— Обедать где-нибудь в городе — это на будущее. А сейчас посетим «Летучую». — Бонд встал. — Выясним, какие сокровища они там ищут. И свяжемся с начальником по рации. — Бонд показал на чемоданы в углу. — Вечером пайщики собираются в казино. Пойдем и мы, может, признаем кого-нибудь. Но главное — проверить, есть ли на яхте радиация. Достань-ка счетчик Гейгера.

— Сейчас. Счетчик — пальчики оближешь! — Лейтер раскрыл чемодан и вытащил словно бы фотоаппарат в кожаном футляре. — Подержи. — Он снял часы и надел какие-то другие. Перекинул ремень «фотоаппарата» через левое плечо. — Пропусти провода вверх под рукавом. Вот так. Теперь вниз и через дырку в кармане выведи оба разъема наружу и воткни в гнезда аппарата. Воткнул? Тогда готово. Человек в часах с фотоаппаратом. — Он расстегнул футляр. — Видишь, объектив, как у настоящего. Даже кнопка есть, можно щелкнуть. А внутри металлический клапан, электрическая схема, батарейки. Теперь смотри, какие часы. Вроде обыкновенные. Только часовой механизм очень маленький, и вот

эта стрелка показывает не время, а радиоактивность — проводочками в рукаве она соединена со счетчиком. Вот у тебя, вижу, твои верные часы со светящимся циферблатом. Сейчас покажу, как счетчик действует. Сначала я просто хожу по комнате, проверяю, нет ли фоновой радиации. То и дело поглядываю на часы — ну мало ли, нервничаю, жду кого-нибудь. Стрелка не двигается. Но вот прошел мимо ванной, и стрелка отклонилась — там железные трубы. Запоминаю цифру — столько надо будет сбросить на фон. Теперь подхожу к тебе — счетчик рядом с твоей рукой. Смотри на стрелку. Видишь, как дергается? Это из-за фосфора на циферблате. Убираешь руку — стрелка успокаивается. Отличная штука! — Лейтер любовно похлопал по футляру. — У других счетчиков нет шкалы, они щелкают, и слушать надо чуть ли не в наушниках — так ищут, например, под землей уран. Нам-то такие чувствительные счетчики не нужны. Рядом с бомбой стрелка просто взбесится. Так что порядок. Садимся в «трясучую» и едем на «Летучую».

«Трясучей» Лейтер назвал моторную лодку, которую можно было взять напрокат при гостинице.

«МЕНЯ ЗОВУТ ЭМИЛИО ЛАРГО»

Покинув гавань, они повернули на запад, миновали Серебряную и Долгую отмели, Шотландский остров, обошли мыс Делапорт. Миль пять плыли вдоль побережья, любовались особняками. «Участки на побережье страшно дорогие, — сказал рулевой, — 400 фунтов за фут пляжа». Потом обошли мыс Старого форта и сразу увидели сверкающую на солнце бело-синюю яхту — она стояла вдали от берега на двух якорях. Лейтер присвистнул:

— Вот это лодочка! Купи мне такую, мамуля, я буду пускать ее в ванне!

— Лодочка итальянская, на подводных крыльях, — сказал Бонд. — Трогаешься, раскладываешь крылья, и она задирает нос, почти летит. В воде только винты да часть кормы. Полицейский комиссар говорит, в штиль она делает 50 узлов. Конечно, годятся такие яхты только для прибрежных вод, зато могут перевозить, и быстро, до 100 пассажиров. На «Летучей» размещается около 40, есть еще большая капитанская каюта, гру-

зовой отсек. Стоит яхта, наверное, чуть не четверть миллиона.

— На Бухтовой болтают, будто она вот-вот за сокровищами уйдет, — вмешался рулевой. — Пайшики-то все съехались да и выходили уж раз в море на всю ночь, видно, примеривались. Затонувший корабль, говорят, лежит где-то у южных островов — у Мертвого или у Сан-Сальвадора. Там еще Колумб высаживался, слышали небось? В 149..., забыл каком. Вообще у нас тут где хочешь сокровища можно найти — у Скалистых островов, скажем, или у Разбойничьего. Но яхта, та на юг выходила, даже на юго-восток. Сам видал. — И рулевой аккуратно сплюнул за борт. — Сокровища-то там, верно, стоящие, уж больно много эта яхта денег жрет! Одна заправка 500 фунтов.

— А когда она в море на всю ночь выходила? — как бы невзначай спросил Бонд.

— А вот как заправилась, так вечером, часов в шесть, и вышла. Два дня назад.

Они уже различали поблескивающие иллюминаторы. Матрос, драивший медные перильца вокруг башенки капитанского мостика, через люк поднялся на мостик и сказал что-то в микрофон. На палубу вышел высокий человек в белых парусиновых брюках и просторной сетчатой майке и навел на лодку бинокль. Потом крикнул что-то матросу, и тот сошел с мостика и стал на правый борт, у лесенки. Когда лодка подошла поближе, матрос сложил руки рупором и крикнул:

— По какому вы делу? С кем хотите поговорить?

— С мистером Ларго, по поводу его участка в Пальмире. Меня зовут Джеймс Бонд, я из Нью-Йорка, а это мой поверенный.

— Сейчас доложу. — Матрос исчез, через минуту вернулся с тем же человеком в белых брюках и майке. Теперь Бонд узнал его по полицейскому описанию.

— Причаливайте! — радушно пригласил этот человек и махнул матросу. Тот спустился по лесенке и помог причалить. Бонд с Лейтером выбрались из лодки и поднялись на палубу.

— Меня зовут Эмилио Ларго, — протянул руку хозяин. — Мистер Бонд, не так ли? А вы?

— Это Ларкин, мой нью-йоркский поверенный. Сам я англичанин, но кое-какие денежные дела есть и в Америке. — Они пожали друг другу руки. — Извините, что побеспокоили вас, мистер Ларго, но мне хотелось бы

поговорить об участке, который, если не ошибаюсь, вы снимаете в Пальмире у мистера Брюса.

— Не ошибаетесь. — Он приветливо улыбнулся, сверкнул безукоризненными зубами. — Прошу в каюту. Простите, что не одет. — Он смущенно махнул волосатой ручищей. — Если бы вы предупредили по телефону... А теперь уж не обессудьте. — Через низкий вход они прошли к лестнице, поднялись, и он, пропустив их в каюту, мягко прикрыл за собой дверь.

В каюте просторно, красиво: стены обиты панелями из красного дерева, бордовый ковер, удобные синие кожаные кресла, большие квадратные иллюминаторы. В жалюзи засвечивало солнце.

Видно, что хозяин каюты занят серьезными мужскими делами: длинный стол завален бумагами, морскими картами; в застекленных шкафах — пистолеты и ружья; в углу безвольно повис, точно мертвое чудище, черный резиновый костюм для подводного плавания, рядом акваланг. Жужжал кондиционер, было прохладно, и Бонд с наслаждением почувствовал, как отстает от спины потная рубашка.

— Садитесь, пожалуйста, закуривайте. — Ларго небрежно сдвинул карты, бумаги и положил на стол пачку сигарет. — Выпьете чего-нибудь? — Он подошел к холодильнику. — Думаю, послабее и похолоднее? Джин с тоником, пиво? Напрасно вы поехали в такую жару в открытой лодке. Позвонили бы — я бы выслал за вами шлюпку с тентом.

Оба гостя попросили просто тоника.

— Извините, что не предупредили вас о приезде, мистер Ларго, — начал Бонд. — Я и не знал, что с берега на яхту можно звонить. Мы прибыли на Багамы только сегодня утром, и всего на несколько дней, вот и решили сразу заняться делом. Видите ли, я хотел бы купить участок.

— Это правильно, тут места превосходные! — Ларго поставил на стол бокалы, бутылку тоника и сел. — Я прожил на острове полгода и готов остаться навсегда. Вот только цены!.. — Ларго воздел руку. — Ни стыда, ни совести у этих бандитов с Бухтовой улицы. И тем более у здешних миллионеров. Правда, теперь конец сезона, спрос падает, и, возможно, продавцы образумятся.

— На это я и рассчитывал. — Бонд прикурил и откинулся в кресле: сиделось так хорошо, уютно. — Вернее, на это рассчитывал мой поверенный, он наводил

справки и выяснил, что в разгар сезона цены здесь сумасшедшие. — Бонд вежливо повернулся к Лейтеру, пусть тоже примет участие в беседе. — Не так ли, мистер Ларкин?

— Невиданные, просто невиданные! Таких не просят даже на Флориде. Соглашаться на них — чистое безумие...

— Да-да, конечно. — Ларго явно считал предмет исчерпанным. — Так что вы хотели узнать насчет Пальмиры?

— Ходят слухи, что вы скоро уезжаете, — сказал Бонд. — Знаете, на таком маленьком островке все про всех известно. А ваш участок мне вроде бы подходит, и, кажется, Брюс готов продать за сходную цену. Я вот о чем хотел попросить... — Бонд взглянул смущенно. — Позвольте нам как-нибудь приехать и осмотреть участок. Разумеется, когда вам удобно, когда вас там не будет...

— Да приезжайте в любое время! — широко улыбнулся Ларго. — Там живет только моя племянница со слугами, да и она только ночует, так что вы никому не помешаете. Позвоните ей и договоритесь. А участок в самом деле хорош, и дом построен отлично. Брюс — человек и богатый, и со вкусом.

Бонд поднялся, за ним и Лейтер.

— Вы очень любезны, мистер Ларго. А теперь мы откланяемся. Может быть, еще встретимся в городе, пообедаем вместе. Хотя, — старался говорить Бонд восхищенно, почтительно, — вам, наверное, и на берег сходить не хочется. Лучше вашей яхты, должно быть, во всей Атлантике нет. Не ходила ли такая между Венецией и Триестом?

— Точно, ходила. — Ларго польщенно улыбнулся. — А еще как пассажирские такие ходят в Италии на озерах. Теперь эти яхты покупают для Латинской Америки: очень хороши в прибрежных водах, осадка при работающих подводных крыльях всего четыре фута.

— Но, наверное, на яхте тесновато?

Болезненная любовь к собственным вещам — свойство скорее мужское, чем женское. Ларго был уязвлен.

— Что вы, ничуть! У вас есть несколько минут? На борту как раз много народу — экипаж и все пайщики, мы ведь ищем сокровища, вы, наверное, слышали? — Он взглянул настороженно: не усмехнутся ли гости? — Ну, да дело не в сокровищах, а в том, что на яхте сейчас

40 человек. Вот и смотрите, тесно нам или нет. Прошу.— Ларго указал на дверь.

Лейтер засомневался:

— Вы помните, мистер Бонд, что на пять часов у нас назначена встреча с мистером Гарольдом Кристи?

Но Бонд отмахнулся:

— Мистер Кристи — милейший человек, подождет нас немного. Если только вы не торопитесь, мистер Ларго, я с удовольствием осматрю яхту.

— Пойдемте, много времени это не займет. А Кристи я знаю, он мой приятель и действительно человек необидчивый.— Ларго распахнул дверь и придержал ее.

Бонд так и знал, что их будут пропускать вперед. Но тогда Ларго пойдет сзади и наверняка заметит, что Лейтер то и дело поглядывает на часы...

— Нет-нет, ведите нас, пожалуйста, — твердо сказал Бонд. — А то у вас и лоб расшибешь.

Ларго любезно улыбнулся и вышел первым.

В общем-то, все суда, даже самые современные, похожи друг на друга: по обе стороны от моторного отделения тянутся коридоры, куда выходят двери просторных душевых и кают — все каюты заняты, рассказал Ларго; камбуз, где двое веселых итальянцев хохотали над шутками Ларго и с удовольствием отвечали гостям; огромное моторное отделение — главный механик с помощником, кажется немцем, оживленно разговаривал о мощных двигателях и гидравлике подводных крыльев... Короче, именно это и увидит гость на любом судне, и так же побеседует с экипажем, и польстит хозяину.

На юте теснились маленький 2-местный гидросамолет, сине-белый, как и сама яхта, вместительная шлюпка, человек на 20, и электрический подъемный кран. Бонд прикинул водоизмещение «Летучей», высоту надводного борта и спросил между прочим:

— А что в трюме, тоже каюты?

— Нет, грузовой отсек. Там же и баки с топливом. Яхта — доброе удовольствие, топлива приходится возить с собой несколько тонн. На таких судах важен правильный балласт: как нос задерется, топливо перемещается к корме. Поэтому для равновесия у нас баки длинные, бортовые. — Ларго говорил уверенно, быстро. Они как раз проходили мимо радиорубки, и Бонд снова заинтересовался:

— Значит, с берега на яхту можно позвонить? А еще какое у вас оборудование? Наверное, обычные при-

емники для длинных и коротких волн? Покажите, пожалуйста, я очень интересуюсь радио.

— Знаете, как-нибудь в другой раз, — вежливо отказал Ларго. — Радист ждет метеосводку. Нам сейчас нужно точно знать погоду.

— Конечно, конечно.

Они поднялись на мостик, и Ларго коротко рассказал, как яхта управляется, потом снова спустились на узкую палубу.

— Вот такая моя «Летучая», — сказал Ларго. — И она, уверяю вас, и в самом деле летает. Как-нибудь прокачу вас с мистером Ларкином. Но это попозже, а в эти дни, — посмотрел он заговорщицки, — мы очень заняты.

— Ну как же, сокровища! Твердо надеетесь найти?

— Твердо не твердо, но надеемся. Я бы вам подробнее рассказал, но, к несчастью, я, как говорится, нем. — Ларго, как бы извиняясь, взмахнул рукой. — Надеюсь, вы понимаете.

— Разумеется: пайщики просили молчать... Я, кстати, и сам бы вступил в долю. Не возьмут, конечно?

— Увы. Паи, как они выражаются, полностью расписаны. Жаль, но взять вас никак нельзя. — Ларго протянул руку. — Я вижу, мистер Ларкин уже поглядывает на часы, вы опаздываете. Приятно было познакомиться, мистер Бонд. И с вами также, мистер Ларкин.

Распрощавшись, они спустились по лестнице к лодке и тронулись. Ларго махнул последний раз и исчез в люке, ведущем на мостик.

Они уселись на корме подальше от рулевого.

— Счетчик не реагирует, — покачал головой Лейтер. — Есть немного радиации около моторного отделения и радиорубки, но это обычное дело. Да и вообще ничего необычного я не заметил, а ты?

— Я тоже. Членов экипажа, правда, почти не видели, но те, кого мы встретили, либо тоже самые обыкновенные, либо великолепные актеры. Но на две мелочи я обратил внимание. Во-первых, нигде нет спуска в трюм. Может, конечно, туда ведет люк, спрятанный где-нибудь под ковром, но как же тогда яхта загружается — ведь Ларго говорил, что там грузовой отсек. В кораблях я мало смыслю, но в трюме «Летучей» места достаточно. Надо бы уточнить, сколько же на борту топлива. А во-вторых, мы не встретились ни с одним пайщиком. Приехали мы на яхту часа в три, ну, пусть кто-то из них

и отдыхал после обеда, но не все же 19! Что они, просто так сидели в каютах? И вот еще одна, третья, странность: ты заметил, Ларго не курит и вообще на яхте нигде табаком не пахнет. 40 мужчин — и ни одного курящего?! Между прочим, в крепких преступных организациях дисциплина поставлена: не пьют и не курят. Но улик у нас пока нет; мало ли что, ну не курят никто на яхте... А систему наведения и эхолот заметил? Жутко дорогие штуки! На большой яхте они, конечно, нужны, ничего тут удивительного нет, но почему Ларго про них смолчал? Такими игрушками можно и похвастаться. Впрочем, это я уже придираюсь. На «Летучей» решительно нет ничего подозрительного. И все-таки, что у них в трюме? Как-то уж слишком бойко Ларго болтал о топливе и балласте, тебе не показалось?

— Пожалуй. Трюм-то у него с пол-яхты, какое топливо... Просто пускать не хотел. Но это можно объяснить; скажем, там устройства для подъема сокровищ, и он не хочет их показывать. А кстати, помнишь историю с торговым судном в Гибралтаре во время войны? Оно еще оказалось базой итальянских водолазов-разведчиков? В корпусе под ватерлинией был потайной люк.

— Помню эту историю. — Бонд пристально посмотрел на Лейтера. — Судно «Ольтерра». Самая крупная неудача нашего управления во время войны. — Он помолчал. — «Летучая» стоит на глубине 40 футов. Что, если бомбы они закопали в песок под яхтой? Счетчик бы среагировал?

— Вряд ли. У меня есть и подводный, как стемнеет, можно сплавать, померить. Но знаешь, Джеймс, — нахмурился Лейтер, — это уж какая-то сумасшедшая идея — закопали в песок... Это уже вор под кроватью мерещится. Против Ларго никаких улик, разве что вид у него пиратский и женщинам наверняка проходу не даст. Ты запросил архивный отдел о нем, пайщиках, экипаже?

— Запросил. Послал срочную телеграмму из правительственного дома. К вечеру получим ответ. И ничего не сумасшедшая идея, — упрямылся Бонд. — Вот слушай, Феликс. «Летучая» — быстроходное судно, на ней 40 никому не известных людей, и у них к тому же есть еще и самолет. Больше во всей округе ни одной маломальски подозрительной группы, ни одного человека. Правда, и на самой яхте, в общем-то, нет ничего подоз-

рительного, обычная поисковая экспедиция. Но представь на минуту, что Ларго врет — врет, конечно, тонко, но у угонщиков и должно быть все до тонкости продумано. Смотри, что выходит: все так называемые пайщики прибыли до второго июня — раз; в ночь на третье яхта вышла в море и вернулась только к утру — два. «Защитник» садится на мелководье, они встречают его, забирают бомбы и прячут их в надежном месте — хоть в песок зарывают, под яхтой. Как тебе такая версия?

— Пока она ни на чем не основана, Джеймс, — угрожающе пожал плечами Лейтер. — Давай, конечно, потянем за ниточку... Но лично я скорей застрелюсь, чем доложу эти фантазии начальству. — Он усмехнулся. — Если уж валять дурака, то втихую. Ну, и что делаем дальше?

— Ты берешь рацию и налаживаешь связь, а я пока звоню девушке, Домино, она приглашает, и мы едем смотреть Пальмиру. Потом в казино — поглядеть на пайщиков. А уж потом, — глянул Бонд на Лейтера, — я беру надежного полицейского и плыву с подводным счетчиком к «Летучей».

— Начинаются боевые выходы! Ладно, Джеймс, так и быть, я согласен, проверим твою версию. Только умоляю, не наступи на морского ежа, не повреди ногу. Учти, завтра идем в гостиничный танцевальный зал, научимся танцевать «ча-ча-ча», а то, чувствую, о Багамах и вспомнить будет нечего.

В гостинице Бонда ждал губернаторский курьер, он ловко взял под козырек и протянул конверт. Бонд расписался в получении. В конверте была телеграмма министерства колоний на имя губернатора и с припиской: «Для Бонда». Телеграмма гласила: «ПО ЛИЦАМ УКАЗАННЫМ В ВАШЕМ ЗАПРОСЕ 1107 У АРХИВА НЕТ НИЧЕГО ПОВТОРЯЕМ НИЧЕГО ТОЧКА ПО ОПЕРАЦИИ ГРОМ ВСЕ АГЕНТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ ОТРИЦАТЕЛЬНО ТОЧКА ЧТО У ВАС ВОПРОС». Подписано «ПРИЗМА» — это значит, что одобрил сам М.

Бонд отдал телеграмму Лейтеру.

Тот прочитал и произнес:

— Видишь теперь, что я прав? Разваливается твоя версия. А раз нет нам на Багамах работы, будем отдыхать. Ну, я пошел, встретимся в баре «Ананасовый», выпьем по мартини, хоть там наверняка плавают

маслиница с кулак. А в Вашингтон я отправлю открытку с видом на море да попрошу доску для виндсерфинга.

МАРТИНИ

Целиком выполнить бондовский план на вечер не удалось. Домино Витали сказала по телефону, что сегодня в Пальмиру приехать нельзя: Ларго привозит гостей. А вот в казино она с Бондом, наверное, увидится. Ужинает она на «Летучей», и яхта потом подойдет поближе к казино и станет на якорь. А как же Бонда узнать? У нее отвратительная память на лица! Пусть вденет в петлицу цветок.

Бонд засмеялся. Ничего, он ее сам узнает. По прекрасным голубым глазам, их он хорошо запомнил. Лет через 50 к таким глазам очень пойдет голубая старушечья краска для волос. На том конце прыснули, и Бонд положил трубку. Вдруг сильно захотелось увидеть Домино.

А то, что яхта меняет стоянку, это здорово. В гавани легче ее осмотреть: и плыть не так далеко, и нырнуть можно незаметно, с полицейского причала. Кроме того, теперь можно исследовать и дно под прежней стоянкой. Хотя, будь бомбы там, разве отвел бы Ларго яхту? Конечно, оставил бы, сторожил бомбы. Так или иначе, корпус «Летучей» нужно осмотреть, может, тогда что-нибудь и прояснится.

В номере за столом Бонд написал донесение для М. Общий смысл — догадка не подтверждается, на Багамах нет ничего подозрительного. М., конечно, расстроится. Не намекнуть ли, что кое-какие подозрения все же есть? Нет, рано. Вот когда будут настоящие доказательства... Разведчик не должен угождать начальству, выдавать желаемое за действительное. Бонд ясно представил, как обрадуются такому намеку в штабе операции «Гром». М. сообщит в штаб осторожно: «Не исключено, что мы ухватились за ниточку. Пока ничего определенного сказать не могу, но этот агент редко ошибается. Конечно, запросим, пусть доложит подробнее». И пойдут разговоры: «У М. есть надежда, его агент вышел на угонщиков», «Да, думаю, надо сообщить премьер-министру».

Бонд содрогнулся. Вот когда посыпались бы на него сверхсрочные телеграммы: «Доложите точнее»,

«Премьер-министр ждет подробнейшего доклада» — и так без конца. Лейтер будет получать такие же из ЦРУ. Нассау превратится в сумасшедший дом. А на бондовские жалкие «представляется вероятным» и «ходят слухи» ответят оскорбительно: «Это не доказательства. Удивлены вами. Больше полагайтесь на факты». А потом и совсем добьют: «Ввиду необоснованного сигнала и его последствий в будущем все, повторяем, все донесения должны быть совместными, с подписью представителя ЦРУ».

Бонд вытер пот со лба. Раскрыл чемоданчик с шифровальной установкой, зашифровал донесение и отправился в полицию. За рацией уже сидел Лейтер, мокрый и злой. Через десять минут он снял наушники и отдал Бонду.

— Сначала сплошные помехи, и я еле-еле нахожу запасную волну. — Лейтер вытерся уже насквозь промокшим платком. — И на ней отвечает какой-то болтун — вот, целый роман наговорил, разбирай теперь за ним! — Он сердито потряс листками с закорючками шифра и склонился над своей установкой.

Бонд быстро передал короткое сообщение. Он представил, как на девятом этаже, в шумном отделе связи управления, ленту с расшифровкой принимают из машины, отдают начальнику, он надписывает: «Лично М. Копии в отдел 00 и в архивный отдел», и посыльный спешит по коридору, а из папки у него торчат желтые шуршащие полоски... В конце сообщения он спросил, нет ли дополнительных приказаний, и подписался. Лейтер остался расшифровывать, а Бонд пошел к комиссару.

Харлинг сидел без пиджака и диктовал что-то сержанту. Сержанта он отпустил, придвинул к Бонду пачку сигарет и тоже прикурил.

— С чем поздравить? — добродушно-насмешливо улыбнулся он. Бонд рассказал, что на запрос о Ларго и пайщиках ответ получил отрицательный, что они с Лейтером съездили на яхту, прошлись там со счетчиком и ничего не намерили. Но у него, Бонда, все же остались подозрения насчет яхты. Хотелось бы узнать, сколько у нее на борту топлива и как именно располагаются топливные баки. Комиссар добродушно кивнул и снял трубку. Приказал соединить его с сержантом Молони из берегового отделения полиции. Харлинг

повторил вопрос Бонда, выслушал ответ, поблагодарил и повесил трубку.

— Максимальная вместимость — 50 галлонов дизельного топлива, смазочного масла и 100 питьевой воды. Еще на борту 40 галлонов смазочного масла и 100 питьевой воды. Хранятся все баки в средней части яхты, перед моторным отделением. Вы это хотели знать?

А Ларго говорил, несколько тонн топлива и хранится в трюме! Соврал все-таки. Не исключено, что прячет какие-нибудь поисковые и подъемные устройства, но ведь что-то да прячет. То есть, может, Ларго и искатель сокровищ, но человек при этом скрытный, увертливый, искренним только притворяется. И Бонд окончательно решил: корпус яхты надо осмотреть обязательно. А ну как Лейтер недаром вспомнил про «Ольтерру»?

Бонд осторожно рассказал комиссару о предстоящей подводной разведке. Не найдется ли хорошего акваланга и надежного полицейского в помощь?

Помявшись, Харлинг спросил, разумно ли вообще проводить такую разведку, ведь яхта частная, обитатели — люди вполне добропорядочные, находятся под защитой закона. Устроят скандал — хлопот не оберешься. А если еще выяснится, что полиция замешана...

— Что делать, комиссар, — твердо сказал Бонд. — Я вас понимаю, но придется рискнуть. У меня важное задание, а вы действуете по приказу министра внутренних дел. — Он двинул в бой тяжелую артиллерию. — Если хотите, я сейчас же свяжусь с ним или с премьер-министром.

Харлинг покачал головой и улыбнулся:

— Зачем же из пушек по воробьям, капитан Бонд... Конечно, сделаем, как вы считаете нужным, мое дело предупредить. Значит, вот что. Я дам вам констебля Сантоса — надежный парень и отличный пловец. Он и акваланг для вас принесет. А теперь давайте-ка подробнее.

В гостинице Бонд принял душ, выпил двойной «бурбон» и упал на постель. Он вконец изнемог — долгий перелет, жара; а вдруг он действительно ошибается с этой яхтой и, значит, какого дурака валяет и перед комиссаром, и перед Лейтером, и перед самим собой; да еще предстоит опасное и, может, ненужное плавание, так не хочется. Он должен побыть один, отдохнуть.

Уснул он мгновенно, и снилась ему Домино, а за ней гонится акула с ослепительно-белыми зубами, акула превращается в Ларго, и Ларго поворачивает и идет на него, тянется ручищами. Все ближе, ближе, вот уже хватает за плечо... И тут раздается гонг, раунд окончен, но в гонг ударяют еще и еще.

Бонд нашарил трубку. Лейтер. Пора выпить мартини с маслиницей, времени уже девять вечера. Какого черта Бонд возится, молнию ему, что ли, на спине вастегнуть?

Стены в «Ананасовом» были выложены бамбуком и из-за термитов покрыты лаком. На столе и вдоль стен стояли кованые подсвечники-ананасы, в них горели толстые красные свечи; еще светились встроённые в стены аквариумы, под потолком люстры в виде розовых морских звезд. Сиденья белые, на бармене и двух официантах алые сатиновые рубашки и черные штаны.

Бонд подсел к Лейтеру за угловой столик. Лейтер заказал два мартини и заранее поморщился:

— Сейчас увидишь, что принесут.

Мартини принесли, Лейтер взял бокал и велел официанту позвать бармена. Надутому бармену он сказал так:

— Дружище! Я заказывал мартини, а отнюдь не маслину в соусе. — Коктейльной вилочкой он выудил маслину из бокала; с маслиной бокал был полон на три четверти, а теперь осталась половина. — Этот фокус со мной проделывали, когда вы, уважаемый, еще пили исключительно молоко. А когда перешли на кока-колу, я уж весь секрет разгадал. В бутылке джина ровно 16 порций — настоящих, двойных, других я и не пью. Каждая порция на треть разбавляется водой, и их уже 21—22. Еще берется бокал с толстым дном и банка вот этих здоровых маслин, и порций выходит уже 28. За два бокала вы просите 1 доллар 60 центов — столько стоит целая бутылка джина. На банку маслин и каплю вермута идет, скажем, доллар, так что чистой прибыли — 20 долларов с бутылки. Не многовато ли, дружище? И когда бы не лень мне было снести этот бокальчик директору гостиницы или в комиссию по туризму... Короче, сделайте нам два хороших мартини без маслин да отдельно на блюде тонко порежьте лимончик.

Так Лейтер вещал, а бармен успел и возмутиться, и проникнуться уважением, и испугаться, а под конец

совсем сник. Пытаясь сохранить достоинство, он выдал: «Слушаюсь, сэр» — щелкнул пальцами официанту и неспешно удалился.

— Феликс, а ты не ошибся? — спросил Бонд. — Я знаю, конечно, что обманывают, но чтобы 20 долларов с бутылки?

— Юноша, когда я ушел из ЦРУ в частные сыщики, у меня просто открылись глаза. В гостиницах и ресторанах не то что обманывают, а обдирают без всякой совести. Возьми хоть сегодняшний обед — 7 долларов и 15 процентов наценки, а в рот не возьмешь. И официант тебе еще в глаза заглядывает, дай ему 50 центов за то, что это рвотное тебе в номер на лифте подняли! Чертовщина какая-то! — Он взбешенно белокурую шевелюру. — Давай о чем-нибудь другом поговорим, а то лопну от злости.

Принесли мартини. Крепкий, неразбавленный. Лейтер успокоился и заказал по второму бокалу.

— Давай позлимся по другому поводу. — Он усмехнулся. — Например, по такому: вот скажи, что мы с тобой вынюхиваем в этой песчаной дыре? Какие тут, к черту, угонщики? Глупость одна, жалованье только зазря идет. Честно тебе скажу, Джеймс, на яхте я себя с этим счетчиком чувствовал идиотом. А ты нет? — Он пристально посмотрел. — Не война ведь, мирное время, а мы все в военные игры играем.

Бонд с сомнением покачал головой.

— Для вас, американцев, может, и мирное, а Англия по-прежнему воюет: то тут стычка, то там — Берлин, Кипр, Кения, Суэц, а со смершевцами сколько хлопот... Теперь вот «Защитник» угнан. А насчет яхты, сдается мне, с ней все-таки дело нечисто. Я проверил, сколько топлива на борту, и Ларго-то нам соврал. — Бонд рассказал подробно. — Ночью нырну, посмотрю. Замечу что-нибудь — возьмем полицейский гидросамолет и полетаем над морем, поищем «Защитник», такую махину даже под водой трудно спрятать. Ты вроде умеешь самолет водить?

— А что там уметь, — пожал плечами Лейтер. — Да полечу я с тобой, полечу! Дай-то бог что-нибудь найти, а то от сегодняшнего сообщения я прямо чуть с ума не сошел.

Так вот отчего он весь вечер злится.

— Что за сообщение? — спросил Бонд.

Лейтер отпил немного и мрачно уставился в стол. — Пентагоновское. Генералы делают красивый жест... «Всем, занятым в операции, сообщается: сухопутные войска, военно-морской флот и военно-воздушные силы готовы оказать ЦРУ всемерную поддержку». Как тебе нравится? — Он сердито глянул на Бонда. — Это значит, всю армию приведут в боевую готовность. Деньжищ ухлопают! Да мне одному, в личное подчинение, знаешь что дается? — Он хрипло хохотнул. — Пол-эскадрильи истребителей-бомбардировщиков «Суперсилы» из Пенсаколы и... «Манта»! Представляешь?! «Манта» — новейшая атомная подводная лодка! Каково? — Бонд улыбнулся его горячности, и Лейтер чуть сбавил тон. — Фантастически дорогая техника — в подчинение мичману Лейтеру; штаб командования в номере 201 гостиницы «Королевская Багамия». Не слабо!

Но Бонд лишь пожал плечами.

— И что такого? Просто президент относится к делу серьезнее, чем его агент в Нассау. Наши военные наверняка тоже подготовились. Не огорчайся, Феликс, лишние штыки не помешают, чувствует мое сердце, первую бомбу спектровцы подложат в багамское казино. Кстати, что думают в ЦРУ по поводу цели для бомбы? У нас в этом районе есть только ракетная база на острове Большая Багама, это примерно в 150 милях отсюда.

— А у нас — мыс Канаверал и база ВВС в Пенсаколе, а для второй бомбы — Майами. Вот только как они доставят бомбы до цели и как взорвут?

— Насколько я понял, если забрали запалы из самолета, взорвут запросто, нужен только знающий физик. Да и доставят на чем угодно — хоть на шлюпке. А хоть и на яхте. Вот «Летучая», например, в полночь может оставить бомбу у Большой Багамы, а к утру уже стоять на якоре у Пальмиры. Все против «Летучей», а? — улыбнулся он.

— Чепуха, — отрезал Лейтер. — Придумай что-нибудь поинтереснее. Пошли-ка лучше поужинаем яичницей долларов за 100. Ну и черт с ними, с деньгами. «Манта» небось в секунду на столько сжигает. А потом зайдем в казино, поглядим, с какими пиратами мистер Ларго режется в карты.

МОРЯК ИЗ МЕЧТЫ

На всей территории Британского содружества было только одно легальное казино — в Нассау. И существовало оно непонятным образом, вопреки всем британским законам. Каждый год казино сдавалось канадскому игорному синдикату и в удачный сезон приносило 100 тысяч фунтов дохода. Играли тут в рулетку, в «двадцать одно» и в «железку». Устроено казино было в богатом доме на Бухтовой улице на манер клуба: кроме игорного зала, просторный танцевальный, ресторан с оркестром, уютный бар.

Губернаторский курьер вручил Бонду с Лейтером членские билеты, и они посидели сначала в баре, выпили кофе и коктейль, а потом в игорном зале разошлись к разным столам.

Ларго сидел за «железочным». Перед ним высилась груда 100-долларовых жетонов, а чуть в стороне лежало штук пять 1000-долларовых. Рядом курила и наблюдала за игрой Домино Витали; в квадратном вырезе ее черного платья поблескивал крупный бриллиант на тонкой цепочке. Ларго играл смело, часто ставил ва-банк. И все время выигрывал, но головы не терял, не зарывался, и партнеры улыбались ему, аплодировали удачной игре — он явно был тут всеобщим любимцем. Домино же смотрела угрюмо, скучала.

Дама справа от Ларго, третий раз поставив ва-банк и крупно проигравшись, встала из-за стола. Бонд быстро подошел и сел на освободившееся место. Каждый кон Ларго увеличивал ставку, и в банке у него было уже 800 долларов.

А когда банкир выигрывает три раза подряд, в банке, как правило, прибавляется. Это Бонд знал. У него же самого, увы, только тысяча долларов. Вокруг только и твердили, как удачлив итальянец, но не всегда же ему будет везти, и что такое в конце концов — удачлив, неудачлив? Чепуха!

— Иду ва-банк, — сказал Бонд.

— А-а, мой старый знакомый мистер Бонд, — Ларго протянул руку. — Теперь игра пойдет сильная. Не передать ли вам сразу банк? Но, должен сказать, кому-кому, а вам я даже проиграю с удовольствием. — И он любезно улыбнулся.

Ларго легонько надавил рычажок карточного устройства, из щели высунулся розовый язычок карты, и

Ларго бросил ее Бонду. Следующую взял себе, выдал еще по одной. Бонд посмотрел первую и выложил, открыв, на стол — бубновая девятка.

— Хорошее начало. Беру вторую.

Открыл и бросил рядом с девяткой — десятка пик! Если только у Ларго тоже не 9 или 19 очков, Бонд выиграл!

Тот засмеялся, но несколько натужно, и открыл карты — червовая восьмерка и король пик. Тоже комбинация, но у Бонда лучше. Ларго проиграл на одно очко — так обиднее всего проигрывать.

— Кому-то надо быть и вторым, — громко сказал он. — Что я говорил, мистер Бонд удачлив.

Крупье пододвинул Бонду кучку жетонов. Бонд кивнул на груду подле соперника и заметил:

— Мистер Ларго тоже. Предлагал же я взять меня в долю.

Тот рассмеялся.

— А давайте еще раз сыграем. Ставьте, что выиграли, а мы с мистером Сноу пойдем ва-банк.

Сноу, хмурый европеец (пайщик, вспомнил Бонд), кивнул. Бонд поставил 800, а они против него по 400. И он опять выиграл, и опять на одно очко.

Ларго деланно покачал головой.

— Все ясно, сдаюсь. Мистер Сноу, играйте-ка дальше сами. Со мной против мистера Бонда, видно, не выиграть. — Он улыбался, но смотрел зло.

Пайщик пододвинул Бонду выигранные 1600 долларов. «А забавно было бы сейчас передать банк, — подумал Бонд, — и пусть банкир проиграет». Он снял ставку и сказал:

— Пас.

За столом взволнованно зашумели.

— Что вы делаете! — театрально возопил Ларго. — Хотите, чтоб я перекупил и проигрался! Смерти моей хотите! Хорошо же, я покупаю банк. Еще посмотрим... — Он кинул на середину стола жетонов на 1600.

— Иду ва-банк, — произнес Бонд. — Два раза выиграл и в третий выиграю, никуда не денешься!

Ларго взглянул ему в глаза, по-прежнему улыбаясь, но с новым, внимательным прищуром.

— Да вы нарочно против меня играете. Что это, кровная месть?

«Интересно, среагирует ли на слово», — подумал Бонд и ответил:

— Что вы, какая месть. Просто я, когда подходил к столу, заметил такое свечение, спектр, — Он произнес это слово легко, без нажима.

Ларго будто ударили, он нахмурился, но улыбка тотчас возвратилась на его лицо; однако весь подобрался, напрягся, прищурился зорче. Облизнул губы и спросил:

— То есть?

— Спектр невезения над вашей головой. Вот я и решил, что удача от вас отворачивается. — Он говорил все так же легко, будто шутя. — Давайте проверим.

За столом смолкли; игроки чувствовали, что зреет схватка. Шутка обращалась оскорблением, англичанин явно вызывает. Не из-за женщины ли? Все затаили дыхание.

Ларго расхохотался. Он снова изображал весельчака.

— Я понял! — громогласно воскликнул он. — Уважаемый мистер Бонд хочет сглазить мне карты. А мы на это вот так отвечаем! — Он выставил указательный палец и мизинец вилкой и ткнул в сторону Бонда. За столом тоже захохотали, но Бонд видел, что вилка — извечный жест мафиози — нацелена по-настоящему зло, грозно.

— Ну вот, теперь вы меня сглазили, — добродушно рассмеялся он. — Только целить надо было в карты, а не в меня. Посмотрим, каков ваш спектр против моего.

На лице Ларго снова мелькнула тень: второй раз то же самое слово — случайность ли? Она надавил на рычажок.

— Давайте. Два раунда мы отбоксируем. Третий, главный!

И быстро выкинул четыре карты. За столом боялись шевельнуться. Бонд взял свои две, заглянул. Десятка треф и червовая пятерка, то есть пять очков. При пяти трудно решиться, брать или нет. Он положил карты, не раскрывая. И сказал уверенно, будто у него на руках шесть или семь очков:

— Не беру.

Ларго снова внимательно прищурился. С отвращением бросил раскрытые карты на середину стола: у него тоже пять очков. Брать, не брать? Посмотрел на уверенного, невозмутимого Бонда — и взял. Девятка пик. Не возьми он, у них вышло бы поровну, а теперь у Ларго четыре очка против пяти.

Бонд неспешно открылся.

— Говорил же вам, цельте в карты.

Между игроками поднялся шепот.

— Если бы итальянец не взял...

— Я всегда беру при пяти.

— А я никогда.

— Не повезло ему.

— Играть не умеет.

У Ларго опустились уголки рта, сжались кулаки. Но он овладел собой, улыбнулся, глубоко вздохнул и протянул Бонду руку. Бонд протянул свою, но большой палец завернул внутрь — вдруг не в шутку придавит ручищей... Но Ларго пожал обыкновенно и сказал:

— Вы отобрали весь мой выигрыш, теперь придется целый вечер отыгрываться. А я-то собрался пригласить племянницу в ресторан. — Он повернулся к Домино. — Дорогая, это мистер Бонд, ты говорила с ним по телефону. Из-за него я буду играть весь вечер, так что ищи себе спутника.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Бонд. — Кажется, мы виделись сегодня в табачной лавке?

Девушка нахмурилась и ответила равнодушно:

— Возможно. Я плохо запоминаю лица.

— Можно вашим спутником буду я? Благодаря щедрости мистера Ларго, я теперь богач, даже по высоким багамским меркам. А в карты я сегодня больше не играю, не хочу искушать судьбу.

Она поднялась и бросила небрежно:

— Ладно, пойдемте. Эмилио, я уволю его, играй, тебе снова повезет. И не переживай, что проигрался: я буду есть икру и запивать шампанским, и деньги, что ты проиграл, он все равно потратит на меня.

— Видите, мистер Бонд, — рассмеялся повеселевший Ларго, — вы попали из огня в полымя. Уж Домино вам не спустит. Ну что ж, прощайте, мне по вашей милости нужно крепко поработать.

— Благодарю за игру. Мы будем в ресторане. Выпьем шампанского за мой спектр удачи.

И снова по лицу Ларго пробежала тень. Что это — только ли итальянская боязнь сглаза? Вслед за девушкой Бонд вышел из игорного зала.

В ресторане Домино направилась к самому дальнему, тонушему в полумраке столику, и тут Бонд заметил, что она чуть-чуть прихрамывает — так трогательно,

беззащитно. Это совсем не вязалось с уверенным, неотразимо-ярким обликом «куртизанки высшей пробы», как, вероятно, назвали бы Домино французы.

Бонд заказал розового шампанского «Клико» и на 50 долларов белужьей икры (а меньше нет смысла и спрашивать, объяснил он, не заметишь, как съел).

— Что у вас с ногой? — спросил он. — Ушиблись на пляже?

Она посмотрела серьезно.

— Нет, просто одна немного короче другой. Вас это огорчает?

— Наоборот, очаровывает. В вас сразу появилось что-то беззащитное, детское.

— Во мне, уже далеко не юной содержанке... Вы это хотели сказать? — Она смотрела с вызовом.

— А вы так о себе думаете?

— Так думают обо мне в Нассау. — Она не отводила глаз, но в них вдруг мелькнула мольба.

— Ни от кого не слыхал. И как бы то ни было, свое мнение я составляю сам. Хотите расскажу, что о вас думаю?

— Какая же женщина откажется? — улыбнулась она. — Только не завирайтесь, а то не буду слушать.

— Вы еще совсем молоды, хоть и притворяетесь опытной, все испытывавшей. Росли в богатстве, имели, так сказать, кусок хлеба с толстым слоем масла и вдруг остались почти нищей. Решили заработать на хлеб с маслом сами и обнаружили, что просто так не заработаешь, придется драться. Вы — женщина и оружие избрали женское — свое тело; это оружие надежное, только пользоваться им надо хладнокровно, забыв о чувствах. И вы забыли. Впрочем, сдается, чувства ваши не умерли совсем, вы просто заставили их замолчать. Теперь у вас есть все. Вы богаты, и, пожалуй, богатство вам даже прискучило. — Он рассмеялся. — Добавлю еще несколько штрихов, а то портрет слишком мрачный. Вы красивы, привлекательны, своевольны, вспыльчивы. И жестоки.

— Особой проницательности вам не понадобилось. Кое-что я сама рассказала, кое-что вы знаете об итальянках вообще. Вот только почему жестока?

— Когда проигрываешься, как Ларго, а твоя спутница все видит, но не утешит и не подбодрит, — она поступает жестоко. Мужчинам неприятно проигрывать на глазах у женщин.

— А мне надоело, что он все время выигрывает, что ему везет! — перебила она. — Мне хотелось, чтоб сегодня выиграли вы, и притворяться я не собиралась. Кстати, вы не упомянули мое единственное достоинство — честность. Люблю — так люблю, ненавижу — так ненавижу. А с Эмилио у нас сейчас что-то среднее. Он знает, что я к нему равнодушна, но ему и не надо, чтоб его любили, а только — подчинялись. Отрабатывать же, как вы выражаетесь, хлеб с маслом мне труднее и труднее... — Она умолкла на полуслове. — Налейте-ка еще шампанского, выпьем, а то глупый у нас разговор. И купите мне сигареты «Моряк», я соскучилась по своему любимцу.

— По какому это? — спросил Бонд и купил пачку.

— О, вы ничего не знаете! — Она вдруг повеселела, горькие складки у рта разгладились, голос зазвенел. — По верному любовнику, по моряку из мечты! Видите, вот он — нарисован на пачке. Это лучшая картина на свете. Вы, конечно, ее никогда внимательно не рассматривали и не замечали, как мой моряк прекрасен. Он — моя первая любовь. Мы гуляли с ним вдвоем по лесам и запирались в спальне, я тратила на него все карманные деньги. А в ответ он открыл мне целый мир за воротами Челтенхемского женского колледжа; он воспитал меня, научил не стесняться мальчишек, не поддаваться тоске и страху; он был моим лучшим другом, советчиком. В этой картинке как будто ничего особенного нет, но взгляните — в ней целая жизнь. Я расскажу вам историю моряка с броненосца «Герой» — видите, так написано на бескозырке. — Она сжала Бонду руку. — Сначала он плавал юнгой на парусном суденышке, вон оно нарисовано в углу. Приходилось туго — лазил на самую верхушку мачты, лупили его канатом. Он был белокур и красив и в кубрике не раз отбивался, защищая свою честь или как это называется у мужчин? Но все выдержал, моря не бросил, он ведь очень упорный — видите эту складку между бровей, гордый поворот головы? Он вырос и стал настоящим моряком, отрастил усы. — Она замолчала и залпом выпила целый бокал; глубокие ямочки на щеках не исчезали. — Дальше рассказывать? Вы не скучаете?

— Я ревную. Рассказывайте.

— Матросом он объездил весь свет — был в Индии, Китае, Японии, Америке. У него было много женщин, он часто дрался — и на кулаках, и на ножах. Но матери

и сестренке писал отовсюду. Они так хотели, чтобы он вернулся, женился бы и жил вместе с ними, даже девушку ему присмотрели. Но он не спешил. Он мечтал совсем о другой девушке, примерно такой, как я. — Она улыбнулась. — А потом изобрели пароходы, и он поступил на броненосец. Вот этот корабль, справа. Через несколько лет сделался боцманом, остепенился, бросил гулять и драться, стал откладывать деньги. Чтобы выглядеть старше, отрастил бороду; замечательная борода, правда? А как-то раз купил иглу, цветные нитки и взялся вышивать свой портрет и решил уйти из флота. Не лежала у него душа к пароходам. И ушел в самом расцвете лет, а ведь был же боцманом. И одним прекрасным вечером он вернулся домой.

Много он повидал моряком, но такого красивого, тихого вечера не видел ни разу и решил обязательно вышить одну картину. На сбережения купил закусочную в Бристоле и каждое утро, до открытия, вышивал. Вот корабль, на котором он — с сундуком, полным шелковых отрезков, морских раковин и деревянных статуэток, — плыл домой от Суэца, а вот маяк, мигающий ему из родной гавани в тот чудесный вечер. Красиво у него вышло, верно? Я вырезала эту картинку из первой в жизни пачки сигарет — я курила в школьном туалете, меня вытошнило... Потом эта картинка порвалась, и я вырезала из другой пачки.

— Но как же картины моряка попали на пачку? — подстроился Бонд.

— Однажды в закусочную к моряку зашел человек в цилиндре с двумя маленькими мальчиками. «Джон Плейер и сыновья» — это они и были. Видите, написано, что их потомки и сейчас владеют табачной фабрикой. А тогда «роллс-ройс» Плейера, один из первых автомобилей в Англии, сломался как раз у закусочной. Человек в цилиндре, конечно, не пил — бристольские деловые люди не пьют — и спросил лишь пива и бутербродов с сыром. Плейер и мальчики ели и любовались двумя картинами на стене. А надо сказать, что сигареты тогда только-только придумали, и этот самый Джон Плейер, табачник, решил их делать. Но не знал, как назвать и что нарисовать на пачке. Вот ему в голову и пришла идея. Он предложил моряку 100 фунтов за обе картины, и тот согласился: он как раз собирался жениться, и ему нужно было ровно 100 фунтов. Табачник сначала хотел, чтобы на одной стороне пачки был мо-

ряк с парусником и броненосцем, а на другой — вечер. Но тогда негде было бы поставить торговую марку и написать: «Крепкие, ароматные» и «Табак матросской резки». И Плейер наложил одну картину на другую. По-моему, вышло неплохо... Ладно, спасибо, что терпеливо выслушали.

Домино словно очнулась, голос стал тверже, глуше.

— Глупо, конечно. Но в детстве вечно насочиняешь историй... Или привяжешься, например, к какой-нибудь кукле и ни за что не расстаешься. И мальчишки такие же. Мой брат носил металлический талисман, который ему еще няня подарила, до 19 лет. Потерял — такой скандал затеял! А ведь был уже тогда летчиком, воевал. Талисман, мол, счастье приносит! — Она пожала плечами и добавила иронически: — Впрочем, счастье ему и без талисмана улыбнулось — разбогател. Но мне никогда не помогал. В жизни, говорит, каждый сам за себя. Вот наш дед — все знали, что браконьер был и контрабандист, а надгробие на кладбище в Больцано все равно богатейшее. Брат говорил, из всех Петаччи самое богатое надгробие будет у него самого, чем угодно денег заработает, хоть и контрабандой.

Сигарета заплескала в пальцах, Бонд едва унял дрожь. Глубоко затянулся и медленно выпустил дым.

— Так ваша настоящая фамилия Петаччи?

— Да, Витали — это сценический псевдоним. Так звучнее. А настоящей фамилии никто не помнит, я и сама о ней почти забыла. Как вернулась из Англии, стала Витали. Всю жизнь сменила, не только имя.

— А что же стало с вашим братом? Как, кстати, его зовут?

— Джузеппе. Хорошего человека из него, увы, не вышло, но летчик отличный; последнее, что знаю, — служит в Париже, получает кучу денег. Может, теперь успокоится. Я за него каждую ночь молюсь. Больше у меня никого нет, и, плох он или хорош, я его все равно люблю, понимаете?

Бонд ткнул окурок в пепельницу, кликнул официанта и ответил:

— Понимаю.

ПОДВОДНАЯ РАЗВЕДКА

В ржавые опоры полицейского причала бились черные волны; светила уже убывающая луна, и

под причалом лежала решетчатая тень. Констебль Сантос, огромный мускулистый негр, взвалил Бонду на спину акваланговый цилиндр, и Бонд застегнулся, стараясь не запутаться в ремнях. Еще на нем висел подводный счетчик. Он взял в рот резиновый мундштук, подвернул клапан так, чтобы воздуху поступало достаточно, потом вытащил мундштук и перекрыл воздух. Над водой разносились резкие металлические звуки из ночного клуба «Старьевщик» — музыканты играли на кастрюлях и сковородках. Будто паук-великан отплясывал на ксилофоне.

— Акулы сюда заплывают? — спросил Бонд.

— Бывает, что и акулы, но чаще барракуды. Да в гавани, сэр, эти твари ленивые, сытые — нажираются всяких отбросов. Покуда крови не учуют, не тронут. На дне тут грязь, бутылки, хлам, но сама вода прозрачная, чистая, и луна вон как светит, да и с яхты огни, вам будет видно — не заплутаете. Доплывете минут за 15. Пузырьков с борта не углядят — сегодня малость волнит. Хотя кому там и глядеть, что-то и на палубе никого, и в рулевой рубке...

— Ладно, я пошел, жди через полчаса. — Бонд поправил у пояса нож, закусил трубку. Открыл воздушный клапан, прошлепал ластами по влажному песку и вошел в море. Наклонился, окунул в воду маску (чтоб потом не запотела), надел. И, переступая пока по дну, привыкая дышать ртом, медленно тронулся. Скоро вода достала до подбородка, и он нырнул, заработал ластами, а руки прижал к бокам. Он спустился к самому дну, глянул на светящийся циферблат — 12.10 — и поплыл, мерно работая ластами.

Сквозь рифленую волнами поверхность проникал бледный лунный свет, и валявшиеся повсюду старые крышки, консервные банки, бутылки отбрасывали на серое дно тени. Небольшой коричневый осьминог почувал поднятую Бондом волну, тут же посерел и юркнул в укрытие — канистру из-под бензина. Черная тень Бонда летела по дну, и студенистые полипы, по ночам вырастающие, точно цветы, из песка, снова прятались. Укрывались, слышав волнение, и прочие мелкие ночные твари, зарывались в ил, уползали в раковины. Бонд вторгся в чужой мир, где живут загадочные, неведомые существа. И он вглядывался в этот мир внимательно, как исследователь. Так сохраняют спокойствие под водой: наблюдаешь за мирной живностью и уже не

думаешь о чудовище, что вот-вот вынырнет из серого зловещего тумана.

Скоро тело привыкло плыть, само делало свое дело, и Бонд, чтобы не сбиться с дороги, лишь подставлял луне правое плечо. Думал он о Домино. Она сестра летчика, который, может быть, и угнал самолет! Просто совпадение, и Ларго об этом не знает? Она же говорила искренне. Но все-таки к прочим полууликам против Ларго прибавляется еще одна. И как он хмурился при слове «спектр»... Только ли испугался сглаза? Трудно сказать. Явных улик почти нет, но не таков ли айсберг — над водой холмик, а под водой целая глыбища? Сообщать ли в штаб? И что именно? Как показать, что он и сам еще сомневается?

Древнее животное чутье в человеке в обыденной жизни дремлет, но в минуту опасности само по себе просыпается. Бонд плыл спокойно и думал о своем, а чувства, помимо его воли, обострились, сторожили врага и вдруг скоординировали: «Внимание, опасность!»

Бонд напрягся, схватил нож и обернулся направо — именно направо, так подсказывало чутье.

Барракуда, если она достаточно велика, — опаснейший морской хищник. Туловище у нее гладкое, серебристо-стальное, вытянутое, точно снаряд; пасть раскрывается чудовищно широко — под прямым углом, как у гремучей змеи; хвост огромен, могуч, в скорости, мощи и свирепости с барракудой сравнятся не многие. Такая и вынырнула сейчас из серого, скрывающего даль тумана и поплыла как раз по его границе, в одну сторону с Бондом. Она явно охотилась — на боку видны широкие продольные полосы, тигриный чёрный с золотом глаз внимательно и бесстрастно смотрит на Бонда; пасть приоткрыта, и в лунном свете посверкивают острейшие зубы. Барракуда отрывает от жертвы громадный кусок, заглатывает, рвет следующий...

В животе у Бонда сжалось, по телу пробежала дрожь. Он осторожно глянул на часы — до яхты плыть еще минут пять. Резко развернулся и, целя в легкие, пугнул барракуду ножом. Та лениво махнула хвостом и отплыла подальше, но не отстала, а так и следовала за ним, неотвратимо, неспешно, должно быть, решала, что ухватить вначале — плечо, ногу?

Главное — не выдать страха, вспомнил Бонд, барракуда чувствует труса, как собака и лошадь. Вести себя спокойно, уверенно, двигаться равномерно и ритмично,

не дергаться, не спешить. В подводном мире суетится и мечется лишь слабый, беззащитный. И Бонд плыл и плыл, не останавливаясь, мерно работал ластами, пусть барракуда видит — он сильный, неуязвимый.

Дно под ним изменилось, пошли заросли морской травы — она мягко и лениво шевелилась, точно густая шерсть под ветерком. У него закружилась голова. Среди травы чернели мячики мертвой губки — ее вывозили с острова, продавали. Поляна качалась, и по ней скользили две тени: неуклюжая, похожая на летучую мышь, и четкая, пикообразная.

Впереди показался целый отряд мелкой серебристой рыбешки: рыбки висели рядами, густо и неподвижно, точно привязанные друг к другу — так их и сносило течением. Когда пловцы приблизились, рыбки мгновенно в двух местах расступились, и каждый поплыл в своем широком коридоре. Сквозь серебристое облако Бонд взглянул на барракуду. Та двигалась спокойно и равнодушно, хотя вокруг столько рыбы, так лисица, подстерегая курицу, не смотрит на кроликов. Бонд плыл как заведенный, не быстрее и не тише: только в размеренности его спасение, только так можно внушить преследовательнице, что он и сам силен, грозен. Рыбки сомкнулись за ними и снова замерли в привычном строю, как будто, выстроившись, могли себя защитить.

Огромный якорь лежал средь волнующейся травы, как чудовище, цепь от него терялась вверх, в тумане. Наконец-то! Бонд даже о барракуде забыл и поплыл вверх. Сейчас он увидит яхту.

Он поднимался медленно. Блеснуло ярко пятно луны на поверхности. Посмотрел вниз: барракуды нет, наверное, испугалась якоря и цепи. Вот в тумане наметилось и вытянутое днище яхты, и вот она повисла над самой головой, как громадный дирижабль. Неуклюже торчали сложенные крылья, казалось, что им тут не место. Бонд ухватился за правое, огляделся. Слева поблескивают два мощных винта, как будто лишь на минутку стали и вот-вот дернутся, закружат вихрем. Бонд медленно двинулся к ним, посматривая вверх, на крутой бок яхты. И там... Он затаил дыхание. Край подводного люка! Подплыл поближе, прикинул: большой, в диаметре футов 12. Наглухо задраен. Включил счетчик, поднес к стальной обшивке, и стрелка дрогнула, отклонилась, но совсем немного — Лейтер предупреждал, что

она среагирует на мотор, на стальной корпус. Бонд выключил счетчик. Нет так нет. Пора в обратный путь.

Он услышал щелчок у уха, и тут же волной ударило в левое плечо. Он машинально отпрянул от яхты и увидел сверкающую стрелу, медленно опускающуюся на дно. Резко обернулся: человек в черном резиновом костюме вставлял в пневматическое ружье другую стрелу, резина блестела, как броня. Бонд бросился к нему, яростно заработал ластами. Но человек уже зарядил и поднял ружье. Не успеть! Бонд мгновенно затормозил и бросился стремглав вниз. Выстрела он не услышал, только задело ноги взрывной волной. Теперь вперед! Он поднырнул под стрелку, взмахнул ножом. Лезвие вошло глубоко, рукой он коснулся резинового костюма. Стрелок ударил его прикладом по голове и перехватил трубку акваланга. Задыхаясь, Бонд отбивался ножом, невыносимо медленно, как во сне. Кажется, попал: рука выпустила его трубку, но теперь ничего не разглядеть — по воде расплзается черное, тягучее, липнет к маске. Его еще раз ударили прикладом, и, морщась от боли, он отгреб немного в сторону, стал отчаянно тереть маску. Наконец очистил. Тягучее, черное клубилось из живота противника, но тот все же наводил ружье, с трудом, как будто весило оно тонну.

Стрелок висел вертикально, едва шевелил ластами и медленно опускался; так же плавно опускаются и поднимаются целлулоидные фигурки в Птолемеевой банке, если нажать на резиновую крышку. Бонд потряс головой, отгоняя обморок; ноги не слушались, и сдвинуться с места он не смог. Он разглядел зубы стрелки, впившиеся в мундштук, и вот ружье наведено Бонду в голову, в горло, в сердце... Он прикрылся руками и беспомощно, как перебитыми крыльями, пошевелил ластами.

Вдруг противника резко бросило вперед, он распахнул руки, точно для объятия, и выронил ружье, а из-за его плеча поползла черная кровавая туча... Он сумел еще обернуться: что там?

Позади стрелка длинной серебристо-голубой торпедой зависла барракуда; из пасти торчал кусок резины, а рядом расплывалось тонкое облачко крови — учуяла кровавой привкус в воде, оттого и напала.

Тигринными глазами она холодно глянула на Бонда, потом на медленно тонущего стрелку. Широко распах-

нула пасть и, дернув мордой, освободилась от резины, потом неспешно развернулась, вздрогнула всем телом и серебристой молнией бросилась вниз. С разгону вцепилась стрелку в правое плечо, яростно рванула и, с кровавым куском в пасти, чуть отплыла... У Бонда горячо подступило к горлу, но он сглотнул и, с трудом перебирая лапами, поплыл прочь.

Слева что-то шлепнуло по поверхности, и сверкающее яйцо проскользнуло, вращаясь, книзу. Бонд не сразу сообразил, и через секунду его крепко ударило снизу в живот и отбросило в сторону. От удара он немного ожид и поплыл быстрее — вперед и вниз. Еще несколько раз задело взрывной волной от других гранат, но бросали их, видимо, у самой яхты, там, где всплывала кровь, и волна доходила слабая.

Показалось уже знакомое дно: уютно колебалась трава, чернели среди зарослей мячики губок. Мелкая рыбешка косяками удирала от взрывов, и Бонд тоже прибавил ходу. Сейчас с яхты спустят шлюпку, нырнут; может быть, и не поймут, что у яхты был чужой, спишут на акулу. Интересно, сообщит ли Ларго в полицию, что у него погиб матрос? И как объяснить, зачем мирную яхту сторожили?

Бонд плыл из последних сил, голова раскалывалась. Осторожно ощупал — две здоровые шишки. На земле такие удары, конечно, свалили бы его, он и тут, под водой, едва не потерял сознание. Дышащая травяная поляна кончилась, и он в полубреду двигался теперь над бледной загадочной равниной, и пугливые жители поспешно зарывались в песок. Потом сбоку снова мощно ударило волной, и он очнулся: мимо неслась барракуда, она точно сошла с ума — дергалась, кувыркалась, изворачивалась и кусала хвост, судорожно зевала. И наконец исчезла в сером тумане, Бонду даже стало жалко эту морскую царицу, утеревшую покой и величие. Так жалко бывшего чемпиона-боксера: он вот-вот рухнет на ринг, но еще тычет слепо кулаками. Наверное, одна из гранат задела у барракуды мозг, повредила нерв, и теперь она обречена. Ее, двигающуюся неровно, рывками, приметит более крупный хищник — акула; поплывет вслед и, когда судороги чуть утихнут, с разгону врежется в жертву. Та не успеет увернуться, и акула тут же, в три молниеносных приема, заглотит ее: сначала голову, потом еще извивающееся туловище...

Занесенные илом покрышки, бутылки, банки — и вот

бшоры причала. Бонд доплыл почти до самого берега и стал на колени; на пляж выбраться он не мог — спину тянул акваланг, голову не поднять. Он устал, смертельно устал.

В ПЕЩЕРЕ КРАСНОГЛАЗЫХ

Бонд оделся, поблагодарил констебля и побрел к оставленной неподалеку лейтеровской машине. Доехав до гостиницы, позвонил Лейтеру, и они вместе поехали в полицию. По дороге Бонд все рассказал. Теперь уж точно нужно сообщить в штаб, а там — будь что будет. В Лондоне сейчас 8 утра, до назначенного срока остается чуть больше 30 часов. Прежде смутные подозрения теперь складываются в довольно четкую картину, и молчать дальше нельзя.

— А мы и не будем молчать, — решительно произнес Лейтер. — Я тоже сообщаю в ЦРУ и, более того, прошу прислать сюда «Манту», черт ее побери!

— Ты же кричал, что мы тут в игры играем, а теперь тебе атомную подлодку подавай? Что это с тобой?

— А то! Брожу я, понимаешь, по казино да приглядываюсь к пайщикам, к этим искателям сокровищ. Стоят там и сям кружочком и притворяются, что им очень весело — ах, какой остров, какие пляжи, и так далее. И притворяются скверно, одному только Ларго и можно поверить — тот разошелся вовсю. А остальные выделяются, как шпики в толпе, даром что в смокингах, сигары покуривают, шампанское попивают. Пьют, кстати, мало, бокал-другой, как будто напоказ. И все спокойные, бесстрастные, взгляд отсутствующий, думают о чем-то своем, словом, мы-то, старые сыщики, на таких нагляделись. Узнавать, правда, никого не узнаю. И вдруг смотрю, стоит такой соплячок большелобый в очочках и хмурится — ну точно монах, что зашел по ошибке в публичный дом. Эдак испуганно озирается, а подойдет к нему кто-нибудь из своих — краснеет и лепечет, как, мол, здесь роскошно обставлено и какая чудная компания. Прямо одними и теми же словами и шпарит — к нему несколько раз подходили, я слышал. Слоняется по залам, не знает, куда приткнуться. И как будто я его видел где-то, а вспомнить никак не могу. Помучился я, помучился да и спустился в вестибюль, подошел к служителю: так и так, встретил бывшего одноклассника, 100 лет с ним не виделись, и он меня тоже

признал, а я, хоть убей, не помню, как его зовут. Неудобно, мол, помогите.

Пошли со служителем в зал, я ему того соплячка показываю, возвращаемся, он роется в членских билетах и находит: Эмиль Траут, из Швейцарии, пайщик с «Летучей». Я как услышал, что из Швейцарии, сразу догадался. Помнишь Котце — физика из Восточной Германии? На Запад приехал лет пять назад и кучу секретов с собой привез? Ему хорошо заплатили, и он отправился жить в Швейцарию. Поклясться готов, Джеймс, это он самый и есть. Я его делом еще в ЦРУ занимался, громкое было дело. И что же знаменитый физик делает на «Летучей»?!

Они остановились у здания полиции, доложились дежурному сержанту и поднялись в радистскую.

— Что будем делать? — спросил Бонд.

— Как что, арестуем всех по подозрению!

— По подозрению в чем? Ларго вызовет адвоката, и всех тут же придется выпустить, у нас демократическая судебная система, ты не забыл? Ларго отведет все улики. «Хорошо, скажет, Траут — по-настоящему Котце. Но, господа, мы же ищем сокровища, нам был нужен опытный минералог. Этот человек предложил услуги и назвался Траутом. И ничего удивительного, он же скрывается, боится русских. Еще вопросы? Да, на яхте есть подводный люк, через него мы будем поднимать сокровища. Осмотреть? Если настаиваете. Прошу — костюмы для подводного плавания, подъемное оборудование, небольшой батискаф. Подводный стрелок? А как же — от любопытных отбою нет, а мы подходим к делу серьезно. Кстати, что мистер Бонд делал ночью под моей яхтой, он же приехал купить участок? Петаччи? Впервые слышу. Понятия не имел, что это настоящая фамилия мисс Витали...» — Бонд безнадежно махнул рукой. — И что у нас остается? Они ищут сокровища, и все тут; легенда сводит все улики на нет. А Ларго встает в полный рост и говорит: «Благодарю вас, господа, я могу идти, не так ли? Через час я покину гавань, а с вами еще свяжется мой адвокат — по поводу незаконного ареста и нарушения права владения. Желаю всяческих успехов!» — Бонд мрачно усмехнулся. — Нет, Феликс, арестовывать нельзя.

— А что же тогда? — нетерпеливо спросил Лейтер. — По ошибке подложим мину и отправим всех к праотцам?

— Нет. Просто подождем. — Лейтер поморщился, но Бонд остановил его жестом. — Смотри. Мы посылаем сообщение в штаб — очень взвешенное, осторожное, говорим, что нужна одна только «Манта», а то ведь целую дивизию пришлют. С «Мантой» мы сможем, не выдавая себя, следить за яхтой. Ларго нас пока не подозревает, считает, что не раскрыт, если, конечно, мы правы и он и в самом деле что-то скрывает... В этом случае ему очень скоро предстоит доставить бомбы к цели. Вот тут его и нужно брать — либо на яхте, с бомбами на борту, либо у тайника. Думаю, бомбы спрятаны неподалеку. «Защитник» тоже наверняка где-то рядом, на мелководье, замаскирован, конечно, но море спокойное, если он вообще здесь, заметим. Утром возьмем гидросамолет и полетаем вокруг, поищем. А сейчас дай отправим сообщение, а ответа дожидаться не будем, пойдем спать. Советую выключить в номере телефон. Представляешь, как забуллит на Темзе и Потомке?

Шесть часов спустя, ранним безоблачным утром, они приехали на Виндзорский аэродром, и команда обслуживания выкатила из ангара, прицепив к джипу, небольшой самолет-амфибию. Они забрались в кабину, Лейтер запустил двигатель, и тут на бетонированную дорожку выехал полицейский на мотоцикле.

— Взлетай скорее! — крикнул Бонд. — Это курьер!

Лейтер отпустил тормоза и направил самолет на полосу. Радио сердито заверещало. Лейтер внимательно оглядел небо — на посадку никто не заходил. Медленно потянул на себя ручку управления, и самолетик, разбежавшись по бетонной полосе, подпрыгнул и взмыл над низким кустарником. Радио по-прежнему верещало, и Лейтер его выключил.

Бонд разложил на коленях морскую карту. Они лежали на север, посмотрят группу островов возле Большой Багамы, ведь, может быть, именно там располагается цель для первой атомной бомбы. Они шли на высоте тысячи футов. В изумрудном прозрачном море сверкнули желтыми крапинками Мальковые острова.

— Видишь, какое море, все видно до самого дна, — сказал Бонд. — И «Защитник», конечно, давно заметили бы с любого пассажирского самолета, поэтому искать

надо вдали от трасс, вот, я отметил на карте. В ночь на третье «Летучая» вышла из гавани на юго-восток, но раз уж мы Ларго не верим, то не поверим и тут и поищем, наоборот, на северо-западе. Яхты не было восемь часов. Часа, скажем, два она стояла на якоре, пока из самолета вытаскивали бомбы, шесть двигалась со скоростью примерно 30 узлов: полчаса, маскируясь, — на юг, потом обратно — на север; значит, плыла пять часов. Получается, «Защитник» должен быть где-то между Большой Багамой и островами Бимини.

— А с Харлингом ты насчет «Летучей» говорил?

— Да. Его люди будут постоянно следить за ней а биноклями. К полудню она собирается вернуться на стоянку в Пальмиру; если отойдет и оттуда, а мы к тому времени не вернемся, на поиск яхты вышлют самолет. Комиссар необычайно разволновался, хотел было губернатору доложить. Не то чтобы струсил, ответственность на себя брать не хочет. Пришлось согласиться на премьер-министра, только тогда он решился подождать, не докладывать. Как думаешь, «Манта» когда придет?

— Сегодня к вечеру, — замаявшись, ответил Лейтер. — Джеймс, а не спяну ли мы ее вызвали? Утро вечера мудренее, и, сдается, с «Мантой» мы вчера поторопились. Атомная подлодка — это уж чересчур... Ладно, вот Большая Багама. Над ракетной базой летать, конечно, нельзя, а мы летаем. Ну, крику сейчас будет! — И он включил радио.

Они пролетели еще немного к востоку, вдоль красивого побережья; в глубине острова сверкали на солнце алюминиевые крыши низких строений, а среди них, как небоскребы, высились пики ракет — красные, белые, серебристые. В радио щелкнуло.

— Внимание, на борту! — сказали скрипуче. — Над ракетной базой летать запрещено. Немедленно поверните на юг! Вы слышите, на борту? Ответьте.

— Началось, — проворчал Лейтер. — Ладно, повернем, а то на аэродром сообщат, с них станется. Что надо, мы увидели: 100 миллионов здешний лом стоит, провалиться мне на этом пилотском месте! А от Нассау до базы каких-нибудь 100 миль, для «Летучей» пустяк.

— Внимание, на борту! — вновь проскрипело из радио. — Мы сообщим на Виндзорский аэродром, что вы пролетели над базой и не ответили на наш запрос. Продолжайте лететь на юг. Конец связи.

— А нам как раз и надо на юг, к островам Бимини, — сказал Лейтер. — Только бы мимо не промахнуть, это же какие-то кочки, а не острова. Ты смотри внимательнее, Джеймс, а не то до Майами долетим.

Через четверть часа блеснула россыпь небольших отмелей; они действительно едва выступали из океана. Вокруг мелководье — отличная посадочная площадка для «Защитника». Лейтер спустился пониже, закружил над островками. Вода была совсем прозрачная, светло-зеленая, и на фоне ослепительно белого песка Бонд различал крупную рыбу, темные коралловые кущи, водоросли. Тут, пожалуй, не спрячешься. На большем из островков — гостиница для любителей порывачить. С роскошных катеров и сейчас ловили рыбу; увидев самолетик, весело махали с палуб, а девушка, голышом загоравшая на крыше каюты, поспешно прикрылась полотенцем.

— А блондинка-то настоящая! — крикнул Лейтер, и они полетели южнее, к Кошачьим отмелям, последним островкам группы Бимини. Здесь тоже рыбачили.

— Кой черт тут спрячется, — пробурчал Лейтер. — Рыбаки бы давно нашли.

— А ну-ка еще южнее, — попросил Бонд. На карте за Кошачьими было еще несколько безымянных крапинок. Прозрачные воды сгустились до синевы, а потом посветлели вновь. Ничего — слепящий песок, кораллы. Лишь кружат три акулы.

Они пролетели еще дальше, вода потемнела, и Лейтер сказал угрюмо:

— Пусто. Впереди — остров Андрос, там полно народу, и самолет обязательно услышали бы. — Он посмотрел на часы. — 11.30. Куда теперь, Ястребиный Коготь? Топлива осталось на два часа.

Что-то мешало Бонду сказать «домой». Что-то вертелось в голове... Акулы! Откуда они на мелководье? Над чем кружат? Значит, есть тут для них добыча, а не только песок и кораллы.

— Вернись-ка немного назад; Феликс, — велел Бонд. — Не может быть, чтобы было пусто.

Лейтер круто развернул самолет, до предела сбавил обороты, и они заскользили совсем низко над водой. Бонд открыл дверцу, высунулся и навел бинокль. Вот и акулы: теперь две плавают на самой поверхности, даже спинные плавники торчат, а одна поглубже,

вцепилась во что-то, тянет... И тут меж пестрых камней Бонд углядел на дне абсолютно прямую линию.

— Еще раз над акулами! — крикнул он.

Самолет снова развернулся. Хорошо бы лететь по-медленнее! Но Бонд все-таки заметил и вторую линию, идущую под прямым углом к первой. Он шлепнулся в кресло и захлопнул дверцу.

— Феликс, садись там, где акулы. На дне «Защитник».

— Что? — Лейтер быстро взглянул на Бонда. — Попробуем сесть. Море сверкает, никак горизонт не поймает, черт его дерит.

Он отвел самолет подальше, направил вниз, и вот их легонько подбросило, и полозья заскользили по воде. Лейтер выключил мотор, и они стали как раз там, где нужно. Акул не спугнули: те невозмутимо проплыли рядом, равнодушно посмотрели — глаза у них круглые, розовые. Бонд взглянул сквозь вспоротую плавники поверхность. Конечно же пестрые камни нарисованы и песок нарисован! Ясно видны прямые края огромного брезента. Третья акула, ухватившись зубами за край, расшатала вбитые в дно клинья и пыталась теперь плоской мордой подлезть под брезент.

Бонд откинулся в кресле.

— Это точно «Защитник», замаскирован брезентом. Посмотри сам.

Лейтер перегнулся через него, стал всматриваться: «Что же делать, — соображал пока Бонд, — связаться по радио с комиссаром, пусть сообщит о находке в Лондон? Нет, нельзя, радист на «Летучей» наверняка прослушивает полицейскую волну. Пожалуй, нужно спуститься к самолету, выяснить, там ли бомбы, да прихватить с борта что-нибудь. А как быть с акулами? Убью одну, остальные набросятся на труп».

Лейтер отпрянул от окна.

— Вот это да! — заорал он и хлопнул Бонда по плечу. — Нашли-таки, а? В самом деле «Защитник», черт его побери!

Бонд вытащил «вальтер», проверил, заряжен ли, принял упор на левую руку и стал ждать. Первой приблизилась огромная молот-рыба. Она поглядывала вниз, поводила мерзкой сплюсненной мордой, выжидала добычу; темный ее плавник был расправлен — как всегда у насторожившегося хищника, — и рыбина мчалась, точно под парусом. Шкуру ее пробивает только

никелированная пуля. Бонд прицелился в самое основание плавника и спустил курок. Чмокнув, пуля вошла в воду, выстрел гулко раскатился вокруг, но молот-рыба плыла как ни в чем не бывало. Он выстрелил еще раз. Рыбина выпрыгнула над водой, шумно плюхнулась и, в пене и песке, заметалась, забилась. Но скоро стихла — пуля, видимо, попала в спинной мозг — и неуклюже поплыла, как и прежде, по широкому кругу; высунула морду, косо зевнула и на миг перевернулась, блеснув на солнце белым пузом; тут же как будто выправилась и пошла дальше по кругу — хвост машинально гнал вперед уже почти мертвое туловище.

Плывущая следом акула наблюдала. Потом рванулась вперед, догнала молот-рыбу и в последний момент свернула в сторону. Уверившись, что жертва беспомощна, акула приблизилась вновь, высунула из воды длинную коричневую морду, ринулась вниз и вцепилась молот-рыбе в бок. Помотала головой, как собака, и вырвала кусок жесткого мяса. Море замутилось кровью, из глубины вынырнула вторая акула, и еще двигающуюся жертву рвали теперь обе акулы.

Скоро жуткую троицу отнесло течением, лишь доносился издали плеск. Бонд отдал пистолет Лейтеру. — Я нырну. Акулы раньше чем через полчаса не вернутся, а если появятся, пристрели одну. Если нужно будет, чтобы я поднялся, стреляй прямо в воду, ударная волна до меня дойдет.

Едва разворачиваясь в тесной кабине, Бонд разделся, и Лейтер взвалил на него акваланг. «А как потом забираться? Наверное, и акваланг, и ласты придется бросить», — решил Бонд.

— Я бы тоже нырнул, — мрачно заметил Лейтер, — но с этим чертовым протезом плавать совсем не могу. Надо придумать что-нибудь...

— Все равно кто-то должен остаться наверху — смотри, как нас отнесло. Подай-ка назад.

Лейтер нажал на стартер и отвел самолет на прежнее место.

— Конструкцию «Защитника» знаешь? — спросил он. — Где лежат бомбы, взрыватели?

— Знаю, все рассказали. Ладно, я пошел. Не поминай лихом!

Бонд выбрался из кабины и прыгнул головой вниз.

Ближе к дну в воде так и сновали мелкие плотояд-

ные; перед Бондом, более крупным соперником, они нехотя расступались. Он подплыл к расшатанным акулой клиньям, выдернул два, проверил, висит ли у пояса нож, включил фонарь и скользнул под брезент.

Вода была такая грязная, что его — хоть он и приготавливался к этому — затошнило. Он покрепче прикусил мундштук и двинулся к самолету, висевшему как бы в центре гигантской брезентовой палатки. В свете фонаря блеснуло крыло; подле лежало что-то, покрытое живым ковром из крабов, лангустов, морских звезд. К этому зрелищу он тоже приготавливался. Стал на колени и с отвращением принялся за работу.

Скоро он счистил нарост. С изъеденных рук трупа снял золотые часы и браслет, на котором висела золотая пластинка с именем; под подбородком приметил глубокую резаную рану. Посветил на пластинку: «Джузеппе Петаччи. Номер 15932». Надел обе находки себе на руки и обошел кругом самолет — тот серебристо поблескивал, походил на огромную подводную лодку. Хвост сломан, — очевидно, при посадке. Он осмотрел весь корпус и через открытый запасной выход забрался внутрь.

В свете фонаря рубиновой россыпью сверкнуло множество красных глаз. Бонд повел лучом: самолет просто кишел мелкими красноглазыми осьминогами. Они, облепив весь пол, стены, суетливо копошились. Теперь они бросились врассыпную, зашевелили щупальцами; мгновенно подделались под цвет фонарного луча и, попрятавшись по темным углам, тускло мерцали. Он посветил вверх и вздрогнул: под потолком слабо колыбался труп одного из летчиков. Мертвец был тоже весь облеплен осьминогами — они свисали с него, как летучие мыши. Почувяв свет, они кометами срывались вниз, тошнотворно металась по самолету, зловеще сверкали красными глазками, забивались в углы, под сиденья...

Бонд постарался отключиться от страшной картины и принялся за поиски.

Он подобрал капсулу с красным ободком; пересчитал трупы; заглянул в бомбовый отсек и убедился, что он пуст; увидел вскрытую упаковку из-под взрывателей, искал в других местах — взрывателей тоже не было. Дел еще оставалось много: нужно бы снять с летчиков именные пластинки, поймать плавающий в кабине разбухший бортовой журнал, осмотреть приборы,

но в этой пещере у красноглазых он больше находиться не мог — нервы сдавали. Скользкие твари лезли ему на голые ноги, он то и дело стряхивал их. Он вылез через запасной люк и отчаянно, изо всех сил поплыл к узкой полоске света, к краю брезента. Судорожно втиснулся в щель, но акваланг запутался в складках, и пришлось пятиться, высвобождаться. Наконец он оказался в чистой прозрачной воде и рванул кверху. Уцепился за поплавки, содрал с себя ласты и акваланг, бросил в море. Они медленно опускались на дно, уносили на себе мерзкую слизь... Бонд с удовольствием прополоскал рот чистой соленой водой и ухватил протянутую руку.

ЖЕНЩИНА НА ОБЕД

Они приближались к Нассау. Бонд попросил пролететь над Пальмирой — посмотреть на «Летучую». Яхта стояла на том же месте, что и вчера, на палубе никого не было. Бонд залюбовался: так мирно стояла яхта, и стройные ее линии отражались в спокойных водах.

— Смотри-ка, Джеймс! — воскликнул Лейтер. — Видишь, вон там, на пляже, у залива, эллинг? А от его дверей до самой воды две полосы по песку? Странные они какие-то, глубокие. Что бы это прокатили, а?

Бонд навел бинокль. Действительно, две ровные глубокие полосы, оставить такие могло только что-то очень тяжелое. Неужели?.. У него перехватило дух...

— Давай скорее в Нассау, Феликс. Черт их знает, что они тут катили. Если то, что мы думаем, наверняка забросали бы след песком.

— А вдруг забыли? Надо бы все-таки съездить в Пальмиру, в этот притон, тем более что мистер Ларго любезно приглашал. Пожалуй, съезжу сегодня — от имени своего досточтимого клиента мистера Рокфеллера-Бонда.

В час они приземлились на Виндзорском аэродроме. Аэродромовское начальство уже с полчаса пыталось связаться с ними по радио, и теперь предстояло объясняться с комендантом. К счастью, подоспел губернаторский помощник: объявил, что губернатор санкционирует любые действия Бонда и Лейтера, им самим передал толстый пакет и повез их в Нассау в огромной губернаторской машине.

Из штаба, как и ожидалось, выговаривали за то, что агенты, отправив донесение, не дождались ответа; требовали новостей («Будут вам новости!» — пробурчал Лейтер); сообщали, что «Манта» прибывает сегодня в 17 часов. Интерпол и итальянская полиция подтвердили, что Джузеппе Петацци — брат Доминетты Витали; и все остальное, рассказанное ею о себе, тоже правда. Материалов на Эмилио Ларго ни в одной полиции нет, но фигура он известная, подозрительная и, возможно, мошенник высочайшего класса. О пайщиках больше ничего узнать не удалось, правда, сведения о них имеются лишь за последние пять-шесть лет, и в принципе не исключено, что сведения эти сфабрикованы СПЕКТРОМ.

Котце выехал из Швейцарии месяц назад в неизвестном направлении. Несмотря на все это, штаб операции «Гром» признает улики против Ларго пока недостаточными и намерен продолжать поиск и в других районах. На Багамские же острова, как важнейший район для принятия совместного командования над дальнейшими действиями агентов, сегодня в 19 часов на президентском «Боинге-707» прибывают военный атташе Великобритании в Вашингтоне кавалер ордена «За безупречную службу» бригадный генерал Фейрчайльд и ответственный секретарь комитета начальников штабов США контр-адмирал в отставке Карлсон. Встретить и ввести в курс дела. До прибытия указанных лиц Бонд и Лейтер должны ежечасно передавать в Лондон и Вашингтон подробные, совместно подписанные донесения.

Агенты молча обменялись взглядами.

— Джеймс, давай на донесения плюнем, а остальное просто примем к сведению, — предложил Лейтер. — Мы и так потеряли слишком много времени, ежечасно докладывать некогда. Поэтому сделаем вот что: я, так и быть, потружусь, передам последние новости, а в конце прибавлю: мол, из-за недостатка времени связь мы пока прерываем. Потом съезжу в Пальмиру как бы от имени клиента, погляжу на эллинг, на следы. В пять мы встречаем «Манту» и готовимся следовать за «Летучей». А орденосносцы и адмиралы пусть, сидя в правительственном доме, в картишки режутся, некогда нам их встречать да ублажать. Пойдет?

Бонд задумался. Ослушаться приказа ему пришлось в жизни не раз, но тут-то приказывают премь-

ер-министр и президент... С другой стороны, времени и правда нет — ни на встречу начальства, ни на ежедневные донесения. В крайнем случае его, Бонда, прикроет М. — тот всегда защищал своих агентов, представлялся под начальничий гнев.

— Пойдет, — согласился он. — Раз у нас будет «Манта», мы и сами управимся, не нужны нам командиры. Главное, выяснить, когда бомбы поднимут на борт яхты. Есть у меня одна мыслишка, не знаю, получится ли, возьмется ли Витали... Попробую уговорить. Ты езжай в полицию, а я в гостиницу зайду, позвоню Домино. Именную пластинку Петацчи я пока у себя оставляю. Увидимся около пяти.

В номере Бонд заказал бутерброд, двойной «бурбон» со льдом и уселся звонить: сначала полицейскому комиссару. Оказалось, на рассвете «Летучая» подошла к причалу, заправилась и ушла обратно в Пальмиру, стала на якорь. А полчаса назад, ровно в половине второго, с яхты спустили на воду гидросамолет, туда сел Ларго и еще кое-кто, и самолет улетел в восточном направлении. Комиссар сразу же связался с Виндзорским аэродромом, приказал отследить радаром, но самолет летел слишком низко и скоро затерялся над юго-восточными островами. Больше новостей никаких. В гавани готовы встретить подводную лодку. А что у Бонда?

Он уклончиво отвечал, что определенно говорить пока рано, но кое-какие новости есть, поэтому пусть аэродромовские наблюдатели сразу же сообщат, как только самолет вновь появится у «Летучей», это крайне важно. Лейтер как раз едет в полицию, не расскажет ли комиссар и ему то, что рассказал сейчас? А самому Бонду не даст ли какую-нибудь машину, любую, лишь бы на ходу?

Затем он позвонил Домино в Пальмиру.

— Джеймс? — живо откликнулась она, в первый раз назвав его по имени. — Как хорошо, что вы позвонили. Сегодня вечером яхта выходит за сокровищами — и меня берут, представляете? Но только это секрет, никому не рассказывайте! А когда вернемся, не знаю; Эмилио говорит, наверное, еще заедем в Майами. Так что вас к тому времени, вероятно, здесь уже не будет. Хотите поплавать со мной на прощание?

— Конечно. Где вы плаваете?

Она объяснила. Надо проехать чуть-чуть за Паль-

миру и свернуть к морю, дорожка выведет прямо на пляж, там еще стоит такая бамбуковая будочка, он не потеряется.

Принесли заказ. Уставившись в стену, Бонд пил, ел и думал о девушке. То улыбался — вспоминал, как они познакомились и мчались в машине по Бухтовой улице, то хмурился — ведь сейчас он атянет ее в такую скверную историю. Как было бы славно, не будь этой треклятой службы... Но к делу.

Он закатал в полотенце плавки, перебросил через плечо ремешок счетчика Гейгера и глянул в зеркало: ничем не примечательный турист с фотоаппаратом. Проверил, лежит ли в кармане браслет с пластинкой Петаччи, и вышел из номера.

Солнце жгло нестерпимо. Бонд еле доехал до пляжа — так накалилась машина. Безумно хотелось окунуться и долго-долго не вылезать из воды. Машину он оставил под казуарами и пошел к будочке. Бамбуковая, крытая пальмовыми листьями, она одиноко стояла на пляже, как хижина Робинзона Крузо. Внутри перегородка и два отделения для переодевания — «М» и «Ж». В женском ворохом лежала на скамейке одежда, стояла пара сандалий. Бонд переоделся и вышел на тесное полукружье пляжа.

Слепит белый песок, по обе стороны далеко в море выдаются скалы. Пусто. Море лишь у самого берега прозрачное, зеленоватое, а чуть подальше уже густосинее. Он в три шага прошел мелкую воду и нырнул, пронзив верхний нагретый слой, достиг глубинной прохлады. Блаженно остывая, задержался у дна, насколько хватило дыхания, потом вынырнул и лениво поплыл вдаль. Домино нигде не было видно. Минут через десять он повернул обратно. На берегу выбрал место по ровнее и улегся на живот, подложив под голову руки.

Вскоре он почему-то открыл глаза. И увидел в море тянущиеся к пляжу пузырьки. Они пересекли границу между темными и прозрачными водами, и вот зажелтел акваланговый цилиндр, сверкнула маска, за клубились черные волосы. У самого берега Домино полежала, потом, приподнявшись на локте, стащила маску и сердито крикнула:

— Эй, хватит спать! Помогите мне!

Он поднялся, подошел.

— Что с вами? Вообще плавать одной опасно, неужели акула укусила?

— Бросьте свои дурацкие шуточки. Я наступила на колючки, с аквалангом встать не могу — больно. Снимите-ка его с меня. — Она расстегнула пряжку на жилете. — А колючки вам придется вытащить.

Бонд снял у нее со спины акваланг, отнес в тень под деревья. Девушка уже сидела, разглядывая подошву правой ноги.

— Две, так глубоко вошли...

Он подошел ближе, стал на колени, посмотрел. Да, под пальцами чернеют две точки.

— Тут работы надолго, давайте отойдем в тень, — сказал он. — Но наступать на ногу нельзя, а то еще глубже уйдут. Я вас отнесу. — Он поднялся, протянул руки.

— Моряк из мечты! — засмеялась она. — Ладно, только не уроните.

Бонд наклонился и легко поднял ее, она обняла его за шею. Он постоял немного, посмотрел ей в лицо. «Да», — прочел он в лучистых глазах и приник к полуоткрытым губам.

Она ответила на поцелуй, потом медленно отстранилась и, переведя дыхание, сказала:

— Награда прежде работы?

— Не нужно было так смотреть, — ответил Бонд и понес ее через пляж в тень казуара, положил на песок. Она завела руки за голову, чтобы песок не попал в непослушные волосы, опустила веки; глаз теперь почти не было видно под густыми черными ресницами.

Обтянутые купальником треугольный холмик, высокая грудь... Он с усилием отвел глаза и хрипло приказал:

— Перевернитесь.

Она повернулась на живот. Бонд стал на колени и взял ее правую ступню — точно маленькую теплую птичку. Сдул песчинки и осторожно, как лепестки у цветка, раздвинул пальчики. Наклонился и стал высасывать колючки. Через минуту выплюнул крошечный кусочек.

— Так весь день провозимся. Если я посильнее надавлю — потерпите?

Она напряглась, приготовилась к боли:

— Да.

Он закусил подушечку вокруг черных точек, надавил и снова стал сосать. Она дернула ногу. Бонд оторвался, выплюнул кусочки колючек. На ступне белели

отметины зубов, а на месте двух точек выступили капельки крови. Он слизнул, под кожей еще чуть-чуть чернело.

— Никогда не ел женщин. Вкусно!

Она промолчала и снова дернула ногой — уже нетерпеливо.

— А вы молодцом, Домино. Сейчас, там еще на закуску осталось. — Он ободряюще поцеловал у пальца и принялся за работу.

Через несколько минут он выплюнул крошки.

— Все, теперь надо побережься, чтоб песок не попал. Давайте еще раз отнесу вас — наденете в будке сандалии.

Она повернулась на спину. На черных ресницах слезы — было все-таки больно. Она вытерла слезы ладонью и серьезно посмотрела на него.

— Впервые плачу из-за мужчины. — И потянулась к нему.

Бонд поднял ее на руки, но не поцеловал, а понес к бамбуковой будке. В какое отделение? Он зашел в мужское, сдернул со стены одежду и поставил Домино на рубашку. Она так и не сняла рук с его плеч, а он расстегнул ей пуговицу лифчика, тесемки скользнули с плеч...

СТИЛЕТ

Бонд приподнялся на локте и заглянул в красивое лицо: раньше волевое, властное, оно теперь смягчилось, разгладилось, точно оттаяло в ласках, на висках выступили капельки пота. Влажные ресницы распахнулись, и большие карие глаза удивленно уставились на него из своего далека. Она присматривалась к нему, разглядывала, точно впервые видела.

— Зря мы... — сказал Бонд.

Она засмеялась, ямочки на щеках углубились.

— Ты словно девочка после первого раза: боишься — вдруг будет ребенок, тогда маме придется рассказать.

Он наклонился, поцеловал сначала уголки рта, потом прямо в полуоткрытые губы.

— Пойдем поплаваем. — Он поднялся и протянул ей руки.

Она неохотно ухватилась и встала. Прильнула

к нему, потерлась, повела рукой по его животу. Он резко прижал ее к себе.

— Перестань, Домино, пойдем. Ты, кстати, не бойся, песок ноге не повредит, это я наврал.

— Я тоже наврала, будто мне с аквалангом из моря не выйти. Нога почти не болела. И колючки вытаскать я могла сама, как рыбаки делают. Рассказать?

— Да я знаю, — засмеялся Бонд. — Ну, быстро в море. — Поцеловал ее еще раз, отступил на шаг, полюбовался, запомнил. Разбежался и бросился в воду. Домино пошла следом.

Когда он выплыл, она уже одевалась в будке. Она шутила, смеялась за перегородкой, а Бонд отвечал односложно.

— В чем дело, Джеймс? — почувствовала перемену она. — Что-то случилось?

— Случилось. — Он натянул брюки, и в кармане звякнули мелочь, узкий золотой браслет с пластинкой. — Выходи скорее, нам надо поговорить.

Колючки они вытаскивали слева от будки, и теперь Бонду идти туда не хотелось, он сел справа, сцепил на коленях руки. Вышла и Домино, попыталась заглянуть в глаза, но он не сводил взгляда с моря. Она села рядом.

— Ты сейчас скажешь что-то плохое. Может, ты тоже уезжаешь? Давай, говори, не заплачу.

— Нет, Домино, я хотел поговорить о твоем брате. Она вздрогнула и сдавленно спросила:

— Что с ним?

Бонд вынул из кармана браслет, молча протянул.

Она взяла, едва взглянула на пластинку и отвернулась.

— Значит, он умер. Как это произошло?

— Я расскажу — история длинная и скверная. Я, видишь ли, здесь вроде как на службе, приехал по тайному заданию. Ты должна помочь мне, иначе погибнут тысячи людей. А чтобы ты мне поверила, я нарушил присягу и показал браслет.

— Так вот почему ты пришел и вот почему... Надеешься, сделаю теперь все, о чем ни попросишь? Ненавижу!

— Я пришел рассказать, что твой брат убит и что убил его твой друг Ларго, — холодно и ровно произнес Бонд. — А сразу не рассказывал, во-первых, потому

что ты была так весела, спокойна, и захотелось оттянуть тяжелый разговор, а во-вторых... Ты так прекрасна, я не смог удержаться. Хотя должен был. — Он помолчал. — А теперь, ненавидишь ты меня или нет, слушай внимательно. Ты поймешь сейчас, что в этой истории мы с тобой — ничтожнее песчинки... — И, не дожидаясь ответа, Бонд подробно рассказал все с самого начала, умолчал только о «Манте». — Но задержать «Летучую» мы можем, лишь когда бомбы поднимут на борт, иначе связи ни с потопленным самолетом, ни со СПЕКТРОМ не докажем, поиск сокровищ — прикрытие безупречное. Задержи мы яхту под любым предлогом прямо сейчас — СПЕКТР лишь отложит операцию, не более того. Ведь мы так и не знаем, где спрятаны бомбы. И если Ларго на гидросамолете сейчас полетел за ними, он обязательно свяжется с яхтой по радио и, в случае чего, оставит бомбы в прежнем тайнике или перепрячет; потопит где-нибудь на мелководье, а потом, легко отведя все обвинения, вернется за ними. Или же СПЕКТР вообще выведет «Летучую» из игры и пошлет за бомбами другое судно, самолет.

И все начнется по новой, только на этот раз сроку нам дадут, может быть, всего сутки, и условия придется принять. Пока бомбы у них в руках, покоя не жди. Понимаешь?

— Да. И что ты теперь будешь делать? — Девушка говорила по-прежнему сдавленно, тихо. Она посмотрела в упор на Бонда и как бы сквозь него, и глаза у нее мрачно сверкнули, прицелились. Для нее нет Ларго — умелого конспиратора, мелькнуло у Бонда, а есть убийца брата.

— Узнаю, когда бомбы поднимут на борт, — ответил он.

— Как узнаешь?

— Например, через тебя.

— Допустим, — сказала она спокойно, почти равнодушно. — Но как я это сделаю и как сообщу? Ларго не дурак. Он сглупил только раз — взял на такое дело любовницу. Жить не может без женщины, его хозяева этого не учли.

— Когда ты едешь на яхту?

— В пять. В Пальмиру придет за мной шлюпка.

Он взглянул на часы.

— Сейчас четыре. Вот держи, это счетчик Гейгера, возьмишь его с собой. Если покажет, что бомбы на

борт, ты, скажем, зайдешь в каюту и включишь свет. С берега за яхтой наблюдают. Потом бросишь счетчик в море.

— Нет, это не годится, — сказала она. — Днем в каюте свет зажигают разве что в глупых детективах. Давай так. Если бомбы там, я поднимусь на палубу, и с берега меня заметят. А если их нет — буду сидеть в каюте. Так Ларго ничего не заподозрит.

— Ладно, будь по-твоему. Но ты твердо решила?

— Твердо. Только бы сдержаться и не придушить Ларго на месте. Но я ставлю одно условие: его непременно должны убить потом. — Она говорила совершенно спокойно, буднично, словно заказывала билет на поезд.

— Нет, это вряд ли. Скорее всех приговорят к пожизненному заключению.

— Ладно, пусть так, — подумав, согласилась она. — Пожизненное заключение, пожалуй, похуже смерти. А теперь покажи, как работает счетчик.

Бонд показал. Она внимательно выслушала, а потом тихонько тронула его за плечо и тотчас отняла руку.

— То, что я тогда сказала... что ненавижу тебя... это неправда. Я просто сначала не поняла, да и откуда мне было? Такая жуткая история — до сих пор не верится. Ларго — преступник, убийца. Мы с ним на Капри познакомились, красавец, женщины так и льнут, и мне захотелось его отвоевать. Он рассказал про яхту, про сокровища. Все как в сказке! И я, конечно, согласилась. Да кто б отказался? Платить за сказку я была готова. А потом появился ты. — Она отвернулась к морю. — И сегодня, после того что произошло, я решила, что не поеду с Ларго, а останусь здесь и уеду с тобой. Ты бы взял меня?

— Взял бы. — Бонд потянулся, погладил ее по щеке.

— Но, оказывается, я все-таки должна ехать на яхту. И что теперь? Когда мы увидимся?

Этого-то вопроса Бонд и боялся. Он отсылал ее на яхту, подвергая двойной опасности. Ее мог заподозрить и тут же убить Ларго. С другой стороны, «Летучая» с бомбами сразу снимется с якоря, «Манта» бросится в погоню и, вполне вероятно, потопит яхту торпедой. Самый правдивый ответ был: «Никогда», но Бонд отказывался даже думать так.

— Увидимся, как только все кончится, я тебя сам разыщу. Но ты соглашаешься на очень опасное дело, подумай еще раз.

Она взглянула на часы:

— Сейчас половина пятого, мне пора ехать. Прощаемся здесь, до машины не провожай. И не волнуйся, на яхте я все сделаю хорошо. Пусть это будет, как стилет ему в спину. Иди сюда. — Она протянула руки.

Через несколько минут заурчал мотор, и ее машина тронулась. Бонд выждал, пока звук стих вдали, сел в свою и поехал следом.

Вскоре он увидел ворота из белого камня — въезд в Пальмиру; под ними еще клубилась дорожная пыль. Догнать, сказать, что не надо на яхту... Да он с ума сошел! Бонд стиснул зубы и промчал мимо. Путь его лежал к мысу Старого Форта — там, из гаража нежилого дома, наблюдают за яхтой.

Один наблюдатель, сидя на складном стуле, читал книжку, а другой, у окна, неотрывно смотрел в установленный на треноге бинокль; окно закрыто занавеской, оставлена лишь щелочка, и с яхты наблюдателя заметить нельзя. На полу стояла переносная рация в чехле цвета хаки. Бонд дал новые указания, потом по рации связался с Харлингом. Тот передал два сообщения от Лейтера. Во-первых, в Пальмире тот ничего подозрительного не обнаружил, в эллинге лодка с прозрачным дном и морской велосипед, который, видимо, и оставил следы, а во-вторых, «Манта» прибывает через 20 минут, и пусть Бонд подходит к причалу Принца Георга.

Обычные подводные лодки прогонисты и изящны. «Манта» же с виду была неповоротлива, тупорыла, нелепа. Она осторожно приближалась к причалу; ее огромный округлый нос был укутан брезентом — вдруг кто из багамцев подглядит устройство радара, — и не верилось, что такая толстобрюхая махина может идти, как утверждал Лейтер, со скоростью в 40 узлов.

— У капитана скорости ни за что не выпытаешь, — говорил он. — Там, на лодке, куда ни плюнь — все кругом засекречено, сколько толчков в сортире, и то

не добьешься. Сам увидишь, морячки на секретности малость двинулись, чихнуть уж бояться.

— А еще что-нибудь ты знаешь о «Манте»? — спросил Бонд.

— Кое-что знаю. Капитану мы, конечно, в этом не признаемся, но сотрудникам ЦРУ даже о секретных атомных лодках немного рассказывают. Иначе и агенту не растолкуешь, что ему выведывать, и сам его донесений не поймешь. «Манта» весит четыре тысячи тонн, экипаж около 100 человек, стоит примерно 100 миллионов долларов. Плыи на ней, сколько душе угодно, пока жратва да топливо не выйдут, — реактор заправляется сразу на 100 тысяч миль. На борту 16 вертикальных пусковых установок — две батареи по восемь — для твердотопливных ракет «Поларис». Дальность полета — 1 200 миль. Экипаж называет установки Шервудским лесом, потому что выкрашены зеленым, стоят, как деревья. Запускают ракеты прямо из глубины. Лодка на это время останавливается, замирает. По радио отслеживают ее местоположение, а при помощи специального звездного перископа ориентируются по звездам — эти сведения автоматически закладываются в ракету. Оператор нажимает на кнопку, и ракета выстреливается сжатым воздухом. При пересечении поверхности воды взрываются ступени с твердым топливом, и ракета летит дальше. Оружие будь здоров!

— А поменьше-то что-нибудь есть? В «Летучую», если придется, чем будут стрелять?

— Есть шесть торпедных установок и наверняка пулеметы. Только согласится ли капитан стрелять в безоружное гражданское судно, да еще по приказу двух штатских? Не говоря уже о том, что один из них — англичанин?

Огромная лодка осторожно коснулась бортом причала. Бросили конец, спустили трап, и из сдерживаемой полицейскими толпы приветственно закричали.

— Здравсьте, причаились, — сказал Лейтер. — А нам-то с тобой, Джеймс, и встретить нечем. Шляпу бы бросить — так нету шляпы. Я, пожалуй, поклонюсь, а ты уж изобрази реверанс.

СТАВКА СДЕЛАНА

Они поднялись по трапу на верхнюю палубу, а внутрь лодки спустились уже по настоящей лестнице. Тут было просторно и спокойно: тишина, стены мирно отблескивают бледно-зеленым, лишь под потолком, нарушая почти домашний уют, бегут яркие, разноцветные провода. Воздух приятно прохладен. Вслед за дежурным офицером они прошли всю лестницу донизу. Офицер повернул налево и постучал в дверь с табличкой: «Капитан П. Петерсен, ВМФ США».

Капитану было на вид лет 40. По-скандинавски крупный, короткие седеющие волосы, взгляд живой и мягкий, а подбородок тяжел, упрям. Он сидел за металлическим столом и покуривал трубку. На столе аккуратные стопки бумаг, пустая кофейная чашка, блокнот, в котором он только что писал. Капитан поднялся, пожал гостям руки, указал на два стула и обратился к дежурному офицеру:

— Стентон, принесите, пожалуйста, кофе, а эту радиограмму срочно отправьте. — Он вырвал из блокнота верхний листок и отдал офицеру. — Что ж, господа, рад видеть вас на борту. А вас, капитан Бонд, особо — как представителя английского военно-морского флота. На подводных лодках ходили?

— Ходил, — сказал Бонд. — Но только как ценный груз, я служил в разведке ВМФ.

— А-а, понятно, — засмеялся Петерсен. — А вы, мистер Лейтер?

— А я не ходил. Правда, была у меня когда-то собственная, управлялась резиновой грушей и трубкой. Жаль, в ванне было тесновато — так я лодку на полную мощность и не испробовал.

— Я свою и в море никак не испробую, только разгонишься как следует — стрелка уже на красной линии. Не дают нашему брату моряку разгуляться. Ладно, рассказывайте-ка, что тут у вас. Меня забрасывают совершенно секретными и сверхсрочными радиограммами. После Кореи такого не было.

Лейтер принялся рассказывать. Через десять минут Петерсен откинулся в кресле и стал рассеянно выколачивать трубку.

— Ничего себе история. Но, между прочим, я бы в нее поверил даже и без министерских радиограмм, что-то в этом роде просто должно было произойти,

Возьмите хоть меня. Я, Питер Петерсен, капитан атомного корабля, и на борту у меня 16 ракет. И взбреди мне в голову — наведу их отсюда, от этого жалкого песчаного островка, на Майами, и Соединенные Штаты, как миленькие, заплатят выкуп. Да такими ракетами можно в пыль разнести Англию! Рисуем мы все-таки страшно с этим атомным оружием. А как подумаешь, что на берегу жена, дети... Но это в сторону. — Он оперся руками о стол. — В нашем плане, господа, есть одна загвоздка. Вы, значит, считаете, что Ларго вот-вот прилетит на яхту и привезет с собой бомбы из тайника, по вашему рассказу похоже, что так оно и будет и девушка нам просигналиит. Тогда мы подойдем и либо арестуем яхту, либо топим, так? А если бомбы все же не привезут? Если сигнала не последует?

— Тогда до конца отпущенного срока, то есть 24 часа, будем повсюду следовать за яхтой, — невозможно ответил Бонд. — Это все, что позволяет закон. А выйдет срок, там уж правительства решат, как быть с «Летучей», с «Защитником» и со всеми остальными. Правда, может статься, к тому времени неизвестный доставит в моторной лодке бомбу к берегам Америки, и Майами взлетит на воздух. Или другой город в другой стране, ведь отвезти бомбы можно куда угодно. Что ж, значит, крышка нам, проворонили. А сейчас мы точно полицейский, который хочет предотвратить убийство, ходит за подозреваемым по пятам и даже не знает наверняка, есть ли у того пистолет. Вот вытаскивает, прицелился, тогда только полицейский и арестует. Верно, Феликс?

— Верно. Капитан, мы оба уверены, что Ларго связан со СПЕКТРОМ и что бомбу к цели поручено доставить ему. Поэтому мы и вызвали вашу лодку. И, кстати, бомбу конечно же будут перевозить ночью, а завтра истекает срок, и сегодня последняя ночь; вы готовы к выходу? Или еще, так сказать, атомные пары разводить?

— Подготовка к выходу — пять минут. Меня тревожит другое. — Капитан покачал головой. — Не знаю, сможем ли мы следовать за «Летучей»...

— То есть как? Неужели не догоните? — Лейтер махнул протезом прямо у капитанского лица и, спохватившись, опустил руку на колени.

— Догнать-то догоним, — улыбнулся Петерсен. —

На хорошей трассе. Но вы забываете, что в этом районе полно отмелей. Взгляните-ка сюда. — Он указал на морскую карту на стене. — Видите, сколько цифр? В глазах рябит. Это отметки глубин по мелководью. Следовать за яхтой мы сможем, только если она пойдет над глубокими местами — по Атлантическому языку, Северо-западному или Северо-восточному морскому пути. А пойдет по мелководью — тогда, как выражается капитан Бонд, крышка. Там всего-то от трех до десяти морских саженей. Ну, допустим, мне надоело служить во флоте, я подкупаю штурмана, выбрасываю эхолот за борт и веду лодку над десятью саженями. Так ведь будет ли еще и десять? Карту 50 лет назад составляли; отмель за это время сдвинулась. А яхте на подводных крыльях, конечно, все равно, у нее осадка едва ли сажень. Так что, господа, если по мелководью — уйдет от нас — и точка. Может, связаться с министерством ВМФ, вызвать прикрепленные к вам истребители-бомбардировщики, пусть они и сопровождают яхту?

Бонд с Лейтером переглянулись.

— Ночью на яхте не зажгут бортовых огней, — сказал Бонд, — и самолеты ее потеряют. Или все-таки вызовем, а, Феликс? Хоть последят за американским берегом. А мы, как только «Летучая» отплывет, пойдем по Северо-западному пути, к Багамской ракетной базе, будем считать, что она и есть цель для атомной бомбы.

Лейтер левой рукой взлохматил белобрысую шевелюру.

— Ах, черт... Ладно, самолеты так самолеты! Давай! Уж «Манту» вызвали, что теперь скромничать! подумаешь, эскадрилья какая-то...

Включилась внутренняя связь.

— Говорит дежурный. Курьер из полиции к капитану Бонду.

Петерсен нажал кнопку на столе и произнес в микрофон:

— Пропустите. Экипажу подготовиться к отплытию. — Он выключил микрофон и повернулся к Бонду. — Как, вы говорите, зовут девушку — Домино? Домино, мы ждем хороших вестей!

Открылась дверь, и вошел капрал. Простучал каблуками по стальному полу и протянул Бонду конверт. Джеймс взял, распечатал, пробежал карандашные

каракули Харлинга и как бы равнодушно прочел вслух:

— «Самолет вернулся в 17.30 и взят на борт. В 17.55 «Летучая» вышла на полной скорости на северо-запад. Девушка не появлялась, повторяю, не появлялась на палубе».

Бонд взял у капитана листок и написал ответ:

«Манта» выходит за яхтой по Северо-западному пути. Через министерство ВМФ вызвана эскадрилья истребителей-бомбардировщиков для патрулирования вдоль побережья Флориды. «Манта» будет поддерживать связь по радио с Виндзорским аэродромом. Прошу ознакомить с этим сообщением губернатора, а по прибытии — контр-адмирала Карлсона и бригадного генерала Фейрчайльда».

Он сам расписался и дал расписаться капитану и Лейтеру. Вложил листок в конверт и отдал капралу. Тот живо развернулся, простучал каблуками, вышел.

Петерсен включил внутреннюю связь и отдал приказ к отплытию, курс северо-западный, скорость десять узлов, без погружения. Через мгновение все ожило: залился боцманский свисток, по коридору забежали, где-то вдали металлически заскрежетало, и лодка вздрогнула.

— Что ж, господа, вперед, — безмятежно сказал капитан. — Я, правда, человек тихий, гонять очертя голову не люблю, но за вашей «Летучей» — с удовольствием. А теперь давайте напишем запрос в министерство.

Бонд машинально составлял фразы для запроса, но думал о другом — о комиссарском сообщении, о Домино. Скверно! Видимо, самолет не доставил бомбы, и тогда какого же дурака он сваял и с «Мантой», и с бомбардировщиками! Прицепились к «Летучей» — и ведь почти без доказательств! А вдруг она ни при чем, и СПЕКТР пока спокойно делает свое дело. Нет, вряд ли — слишком все гладко у этих искателей сокровищ, будто нарочно придумано. Но почему самолет не привез бомбы? Или все-таки привез, хоть Домино и не вышла на палубу? И еще: верно ли Бонд определил цель? Ведь «Летучая» идет на запад от Нассау, к Мальковым островам, а там недалеко и Майами. А может, и так: яхта пройдет на запад миль 50, круто повернет к северу, пройдет по мелководью, где ей не страшна погоня, и окажется на Северо-

западном пути — прямо к Большой Багаме, к ракетной базе.

Время покажет, дали они с Лейтером промашку или нет, а пока они окончательно сделали ставку в этой безумной игре. Поверни яхта, уже с бомбами на борту, на север, к ракетной базе, — и «Манта», пройдя по Северо-западному пути, ее перехватит.

Но если они поставили на верную карту, почему тогда не вышла на палубу Домино? Что с ней?

ЖАР И ХОЛОД

«Летучая» мчалась, точно торпеда, глубоко вспарывая темные недвижные воды. В просторной каюте Ларго было тихо, лишь приглушенно гудел мотор да тонко позвякивали бокалы на полке. Иллюминаторы были задраены, но яркого света все равно не зажигали, и под потолком, покачиваясь, тускло горел красный маячный фонарь. В полумраке за длинным столом сидели 20 фигур, на лицах плясали кроваво-дымные тени, и казалось, что это черти присели посоветоваться в аду.

Во главе стола — Ларго. В каюте прохладно, но лицо его поблескивает от пота.

— На судне чрезвычайное происшествие, — сдержанно, скрывая тревогу, заговорил он. — Полчаса назад Семнадцатый увидел на колодезной палубе мисс Витали с фотоаппаратом в руках. Когда Семнадцатый подошел ближе, она навела фотоаппарат на Пальмиру, но крышки с объектива не сняла. Семнадцатый заподозрил неладное и доложил обо всем мне. Я спустился за мисс Витали, повел ее в каюту.. Она сопротивлялась, вела себя и в самом деле подозрительно. Пришлось применить жесткие меры. Я внимательно осмотрел фотоаппарат: в нем оказался счетчик Гейгера, и стрелка, естественно, показывала 500 миллирентген. Я привел мисс Витали в сознание и потребовал объяснений, но она отказалась отвечать. В свое время она заговорит, а пока я снова оглушил ее и привязал к койке. Второму о происшествии я уже доложил. — И Ларго умолк.

За столом возбужденно заговорили.

— И что же сказал Второй? — нетерпеливо спросил Четырнадцатый, немец.

— Что пугаться нечего, сейчас все поставлены на ноги, и агенты разведывательных служб замеряют радиацию повсюду. Вероятно, и багамским полицейским было приказано проверить стоящие в гавани суда. Витали подкуплена. Еще он сказал, что нужно только доставить бомбу к цели — и дальше мы в безопасности. Наш радист постоянно прослушивает каналы связи между Нассау и американским берегом, и поток сообщений не увеличился, все тихо. Это значит, что район подозрений не вызывает, иначе бы связь и с Вашингтоном, и с Лондоном заметно оживилась. Таким образом, операция продолжается. Витали мы уберем.

— Но сначала нужно как следует допросить. Хотелось бы точно знать, что после операции за нами не потянется след, — сказал Четырнадцатый.

— Я допрошу ее сразу после нашего совещания. Сдается, что тут не обошлось без этих двоих — Бонда и Ларкина, — что поднимались вчера на борт. Не агенты ли? У Ларкина был фотоаппарат, как будто такой же, как у Витали. Нужно было мне с гостями быть поосторожнее, но очень уж был у них правдоподобный предлог... По возвращении в Нассау действовал осмотрительнее вдвойне. В полицию сообщим, что Витали утонула, подробности я придумаю. Откроют следствие, но наши показания, уверен, сочтут достаточными. А что до того, где мы были нынешней ночью, — предъявим монеты, будто бы добытые с затонувшего корабля. Ваше мнение, Пятый, можно ли поверить, что они очень долго пролежали в воде?

— Прокурор и суд, то есть неспециалисты, пожалуй, поверят, — рассудительно ответил Пятый, физик Котце. — Мы ведь предъявим настоящие дублионы и реалы начала XVII века, а золото и серебро, как известно, в морской воде почти не корродируют. К тому же я немного обработал их кислотой. Полагаю, что не слишком придирчивую проверку они выдержат.

А спросят о месте обнаружения сокровищ, укажем лишь, что корабль лежит на глубине около десяти морских саженей, рядом с неотмеченным на карте рифом. Подробнее мы имеем право не отвечать. Не вижу, на чем нас можно подловить. Кстати, рядом с рифами часто бывают глубокие провалы, и почему бы мисс Витали не заплывать к такому провалу? Что-то случилось с аквалангом, она стала погружаться, исчезла, а эхолот в этом месте дал целых 100 саженей.

А как мы ее уговаривали остаться на борту!.. Нет, нырнула, как же — романтика! На больших глубинах часто тонут даже опытные пловцы. — Войдя в роль, Пятый беспомощно развел руками. — Бросились, конечно, искать, но там, на глубине, акулы. Сразу прервали подъем сокровищ и поспешили в Нассау. Такая трагедия... Вот и все. — Он решительно тряхнул головой. — И нечего особенно огорчаться по поводу счетчика. Полагаю, однако, что женщину нужно допросить пристрастно. Грамотного применения электричества человек не выдерживает, могу ли я предложить услуги? — и он любезно повернулся к Ларго.

— Благодарю, — не менее любезно отозвался Ларго; они как будто прикидывали, чем же лучше лечить от морской болезни. — У меня человек и без электричества не выдерживает. Но если случай окажется трудным, попробуем и по-вашему. — Ларго взглянул в затененные, с багровыми отблесками лица собравшихся. — А теперь коротко о последнем этапе операции. Сейчас полночь. С трех до пяти будет светить луна, вот в эти два часа нам и нужно уложиться. «Летучая» движется с юга к западным островам, это обычный морской подход к ним, и, если даже при нашем последующем отклонении в сторону цели нас засекут радаром с ракетной базы, решат, что мы просто сбились немного с курса. Ровно в три часа мы бросим якорь, и к месту закладки бомбы выйдут пловцы; пятнадцать человек выстраиваются клином, торпеда с прицелом в центре. Все выдерживают строй, ориентируются по синему фонарю у меня на спине. Потерявшиеся возвращаются на яхту. С этим ясно? Главное, следить, нет ли акул или барракуд. Еще раз напоминаю, что ружья стреляют шагов на десять, а целить нужно в голову или в позвоночник сразу за головой. Соберетесь стрелять — предупредите соседа, тот, если понадобится, даст дополнительный залп. Но в принципе должно хватить и одного попадания: стрелы отравлены, и в воде яд со стрелы вроде бы не смывается. Не забудьте только снять колпачок с острия, — веско добавил Ларго и хлопнул ладонью о стол. — Мы хорошо подготовились, и я верю в успех. Но все же тренировка — одно, а настоящее дело — другое, подводный мир смутит и смельчака. Поэтому будут выданы тонирующие таблетки, и вы взбодритесь, ощутите прилив сил и мужества. Ничего не бойтесь, случись неожиданность — не робейте. Вопросы?

Еще в Париже, при подготовке операции, Блофельд предупредал Ларго, что за русскими, бывшими смершевцами, нужно присматривать особо. «Они прирожденные заговорщики, — говорил Блофельд. — Но заговорщик всегда не уверен в соседи, подозрителен. Твоим русским только и будет заботы, как бы кто не сговорился против них самих — вдруг поручат самую опасную работу, выдадут полиции, убьют, обделят. Они легко напишут донос, оспорят приказ. И вообще за самым естественным и очевидным приказом они всегда подозревают какую-то скрытую, враждебную им причину, и в этом их постоянно нужно разуверять. Зато, когда подозрения развеяны, они выполняют все до точки, не щадя себя. Такие люди полезны. Но запомните: при прямом неповиновении с их стороны, при открытом сомнении в руководстве действуйте решительно и беспощадно. Семена недоверия всходят быстро, а внутренние дразги разрушают организацию вернее внешнего врага».

Заговорил Десятый, в прошлом знаменитый смершевец Стрелик. Он сидел недалеко от Ларго, по левую руку, но на него не смотрел, а обращался ко всем сразу. — Я вот думаю о том, что рассказал нам Первый, и говорю себе: все хорошо, все идет как по маслу. И еще говорю: операция тонко продумана, вторую бомбу взрывать не придется. У меня есть кое-какие документы, и по этим документам я вижу, что совсем рядом с целью недавно выстроена большая гостиница, а в округе живут еще и местные. По моим подсчетам, от взрыва первой бомбы погибнет примерно две тысячи человек. В моей стране гораздо большее беспокойство вызвало бы разрушение важной ракетной базы, но я учитываю, что на Западе гибель людей оценят очень серьезно и именно она заставит правительства принять наши условия и, таким образом, спастись от второй бомбы. — Десятый повысил голос. — Всего через 24 часа закончатся наши труды, и нас ждет богатая награда! И вот тут мне приходит в голову очень неприятная мысль. — Он нервно усмехнулся, его лицо озарилось алым отблеском и тут же погасло. — Мой долг — поделиться ею с вами, а если я в своей догадке не прав, заранее извиняюсь.

За столом мрачно молчали. Опытные заговорщики, все почуяли: Десятый бросает вызов Ларго. Но что же надумал русский, что скажет? Каждый изготовился — как только тайное станет явным — мгновенно переметнуться к сильнейшему.

— Скоро настанет момент, — продолжал Десятый, цепко вглядываясь в сидящих напротив, — когда 15 из нас будут там, в море, далеко от яхты, а пятеро останутся на борту. И в этот самый момент, — хитро сощурился он, — почему бы пятерым не сняться с якоря и не бросить остальных? — Между сидящими пробежал ропот, но Десятый жестом попросил тишины. — Нет, это невозможно, думаю я и, несомненно, все вы. Но каждый из нас имел дело с деньгами и знает, что очень большие деньги делают с человеком. А насколько же больше достанется 5, если 15 — как доложат потом Второму — разорвут в море акулы?

— Что же вы предлагаете, Десятый? — мягко спросил Ларго.

Тот впервые взглянул направо, но лицо Ларго то ярко выпыхивало, то затенялось, и выражения он не угадал.

— Я предлагаю, — сказал он твердо, — оставить на борту по одному человеку из каждой тройки. Тогда в море выйдут десять, но зато выйдут спокойно.

— Отвечаю коротко и ясно, Десятый, — не повышая голоса, сказал Ларго и выбросил вперед ручки. Сверкнул металлический ствол, и три выстрела подряд — прямо в лицо — почти слились в единой вспышке и едином громе. Десятый нелепо взмахнул руками, вздрогнул всем телом и, ломая стул, рухнул.

Дулом вверх Ларго поднес пистолет себе к лицу и с наслаждением, как тончайший аромат духов, вдохнул запах гари... Потом оглядел молчаливых свидетелей по обе стороны стола и тихо сказал:

— Совещание окончено. Прошу всех разойтись по каютам и еще раз проверить оружие и акваланги. Десятым займутся двое из экипажа. Все свободны.

Оставшись один, Ларго встал, потянулся и широко, хищно зевнул. Взял из буфета сигару «Корона», с отращением закурил. Вытащил из холодильника чашу с кубиками льда и отправился в каюту Домино Витали.

Вошел, запер за собой дверь. Здесь тоже был полумрак, горел лишь красный маячный фонарь под потолком. Домино лежала растянутая, точно морская звезда, — руки и ноги привязаны в углах койки к металлической раме. Он поставил на полку чашу со льдом и там же пристроил сигару — аккуратно, чтобы тлеющий кончик не испортил лака.

В глазах Домино плясал злой красный огонек.

— Ну что ж, моя милая, — начал Ларго, — мне было с тобой сладко и хорошо, но отплачу я другой монетой, тебе будет больно, очень больно. Вон видишь — сигара и кубики льда? Надо только знать, куда приложить кончик сигары, а куда лед — тут целая наука, и я, конечно, учен, и человек кричит от боли, а потом говорит чистую правду. Итак, кто дал тебе счетчик?

— Ты убил моего брата, а сейчас убьешь и меня, — процедила Домино. — Ну давай, развлекись напоследок, ты ведь и сам уже почти мертвец! Скоро наступит твой черед, и пусть тебе придется в тысячу раз хуже, чем нам, твоим жертвам.

Он коротко хохотнул и придвинулся ближе.

— Тогда приступим, милая. Торопиться нам некуда, и все-то у нас под рукой — и жар, и холод.

Он склонился над ней, завел два пальца за вырез платья и сильно потянул, разорвал сверху донизу. Отбросил в обе стороны обрывки и под мерцающим светом задумчиво оглядел ее. Подошел к полке, взял сигару и чашу со льдом, вернулся и поудобнее уселся на краю койки. Глубоко затянулся, стряхнул на пол пепел и склонился...

ПОГОНЯ

В штурманской рубке «Манты» было тихо. В поблескивающих алюминием красных кожаных креслах, как летчики в кабине самолета, сидели трое: один держал штурвал, двое шелкали клавишами, поглядывали на приборы. Бонда с Лейтером усадили на складные стулья подальше, так, чтобы не разглядели показаний приборов. Петерсен стоял рядом с оператором у эхолота, изредка оборачивался к ним, говорил что-то. Наконец подошел.

— Глубина 30 саженей, ближайшая отмель — в миле к западу, так что перед нами прямая дорожка к Большой Багаме. Идем быстро, через четыре часа будем на месте. Может, пока перекусим и поспим? На радарном экране теперь долго будут только Мальковые острова. А пройдем их, будем смотреть, не сорвался ли какой островок, не пошел ли, как и мы, на север. Это и будет «Летучая», и мы тотчас погружаемся — вы услышите сигнал тревоги. Тогда и подумаем, что делать дальше, — Капитан направился к лестнице. — Я пой-

ду вперед. Смотрите, не расшибите лбы, тут потолок низкий, трубы.

Они спустились следом за ним по лестнице, прошли коридором и оказались в выкрашенной в нежные розовые и зеленоватые тона столовой. Капитан повел их к дальнему столу, усадил в торце; матросы и офицеры разглядывали их, гражданских, с удивлением.

— Раньше на военных судах все красили серым, а сейчас видите? — Петерсен показал на стены. — Психологи говорят, от одного цвета глаз как бы устают, и настроение снижается, а ведь экипаж по месяцам в море. Без психологов военные теперь шага не ступят, советуются. Мы уж чем только экипаж не развлекаем: и кино, и телевидение, соревнования всякие, игры... Другого помещения нет, так что тут у нас и столовая, и клуб. Но, слышите, запахов никаких — ни из кухни, ни из моторного отделения. На лодке работает вытяжная система.

К ним подошел официант с меню.

— Мне запеченный окорок с томатным соусом, яблочный пирог, мороженое и кофе со льдом. Как в море выйдем, зверский аппетит разыгрывается! Моряку на суше и кусок в горло не лезет.

Бонд заказал яйцо в мешочке, гренки и кофе. Есть не хотелось. Капитанская болтовня немного отвлекла, но тревога не унималась. Верно ли они рассчитали, засекут ли радаром «Летучую»? Не попала ли Домино со счетчиком? Что с ней, жива ли? Зря он ее впутал. Он залпом выпил стакан воды со льдом, и капитан принялся подробно рассказывать, как дистиллируют морскую воду, замораживают кубиками.

Наконец, Бонд не выдержал.

— Простите, прерву вас... Я измучился: предположим, мы рассчитали верно, и у Большой Багамы нагоним «Летучую», а что дальше? Берем на абордаж, подбиваем? Как по-вашему?

Петерсен посмотрел недоуменно.

— По-моему? Да ведь операцией командуете вы, а я готов подчиняться, если при этом лодка не подвергается опасности. — Он улыбнулся. — Чрезмерной, я имею в виду. Впрочем, есть указание министерства ВМФ при необходимости пожертвовать и лодкой. На наш запрос из министерства ответили — против погони не возражают, подтверждают ваши права на командование, так что вам и карты в руки. Рассказывайте, что придумали,

Принесли ужин. Бонд поковырял в тарелке.

— Предположим, сейчас «Летучая» идет по мелко-водью на север, по ту сторону Мальковых островов, поэтому мы ее и не видим, а потом повернет к ракетной базе на Большой Багаме. Яхту, конечно, засекут радаром с базы, но это оживленный морской путь, и подозрений она не вызовет. Дальше на месте Ларго я сделал бы так: стал бы на якорь примерно в миле от берега, а бомбу выложил где-нибудь под самым берегом и включил часовой механизм. До истечения назначенного СПЕКТРОМ срока останется часов 12, ведь бомбу доставят к цели в 4—5 утра, и за это время Ларго успеет вернуться в Нассау или же вообще уплывет, и очень далеко. Но, думаю, он вернется в Нассау, расскажет, что ходил за сокровищами, и будет ждать очередных приказаний. — Бонд помолчал и отвел глаза. — Если не разговорит Домино.

— Нет, ее не разговоришь, — уверенно сказал Лейтер. — Она крепкий орешек. А даже и выдаст нас, Ларго просто ее прикончит да бросит за борт, а властям напоеет, что нырнула и подвел акваланг, или еще что-нибудь в этом роде придумает. Нет, в Нассау он вернется в любом случае. Чего ему бояться!

— Это еще посмотрим, каков он смельчак, — перебил Петерсен. — Скажите-ка лучше, капитан Бонд, как же именно Ларго доставит бомбу чуть не к самому берегу? На яхте он близко подойти не сможет, тут вы правы, но и на шлюпке тоже, ведь база охраняется — ходит сторожевой катер.

— На «Летучей» есть подводный люк, вот он и пригодится. Я думаю, есть и какой-нибудь подводный тягач с прицепом. Несколько пловцов погрузят бомбу и отвезут поближе к берегу. Иначе на что и люк?

— Логично, — помолчав, согласился Петерсен. — Когда же вступим в дело мы?

Бонд посмотрел ему прямо в глаза.

— Когда пловцы выйдут в море. Объявимся раньше — «Летучая» бросится наутек, бомбы за борт, и мы останемся с пустыми руками. А вот встретятся под водой их пловцы с нашими — другое дело; одну бомбу сразу перехватываем, а если вторая осталась на борту, топим яхту.

Петерсен глянул в тарелку, аккуратно уложил по обе стороны нож и вилку, поправил десертную ложечку и допил кофе. Поболтал бокалом, ледышки звякнули.

— Тоже логично. В экипаже десять лучших пловцов атомной флотилии, акваланги есть. Хуже с оружием — только кортики. Я вызову добровольцев. — Он помолчал. — А кто поведет?

— Я, — ответил Бонд. — Обожаю подводное плавание! И кое-что в нем понимаю, так что с пловцами я сам поговорю.

— А я, думаешь, буду пока окорок жрать? Ничего подобного, — обиженно пробурчал Лейтер и поднял протез. — Цепляю сюда ласт, и попробуй еще меня догони. Руки у меня, может, и нет, зато котелок получше твоего варит. Называется компенсация, понял?

Петерсен улыбнулся и встал.

— Не подеритесь только, герои. Я пошел, мне нужно поговорить с экипажем. Поспать сегодня, видимо, не удастся, я вам пришлю тонизирующих. — Он кивнул и вышел из столовой.

— Предатель ты, Джеймс, — не унимался Лейтер. — Сам, видите ли, поплывет, а верного друга побоку! Все вы, англичане, такие.

— Откуда я знал, что ты с ластом извернешься? Я думал, ты плавать не можешь, — смеялся Бонд. — А может, тебе твое железо и обниматься не мешает?

— Даже наоборот, — мрачно ответил Лейтер. — Только коснешься — и девушку просто не узнать. Ну, ладно, хватит шуточек. У нас еще много дел. Как построим пловцов? Как отличить своих под водой? Нельзя ли из кортиков сделать копья? Недодумаем — вря потеряем людей.

По внутренней связи раздался голос Петерсена:

— Внимание, экипаж! Говорит капитан. Сегодня по приказу министерства ВМФ мы примем участие в операции, равносильной боевой. Операция связана с риском для жизни. То, что я сейчас расскажу, строго секретно и не подлежит разглашению...

Бонд прикорнул на койке дежурного офицера, и разбудил его сигнал тревоги. По внутренней связи внятно повторяли:

— Приготовиться к погружению, приготовиться к погружению...

И вот койка заметно наклонилась, двигатель загудел по-новому. Бонд встал и пошел в штурманскую рубку. Лейтер был уже там,

Петерсен оторвался от радарного экрана.

— Похоже, вы не ошиблись. Вот яхта — идет на пять миль впереди, по правому борту. Скорость 30 узлов, бортовые огни потушены. Хотите посмотреть в перископ? Она здорово перелопачивает воду, след светится. Луны, правда, нет, но присмотритесь — заметите белое пятно.

Бонд приник к резиновым окулярам. Через минуту привык к темноте и в мягком колыхании волн различил светлое пятнышко. Он выпрямился.

— Каким курсом идет яхта?

— Тем же, что и мы, — к западной стороне острова Большая Багама. Мы погрузились и прибавили обороты, скоро догоним. Ведем ее и по гидролокатору, так что не потеряется. По прогнозу, будет слабый западный ветер, это нам на руку — в штиль при выходе из лодки вода заметно пузырится. А теперь познакомьтесь, это старшина Фаллон, ему поручено готовить пловцов. — Капитан обернулся к крепкому человеку в белых парусиновых брюках. — Все лучшие вызвались добровольцами, и Фаллон отобрал девятерых. Я освободил их от других обязанностей. Пойдите познакомьтесь с ними, вам ведь о многом нужно договориться. Сержант-оружейник заточит кортики и насадит на палки от метел — вот и будут копья; только за метлы вам, наверное, придется расписаться, а то оружейника потом интендант со свету сживет. Ну, кажется, все. Понадобится что-нибудь — обращайтесь прямо ко мне. — И он снова отвернулся к экрану.

Следом за старшиной Бонд и Лейтер прошли по нижней палубе через моторное отделение, потом через реакторную. Реактор — эта прирученная атомная бомба — бесстыдным перстом выпирал из обшитой свинцом палубы.

— Только у нас — сверхмощный и безотказный! Реактор второго типа... — Лейтер шутливо перекрестился.

— Старье. — Бонд непочтительно ткнул в перст носком ботинка. — У нас уже третьего...

Потом они оказались в ремонтной мастерской — длинной и низкой, набитой всяким инструментом. Странно было видеть тут сбившихся группкой матросов, уже раздетых, в плавках. В дальнем конце двое в серых комбинезонах работали за токарными станками, двигались заученно, точно роботы; станки были ярко освещены.

щены, а вокруг полумрак, и лезвия выбрасывали снопы голубых и рыжих искр. Некоторые пловцы уже были с копьями.

Фаллон представил Бонда и Лейтера, и Бонд попросил посмотреть копьё. Лезвие острейшее, надёжно прикручено к длинной и крепкой палке, на самом кончике выточены зубцы, как у стрелы. Он попробовал острие пальцем. Отличное оружие! Проткнет даже акулю кожу. Но у противника-то наверняка будут пневматические ружья... Бонд посмотрел на молодых загорелых матросов; золотистый загар сразу засверкает в лунном свете, да и они с Лейтером белокожие, заметные — так их всех издали перестреляют, пока они их копьем не станут. Он повернулся к Фаллону:

— На борту есть резиновые костюмы?

— Конечно, капитан Бойд, ведь приходится выходить и в холодную воду. Не все же мы под пальмами плаваем.

— Тогда выходим в костюмах. И каждому на спине напишите большой белый или желтый номер, чтоб своих отличать.

— Понял, — отозвался старшина. — Фонда, Джонсон и Бракен!

Скоро черные костюмы гигантскими летучими мышами распластались по стенам, и Бонд сказал:

— Матросы, мы идем в трудный подводный бой. Будут убитые. Никто не передумал? — Они только усмехнулись. — Отлично. Плыть нам четверть, а может, и половину мили. Будет довольно светло — выйдет луна, дно песчаное, белое. Идем так: я под первым номером впереди; за мной номер второй — мистер Лейтер; дальше, под третьим номером, — старшина Фаллон, а вы расходитесь треугольником, клином, как гуси. Каждый смотрит на номер идущего. Появится акула и подплывет слишком близко, нападайте втроем. Но не торопитесь, сама она вряд ли нападет, ведь мы плывем очень плотно. Нас запросто примут за одну здоровую рыбину, еще и расступаться будут. Осторожнее с копьями, держите крепче, прямо под лезвием. И самое главное — не суетитесь, плывите спокойно, бесшумно. Напасть нужно внезапно. У противника пневматические ружья, стреляют шагов на десять, но долго перезаряжаются. Нацелились в тебя — съежись, подбери ноги, пусть мишень будет поменьше. А после выстрела мигом бросайся на противника, коли. Таким копьем раз кольнешь — и готово.

Раненные заботятся о себе сами, санитаров не будет; стрелу из себя не вытаскивайте, наоборот, зажмите в ране. Отползите назад и ждите конца боя или выплывайте наверх. У старшины Фаллона сигнальная ракета — как начнется бой, он выстрелит, «Манта» всплывет и спустит спасательную шлюпку с вооруженным отрядом и корабельным врачом. Вопросы?

— Что делать, как только выйдем из лодки?

— Спускайтесь футов до десяти и занимайте место в строю. Старайтесь выйти потише, поаккуратнее, чтобы на поверхности было поменьше волнения.

— А как переговариваемся под водой, сэр? Ну там, с маской неладное...

— Большой палец вниз — «На помощь», вверх — «Понял» или «Иду», руку вперед — «Акула». Этого хватит. — Бонд улыбнулся. — Ноги вверх — «Каюк».

Матросы засмеялись.

Вдруг включилась внутренняя связь.

— Внимание, пловцам к люку. Повторяю, пловцам к люку. Надеть акваланги, приготовиться к выходу. Капитан Бонд, зайдите в штурманскую рубку.

Мотор умерил рев, еще постонал и смолк. Вздрогнув, «Манта» коснулась дна.

ПОДВОДНАЯ БИТВА

Сжатым воздухом Бонда выбросило из люка. Далеко наверху натянутую изнутри плену воды ртутно рябило, дергало. Значит, волнит, ветер есть! Мимо промчался вверх воздушный пузырь, снарядом прорвал сверкающую плену воды. Скоро в ушах сильно заболело, и Бонд заработал ластами, спустился немного и завис футах в десяти от поверхности. Внизу угрожающе чернело долгое тело «Манты».

А внутри ее горит свет, сотня матросов и офицеров ваяны каждый своим делом... У него поползли мурашки по коже. Тут из люка по нему будто выстрелили — оттуда в серебристых пузырьках воздуха выбросило Лейтера. Бонд посторонился и поплыл вверх. На поверхности, покачиваясь в волнах, он внимательно огляделся. По левую руку, примерно в миле от него, стояла на якоре «Летучая»; бортовые огни потушены, на палубе, кажется, никого. В миле к северу темнеет берег Большой Багамы и видно, как набегают на пляж мелкая волна. Над островом с огромных, тающих во тьме

вышек помаргивают красные сигнальные огни. Кое-где из воды выглядывают коралловые рифы, и Бонд выбрал один, повыше, как ориентир. Нырнул, снова завис на десяти футах, развернулся по выбранному ходу, как компасная стрелка, и, слабо перебирая ластами, стал ждать остальных.

Десять минут назад Бонд стоял в штурманской рубке, и, казалось, всегда невозмутимый Петерсен возбужденно восклицал:

— Все вышло в точности, как вы говорили! Несколько минут назад они стали на якорь, и гидролокатор отмечает странные шумы, словно бы в трюме у них кто-то возится. Похоже, и правда собираются выходить из подводного люка! Пожалуй, и вам с ребятами пора. Как выйдете, я выставлю антенну и докладываю в министерство, пусть предупредят ракетную базу, что, возможно, придется эвакуироваться. Потом мы поднимемся футов до 20, зарядим 2 торпеды и будем по перископу следить за яхтой. Старшине Фаллону я приказал в самое пекло не лезть и дал ему вторую сигнальную ракету. Ее он выпустит, если ваши дела будут плохи. Надеюсь, до нее не дойдет, но все же на всякий случай... После второй ракеты я подойду к яхте, выстрелю раз другой, возьму ее на бордаж, и тогда они у нас по-другому запоют, никуда эти бомбы от нас не денутся.— Петерсен сокрушенно покачал головой, взъерошил короткие жесткие волосы.— Положеньице! Будем выкручиваться, капитан Бонд.— И протянул руку.— Вам пора. Счастливого пути! Думаю, ребята не подведут.

Бонда тронули за плечо. Лейтер. Улыбнулся и выкинул большой палец вверх. Бонд оглянулся— пловцы выстроились неровным клином, побалтывая ластами. Он кивнул и неторопливо поплыл вперед; одну руку прижал к боку, другую, с копьём, к груди. Отряд дрогнул и, выравниваясь, потянулся за ним, обратился в огромного черного треугольного ската.

В резиновом костюме было жарко, он лип к телу, кислород тоже отдавал резиной, но Бонд не обращал на это внимания, он старался лишь двигаться ровно, не сбившись с направления.

Далеко внизу, куда не доставал даже пляшущий лун-

ный луч, белел песок, изредка попадались темные пучки морской травы. Вокруг же бледно мерцали стены огромного морского зала, тонули в плотном зловещем тумане — вот-вот вынырнет акулища, нацелится на непрошеного гостя... Бонд ничего не мог с собой поделаться — было страшно. Но никто не выныривал, и вот уже ясно вырисовывались кустики водорослей и песочная рябь; пловцы приближались к берегу, море мелело.

Он быстро оглянулся: грозно сверкая масками и лезвиями копий, отряд плыл за ним, взмучивая воду ластами. Только бы напасть внезапно! Подкрасться и броситься из-за рифа, из тени — никакой противник не устоит! Сердце у него весело забилося, но он тут же вспомнил о Домино: вдруг Ларго взял ее с собой, и вдруг именно она попадет под бондовское копье? Нет, чушь, ерунда! Она на яхте, в безопасности. Закончится бой, и они увидятся.

Впереди показалась низкая коралловая гряда, и он насторожился, вгляделся. Вон еще рифы, между ними снуют стайки рыб, и гибкие коралловые веера переплетаются, колышутся, точно волосы утопленницы. Он замедлил ход, и сзади на него натолкнулся кто-то — Лейтер или Фаллон. Бонд сделал рукой знак замедлить и поплыл потихоньку дальше, глядя вверх, — сейчас он увидит серебристый плеск волны вокруг выбранного ориентиром рифа. Ага, вон плещет, слева. Все-таки Бонд сошел немного с направления. Он подплыл ближе, дал знак остальным остановиться и стал подниматься вдоль рифа. Осторожно высунулся над волной и сразу посмотрел, здесь ли «Летучая». Стоит, теперь ярко высвеченная лунной, на палубе по-прежнему пусто. Он медленно повел взглядом по воде, обогнул риф, посмотрел в другую сторону. Ничего. Дрожит лунная дорожка, волны тихо бьют в коралловые гряды; четко виден берег, пляж. Вода между грядами не взбурлит, не вспенится, плещет непринужденно. Ну-ка, а там? В далекой лагуне меж коралловых вершушек вдруг вынырнула голова, сверкнула маской и скрылась.

У Бонда перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Он вырвал изо рта трубку и судорожно вдохнул. Хорошенько запомнил лагуну, снова крепко закусил трубку и тоже нырнул.

Отряд ждал сигнала, маски бледно мерцали. Бонд несколько раз выкинул палец вверх, и ближние пловцы понимающе ухмыльнулись. Он перехватил копье пони-

же, выставил вперед и помчался над низкими грядями.

Теперь только плыть поскорее да ловчее петлять между коралловыми скалами. Отряд рвался вперед, поднимал волну — мелкая рыбешка так и прыскала в сторону, водоросли заколебались сильнее, и, казалось, все море ожило. Через несколько минут Бонд дал знак замедлить ход и выстроиться к атаке и снова осторожно поплыл, до рези в глазах вглядываясь в серый туман. Вот они! В сумраке мелькнул один, другой... Бонд махнул рукой и, нацелив копьё, бросился наперерез.

Отряд приближался сбоку, и скоро стало ясно, что заходят они неверно. Спектровцы плыли быстро, как-то уж очень быстро... Только теперь Бонд заметил у каждого за спиной маленькие пропеллеры пневматических ускорителей. По прямой пловец с таким ускорителем передвигается в два раза быстрее, чем просто в ластах, и даже сейчас, петляя меж рифами, принавливаясь к ходу влекомого торпедой прицепа, спектровцы все равно явно опережали преследователей. «Ударить хотя бы в хвост! Лишь бы не заметили раньше», — твердил про себя Бонд. Как же их много... Он насчитал десять и бросил. И у каждого пневматическое ружье, запасные стрелы. Плохо!

Все ближе и ближе. Бонд оглянулся: прямо за ним идут шестеро, остальные растянулись рваной линией сзади. Спектровцы пока плывут спокойно, не оглядываясь. Но вот он поравнялся с последним рядом, накрыл тенью, и кто-то быстро обернулся, потом еще один. Бонд оттолкнулся ногой от кораллового выступа и ринулся вперед. Защититься обернувшийся не успел, копьё вонзилось в бок, и его швырнуло на соседа. Бонд метнулся следом, резко выдернул копьё, и раненый, уронив ружье, согнулся пополам. Бонд успел еще раз кольнуть в гущу тел, но стрелки уже всполошились и, прибавив обороты на ускорителях, бросились враспынную. Еще один схватился за лицо и судорожно погреб вверх, видимо, копьём ему раскололо маску. Тут стрела прорвала Бонду костюм на животе, и сразу стало мокро, то ли от воды, то ли от крови. Он увернулся от второй, но на голову ему обрушился приклад, правда, не очень сильно. Все же в глазах на минуту потемнело, и он беспомощно припал к коралловой гряде, помотал головой. Его матросы скользнули мимо, и вдали завязался бой; по воде потянулись черные кровавые облачка.

Бились на просторной площадке, обрамленной ко-

ралловыми обломками. В дальнем конце Бонд заметил серебристую торпеду с прицепом, на котором лежала огромная, обернутая резиной сигара. Рядом — несколько человек, и среди них выделяется мощный, высокий, конечно, Ларго. Бонд перевалил за гряду и почти над самым песком поплыл вокруг площадки. Но тут же увидел стрелка — притаившись за выступом, тот целился в кого-то. Лейтеру вцепился в горло другой спектровец; Лейтер отбивался протезом, но привязанный к руке ласт смягчал удары. Бонд ринулся вперед и с ходу метнул копье. Легкое, деревянное, оно в самый момент выстрела лишь слегка задело руку стрелка, но прицел сбило; стрелок развернулся и разъяренно кинулся на Бонда. Копья теперь не достать, и Бонд поднырнул и, как регбист, захватил ногу противника и дернул. Потом дотянулся до лица, сорвал маску. Ослепленный стрелок отчаянно поплыл вверх. Бонда тронули за руку. Лейтер — держится за трубку, лицо искажено. Ясно. Бонд обхватил его, мощно заработал ластами, заспешил наверх. Они вместе прорвали сверкающую пелену, Лейтер выплюнул перекрученную трубку и стал жадно глотать воздух. Надышавшись, сердито велел оставить его в покое и сию секунду нырять. Бонд поднял палец и повиновался.

Теперь он, крадучись, пробирался среди коралловых пиков — надо снова найти Ларго. Там и сям боролись; сверкало лезвие; поднимались пузырьки из оружейного ствола. Один раз он проплыл под матросом с «Манты» — тот лежал на самой поверхности, раскинувшись, лицом вниз. Волосы колыхались в воде, а не было на нем ни маски, ни акваланга, и рот мертво щерился... На дне валялись обрывки черной резины, стрелы. Он подплыл к краю площадки: прицеп по-прежнему стоял там, рядом два стрелка с ружьями наготове. Но Ларго нет. Бонд осмотрелся: луна теперь слабее, и туманные стены будто приблизились; узорная песочная рябь затоптана, смята борцами, и рыбешки в поисках пропитания снуют над взрытым дном, как грачи над пашней. Никого. Борцов разнесло попарно в разные стороны, и, чья берет, неизвестно. А что там, на поверхности? Скоро ли придет спасательная шлюпка с «Манты»? И что делать ему, Бонду, остаться здесь и следить за бомбой?

Задача решилась сама. Справа из тумана вдруг выскочила серебристая торпеда. Верхом на ней, в седле, скрючившись за небольшим плексигласовым щитком, си-

дел Ларго; в левой руке он ~~сжимал~~ два копья с «Манты», а правую держал на рычаге управления. Ларго подъехал к стрелкам и затормозил. Оба положили ружья, один взялся за муфту прицепа, а другой стал подтаскивать торпеду за руль. Они собираются увезти бомбу... Бросят на глубоком месте или спрячут где-нибудь. То же и со второй бомбой, которая на борту «Летучей». И все, никаких улик! Ларго скажет, что на них напали во время подхода к затонувшему кораблю. Да, были ружья на случай акул, и его люди отстреливались — откуда было знать, что это матросы с американской подлодки, а не соперники по поиску сокровищ? Снова сокровища, и снова ничего не возразишь!

Спектровцы все еще возились с муфтой, никак не могли прицепиться, и Ларго нетерпеливо оглядывался на них. Бонд прикинул расстояние, сжал в обеих руках по стреле и сильно оттолкнулся от скалы.

От одной стрелы Ларго успел повернуться, а другая лишь царапнула по аквалангу. Бонд ^{на}плывал прямо на него, тянулся к лицу, и Ларго выпустил копья и быстро прикрыл драгоценную дыхательную трубку руками. Правой он случайно задел рычаг управления, и торпеда вдруг рванула вперед и вверх, унося на себе сцепившихся врагов.

Драться по-настоящему было невозможно, и они беспорядочно молотили друг друга, и каждый отчаянно прикусывал резиновый мундштук. Но у Ларго были свободны обе руки, ведь он прочно сидел в седле, а Бонду приходилось еще удерживаться на торпедке. Уже несколько раз Ларго локтем бил его по лицу, и Бонд едва уворачивался, подставляя подбородок, спасал маску. Сам он свободной рукой доставал лишь до почек и вколачивал в загорелое мускулистое тело удар за ударом.

Торпеда выскочила на поверхность и, сильно задрав нос—Бонд перевешивал, помчала в открытое море. Бонд находился наполовину в воде, и вот сейчас Ларго развернется, схватит обеими ручищами... Бонд решил. Оседлал торпеду и стал сползать вниз, к самому рулю. Приподнялся, между ног просунул руку назад, ухватился за руль и перебросил себя через корму в воду. Только бы не под винт! Винт вращался совсем рядом, в лицо било от него волной, но зато Бонд чувствовал, что торпеда поддается под весом, вот-вот станет вертикально. Он рывком вывернул руль направо и разжал

пальцы, чуть не закричав от боли в суставах. А наверху Ларго резко выбило из седла, сбросило в воду...

Кончено! Торпеда для спектровцев потеряна, бомбу увезти не удастся. Теперь лишь бы остаться в живых, уйти от Ларго. Совсем нет сил... Бонд заставил себя нырнуть — спрячется в грядях.

Ларго неспешно нырнул следом, поплыл спокойно, размеренно. Бонд достиг дна и запетлял между рифами. Белая песчаная полоса под ним скоро разделилась на двое, он подумал и поплыл узким коридорчиком, между двумя коралловыми стенами. Там его и накрыла черная тень.

Ларго не стал протискиваться в коридорчик, а поплыл, выжидая, сверху. Бонд посмотрел на него, а тот ухмыльнулся, сверкнул зубами: никуда, мол, не денешься! Бонд сжал ослабевшие пальцы; нет, куда ему против Ларго, мощные жилистые ручищи скрутят его, как куклу...

Внезапно впереди высветилась лагуна, свободная вода, коридор обрывался. Назад не повернешь, слишком тесно, а плыть вперед — значит лишиться защиты рифов. Ловушка. Он остановился, стал на ноги. Пусть Ларго сам зайдет сюда. Бонд глянул: так и есть, противник скользнул поверху к лагуне и, окутываясь искрящимися воздушными пузырьками, опустился на песок лицом к Бонду, вытянул руки и двинулся навстречу. Шагов за десять вдруг посмотрел на коралловую стену, сдернул с нее что-то и еще раз вытянул руку — на ней извивалось теперь восемь пальцев. Осьминог! Ларго снова весело сверкнул зубами, на щеках прорезались ямочки. Свободной рукой он выразительно постучал по маске. Бонд нагнулся и подобрал замшелый камень. Когда залепляют маску осьминогом, очень противно, но и когда разбивают — не сахар. Осьминог — ерунда, только вчера Бонд бродил между сотнями; длинные руки Ларго — вот что страшно.

Ларго сделал один шаг, второй. Бонд попятился, чиркая аквалангом о стены, обдирая костюм. Ларго медленно наступал. Сейчас бросится...

Вдруг позади, в лагуне, мелькнула фигура. Свой? Нет, не в черном костюме, отсвечивает белым. Значит, враг.

Ларго ринулся вперед.

Целя острым камнем в живот, Бонд нырнул у него под руку, но тот ударил коленом в лицо и тут же

шмякнул в маску осьминогом. Потом ухватил обеими руками за шею и поднял перед собой, как ребенка.

Бонд ничего не видел. Скользкие щупальца облепили лицо, обвили мунштук трубки, потянули; кровь стучала в висках, горло сжимали все теснее, он терял сознание...

Медленно он опустился на колени. Как, почему? Неужели его выпустили? Он приоткрыл накрепко зажмуренные глаза и увидел свет. Осьминог, переползший на грудь, тотчас отлепился и перепрыгнул на риф. Впереди лежал и слабо сучил ногами Ларго, из шеи у него торчала стрела. А подле стоял некто — маленький, в руках пневматическое ружье, длинные волосы развеваются вуалью.

Бонд с трудом встал. Шагнул, но колени подогнулись и в глазах потемнело. Он прислонился к рифу, зубы у него чуть разжались, и в рот засочилась соленая вода. «Нет! Держись!» — приказал он себе.

Его взяли за руку. Но глаза у Домино были равнодушные, пустые. Что с ней? Бонд сразу пришел в себя. Тело у нее в крови, в каких-то пунцовых пятнышках. Надо подниматься, погибнут же оба... Он обнял ее и через силу зашевелил ластами; получилось, все-таки ноги слушаются. Еще немного, здесь же неглубоко. Вот и она заработала ластами, помогает.

Они вынырнули, легли распластавшись, и их ласково качнуло волной.

Бледное небо медленно разгоралось; день обещал быть славным.

«ОТДЫХАЙТЕ, МИСТЕР БОНД»

Феликс Лейтер зашел в палату — все в ней бело, стерильно-чисто — и тихонько прикрыл за собой дверь. Подошел к кровати, где в полудреме лежал Бонд, и спросил:

— Ну как ты, старик?

— Ничего, сплю все время.

— Доктор к тебе не пускает, но ведь надо же рассказать, чем дело кончилось!

— Валяй, — сказал Бонд равнодушно. Не хотел он про это слушать, вот если б ему рассказали про Домино...

— Я быстренько, а то доктор как раз делает обход, того и гляди, зайвится. Значит, так. Мы взяли обе бомбы! Котце, физик, выкладывает все, о чем ни спросишь.

Спектровцы-то, оказывается, ребята серьезные, боевики — из СМЕРША, мафии, гестапо. Тоже всех взяли, кто живой. Вот главарь, Блофельд его зовут, неизвестно где; радио на яхте замолчало, ну и смекнул, наверное. Вообще большая умница — у них в банке уже миллионы лежат, а работают всего пять-шесть лет. После этой операции СПЕКТР должны были распустить, и все бы шито-крыто... Цель для второй бомбы мы угадали — Майами.

— Что, все счастливы?

— Кроме меня. То прими сообщение, то отправь — от нас с рацией уже пар идет! Тебя, между прочим, тоже хорошая пачка шифровок дожидается. Слава богу, сегодня вечером прилетают чины из ЦРУ и вашего управления, вот пусть и расхлебывают, шевелят мозгами, что сообщить прессе; как быть с преступниками; лордом тебя сделать или лучше герцогом, а меня президентом, что ли, выбрать? Ну а нам с тобой не грех и отдохнуть, закатимся куда-нибудь. Слушай, а Домино-то какова! Вот девчонка молодец! Выследили ее со счетчиком, мучили, мерзавцы, — ни словечка не сказала. Потом как-то выбралась через иллюминатор, нашла акваланг, ружье — и в воду. Ларго прикончила, и тебя заодно выручила, вот тебе и «слабая женщина»! — Лейтер вдруг насторожился и мягко шагнул к двери. — Чертов доктор топает. Я исчез. — Повернул ручку, прислушался и выскользнул в коридор.

— Феликс, подожди! — отчаянно крикнул Бонд, но дверь уже захлопнулась. Свирепея, он уставился в потолок. Лейтер же не сказал главного — что с Домино, где она? Болтал целый час о пустом! А может, она... Бонд испугался.

Дверь отворилась, на пороге встал кто-то в белом, и Бонд подскочил на постели.

— Что с Домино? — заорал он. — Скажите, что с ней?

Стенгеля не зря почитали в Нассау — он и в самом деле был хорошим доктором. Ему, еврею, пришлось бежать от Гитлера, а то заведовал бы сейчас солидной клиникой где-нибудь в Дюссельдорфе. Но он заведовал багамской, впрочем, выстроенная богатыми пациентами, она была ничуть не хуже. С миллионеров брал дорого, местных лечил за гроши. Болезни богатой старости, слишком большая доза снотворного — к таким пациентам он привык; и вдруг привозят — с множественными ушибами, страшными рваными ранами, а в ране

еще и яд, ну точно со старинного побоища. Приказ губернатора, подписка о неразглашении... И доктор Стенгель не расспрашивал ни о раненых, ни о мертвецах: шестерых с американской подводной лодки и десятерых, включая самого владельца, с красавицы-яхты, так долго и мирно стоявшей в гавани.

— Мисс Витали вне опасности, со временем поправится, — спокойно ответил он Бонду. — Сейчас ей нужен отдых.

— Но что с ней?

— Ей нельзя было спускаться под воду, слишком большая нагрузка.

— Нельзя? Почему?

Доктор взялся за ручку двери.

— Вам тоже необходим отдых, вы переутомлены. Каждые шесть часов вам будут давать вот эти таблетки, договорились? Сон — прекрасное лекарство, мы вас быстро поставим на ноги. Главное — отдыхайте, мистер Бонд.

Где-то он уже слышал эту дурацкую фразу, сговорились все, что ли! Бонд вдруг разъярился, соскочил с постели и, пошатываясь, двинулся к Стенгелю.

— Что вы талдычите — отдыхайте, отдыхайте, черт бы вас всех побрал! Скажете вы мне или нет, что с девушкой?! Где она? В какой палате? — Он орал и даже тряс кулаками, но доктор и бровью не повел, знал, что сейчас подействует сильнейшее снотворное.

Наконец Бонд уронил руки и тихо спросил:

— Ну скажите же доктор, пожалуйста. Мне... нужно.

— Извольте, скажу. С мисс Витали обошлись весьма жестоко, у нее множество ожогов, и она очень мучится. А лежит рядом, в четвертой палате, можете зайти к ней, но буквально на минутку. Ей нужно уснуть, и вы тоже вернетесь к себе и ляжете, договорились? — Стенгель открыл дверь.

— Доктор... Спасибо, доктор. — Бонд вышел в коридор; ноги слушались плохо, кружилась голова. Он толкнул дверь соседней палаты и с нарочитой тщательностью, как пьяный, притворил ее за собой. Стенгель пошел по коридору. Ничего, пусть увидятся, этим двоим как раз и нужны нежный взгляд, ласковое слово.

Палата была совсем крошечная, на окне жалюзи, и всюду лежат узкие полосы света. Бонд подошел к постели и опустился на колени. Домино повернулась к не-

му, запустила ему в волосы руку и подтянула поближе.

— Ты никуда не уходи, — хрипло попросила она. — Останься, ладно?

Не дождавшись ответа, легонько потрясла его.

— Слышишь, Джеймс! Ты останешься тут.

Она почувствовала, как он дернулся, и разжала пальцы. Бонд соскользнул на коврик подле постели. Она осторожно приподнялась, посмотрела: он уже спал, подложив руку под голову, прядь волос упала на лоб.

С минуту она вглядывалась в резковатое, усталое лицо. Потом передвинула подушку на самый край — захочет, сможет еще посмотреть — и закрыла глаза.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИВИ И ДАЙ УМЕРЕТЬ!	Приключения агента 007	3
<i>Глава I.</i>	Очень важная персона	5
<i>Глава II.</i>	Встреча с мистером М.	12
<i>Глава III.</i>	Визитная карточка мистера Бига	19
<i>Глава IV.</i>	Главный коммутатор мистера Бига	29
<i>Глава V.</i>	«Негритянский раёк»	36
<i>Глава VI.</i>	Столик «Зет»	44
<i>Глава VII.</i>	Мистер Биг	51
<i>Глава VIII.</i>	«У вас нет чувства юмора, мистер Бонд!»	58
<i>Глава IX.</i>	Верить, не верить?	66
<i>Глава X.</i>	«Серебряный фантом»	74
<i>Глава XI.</i>	Allumeuse	82
<i>Глава XII.</i>	Пансионат «Эверглейдс»	90
<i>Глава XIII.</i>	Смерть пеликана	100
<i>Глава XIV.</i>	«Сначала они немного повздорили, а потом сожрали его...»	109
<i>Глава XV.</i>	Полночь среди червяков	118
<i>Глава XVI.</i>	Вариант «Ямайка»	129
<i>Глава XVII.</i>	«Хозяин-ветер»	138
<i>Глава XVIII.</i>	Пустыня Бо	144
<i>Глава XIX.</i>	Долина теней	149
<i>Глава XX.</i>	Пещера Кровавого Моргана	155
<i>Глава XXI.</i>	«Спокойной ночи вам обоим!»	163
<i>Глава XXII.</i>	Морской террор	170
<i>Глава XXIII.</i>	Любовный отпуск	180
ОПЕРАЦИЯ «ГРОМ»	185
«Отдыхайте, мистер Бонд»	186
Санаторий «Лесной»	191
«Дыба»	196
Месть	200
СПЕКТР	203
Чем пахнет фиалка	207
«Пристегните ремни!»	213
Закон джунглей	217
Братская могила	223
Яхта «Летучая»	230
Домино	236
Человек из ЦРУ	241
«Меня зовут Эмилио Ларго»	246
Мартини	254
Моряк из мечты	260
Подводная разведка	267
В пещере красноглазых	273
Женщина на обед	281

Стилет	286
Ставка сделана	292
Жар и холод	296
Погоня	301
Подводная битва	307
«Отдыхайте, мистер Бонд»	314

Флеминг Я.
Ф 71 Живи и дай умереть! Приключения агента
007/Пер. с англ. Т. Крамовой; Операция «Гром»/
Пер. с англ. Т. Тульчинской. Худож. М. Зане-
гин. — М.: Профиздат, Рос-Маркетинг, 1991. —
320 с.

Цена договорная.

Джеймс Бонд — ведущий агент британской секретной службы. Индекс с двумя нулями и лицензия на убийство дают ему особые привилегии. Он выбирает самые опасные задания — и только так ощущает полноту жизни...

Ф 4703010100—235
081(02)—91 Без объявл.

ББК 84.4Вл

Ян Флеминг

**ЖИВИ И ДАЙ УМЕРЕТЬ! Приключения агента 007.
ОПЕРАЦИЯ «ГРОМ»**

Редактор Г. В. Гольдина
Младший редактор И. П. Трубникова
Художник М. М. Занегин
Художественный редактор В. М. Блинов
Технический редактор Л. Н. Никитина
Корректоры З. А. Бетева, И. М. Козлова

ИБ № 3400

Сдано в набор 27.06.91.

Подп. в печать 23.09.91.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага тип. № 1.

Гарнитура литературная.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 16,8.

Усл. кр.-отт. 17,22.

Уч.-изд. л. 17,70.

Тираж 100 000 экз.

Заказ 446.

Цена договорная.

Ордена Трудового Красного Знамени ИПО ВКП СССР Проф-
издат, 101000, Москва, ул. Кирова, 13.

Типография ИПО ВКП СССР Профиздат, 109044, Москва,
Крутицкий вал, 18.

